

Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«ЮЖНЫЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Caucasian Science Bridge

2023 Vol. 6 № 4 (22)

Журнал «Caucasian Science Bridge»

является периодическим печатным изданием, публикующим оригинальные научные статьи по социологическим наукам

Журнал включен в перечень **ВАК МНУВО РФ** рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

Журнал принимает научные материалы по следующим научным специальностям: 5.4.4. Социальная структура, социальные институты и процессы (социологические науки), 5.4.6. Социология культуры (социологические науки), 5.4.7. Социология управления (социологические науки).

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира. Особое значение в деятельности журнала отводится исследованиям такого крупного макрорегиона, как Большой Кавказ, включающий Среднюю Азию, Ближний Восток и Черноморско-Каспийский регион.

Миссия журнала связана с созданием в его границах интеллектуальной и дискуссионной площадки для обсуждения актуальных проблем современной реальности и вовлечения молодых исследователей в социологическую науку.

Рукописи проходят двойное слепое рецензирование, рецензии хранятся 5 лет. Редакционная политика журнала основывается на рекомендациях международных организаций по этике научных публикаций: Комитета по публикационной этике – Committee on Publication Ethics (COPE), Европейской ассоциации научных редакторов – European Association of Science Editors (EASE).

Учредители: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Южный федеральный университет»; Общество с ограниченной ответственностью «ФОНД НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ».

Читатели и авторы могут ознакомиться с электронной версией выпусков бесплатно в разделе «Архивы», PDF-версии статей распространяются в свободном доступе по лицензии Creative Commons (CC-BY-NC-ND).

Периодичность: 4 раза в год.

Свидетельство о регистрации СМИ: ПИ № ФС77-72672 от 16 апреля 2018 г. ISSN: 2658-5820

Журнал зарегистрирован Роскомнадзором.

Адрес редакции и издателя: 344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160.

Журнал распространяется бесплатно.

The Journal "Caucasian Science Bridge"

is a periodical printed publication which publishes original scientific articles in Sociological Sciences

"Caucasian Science Bridge" journal is included in the list of **the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation** of peer-reviewed scientific publications, in which the main scientific results of dissertations for the degree of Candidate of Science and for the degree of Doctor of Science should be published.

Editors of the journal accept materials in the following scientific specialties: 5.4.4. Social structure, social institutions and processes (sociological sciences), 5.4.6. Sociology of culture (sociological sciences), 5.4.7. Sociology of management (sociological sciences).

The journal accepts for publication articles on topical problems of sociological science in the field of theory, methodology and history of sociology; the results of sociological research in the economic, political and socio-cultural spheres of life of both Russian society and other countries of modern world. Particular importance in activities of the journal is given to studies of such a large macro-region as the Greater Caucasus, which includes Central Asia, the Middle East and the Black Sea-Caspian region.

Mission of the journal is connected with creation of an intellectual and discussion platform for discussing topical issues of modern reality within its boundaries and involving young researchers in sociological science.

The journal is based on the model of the double-blind peer review. The reviews are kept for 5 years. Upon elaboration upon the principles of publication ethics, the editorial board of the journal has been guided by the recommendations of Committee on Publication Ethics (COPE), European Association of Science Editors (EASE).

The journal is published by Southern Federal University; FUND FOR SCIENCE AND EDUCATION. Readers and authors can acquaint with the electronic version of the journal issues free in the "Archives" (materials are available for download free of charge). PDF versions of scholarly articles of journal are in open access under the License Creative Commons Attributions – NonCommercial – NoDerivatives 4.0 International.

Publication Frequency: Quarterly (4 times per year).

The Mass Media Registration Certificate: PI № FS77-72672 from 16.04.2018. ISSN: 2658-5820

The journal is registered by Roskomnadzor.

Address of the editorial office and publisher: 160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344006, Russia.

The magazine is distributed free of charge.

Сдано в набор 01.12.2023. Подписано в печать 23.12.2023. Выход в свет 25.12.2023.

Печать цифровая, гарнитура Cambria.

Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 28,59. Тираж 550 экз. Заказ № 9323.

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции

Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ.

344090, г. Ростов-на-Дону, пр-т Стачки, 200/1, тел. (863) 243-41-66.

Главный редактор:

Дятлов Александр Викторович – доктор социологических наук, профессор,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,

Заместитель главного редактора:

Верецагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор; Ереванский государственный университет, г. Ереван, Армения

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Бобкова Елена Михайловна – доктор социологических наук, профессор, Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко, г. Тирасполь, Молдова

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Гетова Антоанета Георгиева – доктор социологии, Софийский университет Св. Климента, г. София, Болгария

Коцева Даниела – доктор социологических наук, доцент, университет «Гоце Делчев», Штип, Северная Македония

Леон Даниэль – доктор философских наук, научный сотрудник отдела международных отношений, Университет Грайфсвальда, г. Грайфсвальд, Германия

Мукомель Владимир Изявич – доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, г. Москва, Россия

Пенкова Стойка – доктор социологических наук, доцент, Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского, г. Пловдив, Болгария

Сериков Антон Владимирович – кандидат социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – доктор социологических наук, Международный языковой центр «ESZETT», г. Аннандейл, Вирджиния, США

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович – доктор философских наук, профессор; Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Илеуова Гульмира Токшалыковна – доктор экономических наук, кандидат социологических наук, Президент Центра социальных и политических исследований «Стратегия», г. Алматы, Казахстан

Клименко Людмила Владиславовна – доктор социологических наук, профессор; Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Ковалев Виталий Владимирович – доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, Дагестанский федеральный исследовательский центр РАН, г. Махачкала, Россия

Янкина Ирина Анатольевна – доктор социологических наук, доцент; Таганрогский институт управления и экономики, г. Таганрог, Россия

CAUCASIAN SCIENCE BRIDGE

Chief Editor:

Dyatlov Alexander Victorovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Deputy Chief Editor:

Vereshchagina Anna Vladimirovna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

EDITORIAL COUNCIL

Atanesyan Artur Vladimirovich – Doctor of Political Sciences, Professor; Yerevan State University, Yerevan, Armenia

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Bobkova Elena Mikhailovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Shevchenko Transnistria State University, Tiraspol, Moldova

Volkov Yuriy Grigorevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Getova Antoaneta Georgieva – Doctor of Sociological Sciences, Sofia University “St. Kliment Ohridski”, Sofia, Bulgaria.

Kotseva Daniela – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Goce Delchev University, Shtip, North Macedoni

Leon Daniel – Doctor of Philosophical Sciences, research fellow of the Chair of International Relations and Regional Studies, University of Greifswald, Greifswald, Germany.

Mukomel Vladimir Izyavich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS, Moscow, Russia

Penkova Stoyka – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Paisii Hilendarski University of Plovdiv, Plovdiv, Bulgaria

Serikov Anton Vladimirovich – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

Sukhomlinova Marina Valerianovna – Doctor of Sociological Sciences, International Language Center “ESZETT”, Annandale, Virginia, USA

EDITORIAL BOARD

Vodenko Konstantin Victorovich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor; Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

Guzenina Svetlana Valerievna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Ileuova Gulmira Tokshalykovna – Doctor of Economic Sciences, Candidate of Sociological Sciences, President of the Public Foundation “Center for Social and Political Research” “Strategy”, Almaty, Kazakhstan

Klimenko Lyudmila Vladislavovna – Doctor of Sociological Sciences, Professor; Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Kovalev Vitaliy Vladimirovich – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Shakhbanova Madina Magomedkalimovna – Doctor of Sociological Sciences, Dagestan Federal Research Center of RAS, Makhachkala, Russia

Yankina Irina Anatolyevna – Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor; Taganrog Institute of Management and Economics, Taganrog, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Осипов А.М.

Концепция бюрократизма: к пониманию менеджизма
как тупика управления и развития 16

Белехова Г.В., Жданова А.Э.

Особенности муниципальной публичной политики в субъектах
Северо-Западного федерального округа
(на примере Вологодской области и Республики Карелия)..... 24

Ракитина И.С.

Операционализация понятия «эффективность управления университетом»..... 42

Латушко Н.А.

Центр управления регионом как форма взаимодействия
региональных органов власти и населения
в современном цифровом пространстве..... 50

Богданова О.В.

Влияние менеджеристской модели управления университетами
на институционализацию дополнительного образования 57

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖИ

Пилипенко А.Э., Денисов Р.А.

Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи:
факторы влияния и инструменты активизации..... 66

Некрасов Е.Е.

Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения
социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи 77

Тупиков Е.К.

Социализация молодых болельщиков под воздействием института
профессионального спорта (на примере г. Ростова-на-Дону) 85

Колесникова Е.Ю.

Три миссии классического университета в пространстве цифровых технологий:
проблемы и противоречия реализации 94

Дюжиков С.А., Гугуева Д.А.

Мотивация профсоюзного членства среди студентов вуза
(по материалам социологического исследования ППО ЮФУ) 103

Зинченко Я.Г., Понамарёв А.Б., Хаустова А.К.

Состояние развития практик экологического просвещения в России:
по материалам качественных исследований 113

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Верещагина А.В., Жиденко А.А.

Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов
и снижении динамики разводов в российском обществе
(по материалам глубинных интервью) 126

Семенчукова М.А.

Теоретическая модель исследования системы детского туризма
в современной России..... 139

Богданова И.Н., Давиденко А.С.

Бикарьерная модель семьи как партнерский тип семейно-брачных отношений в контексте противоречивых материалистических и постматериалистических ценностных установок современной молодежи.....	149
---	-----

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ**Бедрик А.В., Войтенко В.П.**

Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции социокультурного воспроизводства.....	160
---	-----

Соколова Н.О.

Оценка социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей	168
--	-----

Лукичев П.Н.

Социологический эксперимент по моделированию общественного развития	177
---	-----

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА**Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А.**

Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества.....	192
--	-----

Немчина В.И., Кандыба В.Н.

Атрибутивные признаки и процессуальная природа профессиональной идентичности	201
---	-----

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ**Дятлова М.А.**

Социальная адаптация в профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД Российской Федерации.....	208
---	-----

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ**Суций С.Я.**

Армяне Юга России в статусных профессиональных сообществах (ситуация рубежа 2020-х годов)	216
--	-----

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ	237
-------------------------------------	------------

CONTENT

SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

Osipov A.M.

The concept of bureauopathologies: towards an understanding
of managerialism as a dead end of management and development..... 16

Belekhova G.V., Zhdanova A.E.

Features of municipal public policy in the constituent entities of the Northwestern
Federal District (using the example of the Vologda Region and the Republic of Karelia) 24

Rakitina I.S.

Operationalization of the concept «university management efficiency» 42

Latushko N.A.

Regional Management Center as a form of interaction
between regional authorities and population in modern digital space 50

Bogdanova O.V.

Influence of the managerial model of university management on institutionalization of
additional education 57

SOCIOLOGY OF EDUCATION AND YOUTH

Pilipenko A.E., Denisov R.A.

Research activity of students: factors of influence and tools of activation 66

Nekrasov E.E.

The specifics of the implementation of the idea of equality of opportunity
as embodiments of social egalitarianism in the life strategies of Russian youth..... 77

Tupikov E.K.

Socialization of young fans under the influence of the institution
of professional sports (on the example of Rostov-on-Don) 85

Kolesnikova E.Yu.

Three missions of a classical university in the space of digital technologies:
problems and contradictions of realization 94

Dyuzhikov S.A., Gugueva D.A.

Motivation for trade union membership among university students
(based on materials from sociological study
of primary trade union organization of Southern Federal University).....103

Zinchenko Ya.G., Ponamarev A.B., Khaustova A.K.

The State of Development of Environmental Education Practices in Russia:
Based on Qualitative Studies.....113

SOCIOLOGY OF FAMILY AND CHILDHOOD

Vereshchagina A.V., Zhidenko A.A.

The role of family mediation in resolving family conflicts and reducing
the dynamics of divorce in Russian society
(based on the materials of the in-depth interview)126

Semenchukova M.A.

Theoretical model of the research of the children's tourism system
in modern Russia.....139

Bogdanova I.N., Davidenko A.S.

The bicarrier model of family as a partner type of family and marital relations in the context of contradictory materialistic and post-materialistic value attitudes of modern youth	149
--	-----

ECONOMIC SOCIOLOGY, DEMOGRAPHY AND MIGRATION

Bedrik A.V., Voytenko V.P.

Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends in sociocultural reproduction.....	160
--	-----

Sokolova N.O.

Assessment of social differentiation and heterogeneity of social resources of territorial communities	168
--	-----

Lukichev P.N.

Sociological experiment on modeling social development.....	177
---	-----

DISCUSSION TRIBUNE

Kovtunenkov I.V., Kudryashov I.A.

Gender in the focus of socio-cultural problems of dystopian society	192
---	-----

Nemchina V.I., Kandyba V.N.

Attributive features and procedural nature of professional identity.....	201
--	-----

YOUTH FORMAT

Dyatlova M.A.

Social adaptation in the professional activities of the average commanding staff of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation.....	208
---	-----

REGIONAL SOCIOLOGY

Sushchiy S.Ya.

Armenians of the South of Russia in a number of high-status professional communities (the situation of the turn of the 2020s)	216
--	-----

INFORMATION FOR THE AUTHORS	237
--	-----

К ЧИТАТЕЛЮ

Дорогой читатель! Журнал «Caucasian Science Bridge» представляет завершающий 2023 г. номер. Он является тематическим и в значительной степени посвящен социологии управления. Часть статей опубликована по итогам выступлений наших авторов на ставшей уже традиционной для Института социологии и регионоведения ЮФУ конференции по менеджериству. В этом году она называлась «Менеджеризм как идеология профессиональной деятельности в современной России». Поэтому спектр выступлений, а следовательно, и публикаций охватывает самые разные аспекты социологии управления.

Открывает номер цикл статей по управлению образованием. Первая из них – работа петербургского социолога А.М. Осипова «Концепция бюропатологий: к пониманию менеджериства как тупика управления и развития». Автор аргументированно обосновывает, что менеджериств в российских управленческих практиках трансформировался в особую разновидность бюропатологии, обладающую значительно меньшим потенциалом к эффективному управлению, чем классическая бюрократия, против которой он был декларативно направлен. Концептуальная модель бюропатологий раскрывается через следующие элементы: сущность, свойства, типология проявлений; методология изучения бюропатологий в сфере образования; оценка их напряженности по всем сегментам, уровням, институциональным функциям и социальным группам в сфере образования; вскрытие социальных интересов и портретов разных групп менеджеров в фазе бюрократической автономии; анализ путей бюрократов к автономии и вытекающих из нее благ; всесторонняя оценка общественных потерь от бюропатологий; поиск альтернатив бюрократии, социальных движений и перспектив предотвращения бюропатологий.

Г.В. Белехова и А.Э. Жданова в статье «Особенности муниципальной публичной политики в субъектах Северо-Западного федерального округа (на примере Вологодской области и Республики Карелия)» перемещают акцент публикаций на муниципальное управление. Авторы анализируют институт муниципальной публичной политики. Сделан вывод о том, что хотя муниципальная публичная политика в Вологодской области и Республике Карелия различается по некоторым нормативным основам и непосредственным форматам реализации, но в каждом субъекте на уровне муниципальных образований создаются условия для включения местного населения в осуществление местного самоуправления в целях социально-экономического развития территорий.

В статье И.С. Ракитиной «Операционализация понятия “эффективность управления университетом”» выстраивается теоретическая модель, опираясь на которую можно исследовать результаты управленческого воздействия в системе высшего образования. В качестве итогового предлагается следующее определение: достижение целей образовательной организации, обеспеченное достаточным объемом и оптимальным расходом использованных ресурсов, и подтверждение академическим сообществом того, что достигнутые результаты имеют значение для социума.

Вопросы регионального управления затрагиваются в статье Н.А. Латушко «Центр управления регионом как форма взаимодействия региональных органов власти и населения в современном цифровом пространстве». В публикации анализируется новая форма публичного управления – центр управления регионом. Отмечается, что центр управления регионом как инструмент управления позволяет за счет интеграции мониторинговых и аналитических данных более гибко координировать действия субъектов регионального развития, а именно региональных властей, бизнеса и гражданских объединений, содействовать в развитии социальной и инженерной инфраструктуры, а также расширить спектр услуг для населения.

О.В. Богданова в статье «Влияние менеджеристской модели управления университетами на институционализацию дополнительного образования» убедительно обосновывает взаимосвязь между менеджеристской политикой управления университетами и процессами институционализации дополнительного образования. Сегодня дополнительное образование находится в статусе придатка к действующей системе высшего образования. В таком положении его ждет утрата общественно полезных функций. Единственный выход – институционализация дополнительного образования вне организационных структур высшей школы, деградирующей под влиянием менеджеристских технологий управления.

Традиционной рубрикой для журнала является «Социология образования и молодежи». Часть публикаций этой направленности нами уже представлена в рамках отрасли социология управления. Ниже следуют работы, в которых отсутствует управленческий аспект, а образование выступает самостоятельным предметом исследования.

В работе «Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи: факторы влияния и инструменты активизации» А.Э. Пилипенко и Р.А. Денисовым предпринята попытка классифицировать факторы влияния следующим образом: управленческие (государственный уровень, уровень вуза), средовые, личностные. Данные реализованного исследования позволили зафиксировать зависимость научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи от личностных (индивидуальные характеристики студента, социально-профессиональные особенности семьи студента) и средовых (престижность статуса молодого ученого, структура интеллектуальной среды вуза и особенно корпоративной культуры, ценностные ориентации академической группы, личность преподавателя и готовность к научному сотрудничеству со студентами, материально-техническая оснащенность лабораторий) факторов.

Для российского общества идеи социального равенства всегда находились в приоритете основных выборов. Е.Е. Некрасов отражает данные ценностные представления в статье «Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи». Идея равенства возможностей в жизненных стратегиях российской молодежи рассматривается как модель поведения, сформированная в результате взаимодействия объективных (социально-статусных) и субъективных (мотивационных) установок молодых людей, связанных с их пред-

ставлением о своем месте в обществе, жизненными планами, самопроектированием и самоопределением в молодежной среде.

Сложные времена переживает в российском обществе профессиональный спорт, оказавшийся в изоляции из-за антироссийской политики западных государств. Е.К. Тупиков в статье «Социализация молодых болельщиков под воздействием института профессионального спорта (на примере г. Ростова-на-Дону)» анализирует снижение ресурсов данного вида социальной деятельности в ракурсе социализации молодежи.

Статья Е.Ю. Колесниковой «Три миссии классического университета в пространстве цифровых технологий: проблемы и противоречия реализации» посвящена цифровой революции в образовании, ее социокультурной составляющей, проблеме возможности сохранения в условиях современных институциональных трансформаций под влиянием новой технологической волны фундаментальной основы организации образовательного процесса в университете – действенного социокультурного единства и целостности трех миссий классического университета (образования, исследования и воспитания).

С.А. Дюжиков и Д.А. Гугуева представили статью на тему «Мотивация профсоюзного членства среди студентов вуза (по материалам социологического исследования ППО ЮФУ)». В ней затрагивается проблема снижения численности членов профсоюзной организации среди обучающихся в вузах. В рамках исследования была выявлена группа студентов, готовых самостоятельно защищать и отстаивать свои права, а также группа студентов, желающих делегировать защиту своих прав. И ту и другую группу можно привлечь в профсоюз как рядовых членов или как профсоюзных активистов.

В коллективной работе Я.Г. Зинченко, А.Б. Понамарёва и А.К. Хаустовой «Состояние развития практик экологического просвещения в России: по материалам качественных исследований» авторами предпринята попытка оценить состояние сложившихся практик экологического просвещения в России. В основу положены эмпирические данные, полученные в ходе глубинных интервью с представителями двадцати организаций дополнительного образования, осуществляющими практики экологического образования среди молодежи. По мнению авторов, экологическое просвещение требует системного подхода, использования определенных «просветительских франшиз», позволяющих унифицировать образовательные практики, сформировать единые и эффективные методики.

Среди социологов в последние несколько десятилетий проходят острые дискуссии относительно перспектив развития российской семьи. Частью сложившегося дискурса выступают несколько статей, включенных в нашу постоянную рубрику «Социология семьи и детства».

В работе А.В. Верещагиной и А.А. Жиденко «Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов и снижении динамики разводов в российском обществе» анализируются результаты глубинных интервью, проведенных с целью выявления роли медиативных практик в урегулировании семейных споров. Исследование позволило выявить высокий потенциал института семейной медиации в разрешении семейных конфликтов, положительную

динамику обращений к семейной медиации со стороны российских семей. В то же время авторы обнаружили несколько барьеров, препятствующих применению медиативных практик. Самыми значительными из них являются информационные (невысокая информированность населения о семейной медиации, ее возможностях и предназначении) и социокультурные (неготовность российских граждан обращаться к помощи медиаторов, устойчивые ориентации на решение проблем формально-правовым путем, через суд, отсутствие в обществе и непосредственно в семьях диалоговой культуры).

Проблемы детского туризма в фокусе социологической предметности крайне редко попадают в сферу внимания российских социологов. Это придает особую ценность работе М.А. Семенчуковой «Теоретическая модель исследования системы детского туризма в современной России». Данная модель построена на основании четырех взаимодополняющих друг друга блоков: формирование категориального аппарата; выявление институциональных характеристик; функциональные задачи; определение круга акторов. Автором сформировано и разработано теоретическое пространство системы детского туризма, отдыха и оздоровления с возможностью создания предпосылок для очерчивания направлений дальнейшего изучения этого многогранного явления, разработки его институционального регулирования.

В статье И.Н. Богдановой и А.С. Давиденко «Бикарьерная модель семьи как партнерский тип семейно-брачных отношений в контексте противоречивых материалистических и постматериалистических ценностных установок современной молодежи» рассмотрение особенностей данного типа семьи в контексте дихотомии материалистических/постматериалистических ценностей позволило авторам выявить противоречивое сочетание оснований выбора партнерских семейно-брачных отношений. Ценности постматериалистического характера (самосовершенствование, самоактуализация, Я-ориентация) тесно сочетаются с ценностями материалистического характера (материальное благополучие). Причем ценности индивидуалистического характера далеко не всегда оказываются преобладающими для молодых супружеских пар. Карьерный рост и профессиональная самореализация, скорее, носят характер, подчиненный решению материальных проблем современной семьи.

Рубрика «Экономическая социология, демография и миграция» открывается статьей А.В. Бедрика и В.П. Войтенко «Дiasпоры Юга России: основания типологизации и тенденции социокультурного воспроизводства». Авторы выполнили классификацию диаспорных сообществ Юга России, разработанную на основе исторического (временного) критерия, обеспечивающего возможность межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество, его региональные и локальные компоненты. Выделены три типа диаспорных сообществ. На Юге России они реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степени выраженности миграционных установок среди молодежи.

В работе Н.О. Соколовой «Оценка социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей» показано, что неоднородность социальных ресурсов территории обусловлена неравномерностью распределения доходов. У рассмотренной территориальной общности зафиксирован достаточный потенциал для развития социальных ресурсов и сокращения социальной поляризации. Социальные установки населения демонстрируют высокий уровень субъектности. Для реализации данного потенциала органам власти необходимо обеспечить стабильное функционирование институциональной системы.

В исследовании П.Н. Лукичева «Социологический эксперимент по моделированию общественного развития» выстраивается экспериментальная модель, объединяющая экономические и демографические процессы. В предложенной модели потребности социальных индивидов рассматриваются как витальные потребности, удовлетворяемые в определенных культурных формах. Результатом стало построение абстрактных вариантов экспериментальной модели аграрно-пасторального общества и общества в фазе перехода к индустриальной стадии развития. Привлечение конкретного статистического материала дает возможность верификации экспериментальной модели, что приводит к ряду обоснованных выводов и прогнозированию экономико-демографических процессов в фазе перехода к информационной стадии социального развития.

Следующая традиционная рубрика – «Дискуссионная трибуна». В статье И.В. Ковтуненко и И.А. Кудряшова «Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества» рассматривается гендерная модель в опоре на роман Е.И. Замятина «Мы». В основе такой модели лежит государственный контроль над сексуальностью, упразднение семейных обязательств, что, в свою очередь, нейтрализует гендерные роли, специфические для биологического пола. Вне зависимости от биологического пола все граждане призваны выглядеть одинаково, как андрогинные объекты-механизмы-винтики в достижении первоочередных целей государственной политики.

Статья В.И. Немчиной и В.Н. Кандыбы «Атрибутивные признаки и процессуальная природа профессиональной идентичности» имеет теоретический характер и нацелена на характеристику наиболее значимых признаков профессиональной идентичности. В процессе проделанного анализа авторы приходят к выводу о том, что профессиональная идентичность выражается в способности индивида осознавать свою целостность и соответствовать форматам социальности в определенных сферах трудовой деятельности как функционально автономного субъекта.

В рубрике «Молодежный формат» в этом номере представлена статья М.Я. Дятловой «Социальная адаптация в профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД Российской Федерации». Она ориентирована на поиск вариантов результативного решения задач комплексного научного обоснования социальной и профессиональной адаптации сотрудников ОВД РФ. Установлено, что в профессиональной

адаптации средний начальствующий состав формирует в своем большинстве нормативно одобренный образ служебного социально ориентированного поведения.

И наконец, в рубрике «Региональная социология» размещено исследование С.Я. Суцего «Армяне Юга России в статусных профессиональных сообществах (ситуация рубежа 2020-х годов)», в котором обосновывается, что традиционная профессиональная ориентация армян южного макрорегиона на различные сферы торгово-посреднической деятельности в настоящее время дополняется все более активным включением в иные профессиональные сообщества.

Дорогой читатель! Редакция журнала «Caucasian Science Bridge» благодарит всех, кто прислал свои работы в наш журнал, и выражает надежду на дальнейшее плодотворное сотрудничество.

Член редколлегии журнала
«Caucasian Science Bridge»
В.В. Ковалёв

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.1.

EDN HAE LRW

**Концепция бюрократопатологий: к пониманию менеджериализма
как тупика управления и развития****Александр М. Осипов¹,**¹Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена

e-mail: osipov.al58@gmail.com

Аннотация

Введение. Актуальность исследования определяется тем, что менеджеристская модель управления в последние 15 лет обрела монополюсный статус в организации работы всех звеньев образовательной системы России. Ее принятие происходило в условиях реализации так называемой антибюрократической революции. Однако менеджериализм в российских управленческих практиках трансформировался в особую разновидность бюрократопатологии, обладающую значительно меньшим потенциалом к эффективному управлению, чем классическая бюрократия, против которой он был декларативно направлен.

Методы. Методологически работа опирается на теорию бюрократопатологий, в основе которой лежит представление о неизбежной деформации бюрократией социальных функций объекта управления в случае ее отрыва от научных основ управления и институтов гражданского общества, в том числе академических сообществ.

Результаты и их обсуждение. Концептуальная модель бюрократопатологий складывается из следующих элементов: определение их сущности, черт, типологии проявлений, индикаторов; методология изучения бюрократопатологий и их свойств в сфере образования; оценка их напряженности по всем сегментам, уровням, институциональным функциям и социальным группам в сфере образования; вскрытие социальных интересов и портретов разных групп менеджеров в фазе бюрократической автономии и тирании; анализ путей бюрократии к автономии и вытекающих из нее благ; всесторонняя оценка общественных потерь от бюрократопатологий; поиск альтернатив бюрократии, социальных движений и перспектив предотвращения бюрократопатологий. Установлено, что в системе образования бюрократопатологии выявляются в случае применения в управленческих практиках ряда инструментов: концентрация полномочий, главные из которых – контроль над финансовыми потоками и обеспечение лояльности кадров бюрократическим нормам; имитация обширного объема работ, активности и незаменимости; уход от научных основ, опора на личный опыт и нормативную базу; безнаказанность, уход от ответственности; деперсонализация решений, информационная закрытость; одностороннее властное давление на подчиненные уровни отрасли.

Ключевые слова: бюрократопатологии; бюрократия; менеджериализм; имитации; адхократия; деперсонализация решений; образование; функции образования.

Для цитирования: Осипов А.М. (2023). Концепция бюрократопатологий: к пониманию менеджериализма как тупика управления и развития. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 16–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.1>.

**The concept of bureaupathologies: towards an understanding of managerialism
as a dead end of management and development****Aleksandr M. Osipov¹,**¹Herzen State Pedagogical University of Russia

e-mail: osipov.al58@gmail.com

Abstract

Introduction. The relevance of the study is determined by the fact that the managerialist model of management in the last fifteen years has gained a monopoly status in the organization of the work of all parts of the educational system of Russia. Its adoption took place in the conditions of realization of the so-called “anti-bureaucratic revolution”. However, managerialism in Russian management practices has been transformed into a special kind of bureaupathology, which has much less potential for effective management than the classical bureaucracy, against which it was declaratively directed.

Methods. Methodologically, the work is based on the theory of bureaupathologies, which is based on the idea that bureaucracy inevitably deforms the social functions of the object of management in case of its detachment from the scientific foundations of management and institutions of civil society, including academic communities.

Results and discussion. The conceptual model of bureaupathologies consists of the following elements: definition of their essence, features, typology of manifestations, indicators; methodology of studying bureaupathologies and their properties in the sphere of education; assessment of their tension across all segments, levels, institutional functions and social groups in the sphere of education; revealing social interests and portraits of different groups of managers in the phase of bureaucratic autonomy and tyranny; analysis of bureaucrats' paths to autonomy and the benefits arising from it; comprehensive assessment of public losses from bureaucracy. Establishing that in the educational system bureaupathologies are revealed in case of application of a number of tools in managerial practices: concentration of powers, the main ones being control over financial flows and ensuring loyalty of personnel to bureaucratic norms; imitation of extensive scope of work, activity and indispensability; departure from scientific foundations, reliance on personal experience and normative base; impunity, escape from responsibility; depersonalization of decisions, information closedness; unilateral power pressure on subordinate levels of industry.

Keywords: bureaupathologies, bureaucracy, managerialism, imitations, adhocracy, depersonalization of decisions, education, functions of education.

For citation Osipov A.M. (2023). The concept of bureaupathologies: towards understanding managerialism as a dead end of management and development. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 16–23. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.1>.

Введение

Эта статья есть попытка рассмотреть проблему менеджеризма сквозь призму концепции бюропатологий. Следует отметить особенную актуальность этой проблемы для России. В социальной практике и управленческих дискурсах *менеджеризм* все большее трактуется как идеология с обоснованием растущего сосредоточения полномочий в руках менеджеров (не банальных «менеджеров по продажам», но прежде всего менеджеров организационного, корпоративного и отраслевого звеньев). Менеджеризм выражает именно такое сосредоточение и приписывает управленческим практикам, основанным на таком подходе, главную заслугу в достижении позитивного корпоративного или отраслевого результата. Именно так его трактуют, например, финские социологи (Глобальная социология..., 2015). Менеджеризм коренится в частном бизнесе. Менеджерам приписывается роль надежного, а потому заслуживающего особых привилегий и вознаграждений стержня (скелета корпорации, общественного организма), в противовес феноменам общественного участия в управлении (закрепленного законодательно в разных отраслях, в том числе Законом об образовании, ст. 89), «трудового энтузиазма масс» и прочих «пережитков» государственного социализма советской эпохи, японской традиции «моя корпорация – семья» и т.п. Однако в научной литературе понятие «менеджеризм» получает противоречивые толкования. Так, якобы менеджеризм есть антибуржуазная идеология, стратегия эффективного государственного управления, ведет к децентрализации и делегированию ответственности независимым агентам, переходит от бюрократического управления к предпринимательскому. В оборот вошли близкие по духу *new public management* и *универсальный менеджмент* как якобы противоядие против «старой бюрократии». Такие толкования запутывают проблему, рожают иллюзию о том, что бюрократия осталась в прошлом. Они требуют научного прояснения.

В связи с этим обратимся к современным социологическим трактовкам бюрократии (Алферов, 2019; Бабинцев, 2022; Курбатова, 2016). Они различают феномены и понятия *бюрократия*, *менеджеры*, *бюрократы* (Осипов, 2020). Последние – часть менеджеров, реализующая приоритет правовых норм, регламентов и должностных

инструкций над действительными результатами управляемой системы (например, школы, образования как отрасли и т.п.). Ранее зарубежные (Fitzgerald, 2009; Humes, 2022), а теперь и отечественные исследователи говорят о достижении бюрократами автономии от управляемых систем и даже о бюрократической тирании (Смолин, 2015а, б; Тощенко, 2020; Трубников, 2018). Иными словами, бюрократия не осталась в прошлом, а современные бюрократы осваивают новые инструменты и технологии, рвутся в тоги эффективных и энергичных менеджеров. При этом суть бюрократии остается прежней: сохранение своих привилегий и неприкосновенности (безответственности), публичного престижа, приоритет решений вышестоящих органов над потребностями общества, научными оценками и даже здравым смыслом, реальный контроль над финансово-экономическими ресурсами и кадровой политикой.

Будучи иерархически организованными и сплоченными, бюрократы опираются на менеджери́зм как одну из социальных технологий в социуме, достигшем высокой юридической и организационно-правовой дифференциации.

Концепция бюропатологий

Десятки авторов, не применяя термин «бюропатология», критически анализируют бюропатологии в образовании с позиций философии, социологии, экономики, психологии, теории управления.

Постсоветские трансформации образования, инициируемые федеральными органами управления, лишь прикрытые понятием «реформа», стали, по словам М.В. Курбатовой, «институциональным проектом российской бюрократии» (Курбатова, 2016). В них нет стратегической целостности и провозглашенных социальных приоритетов общества, часто сменяются ориентиры и руководители, а бюджетные затраты оказываются неэффективными. Эти черты менеджмента в образовании и других сферах российского общества укладываются в концепцию общества травмы (Тощенко, 2020). Бюропатологии носят сочетанный характер, содержат публичные и латентные инструменты – от телефонного права и подковерных игр до законотворческого или ведомственного нормирования и парламентского лоббирования. Встречается лояльность к бюропатологиям или заинтересованность в их воспроизводстве.

Исследования доказали институциональную природу бюропатологий в образовании (Осипов, 2017, 2021; Российское образование..., 2017), их системный и укорененный характер. Развитие концепции бюропатологий не может ограничиться сферой образования, а должно приблизить социологов к пониманию бюропатологий как социетального феномена общества травмы. В ней важно удержаться от теоретических иллюзий (подмена концептом «информационного общества» противоречий капиталократии, миф о преодолении бюрократии с помощью IT и т.п.).

Концепция должна быть совместимой с комплексом эмпирических индикаторов бюропатологий и с другими отраслями социологии и социально-гуманитарного знания. Элементами концепции бюропатологий могут стать:

- определение их сущности, черт, типологии проявлений, индикаторов;
- методология изучения бюропатологий и их свойств в сфере образования;
- оценка их напряженности по всем сегментам, уровням, институциональным функциям и социальным группам в сфере образования;
- вскрытие социальных интересов и портретов разных групп менеджеров в фазе бюрократической автономии и тирании;
- анализ путей бюрократии к автономии и вытекающих из нее благ;
- всесторонняя оценка общественных потерь от бюропатологий;

- поиск альтернатив бюрократии, социальных движений и перспектив предотвращения бюропатологий.

Бюропатологии в образовании

Одна из исходных научных задач – реконструкция социального портрета менеджеров «в образовательном интерьере», анализ общих и слоевых интересов, повседневных взаимодействий и путей достижения привилегий, солидарности, ролей особых должностных групп, их социальных стратегий и практик (Социология..., 2023). Концепция бюропатологий в ее решении – важная теоретическая и эмпирическая рамка. Менеджеры – не обезличенная масса: среди них есть как искренние труженики и блестящие организаторы, «заложники системы», так циничные творцы своих карьер, привилегий и теневых доходов. Большинство менеджеров лишены из-за пробелов в наборах квалификационных компетенций и профподготовки научного понимания миссии образования – его ответственности, целей и стратегий. Бюрократы – не одиночки, им присущи общие и зачастую теневые социальные интересы (ложный «командный дух», защита служебной репутации и лояльность к вышестоящим уровням). Бюрократы «подбирают» себе подчиненных. Такой портрет покажет, какие категории менеджеров являются бюрократами или, напротив, могут стать частью социальной базы – опоры в их предотвращении (Смолин, 2015а, б).

Важнейший на сегодня компонент концепции бюропатологий – представление об инструментах бюрократии. Такие инструменты, с одной стороны, служат индикаторами бюрократии и, с другой, намечают подходы к предотвращению ее автономии и бюропатологий. Раскрытие этих инструментов подтверждает, на наш взгляд, что союз менеджериизма и бюрократии – тупик для управления общественной системой образования.

1. Концентрация полномочий. Главные из этих полномочий – контроль над финансовыми потоками и обеспечение лояльности кадров бюрократическим нормам. Менеджеризм и есть такая концентрация. Научная и профессиональная общественность оказалась отчуждена от системных и кадровых решений, возобладали проектный менеджмент, всецело подчиненный чиновникам. Низовые уровни не влияют на вышестоящие. Бюрократы присваивают полномочия по принятым ими же регламентам и вопреки своим компетенциям. При этой концентрации неизбежны деформации образовательной политики, невыполнение ее приоритетов и принципов (Осипов, 2022), поручений Президента РФ. Ее обратные стороны – пессимизм и высокая текучесть кадров. Контроль над бюджетными потоками – главная предпосылка должностных злоупотреблений и коррупции. Инфраструктурные проекты и конкурсы позволяют создать коррупционные схемы и ситуации, каких никогда не создаст повышение оплаты труда работников отрасли: фонды оплаты труда не дают возможностей для откатов, завышения стоимости проектов и поставок, приписок.

2. Имитации обширного объема работ, активности и незаменимости. С 1990-х гг. бюджетные затраты на менеджмент и его численность в образовании возросли кратно (даже без учета аутсорсинга). Топ-менеджмент создает новые массивы работ для органов управления всех уровней и всей отрасли (перевод на компетентностную парадигму, новые версии ФГОС и отчетов, конкурсы проектов и т.п.). Они дают работу массам чиновников и перегрузки педагогическому персоналу, а их сокращение вызывает сопротивление бюрократов. Часть этого же инструмента – создание новых практических трудностей, рождающих веер кризисов

и затраты крупных бюджетных и человеческих ресурсов. Чем больше трудностей, тем обширнее «потребности» в новых проектах, тем масштабнее бюджетные ассигнования... Но имитации не подтверждены результатами отрасли, поэтому в 2016–2020 гг. в федеральном министерстве сменились четыре руководителя. Они – жертвы менеджериализма.

3. Уход от научных основ, опора на личный опыт и нормативную базу. Трудно представить, чтобы менеджмент в металлургии игнорировал основы химии, а в авиастроении – законы аэродинамики. Но в образовании, где отдача (общественная эффективность) отложена во времени и действуют подчас противоположные социальные заказы, бюрократы трактуют эффективность как выполнение регламентов, нормативов и инструкций, проектов. Дефицит научной подготовки – общая черта бюрократов, готовых следовать любым (и ошибочным) решениям вышестоящих инстанций (как было в случае с мифом об образовании как услуге). В 2018–2023 г. в рамках проектов РНФ 18-18-00047 и 23-28-10010 проведены глубинные интервью с 14 сотрудниками муниципальных и региональных органов управления образованием в трех регионах РФ. Ни один из респондентов не сумел даже приблизительно сформулировать институциональные функции образования, но все оперировали знанием правовых норм и инструкций. Отсюда – тактика бюрократов в отношении науки: давлении на ее кадры и тренды через финансовые рычаги, избегание полемики с научным сообществом. Характерная тактика бюрократов – вброс выгодных им идей в информационное поле и продавливание их без дискуссий и экспериментов в практику всей отрасли или ее сегментов. Такие идеи не основаны на целостной концепции образования и нормах научного управления, но узнаваемы по проектам бюрократической образовательной политики (Осипов, 2017), воплощают ее деструктивное начало, ложно сулят в будущем некую пользу гражданам, образованию, государству и обществу. Обычные неудачи в реализации таких идей позже «забывают» (когда или эмир умрет, или осел сдохнет), объясняя ошибками ученых или рисками «новаторских» стратегий.

4. Безнаказанность, уход от ответственности. Три десятилетия – свидетели плачевных итогов управления образованием в России, явных и скрытых злоупотреблений. Истекшие проекты сменяются новыми, их роднит контроль бюрократов над финансированием. Условия безответственности – приоритет регламентов и отлучение экспертных сообществ от независимой экспертизы и контроля результатов. Ж.Т. Тощенко уместно привел слова популярного юмориста Тарапушки из монолога бюрократа: «Пускай оно гниет, ржавеет, пропадает пропадом, но чтобы было правильно оформлено!» (Тощенко, 2020). Бюрократы не отвечают за ошибки сотрудника, получившего должность по организуемому ими конкурсу или аттестованного и рекомендованного ими. С накоплением ошибок менеджеров меняют.

5. Деперсонализация решений, информационная закрытость. Найти и наказать виновного в управленческих провалах нельзя (Школа..., 2020). Бюрократы защищены приоритетом управленческих регламентов, не связанных с общественной эффективностью управления. Если и наказывают, то за нарушение регламентов, а не за провалы в эффективности. Но отраслевой менеджмент встроен еще и в общую дивизиональную структуру госаппарата. Так, действия Минобрнауки по проекту «Образование» (стоимостью 784,5 млрд руб.) предписаны методикой, принятой Правительством РФ и не требующей предварительных независимых экспертиз и публикации проектов.

6. Одностороннее властное давление на подчиненные уровни отрасли. Оправдание давлению – декларация об исключении сбоев по вине нижестоящих

уровней, якобы заслуживающих контроля средствами отчетности и проверок. Но и состав этой отчетности не отвечает рациональному управлению. Системной управленческой технологией стал бумажный прессинг, вызванный максимальной, избыточной формализацией образования. Ее приложение к образованию, с опорой на «магию авторитета» ряда академических кланов и безмолвие масс профессионалов, вызвало новый бумажный вал, трудовые и информационные перегрузки и более жесткий бумажный прессинг сверху. Бюрократы приучают нижестоящие уровни к дроблению крупных целей на мелкие проекты, к частому обновлению заданий (как в случае с ФГОС и требованиями к документации). А с «приученными» к исполнению уже легче практиковать и расширять этот прессинг. В общем объеме управленческих информационных потоков рациональный обмен составляет около 1/20. Минобрнауки РФ и подведомственные учреждения и организации собирают отчеты по перечню из 1684 групп и видов документов, но лишь 11% их касаются образования (Осипов, 2017; Российское образование..., 2020). Нижестоящие уровни испытывают перегрузку отчетностью, равноценную бумажному геноциду. Творческие работники не выносят его и уходят, чем продлевается власть бюрократов в отрасли.

Ученые выделили сущностные черты бюропатологий, воплощенные и в практиках менеджеризма: институционализированное лицемерие (принятие имитаций, превращенных форм и ложных отчетов за реальные результаты); магия авторитета (принцип «начальник всегда прав»); перевод управления в режим адхократии («мы посоветовались и решили, что нужно...») с устранением экспертных сообществ и институтов гражданского общества. К ним добавляются трудовые перегрузки, принимаемые персоналом якобы добровольно. Известна учительская поговорка «на одну ставку кушать нечего, а на две – некогда»; также некогда участвовать в экспертизе, соуправлении, основательном обсуждении результатов развития образования. Общее проявление бюропатологий – отлучение науки от управления при массе проводимых «научных мероприятий», неспособность бюрократов видеть и устранить тупики и перекосы в образовательных исследованиях.

Заключение

Менеджеризм как идеология и социальная практика, воплощенная в нормативно-правовой и организационной структурах образования, «взят на вооружение» бюрократами и не противоречит их социальным интересам. В таком случае он составляет тупик управления и обрекает управляемую систему на общественную неэффективность, поскольку выражает концентрацию полномочий бюрократов в ущерб общественно-государственному управлению и экспертному участию, игнорирование научных основ, закрытость и уход от профессиональной и правовой ответственности, сохранение перегрузок и противоречий в управляемой системе. Раскрытие компонентов менеджеризма (правовых, организационных, структурно-деятельностных, культурно-психологических и др.) – научная задача, сопутствующая концепции бюропатологий. Они – не печальный удел одной лишь России, но в ней отмечены крупными масштабами бюрократизации, жесткой интеграцией отраслевого менеджмента в общую модель государственного управления, слабостью институтов гражданского общества. Свойства и инструменты бюропатологий следует изучать и публично осуждать, имея в виду риск конфликта между научным сообществом и бюрократией: этот конфликт осложняет развитие социологии образования и ее место в системе образования.

Литература

- Алферов, Ж.И. Власть без мозгов. Отделение науки от государства / Ж.И. Алферов. – Москва: Алгоритм, 2012. – 250 с. – ISBN 978-5-4320-0055-2. – EDN VUXQBE.
- Бабинцев, В.П. Вузовская бюрократия в России – terra incognita социологии образования / В.П. Бабинцев, Г.Н. Гайдукова, Ж.А. Шаповал // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2022. – Т. 22, № 4. – С. 895–908. – DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908. – EDN VKBSBW.
- Глобальная социология образования = Global sociology of education / Новгородский гос. ун-т имени Ярослава Мудрого [и др.] ; под ред. В.А. Ивановой, А.М. Осипова. – Москва ; Великий Новгород: НовГУ, 2012. – 345 с. – ISBN 978-5-89896-431-3.
- Дятлов, А.В. Риски от введения института сити-менеджмента (в оценках экспертов Южного федерального округа) / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, А.В. Сериков // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2018. – № 4. – С. 39–42.
- Дятлов, А.В. Социокультурные основания для модели «сити-менеджмента» в системе российского муниципального управления / А.В. Дятлов, В.А. Чигрин // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология*. – 2018. – Т. 4, № 1. – С. 3–9.
- Курбатова, М.В. Реформа высшего образования как институциональный проект российской бюрократии: содержание и последствия / М.В. Курбатова // *Мир России. Социология. Этнология*. – 2016. – Т. 25, № 4. – С. 59–86. – EDN WTIEHN.
- Осипов, А.М. Бюропатология и бумажный прессинг в российском образовании / А.М. Осипов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. – 2020. – Т. 20, № 4. – С. 953–966. – DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966. – EDN SEJBMS.
- Осипов, А.М. К теории образовательной политики / А.М. Осипов // *Социологические исследования*. – 2022. – № 2. – С. 23–33. – DOI 10.31857/S013216250018498-0. – EDN PVOMBG.
- Осипов, А.М. «Троянские кони» неолиберализма в образовании / А.М. Осипов // *Социологические исследования*. – 2017. – № 8(401). – С. 136–146. – DOI 10.7868/S0132162517080153. – EDN ZGOXVZ.
- Российское образование в бумажной пучине: опыт социологического анализа / А.М. Осипов, Н.А. Матвеева, П.А. Бояджиева, Я.А. Воронцов // *Социологические исследования*. – 2020. – № 3. – С. 60–70. – DOI 10.31857/S013216250008798-0. – EDN PJKRKN.
- Смолин, О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 1) / О.Н. Смолин // *Социологические исследования*. – 2015а. – № 6. – С. 91–101. – EDN UAXUGF.
- Смолин, О.Н. Высшее образование: борьба за качество или покушение на человеческий потенциал? (статья 2) / О.Н. Смолин // *Социологические исследования*. – 2015б. – № 7. – С. 30–37. – EDN UCFNWR.
- Тощенко, Ж.Т. Общество травмы: между эволюцией и революцией: (опыт теоретического и эмпирического анализа) / Ж.Т. Тощенко. – Москва: Весь Мир, 2020. – 352 с. – ISBN 978-5-7777-0801-4. – EDN QLXXDD.
- Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the Republic of Adygea / V.V. Kovalev, A.V. Dyatlov, A.M. Rudenko [et al.] // *Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values*. – 2019. – Vol. 6, № S6. – P. 142.
- Economic globalization: challenges and threats of the Russian national security / O.M. Shevchenko, A.V. Dyatlov, Z.K. Kurmalieva [et al.] // *International Journal of Economics and Financial Issues*. – 2016. – Vol. 6, № S5. – P. 20–25.
- Fitzgerald, T. The tyranny of bureaucracy / T. Fitzgerald // *Educational Management Administration & Leadership*. – 2009. – Vol. 37. – № 1. – P. 51–65.
- Humes, W. The «Iron Cage» of Educational Bureaucracy / W. Humes // *British Journal of Educational Studies*. – 2022. – Vol. 70. – №2. – P. 235–253. – DOI: 10.1080 /00071005.2021.1899129.
- National security: paradigmatic fundamentals of research practices / A.V. Dyatlov, A.M. Kумыков, A.V. Lubby [et al.] // *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. T. 6. № 5 S4. C. 266–271.

References

- Alferov J.I. Power without brains. Separation of science from the state. Moskva: Algoritm = Moscow: Algorithm; 2012. 250 p. ISBN 978-5-4320-0055-2. (In Russ.)
- Babincev V.P., Gajdukova G.N., Shapoval J.A. University bureaucracy in Russia – terra incognita of sociology of education. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sociologiya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2022; 22(4): 895–908. DOI 10.22363/2313-2272-2022-22-4-895-908. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kумыков A.M., Lubby A.V. [et al.]. National security: paradigmatic fundamentals of research practices. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015; 6(5 S4): 266–271.
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V., Serikov A.V. Risks from the introduction of the institute of city management (as assessed by experts of the Southern Federal District). *State and municipal management. Scientific notes*. 2018; 4: 39–42. (In Russ.)

- Dyatlov A.V., Chigrin V.A. Sociocultural foundations for the "city management" model in the system of Russian municipal government. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V.I. Vernadsky. Sociology. Pedagogy. Psychology*. 2018; 4(1): 3–9. (In Russ.)
- Fitzgerald T. The Tyranny of Bureaucracy. *Educational Management Administration & Leadership*. 2009; 37(1): 51–65.
- Global Sociology of education = Global sociology of education / Novgorod State University named after Yaroslav the Wise [et al.] ; edited by V.A. Ivanova, A.M. Osipova. Moskva ; Velikij Novgorod: NovGU = Moscow; Veliky Novgorod: NovSU; 2012. 345 p. ISBN 978-5-89896-431-3. (In Russ.)
- Humes W. The «Iron Cage» of Educational Bureaucracy. *British Journal of Educational Studies*. 2022; 70(2): 235–253. DOI: 10.1080 /00071005.2021.1899129.
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Rudenko A.M. [et al.]. Administrative and public risks of the institute of city management, according to experts of the Republic of Adygea. *Contemporary Dilemmas: Education, Politics and Values*. 2019; 6(S6): 142.
- Kurbatova M.V. Higher education reform as an institutional project of the Russian bureaucracy: content and consequences. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = The world of Russia. Sociology. Ethnology*. 2016; 25(4): 59–86. (In Russ.)
- Osipov A.M. "Trojan horses" of neoliberalism in education. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017; 8: 136–146. DOI 10.7868/S0132162517080153. (In Russ.)
- Osipov A.M. Buropathology and paper pressure in Russian education. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sociologiya. = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology*. 2020; 20(4): 953–966. DOI 10.22363/2313-2272-2020-20-4-953-966. (In Russ.)
- Osipov A.M. On the theory of educational policy. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2022; 2: 23–33. DOI 10.31857/S013216250018498-0. (In Russ.)
- Osipov A.M., Matveeva N.A., Boyadzhieva P.A., Voroncov Ya.A. Russian education in the paper abyss: the experience of sociological analysis. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2020; 3: 60–70. DOI 10.31857/S013216250008798-0. (In Russ.)
- Shevchenko O.M., Dyatlov A.V., Kurmalieva Z.K. [et al.]. Economic globalization: challenges and threats of the Russian national security // *International Journal of Economics and Financial Issues*. 2016; 6(S5): 20–25.
- Smolin O.N. Higher education: the struggle for quality or an attempt on human potential? (article 1). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015(a); 6: 91–101. (In Russ.)
- Smolin O.N. Higher education: the struggle for quality or an attempt on human potential? (article 2). *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2015(b); 7: 30–37. (In Russ.)
- Toshchenko J. T. The society of trauma: between evolution and revolution: (experience of theoretical and empirical analysis). Moskva: Ves' Mir = Moscow: OOO "Publishing House "The Whole World" ; 2020. 352 p. ISBN 978-5-7777-0801-4. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.10.2023

Дата окончания рецензирования: 15.11.2023

Дата принятия к публикации: 22.11.2023

Информация об авторе

Осипов Александр Михайлович – доктор социологических наук, профессор, научный сотрудник, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия, e-mail: osipov.al58@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Osipov Alexander Mikhailovich – doctor of Sciences in Sociology, Professor, Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia, e-mail: osipov.al58@gmail.com

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.35, 316.334.3

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.2.

EDN JSTIPW

**Особенности муниципальной публичной политики
в субъектах Северо-Западного федерального округа
(на примере Вологодской области и Республики Карелия)****Галина В. Белехова^{1,2}**¹Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия²Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия

e-mail: belek-galina@yandex.ru

Ангелина Э. Жданова^{3,4}³Институт социологии ФНИСЦ РАН, г. Москва, Россия⁴Вологодский научный центр РАН, г. Вологда, Россия

e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется институт муниципальной публичной политики, внимание к которому в последние годы значительно возросло как по причине активного реформирования местного самоуправления в 2019–2022 гг., так и в связи с ростом гражданской активности населения, особенно в малых населенных пунктах. Муниципальная публичная политика формирует среду конструктивного партнерства органов власти, бизнеса и гражданского сообщества, обеспечивая кумулятивный эффект для решения социально-экономических проблем локальных территорий. Изучение особенностей публично-властных отношений базируется на концепте открытого государственного управления.

Методы. В исследовании использовались стандартные методы статистического и компаративного анализа, а также метод кейс-стади для описания практик общественного участия, реализующихся на уровне муниципалитетов при взаимодействии населения с местными органами власти.

Результаты и их обсуждение. Показано, что правовое регулирование в муниципалитетах Вологодской области и Республики Карелия носит схожий характер. Однако муниципальная реформа в Вологодской области идет более быстрыми темпами, нежели в Республике Карелия. Вовлеченность местного населения в решение локальных вопросов находится на высоком уровне. Большую востребованность со стороны населения имеют проекты инициативного бюджетирования («Народный бюджет») и «Формирование комфортной городской среды» (г.г. Вологда и Петрозаводск), а в Вологодском округе – информационно-коммуникационная система «Заяви о проблеме». Сделан вывод о том, что хотя муниципальная публичная политика в Вологодской области и Республике Карелия различается по некоторым нормативным основам и непосредственным форматам реализации, но в каждом субъекте на уровне муниципальных образований создаются условия для включения местного населения в осуществление местного самоуправления в целях социально-экономического развития территорий.

Ключевые слова: муниципальная публичная политика; население; инициативное бюджетирование; местное самоуправление; социологический опрос.

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственного задания ФНИСЦ РАН на 2023 г. по теме «Муниципальная публичная политика в России – 2023: возможности выстраивания местных партнерских институтов и механизмов в рамках единой публичной власти».

Для цитирования: Белехова Г.В., Жданова А.Э. (2023). Особенности муниципальной публичной политики в субъектах Северо-Западного федерального округа (на примере Вологодской области и Республики Карелия). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 24–41. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.2>.

**Features of municipal public policy in the constituent entities
of the Northwestern Federal District
(using the example of the Vologda region and the Republic of Karelia)**

Galina V. Belekova^{1,2}

¹Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

²Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
e-mail: belek-galina@yandex.ru

Angelina E. Zhdanova^{3,4}

³Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

⁴Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia
e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the institution of municipal public policy, attention to which has increased significantly in recent years both due to the active reform of local self-government in 2019–2022, and due to the increase in civic activity of the population, especially in small localities. Municipal public policy creates an environment of constructive partnership between authorities, business and civil society, providing a cumulative effect for solving socio-economic problems of local territories.

Methods. Methods of statistical and comparative analysis and the case study method were used to describe the practices of public participation of the population in the implementation of local self-government.

Results and discussion. It is shown that legal regulation in the municipalities of the Vologda region and the Republic of Karelia is of a similar nature. However, municipal reform in the Vologda region is proceeding at a faster pace than in the Republic of Karelia. The involvement of the local population in solving local issues is at a high level. The projects of participatory budgeting (“People’s Budget”) and “Formation of a comfortable urban environment” (in Vologda and Petrozavodsk) are in great demand from the population, as well as the information and communication system “Report a Problem” in the Vologda municipal district. It is concluded that, although municipal public policy in the Vologda region and the Republic of Karelia differs in some regulatory frameworks and direct implementation formats, at the municipal level conditions are created for the inclusion of the local population in the implementation of local self-government for the purpose of socio-economic development of territories.

Keywords: municipal public policy; population; participatory budgeting; local self-government; sociological survey.

Gratitude. The study was carried out within the framework of the state task of the FCTAS RAS for 2023 on the topic “Municipal public policy in Russia – 2023: opportunities for building local partner institutions and mechanisms within the framework of a unified public authority”.

For citation: Belekova G.V., Zhdanova A.E. (2023). Features of municipal public policy in the subjects of the Northwestern Federal District (on the example of the Vologda Region and the Republic of Karelia). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 24–41. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.2>.

Введение

Стратегической целью деятельности органов государственной власти является обеспечение сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития страны, предполагающего не только эффективное функционирование промышленности и системы национальной безопасности, но и достижение социального благополучия населения, укрепление его гражданского самосознания и расширение потенциала местных сообществ. Важную роль в этом процессе играют муниципальные образования, которым «передан значительный комплекс задач, функций и полномочий по непосредственному обеспечению благоприятных условий для жизни населения локальных территорий, вовлечению местных ресурсов в экономический оборот» (Кожевников, 2021, 3), что позволяет рассматривать их в качестве «базиса для формирования условий и факторов развития более крупных социально-экономических систем (региона и страны в целом)» (Ворошилов, 2020, 38).

В рамках научной и практической политической дискуссии о возможностях повышения эффективности государственного управления с учетом «расширения возможностей участия гражданского общества в политическом процессе» (Никовская, 2019, 45), в том числе на муниципальном уровне, сформировался концепт публичной политики. Он рассматривается как возможный вариант «модели взаимодействия государственных структур и гражданского общества в рамках представительной демократии» (там же).

Само понятие публичной политики весьма многогранно, поэтому анализ данного концепта и выявление его характерных признаков составляют значительный пласт научных исследований (Беляева, 2011; Михайленок, 2020; Никовская, 2019; Сунгуров, 2022). Многие исследователи, опираясь на идеи Ю. Хабермаса, рассматривают публичную политику как некое пространство формирования общественного мнения, как диалоговую площадку по поводу значимых общественных проблем. Добавляя принципы открытости, аспекты сотрудничества и координации, можно расширить понимание публичности до взаимоотношений общества и государства, «выходящих за рамки созерцания и рефлексии и трансформирующихся в совместные действия по достижению социально значимого результата» (Никовская, 2019, 41). Следовательно, публичная политика являет собой особый феномен, включающий информационно-дискурсивное, деятельностно-активистское и управленческое измерения (Мирошниченко, 2015).

В рамках данной статьи мы не преследуем цель концептуализировать понятие муниципальной публичной политики, однако необходимо обозначить наиболее близкий нам подход к ее пониманию. В ходе многолетних исследований коллектива ученых под руководством Л.И. Никовской и В.Н. Якимца показано, что публичная политика охватывает широкий круг идей и процессов. Во-первых, это идея постбюрократической организации государственного управления, предполагающей «отказ от традиционной иерархической структуры управления в пользу горизонтальных отношений партнерства». Во-вторых, активное гражданское участие в принятии управленческих решений, разработке программ и социальных технологий их реализации. В-третьих, диалоговый режим в процессе коммуникации общественных групп и органов власти (Никовская, 2022, 5). По мнению авторов, под публичной политикой следует понимать «программы и приоритеты органов власти, механизмы и технологии их реализации, выработанные на основе и с учетом ожиданий социальных групп общества через их представителей» (Якимец, 2021, 101). Также исследователями введено понятие муниципальной публичной политики, которая представляет собой «деятельность, характеризующуюся системным взаимодействием муниципальных органов власти, бизнеса, некоммерческого сообщества, многообразных общественных объединений, граждан по поводу реализации общественных (публичных) интересов, производства, распределения и использования общественных ресурсов и благ с учетом волеизъявления народа и населения определенных территорий» (Никовская, 2022, 3).

Таким образом, институт публичной политики как социально-политическое образование по своей сути является условием и средством формирования партнерства и консолидации органов власти, бизнеса и гражданского сообщества в целях выработки и реализации одобряемой всеми стратегической инициативы развития. Из всех уровней управления муниципальный уровень не только наиболее приближен к интересам и потребностям населения, но и является формой прямого народовластия, поскольку именно здесь «обеспечивается максимальное вовлечение жителей в процессы непосредственного управления развитием территорий» (Ворошилов, 2022,

171). В свою очередь, муниципальная публичная политика (МунПП) призвана преодолеть межсекторальные противоречия и функциональную асимметрию разных сторон публичного взаимодействия, формируя среду конструктивного партнерства. В конечном счете МунПП способствует позитивной консолидации местного сообщества вокруг социально ориентированных задач, созданию кумулятивного эффекта локального социального капитала и устойчивому социально-экономическому развитию территорий.

Благоприятное влияние МунПП актуализирует научный интерес к анализу общих вопросов и конкретных форм ее реализации. Представлены исследования, затрагивающие особенности организации и перспективы развития института местного самоуправления (Болдырев, 2022; Ворошилов, 2022), раскрывающие в том числе неоднозначные последствия его реформирования в 2020–2022 гг. (упразднение поселенческого уровня управления, недостатки в конкретизации полномочий и пр.). Большое число работ посвящено анализу законодательно регламентированных и неформальных форм участия населения в местном самоуправлении на примере конкретных территорий. В частности, на материалах Вологодской области определено, что местному сообществу малых территорий, в отличие от крупных городов, присущ более высокий потенциал и уровень участия в инициативах; при этом барьером для вовлечения является отсутствие опыта коллективной работы, а развитие институализированных механизмов участия в виде инициативного бюджетирования и проектной деятельности в рамках работы некоммерческих организаций (НКО) способно его преодолеть (Косыгина, 2023, 226). Оценка опыта Вологодского муниципального округа показала, что губернаторские (программа «Народный бюджет») и местные (информационный ресурс «Заяви о проблеме», «Дружному дому – уютный двор», поддержка добровольчества и пр.) инициативы «позволили увеличить уровень вовлеченности граждан в процесс управления на муниципальном уровне до 40%» (Жестянников, 2021, 52). На кейсе Ростовской области выявлено, что населением в большей степени востребованы те форматы участия, «которые формально необходимы для наступления юридически значимых последствий и иницируются органами местного самоуправления» (Никитина, 2021, 131).

Отдельно следует отметить цикл работ, представляющих результаты использования авторской методики оценки состояния институтов и механизмов муниципальной публичной политики с точки зрения их функционала и состоятельности: в частности, на данных за 2010–2012 гг. по Санкт-Петербургу было выявлено снижение роли публичной сферы в политическом процессе (Никовская, 2018, 64), а по информации за 2019–2021 гг. муниципальная публичная политика в Костромской и Ярославской областях обладала свойствами государственного патернализма, что ограничивало возможности местного самоуправления (Никовская, 2022, 3). Активные исследования осуществляются и в отношении роли инициативного (партисипаторного) бюджетирования (финансового и иного участия жителей) в реализации проектов местного значения (Мищенко, 2022; Сунгуров, 2023).

Проводимые исследования показывают, что основной проблемой муниципалитетов России является низкая финансово-экономическая самостоятельность: в 2021 г. в среднем по всем муниципалитетам России доля собственных (налоговых и неналоговых) доходов местных бюджетов составляла 34% от общего объема доходов, а в основе финансирования были дотации, субсидии, иные межбюджетные трансферты (Ворошилов, 2023, 166). Также отмечаются проблемы с гражданской активностью населения, состоящие в неравномерности распространения, масштабов и эффективности различных форм участия населения в управлении развитием

территории проживания (Ворошилов, 2023; Уханова, 2021). Данные проблемы, накладываясь на заметную дифференциацию муниципальных образований как внутри региона, так и между различными субъектами, усложняют процесс унификации нормативных оснований реализации муниципальной публичной политики и ограничивают распространение лучших, наиболее эффективных практик и форматов взаимодействия. В связи с этим важно выявлять и систематизировать особенности муниципальной публичной политики в различных муниципальных образованиях, для того чтобы формировать системное видение текущей ситуации в сфере организации местного самоуправления, иметь возможность оценить его перспективы с учетом возможной муниципальной реформы¹, а также развивать наиболее доступные и интересные локальному сообществу формы осуществления и механизмы участия в осуществлении местного самоуправления. Соответственно, цель настоящего исследования состоит в выявлении особенностей муниципальной публичной политики посредством рассмотрения существующих форм участия населения в осуществлении местного самоуправления на примере нескольких муниципалитетов Северо-Западного федерального округа.

Эмпирическая база и методы исследования

В качестве объекта исследования выбраны территории СЗФО – г. Вологда и Вологодский муниципальный округ (Вологодская область), г. Петрозаводск (Республика Карелия). Города Вологда и Петрозаводск являются административными центрами регионов; относятся к категории крупных городов; для них характерна диверсифицированная промышленность (в Вологде функционируют предприятия машиностроения, пищевой, перерабатывающей, легкой промышленности, деревообрабатывающей и строительной индустрии; предприятия Петрозаводска выпускают электроэнергию, теплоэнергию, оборудование для атомной промышленности, бумагоделательное оборудование, пиломатериалы, продукты питания и пр.), а также развитая социальная и культурная сфера, высокая инфраструктурная обеспеченность. Вологодский муниципальный округ расположен вокруг областной столицы; его отличает отсутствие административного центра и разреженность расположения составляющих его сельских поселений; для него характерны высокие показатели социально-экономического развития (Жестянников, 2021, 55; Социально-экономическое развитие..., 2023), развивающаяся социальная и инженерная инфраструктура, благоприятный инвестиционный климат (Публичный отчет главы..., 2022).

Эмпирическую базу исследования составили данные региональной и муниципальной статистики территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области (Вологдастат) и Республике Карелия (Карелиястат), данные Росстата; информационные материалы с официальных сайтов администраций, общественных и инициативных проектов; научные публикации по исследуемой тематике.

В исследовании использовались стандартные методы статистического и компаративного анализа, а также метод кейс-стади для описания практик общественного участия, реализующихся на уровне муниципалитетов при взаимодействии населения с местными органами власти. Изучение особенностей публично-властных отношений базируется на концепте открытого государственного управления, пред-

¹ Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (законопроект № 40361-8) принят Государственной Думой в первом чтении (25.01.2022), но дальнейшее рассмотрение временно приостановлено.

полагающего различные формы политического участия, прозрачность деятельности органов власти и активное информационное сопровождение публично-властного диалога.

Основное внимание в исследовании сосредоточено на периоде 2019–2022 гг., поскольку это время связано с новым витком реформирования местного самоуправления и укреплением института публичной власти в России (Федеральный закон от 01.05.2019 № 87-ФЗ, вводящий муниципальные округа и возможность «горизонтальных» субсидий между муниципалитетами; Федеральный закон о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»; Федеральный закон от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»).

Принимая во внимание неоднородность экономического пространства и, как следствие, различные возможности (прежде всего, финансовые) муниципальных образований, представляется необходимым дать краткую характеристику социально-экономической ситуации в анализируемых территориях. В нашем исследовании она оценивалась покомпонентно по отдельным группам показателей: первая группа показателей характеризует демографическую ситуацию (структура и естественное движение населения); вторая – уровень жизни и рынок труда (зарплата, безработица, жилье); третья – уровень развития экономики (инвестиции, производство и продажа товаров и услуг). Безусловно, перечень индикаторов не ограничивается вышеперечисленными, однако их выбор базируется на многолетней практике оценки уровня социально-экономического развития муниципальных образований, реализуемой в Вологодском научном центре РАН (Социально-экономическое развитие..., 2023, 98–101), и адаптирован с учетом доступности статистических данных по разным муниципалитетам.

Результаты исследования и их обсуждение

Социально-экономическая ситуация в анализируемых территориях. Демографическая обстановка в двух городах и муниципальном округе во многом соответствует общероссийским тенденциям. В Вологде и Вологодском округе численность населения за 2019–2022 гг. сократилась на 0,4–0,7% (с 319 тыс. до 313,4 тыс. человек в городе; с 52,1 тыс. до 51,8 тыс. человек в округе), тогда как в Петрозаводске отмечается незначительный прирост (на 0,1% – с 280,1 тыс. до 280,9 тыс. человек). Возрастная структура населения территорий схожа: около 20% составляют лица моложе трудоспособного возраста, 55–59% приходится на лиц трудоспособного возраста, оставшиеся 23–26% формируют граждане старше трудоспособного возраста. Сохраняется достаточно высокая естественная убыль. Так, в Вологодском муниципальном округе, несмотря на миграционный прирост, численность населения снижалась из-за естественной убыли. В Вологде сокращение количества жителей обусловлено двойным действием убыли и оттока. В отличие от них, в Петрозаводске высокие показатели естественной убыли были нивелированы за счет еще более высокого миграционного прироста.

Отличительной чертой российского рынка труда является относительно низкий уровень безработицы (Капелюшников, 2009). Различия между рассматриваемыми территориями незначительны: уровень официально зарегистрированной безработицы в Вологде и Вологодском муниципальном округе несколько ниже, чем в г. Петрозаводске (0,5–0,8 % против 1,1–1,6%). Что касается оплаты труда работников, то данный показатель характеризуется очередным этапом стагнации на фоне

последствий пандемии COVID-19 и усиления санкционного давления. Более высокий уровень среднемесячной номинальной начисленной зарплаты работников (в сопоставимых ценах) наблюдается в Петрозаводске (порядка 64 тыс. руб., хотя в целом за 2019–2022 гг. он сократился на 2,2%); на втором месте – Вологда, в которой работники получают 56–59 тыс. руб. (причем в анализируемом периоде уровень зарплаты вырос на 5,5%); замыкает список Вологодский муниципальный округ со значениями 47–48 тыс. руб.

Помимо занятости и денежных доходов, важными характеристиками уровня и качества жизни населения являются обеспеченность и благоустройство жилья, доступность социальной инфраструктуры. По показателю ввода в действие жилых домов фиксируется неравномерная динамика во всех муниципальных образованиях; можно отметить, что значения данного показателя выше в городах (в диапазоне от 169 тыс. до 223,7 тыс. м² в Вологде, от 154 тыс. до 177 тыс. м² в Петрозаводске против 51–101 тыс. м² в Вологодском муниципальном округе). По уровню благоустройства городские муниципалитеты также во многом превосходят жилищный фонд Вологодского муниципального округа: по состоянию на 2022 г. обеспеченность водопроводом – 88–93% против 62%, канализацией – 88–99% против 61%, централизованным отоплением – 87–90% против 52%. Однако по обеспеченности газом Петрозаводск (38,6%) существенно уступает не только г. Вологде (80,7%), но и Вологодскому муниципальному округу (48,6%). Обеспеченность населения врачами и больничными койками, характеризующая социальную инфраструктуру, значимо не изменилась; в городах она ощутимо выше, чем в муниципальном округе (в 6–7 и 9–10 раз соответственно).

Экономическое развитие трех территорий в 2019–2022 гг. находилось под неблагоприятным влиянием структурных, эпидемиологических и внешнеполитических факторов. Более устойчивой оказалась экономика Петрозаводска: показатели среднедушевых инвестиций в основной капитал и объемов отгрузки продукции, выполненных работ, услуг демонстрировали заметный рост, однако оборот розничной торговли на душу населения в 2022 г. снизился почти на 6% по сравнению с предыдущим годом. В Вологде и Вологодском муниципальном округе на фоне постепенного роста промышленного производства (на 3,5% в 2020 г., на 6% в 2021 г., на 10% в 2022 г.) отмечаются некоторые колебания в сфере розничной торговли и инвестиционной деятельности.

Таким образом, для всех трех территорий характерно сохранение деструктивных демографических процессов разной степени выраженности, стагнация социально-экономического положения населения, сохранение инфраструктурных проблем. В то же время на фоне вызовов последних лет эти муниципальные образования показали достаточно хорошую адаптивность.

Нормативно-правовое регулирование местного самоуправления в Вологодской области и Республике Карелия. Административно-территориальное деление в субъектах Российской Федерации действует в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»¹. В ходе проведения муниципальной реформы на территории субъектов закрепился ряд законов и нормативно-правовых актов по вопросам местного самоуправления, представленных в табл. 1.

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/186367/>

Таблица 1

Распределение законов и нормативно-правовых актов по субъектам

Законы и нормативно-правовые акты Вологодской области	Законы и нормативно-правовые акты Республики Карелия
«О вопросах административно-территориального устройства Вологодской области» от 07.03.2023 № 5317-ОЗ; «О регулировании некоторых вопросов муниципальной службы в Вологодской области» от 07.03.2023 № 5335-ОЗ; Устав Вологодской области от 03.04.2023 № 5347-ОЗ	«Об административно-территориальном устройстве Республики Карелия» от 29.04.2005 № 871-ЗРК «О муниципальной службе в республике Карелия» от 26.12.2022 № 2799-ЗРК; Конституция Республики Карелия от 27.05.2022 № 2706-ЗПК

Примечание: составлено по нормативно-правовой и законодательной базе субъектов.

В Вологодской области и Республике Карелия успешно ведут свою работу некоммерческие ассоциации «Совет муниципальных образований»¹. Основной целью данных НКО является обеспечение межмуниципального сотрудничества, координация деятельности членов Ассоциации по решению вопросов местного значения, представление и защита экономических и иных общих интересов членов Ассоциации.

В соответствии с административно-территориальным делением на 1 января 2023 г., по данным Росстата², в Российской Федерации насчитывается 18 402 муниципальных образования, в том числе 1421 муниципальный район, 311 муниципальных округов и 588 городских округов. Реформа муниципального управления, инициированная Федеральным законом от 01.05.2019 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”», в Вологодской области проходит быстрее, но Республика Карелия в 1,7 раза превышает Вологодчину по количеству муниципальных образований: городских поселений в республике больше в пять раз, а сельских поселений – в два раза (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение муниципальных образований
в Республике Карелия и Вологодской области на 1 января 2023 г.**

Субъект	Муниципальные образования					
	Всего	Муниципальные районы	Муниципальные округа	Городские округа	Городские поселения	Сельские поселения
Северо-Западный федеральный округ	1125	106	55	38	164	651
Республика Карелия	124	16	-	2	21	85
Вологодская область	75	6	20	2	4	43

Примечание: составлено по данным Росстата (База данных показателей муниципальных образований).

¹ Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Вологодской области». URL: <https://asmovo.ru/download/ustav-associazcii-sovet-municipalnyh-obrazovaniy-ologodskoj-oblasti/>; Устав Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия». URL: <https://gov.karelia.ru/karelia/natsionalnye-proekty/1778/>

² Росстат. База данных муниципальных показателей муниципальных образований. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Munst.htm>

Так как данные статистики обновляются раз в год, была изучена текущая информация из официальных источников субъектов. На октябрь 2023 г. в составе Республики Карелия функционируют 15 муниципальных районов и один муниципальный округ – Суоярвский¹, который был преобразован путем объединения входящих в его состав городских и сельских поселений и присвоения нового статуса². На территории Вологодской области реформа подходит к завершению: по состоянию на октябрь 2023 г. преобразованы 23 из 26 районов. Муниципальными районами остаются Вытегорский, Череповецкий и Шекснинский³.

Практики муниципальной публичной политики в анализируемых территориях. В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» перечислены основные формы непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления: 1) местный референдум; 2) муниципальные выборы; 3) голосование по отзыву депутата, члена выборного органа местного самоуправления, выборного должностного лица местного самоуправления, голосование по вопросам изменения границ муниципального образования, преобразования муниципального образования; 4) сходы граждан; 5) правотворческая инициатива граждан; 6) инициативные проекты (инициативное бюджетирование, в том числе проекты «Народного бюджета»); 7) территориальное общественное самоуправление; 8) староста сельского населенного пункта; 9) публичные слушания, общественные обсуждения; 10) собрание граждан; 11) конференция граждан (собрание делегатов); 12) опрос граждан; 13) обращения граждан в органы местного самоуправления; другие формы. Данный перечень является открытым; по сути он включает преимущественно формальные (прямые, непосредственные, законодательно регламентированные) формы участия жителей муниципалитетов в развитии территорий (Ворошилов, 2023, 166).

Как показывают смежные исследования, «жители Вологодской области по сравнению с населением Республики Карелии обладают более низким уровнем институционального доверия», а население Республики Карелии «выделяется по уровню межличностного доверия» (Уханова, 2021, 95–96). В данных субъектах СЗФО наблюдается «низкий уровень вовлеченности населения в деятельность как общественных организаций, так и неформальных групп – интернет-сообществ» (там же, 98). Наиболее распространенная политическая форма гражданского участия – голосование на выборах (там же). Среди неформальных практик популярны форматы социальной кооперации (или коллективные практики), например коллективное благоустройство (субботники), спортивно-массовые мероприятия, помогающее поведение (т.е. оказание безвозмездной бытовой помощи на дому; присмотр за чужими детьми, престарелыми людьми; помощь в написании обращений в органы власти) (там же). Кроме того, главы муниципальных образований Вологодской области регулярно указывают на отсутствие позитивных движений и относительно неизменный уровень социальной активности населения (в 2022 г. так ответили 25% опрошенных глав районов, в 2007 г. – 19%) (Социально-экономическое развитие..., 2023, 12–13).

¹ См.: Официальный интернет-портал Республики Карелия. Местное самоуправление. URL: <https://gov.karelia.ru/power/local-government/organy-mestnogo-samoupravleniya-respubliki-kareliya/table.php>

² См.: Закон Республики Карелия от 27.05.2022 № 2710-ЗПК «О преобразовании всех поселений, входящих в состав муниципального образования “Суоярвский район”, путем их объединения и наделении вновь образованного муниципального образования статусом муниципального округа».

³ См.: Законодательное собрание Вологодской области. Главы муниципальных образований области и руководители представительных органов муниципальных образований области. URL: <https://www.vologdazso.ru/interaction/local-self-government/heads/>

В рамках одной статьи невозможно подробно отразить все многообразие форм и механизмов участия населения в местном самоуправлении. В текущем исследовании мы рассмотрим наиболее распространенные практики, связанные с активной гражданской позицией населения, – инициативное бюджетирование, участие в НКО, оценка власти, местная коллективная инициатива по формированию комфортной городской среды.

Важным форматом муниципальной публичной политики является вовлечение граждан в процесс обсуждения и принятия решений по развитию территории. Одной из таких практик является *инициативное бюджетирование*. Инициативное бюджетирование – это аналог известного за рубежом участия граждан в бюджетных решениях, т.е. партисипаторного бюджетирования. Под инициативным бюджетированием понимается совокупность практик вовлечения граждан в бюджетный процесс, объединенных общей идеологией гражданского участия, а также сфера государственного регулирования участия населения в определении и выборе проектов, финансируемых за счет расходов бюджета, и последующем контроле за реализацией отобранных проектов (Вагин, 2016). На рис. 1 представлена наглядная схема осуществления практики бюджетирования такого рода.

Рисунок 1. Финансовые составляющие инициативного бюджетирования (составлено по (Вагин, 2016))

Российская практика инициативного бюджетирования является проектом Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов Российской Федерации (НИФИ Минфина РФ). По данным Минфина, за 2022 г. было реализовано не менее 30 тыс. проектов инициативного бюджетирования; средняя стоимость реализованных проектов составила 1,5 млн рублей (Доклад о лучших практиках..., 2022). В целом по стране за семь лет (2016–2022 гг.) число реализованных проектов инициативного бюджетирования значительно увеличилось – с 8732 в 2016 г. до 29 371 в 2022 г., т.е. примерно в 3,7 раза.

Многие ученые придерживаются точки зрения, что инициативное бюджетирование, наряду с другими формами соучастия (такими как волонтерство, благотворительность, ТОСы, опросы населения), является эффективной практикой управления

социально-экономическим развитием территорий (Вагин, 2016; Коречков, 2022). Реализация проектов инициативного бюджетирования позволяет сформировать систему положительных социальных и экономических эффектов относительно оценки органов власти со стороны местного населения. Оно также формирует доверительные взаимоотношения между участниками, позволяет получить обратную связь и обеспечить информационную открытость для населения некоторых бюджетных процессов.

Согласно отчетности Минфина, в 2021 г. среди регионов СЗФО Республика Карелия находилась на 2-м месте по количеству реализуемых практик инициативного бюджетирования (три практики), Вологодская область замыкала список с одним проектом и наименьшим объемом финансирования (табл. 3). Бюджетная поддержка на одного человека в Вологодской области в 2,7 раза меньше, чем в Карелии.

Таблица 3

**Регионы-лидеры в СЗФО по финансовому обеспечению проектов
инициативного бюджетирования в 2021 г.**

Субъект СЗФО	Количество практик ИБ	Доля средств на ИБ в бюджете субъекта РФ, %	Бюджетная поддержка ИБ на одного чел., руб.
Новгородская область	6	0,88	721,32
Республика Карелия	3	0,65	711,95
Калининградская область	3	0,42	479,84
Республика Коми	1	0,25	316,25
Вологодская область	1	0,27	256,86

Примечание: составлено по (Доклад о лучших практиках..., 2022).

Проект инициативного бюджетирования Вологодской области – муниципальный проект «Народный бюджет – ТОС» – реализуется в двух городских округах (Вологда и Череповец) с 2019 г. В Вологде он объединяет усилия 32 ТОС, состоящих из активных граждан. Объемы финансирования проекта выросли с 36 млн рублей в 2019 г. до 44,5 млн рублей в 2021 г. Всего за три года было реализовано 74 проекта по благоустройству придомовых и общественных территорий¹.

В 2022 г. созданный в Республике Карелия портал «Инициативы Карелии» попал в список «Лучших практик инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации за 2022 год» Минфина России². Данный портал запущен для упорядочения и популяризации региональных и муниципальных проектов участия граждан в бюджетном процессе. На портале размещена информация по пяти программам: «Программа поддержки местных инициатив», «Территориальное общественное самоуправление», «Комплексное развитие сельских территорий», «Народный бюджет», «Комфортная городская среда». Также имеется шесть основных разделов: новости, объекты, документы, программы, контакты и онлайн-голосование. Такая практика повышает осведомленность населения о реализующихся программах инициативного бюджетирования, а также уровень доверия к прозрачности предоставленной информации о бюджете. По информации портала, в Петрозаводске с 2014 по 2021 г. реали-

¹ Официальная страница Департамента внутренней политики Вологодской области в ВКонтakte. URL: https://vk.com/depvp35?z=photo264300496_457241313%2Fphoto_feed264300496

² Конкурс проводится с целью стимулирования развития данной практики, выявления и тиражирования опыта лучших российских проектов инициативного бюджетирования (Доклад о лучших практиках..., 2022).

зовано 42 проекта, которые преимущественно связаны с благоустройством дворовых территорий, пешеходных и велопешеходных зон, скейт-парка, парков и городских аллей, спортивных площадок, природно-рекреационных зон¹.

Вологодская область по итогам 2022 г. не вошла в число лучших практик инициативного бюджетирования. Однако в регионе, помимо проекта «Народный бюджет – ТОС» в Вологде и Череповце, на муниципальном уровне (в том числе в Вологодском муниципальном округе) с 2015 г. эффективно реализуется региональный проект «Народный бюджет». Участвуя в проекте, инициативные группы из поселений, предприниматели и активные граждане совместно с администрацией создают и реализуют общественно значимые проекты, актуальные для жителей конкретной территории. В рамках данного проекта инициативного бюджетирования с каждым годом растет количество участвующих поселений, районов и округов, число победивших проектов и доля населения, которая принимает непосредственное участие в процессе решения вопросов местного значения (Воробьева, 2023; Косыгина, 2023).

Другим примером партисипаторного участия является *Федеральный проект «Формирование комфортной городской среды»*. На реализацию данного проекта выделяются средства из федерального бюджета, региональных и местных бюджетов, внебюджетных источников (спонсоров и инвесторов) и средства граждан, что схоже с инициативным бюджетированием. В рамках проекта проходит голосование по выбору общественных территорий и дизайн-проектов, которые будут благоустроены.

Оценка результативности данной практики возможна благодаря Индексу качества городской среды, который ежегодно рассчитывает Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ. К городам с благоприятной городской средой относятся территории, набравшие больше 180 баллов. Исходя из табл. 4, за пять лет наблюдается положительная динамика изменения индекса. В Вологодской области значения индекса превышают показатели в Республике Карелия, средняя оценка в 2022 г. в области составила 192 балла, а в республике – 187. В 2022 г. в Вологодской области 8 из 15 городов, отнесены к городам с неблагоприятной городской средой, в Республике Карелия прослеживается схожая ситуация – 7 из 13 городов.

Таблица 4

**Динамика индекса качества городской среды
в Вологодской области и Республике Карелия за 2018–2022 гг.**

Год	Характеристика балла (по региону)	Вологодская область	Республика Карелия
2018	Минимальный балл	119	116
	Средний балл	157	162
	Максимальный балл	194	197
2019	Минимальный балл	143	125
	Средний балл	169	164
	Максимальный балл	206	193
2020	Минимальный балл	148	145
	Средний балл	176	171
	Максимальный балл	210	203

¹ Информация с портала «Инициативы Карелии». URL: <https://инициативы-карелия.рф/points/>

Окончание табл. 4

Год	Характеристика балла (по региону)	Вологодская область	Республика Карелия
2021	Минимальный балл	160	151
	Средний балл	184	178
	Максимальный балл	218	212
2022	Минимальный балл	163	157
	Средний балл	192	187
	Максимальный балл	226	220

Как мы ранее отмечали, для эффективной работы органов местного самоуправления и реализации публичной политики важным аспектом является партисипаторное участие ряда акторов: власть, бизнес, местное население, активные граждане, общественные организации и НКО. Особенно важным является вовлечение в решение актуальных вопросов посредством *социально ориентированных некоммерческих организаций (СО НКО)*. По состоянию на октябрь 2023 г. в России насчитывается 50 371 НКО социально ориентированного характера. Среди них 568 СО НКО находятся на территории Вологодской области (256 организаций в Вологде, 8 – в Вологодском муниципальном округе) и 357 в Республике Карелия (284 организаций в Петрозаводске)¹. Как отмечается в исследованиях, «прямое участие некоммерческого сектора в качестве партнера государства в создании общественных благ привлекает в социальную сферу значительные дополнительные финансовые ресурсы, что особо важно в условиях ограниченности бюджетов регионов» (Шабунова, 2019, 98).

Благодаря реформе местного самоуправления менее развитые сельские поселения области постепенно входят в состав более прогрессивных территорий, усиливая потенциал объединенных поселений для будущего развития. Для отслеживания происходящих изменений в развитии территорий проводится *оценка эффективности деятельности органов местного самоуправления*. Основой нормативно-правовой базы для этой оценки служат Указ Президента РФ от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления городских округов и муниципальных районов», Постановление Правительства РФ от 17 декабря 2012 г. № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 года № 607...», пп. «и» п. 2 Указа Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления». Оценка выполняется по следующим сферам: экономическое развитие; дошкольное образование; общее и дополнительное образование; культура; физическая культура и спорт; жилищное строительство и обеспечение граждан жильем; жилищно-коммунальное хозяйство; организация муниципального управления; энергосбережение и повышение энергетической эффективности.

Основные показатели для оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления как в Вологодской области, так и в Республике Карелия размещаются на сайте территориального органа Федеральной службы государственной статистики. Ежегодно главы субъектов РФ и органов местного самоуправления размещают сводные доклады о результатах мониторинга эффективности деятельности

¹ См.: Министерство экономического развития Российской Федерации. Социально ориентированные некоммерческие организации. URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko>

органов местного самоуправления на официальных ресурсах, в которых прописаны основные результаты, достигнутые за год.

Помимо этого, в Республике Карелия создан удобный и эффективный механизм по оценке деятельности органов местного самоуправления – *онлайн-голосование*¹. На сайте можно пройти актуальные текущие опросы и посмотреть их результаты, ознакомиться с итогами прошлых лет (по всем муниципальным образованиям республики). Данный инструмент удобен для быстрого реагирования органов власти на проблемные вопросы. В Вологодской области одним из дополнительных инструментов анализа оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления является *регулярный мониторинг общественного мнения*, проводимый Вологодским научным центром РАН. Мониторинговые исследования проводятся с 1996 г., имеют периодичность один раз в два месяца, затрагивают два крупных города (в том числе Вологду) и восемь районов области (в том числе Вологодский муниципальный округ). Полученные результаты тиражируются посредством информационно-аналитического бюллетеня «Эффективность государственного управления в оценках населения».

Начиная с 2020 г. в Вологодском муниципальном округе эффективно реализуется практика «Заяви о проблеме», которая представляет собой информационно-коммуникационную систему для реагирования на жалобы и контроля за реализуемыми инициативами со стороны местных жителей. Основная масса проблем (90%) связана с благоустройством и дорожной ситуацией. Благодаря данной системе у органов власти появляется еще один инструмент для коммуникации с населением, например для проведения социологических опросов в виде «электронного референдума», выдвижения инициативных идей для развития территорий или волонтерской помощи. По мнению главы Вологодского муниципального района, «коммуникация с населением через ресурс “Заяви о проблеме” – это ежедневный индикатор проблем и инициатив, которые в перспективе могут стать актуальными проектами социально-экономического развития территорий» (Жестянников, 2021, 62).

Заключение

Муниципальная публичная политика связана с особенностями локального порядка социально ориентированного свойства, опирающегося на баланс интересов основных социальных групп местного сообщества и власти, межсекторное партнерство и принципы согласования интересов во имя общего блага развития территории (Никовская, 2019, 46).

Проведенное исследование позволило изучить особенности муниципальной публичной политики на примере муниципальных образований из двух субъектов (Вологодской области и Республики Карелия) – Вологды и Петрозаводска и Вологодского муниципального округа. Правовое регулирование в указанных муниципалитетах носит схожий характер, нормативные акты и законы имеют общую составляющую, различающуюся в зависимости от административно-территориальной структуры субъекта. В то же время муниципальная реформа в Вологодской области идет ускоренными темпами, на данный момент преобразовано в муниципальные округа 23 из 26 районов, а в Республике Карелия преобразование коснулось пока только одного района. Проанализировать работу органов местного самоуправления можно за счет механизмов оценки эффективности деятельности органов местного самоуправления, одним из которых является опрос общественного мнения.

¹ Официальный интернет-портал Республики Карелия. Опрос населения. URL: https://gov.karelia.ru/interview/vote_new.php?VOTE_ID=9

Вовлеченность местного населения в решение актуальных вопросов муниципального образования находится на высоком уровне как в Вологодской области, так и в Республике Карелия. Большую актуальность на сегодняшний день имеют проекты «Инициативное бюджетирование» («Народный бюджет») и «Формирование комфортной городской среды», а в Вологодском муниципальном округе – информационно-коммуникационная система «Заяви о проблеме».

Муниципальная публичная политика в Вологодской области и Республике Карелия находится на разных стадиях формирования, но в каждом субъекте акцентируется внимание на повышении значимости роли местного населения в осуществлении местного самоуправления и территориального развития. Представляется важным дальнейшее развитие инструментов партисипаторного инициативного бюджетирования, а также проектно-практической деятельности. Принцип публичности в отношении граждан является одним из основных факторов выстраивания доверительного отношения к деятельности органов местного самоуправления в целях решения социально значимых задач на местном уровне.

Литература

- Беляева, Н.Ю. Развитие концепта публичной политики: внимание движущим силам и управляющим субъектам / Н.Ю. Беляева // *Полис. Политические исследования*. – 2011. – № 3. – С. 72–87. – EDN NRBXGT.
- Болдырев, О.Ю. Проект нового закона о местном самоуправлении без самоуправления / О. Ю. Болдырев // *Конституционное и муниципальное право*. – 2022. – № 2. – С. 65–70. – DOI 10.18572/1812-3767-2022-2-65-70. – EDN TGAUIM.
- Вагин, В. В. Инициативное бюджетирование и смежные практики / В.В. Вагин, Н.А. Шаповалова // *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. – 2016. – № 38. – С. 2–19. – EDN WWJVSR.
- Воробьева, Т.Б. Опыт инициативного бюджетирования в сельских поселениях Вологодской области / Т.Б. Воробьева // *Устойчивое развитие села, цифровизация и экономика АПК: Материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции профессорско-преподавательского состава, Санкт-Петербург – Пушкин, 2–3 марта 2023 года*. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2023. – С. 133–136. – EDN NXSAVR.
- Ворошилов, Н.В. Местное самоуправление в России: ожидание больших перемен или точечная настройка? / Н.В. Ворошилов // *Проблемы развития территории*. – 2020. – № 4. – С. 37–54. – DOI 10.15838/ptd.2020.4.108.3. – EDN BPSWWI.
- Ворошилов, Н.В. Особенности, тенденции и факторы развития различных форм осуществления населением местного самоуправления в регионах Европейского Севера России / Н.В. Ворошилов // *Север и рынок: формирование экономического порядка*. – 2023. – Т. 26, № 3. – С. 165–183. – DOI 10.37614/2220-802X.3.2023.81.011. – EDN GTBVUS.
- Ворошилов, Н.В. Проблемы и перспективы развития института местного самоуправления в России / Н.В. Ворошилов // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2022. – Т. 15, № 5. – С. 170–188. – DOI 10.15838/esc.2022.5.83.9. – EDN RYTLVA.
- Доклад о лучших практиках развития инициативного бюджетирования в субъектах Российской Федерации и муниципальных образованиях за 2022 г. // Министерство финансов Российской Федерации. – URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (дата обращения: 02.09.2023).
- Дятлов, А.В. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев, Я.А. Асланов // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2021. – Т. 14, № 4. – С. 23–35.
- Дятлов, А.В. Трансформация института сити-менеджмента в муниципальном управлении Юга России / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Социологические исследования*. – 2021. – № 3. – С. 66–77.
- Жестянников, С.Г. Общественное участие как инструмент развития территории (из опыта Вологодского муниципального района Вологодской области) / С.Г. Жестянников // *Проблемы развития территории*. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 52–67. – DOI 10.15838/ptd.2021.1.111.3. – EDN PRSSOR.
- Капелюшников, Р.И. Конец российской модели рынка труда? / Р.И. Капелюшников. – Москва: Гос. ун-т – Высш. шк. экономики, 2009. – 77 с.

Кожевников, С.А. Муниципальные образования региона: проблемы и пути саморазвития / С.А. Кожевников, Н.В. Ворошилов, И.А. Секушина. – Вологда: Вологодский научный центр Российской академии наук, 2021. – 232 с. – ISBN 978-5-93299-504-4. – EDN FEXPTD.

Коречков, Ю.В. Управление социальной политикой региона: институционализация и методы инициативного бюджетирования / Ю.В. Коречков, В.В. Великороссов, В.А. Кваша // *Теоретическая экономика*. – 2022. – № 8. – С. 41–48. – DOI 10.52957/22213260_2022_8_41. – EDN DATLEH.

Косыгина, К.Е. Роль местных сообществ в развитии малых территорий / К.Е. Косыгина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2023. – Т. 16, № 5. – С. 210–229. – DOI 10.15838/esc.2023.5.89.12. – EDN YWDMGY.

Современная политическая реальность и государство: сложные методы исследований / А.В. Волкова, А.В. Глухова, А.А. Гнедаш [и др.]. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2015. – 260 с. – ISBN 978-5-8209-1118-7. – EDN UNTSCH.

Социально-экономическое развитие муниципальных образований Вологодской области. 2000–2022 гг.: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 10 / под общей редакцией Т.В. Усковой, Н.В. Ворошилова. – Вологда: ВолНЦ РАН, 2023 – 108 с.

Михайленок, О.М. Публичная политика, развитие и институты: логика сопряжения смыслов и «забытые вещи» в новой бытийной реальности / О.М. Михайленок, А.В. Назаренко // *Полис. Политические исследования*. – 2020. – № 1. – С. 179–191. – DOI 10.17976/jpps/2020.01.14. – EDN GUPRLR.

Мищенко, В.В. Инициативные проекты как одна из перспективных форм гражданского участия в решении вопросов социально-экономического развития территории (на материалах Алтайского края) / В.В. Мищенко, В.Г. Лякишева, А.А. Кириллов // *Экономика. Профессия. Бизнес*. – 2022. – № 3. – С. 74–83. – DOI 10.14258/epb202240. – EDN MEEEEAS.

Никитина, А.А. Формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления в Ростовской области: правовое регулирование и практика / А.А. Никитина // *Государственное управление. Электронный вестник*. – 2021. – № 88. – С. 119–133. – DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-119-133. – EDN IHMMAI.

Никовская, Л.И. Введение в предметное поле муниципальной публичной политики / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // *Социально-политические исследования*. – 2019. – № 4 (5). – С. 36–53. – DOI 10.24411/2658-428X-2019-10545. – EDN PXRVER.

Никовская, Л.И. Муниципальная публичная политика как индикатор качества взаимодействия власти и общества на местном уровне / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // *Местное право*. – 2022. – № 4. – С. 3–20. – EDN HGSTFI.

Никовская, Л.И. Публичная политика и гражданское общество (санкт-петербургский кейс) / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК*. – 2018. – Т. 14, № 1. – С. 57–67. – EDN MJFJOP. Программа развития инициативного бюджетирования в Российской Федерации / А.А. Блохин, В.В. Габидуллин, Н.В. Гаврилова [и др.]. – Москва, 2017. – 79 с. – EDN YOEEEX.

Публичный отчет главы Вологодского муниципального округа о социально-экономическом развитии Вологодского муниципального округа за 2022 год // Вологодский муниципальный округ. – 31 января. – 2023. – URL: <https://volraion.ru/organy-vlasti/glava-rayona/reports/doklady/28559/> (дата обращения: 14.09.2023).

Сунгуров, А.Ю. Общественное участие в деятельности власти: общественное и партисипаторное бюджетирование и соучаствующее проектирование на уровне муниципалитетов Санкт-Петербурга / А.Ю. Сунгуров, А.Е. Дмитриева // *Вопросы государственного и муниципального управления*. – 2023. – № 2. – С. 103–125. – DOI 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125. – EDN OMKHZE.

Сунгуров, А.Ю. Публичная политика: развитие зарубежных и российских исследований / А.Ю. Сунгуров // *Политическая наука*. – 2022. – № 3. – С. 80–99. – DOI 10.31249/poln/2022.03.04. – EDN CDBVGO.

Уханова, Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) / Ю. В. Уханова // *Проблемы развития территории*. – 2021. – Т. 25, № 1. – С. 88–107. – DOI 10.15838/ptd.2021.1.111.5. – EDN OORHTG.

Шабунова, А.А. Проблемы государственного управления развитием некоммерческого сектора на региональном уровне / А.А. Шабунова, К.Е. Косыгина // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. – 2019. – Т. 12, № 4. – С. 86–103. – DOI 10.15838/esc.2019.4.64.6. – EDN FMGZQF.

Якимец, В.Н. Особенности муниципальной публичной политики в Севастополе / В.Н. Якимец, Л.И. Никовская // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология*. – 2021. – № 1. – С. 100–109. – EDN EZEGNV.

25 вопросов об инициативном бюджетировании: учебное пособие / Е.А. Тимохина, Н.В. Гаврилова, Н.А. Шаповалова [и др.]. – Москва: Издательские технологии, 2017. – 46 с. – EDN KJFZGE.

References

- Belyaeva N.Yu. Development of the concept of public policy: attention to the driving forces and governing entities. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*. 2011; 3: 72–87. (In Russ.)
- Blohin A.A., Gabidullin V.V., Gavrilova N.V. [et al.]. The program for the development of initiative budgeting in the Russian Federation. Moskva = Moscow; 2017. 79 p. (In Russ.)
- Boldyrev O.Yu. Draft of a new law on local self-government without self-government. *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*. 2022; 2: 65–70. DOI 10.18572/1812-3767-2022-2-65-70. (In Russ.)
- Dyatlov, A.V. Kovalev V.V., Aslanov Ya.A. Methodological construct for studying managerial tools for ensuring the efficiency of municipal management. *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. 2021; 14(4): 23–35. (In Russ.)
- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Transformation of the institute of city management in the municipal government of the South of Russia. *Sociological studies*. 2021; (3): 66–77. (In Russ.)
- Kapelyushnikov R.I. The end of the Russian labor market model?. Moskva: Gos. un-t – Vyssh. shk. ekonomiki = Moscow: State University of Higher School of Economics; 2009. 77 p. (In Russ.)
- Korechkov Yu.V., Velikorossov V.V., Kvasha V.A. Management of social policy in the region: institutionalization and methods of initiative budgeting. *Teoreticheskaya ekonomika = Theoretical economics*. 2022; 8: 41–48. DOI 10.52957/22213260_2022_8_41. (In Russ.)
- Kosygina K.E. The role of local communities in the development of small territories. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2023; 16 (5): 210–229. DOI 10.15838/esc.2023.5.89.12. (In Russ.)
- Kozhevnikov S.A., Voroshilov N. V., Sekushina I.A. Municipalities of the region: problems and ways of self-development. *Vologda: Vologodskij nauchnyj centr Rossijskoj akademii nauk = Vologda: Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*; 2021. 232 p. ISBN 978-5-93299-504-4. (In Russ.)
- Mihajlenok O.M., Nazarenko A.V. Public policy, development and institutions: the logic of conjugation of meanings and “forgotten things” in the new existential reality. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political research*. 2020; 1: 179–191. DOI 10.17976/jpps/2020.01.14. (In Russ.)
- Mishchenko V.V., Lyakisheva V.G., Kirillov A.A. Initiative projects as one of the promising forms of civic participation in solving issues of socio-economic development of the territory (based on the materials of the Altai Territory). *Ekonomika. Professiya. Biznes. = Economy. Profession. Business*. 2022; 3: 74–83. DOI 10.14258/epb202240. (In Russ.)
- Nikitina A.A. Forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government in the Rostov region: legal regulation and practice. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik = Public administration. Electronic Bulletin*. 2021; 88: 119–133. DOI 10.24412/2070-1381-2021-88-119-133. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Introduction to the subject field of municipal public policy. *Social'no-politicheskie issledovaniya = Socio-political studies*. 2019; 4(5): 36–53. DOI 10.24411/2658-428X-2019-10545. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Municipal public policy as an indicator of the quality of interaction between government and society at the local level. *Mestnoe pravo = Local Law*. 2022; 4: 3–20. (In Russ.)
- Nikovskaya L.I., Yakimec V.N. Public policy and civil society (St. Petersburg case). *Political expertise: POLITEX*. 2018; 14 (1): 57–67. (In Russ.)
- Public report of the head of the Vologda Municipal District on the socio-economic development of the Vologda Municipal District for 2022. *Vologodskij municipal'nyj okrug = Vologda Municipal District*. January 31. 2023. URL: <https://volraion.ru/organy-vlasti/glava-rayona/reports/doklady/28559/> (date of application: 14.09.2023). (In Russ.)
- Report on the best practices in the development of initiative budgeting in the subjects of the Russian Federation and municipalities for 2022. *Ministerstvo finansov Rossijskoj Federacii = Ministry of Finance of the Russian Federation*. URL: https://minfin.gov.ru/common/upload/library/2022/09/main/0512_Doklad_2022_V4.pdf (date of application: 02.09.2023). (In Russ.)
- Shabunova A.A., Kosygina K.E. Problems of state management of the development of the non-profit sector at the regional level. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2019; 12 (4): 86–103. DOI 10.15838/esc.2019.4.64.6. (In Russ.)
- Socio-economic development of the Vologda Oblast municipalities. 2000-2022: information and analytical bulletin. Issue 10. under the general editorship of T.V. Uskova, N.V. Voroshilov. Vologda: VolNC RAN = Vologda: VolSC RAS; 2023. 108 p. (In Russ.)
- Sungurov A.Yu. Public policy: the development of foreign and Russian studies. *Politicheskaya nauka = Political Science*. 2022; 3: 80–99. DOI 10.31249/poln/2022.03.04. (In Russ.)
- Sungurov A.Yu., Dmitrieva A.E. Public participation in government activities: public and participatory budgeting and participatory design at the municipal level of St. Petersburg. *Voprosy gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya = Issues of state and municipal management*. 2023; 2: 103–125. DOI 10.17323/1999-5431-2023-0-2-103-125. (In Russ.)

- Timohina E.A., Gavrilova N. V., Shapovalova N.A. [et al.]. 25 questions about initiative budgeting: A textbook. Moskva: Izdatel'skie tekhnologii = Moscow: Publishing Technologies; 2017. 46 p. (In Russ.)
- Uhanova Yu.V. Collective practices and the potential of civic participation of the local community (a sociological study in Russian regions). *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2021; 25 (1): 88–107. DOI 10.15838/ptd.2021.1.111.5. (In Russ.)
- Vagin V.V., Shapovalova N.A. Initiative budgeting and related practices. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya = Financial analytics: problems and solutions*. 2016; 38: 2–19. (In Russ.)
- Volkova A.V., Gluhova A.V., Gnedash A. A. [et al.]. Modern political reality and the state: complex research methods. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet = Krasnodar: Kuban State University; 2015. 260 p. ISBN 978-5-8209-1118-7. (In Russ.)
- Vorob'eva T.B. The experience of initiative budgeting in rural settlements of the Vologda region. *Ustojchivoe razvitie sela, cifrovizaciya i ekonomika APK: Materialy vserossijskoj (nacional'noj) nauchno-prakticheskoj konferencii professorsko-prepodavatel'skogo sostava, Sankt-Peterburg – Pushkin, 02–03 marta 2023 goda. Sankt-Peterburg: Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj agrarnyj universitet = Sustainable rural development, digitalization and the economy of the agro-industrial complex: Materials of the All-Russian (national) scientific and practical conference of the teaching staff, St. Petersburg – Pushkin, 2–3 March 2023. – St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University, 2023: 133–136. (In Russ.)*
- Voroshilov N.V. Features, trends and factors of development of various forms of local self-government by the population in the regions of the European North of Russia. *Sever i rynek: formirovanie ekonomicheskogo poryadka = North and market: formation of economic order*. 2023; 26; 3: 165–183. DOI 10.37614/2220-802X.3.2023.81.011. (In Russ.)
- Voroshilov N.V. Local self-government in Russia: the expectation of big changes or point adjustment? *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2020; 4: 37–54. DOI 10.15838/ptd.2020.4.108.3. (In Russ.)
- Voroshilov N.V. Problems and prospects of development of the Institute of local self-government in Russia. *Ekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2022; 15(5): 170–188. DOI 10.15838/esc.2022.5.83.9. (In Russ.)
- Yakimec V.N., Nikovskaya L.I. Features of municipal public policy in Sevastopol. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sociologiya = Bulletin of the Voronezh State University. Series: History. Political science. Sociology*. 2021; 1: 100–109. (In Russ.)
- Zhestyannikov S.G. Public participation as a tool for territorial development (from the experience of the Vologda municipal district of the Vologda region). *Problemy razvitiya territorii = Problems of territorial development*. 2021; 25 (1): 52–67. DOI 10.15838/ptd.2021.1.111.3. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 17.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.11.2023

Информация об авторах

Белехова Галина Вадимовна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия, e-mail: belek-galina@yandex.ru

Жданова Ангелина Эдуардовна – младший научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Вологодский научный центр Российской академии наук, г. Вологда, Россия, e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Belekhova Galina Vadimovna – candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Research Institute of the Russian Academy of Sciences, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: belek-galina@yandex.ru

Zhdanova Angelina Eduardovna – junior Researcher, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vologda, Russia, e-mail: angelinazhdanova99@mail.ru

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.354:355

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.3.

EDN DWDAOS

Операционализация понятия «эффективность управления университетом»**Инна С. Ракитина¹**¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

им. М.И. Платова

e-mail: rakitina.inna@list.ru.

Аннотация

Введение. В данной статье осуществляется операционализация понятия «эффективность управления университетом». Актуальность исследования имеет как теоретический, так и прикладной характер. Теоретический аспект исследования проявляется в отсутствии методологически обоснованного представления об эффективности управления университетом. Практический состоит в наличии устойчивых, но теоретически не обоснованных практик применения категории «эффективность» в управлении университетами. Следовательно, в социуме существует нереализованный запрос на решение поставленной проблемы. Цель исследования определена как разработка теоретической модели понятия «эффективное управление университетом».

Методы. Методологической основой исследования выступает теория государственного менеджериализма. Выбор этой методологии обосновывается тем, что современная модель управления высшим образованием России всецело выстроена именно на менеджеристских началах. В связи с этим категория операционализации может быть выполнена только в опоре на содержательные свойства менеджеристской теории. Менеджеризм выступает объясняющим инструментом того, как функционирует механизм работы количественных показателей в управленческих практиках высшей школы. Кроме того, процесс анализа заявленного понятия – «эффективность управления университетом» – осуществляется с применением операционалистского подхода, разработанного П. Лазарсфельдом.

Результаты и их обсуждение. «Эффективное управление университетом» – это достижение целей образовательной организации, обеспеченное достаточным объемом и оптимальным расходом используемых ресурсов и имеющее подтверждение академического сообщества о том, что достигнутые результаты имеют значение для социума. Полученное определение выведено из последовательной операционализации следующих категорий: «эффективность управления», «университет», «типы университетов», «цели университетов», «ресурсы достижения целей», «субъектность академического сообщества».

Ключевые слова: университет; эффективность управления; классический университет; цели университета; предпринимательский университет; академическое сообщество; ресурсы управления.

Для цитирования: Ракитина И.С. (2023). Операционализация понятия «эффективность управления университетом». *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 42–49. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.3>.

Operationalization of the concept of “university management effectiveness”**Inna S. Rakitina¹**¹South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov

e-mail: rakitina.inna@list.ru.

Abstract

Introduction. This article operationalizes the concept of “university management effectiveness”. The relevance of the research has both theoretical and applied character. The theoretical aspect of the research is manifested in the absence of a methodologically grounded notion of university management effectiveness. The practical aspect consists in the presence of sustainable but theoretically unsubstantiated practices of applying the category of “efficiency” in university management. Consequently, there is an unrealized demand for the solution of the posed problem in the society. The purpose of the study is defined as the development of a theoretical model of the concept of “effective university management”.

Methods. The methodological basis of the study is the theory of public managerialism. The choice of this methodology is justified by the fact that the modern model of higher education management in Russia is entirely built on managerialist principles. In this regard, the category of operationalization can be performed only in

reliance on the substantive properties of the managerialist theory. Managerialism acts as an explanatory tool of how the mechanism of quantitative indicators functions in the management practices of higher education. In addition, the process of analyzing the declared concept – “university management efficiency” – is carried out using the operationalist approach developed by P. Lazarsfeld.

Results. “Effective university management” is the achievement of the goals of an educational organization, ensured by a sufficient amount and optimal consumption of the used resources, and confirmed by the academic community that the achieved results are meaningful for the society. The obtained definition is derived from the consistent operationalization of the following categories: “management effectiveness”, “university”, “types of universities”, “university goals”, “resources for achieving goals”, “subjectivity of the academic community”.

Keywords: university; management effectiveness; classical university; university goals; entrepreneurial university; academic community; management resources.

For citation: Rakitina I.S. (2023). Operationalization of the concept of “university management effectiveness”. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 42–49. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.3>.

Введение

В настоящее время проблема эффективного управления университетом актуализируется в свете утраты доверия со стороны научного сообщества к тем управленческим практикам, которые российская власть реализует, отталкиваясь от методических установок менеджеристской идеологии. Стремление во что бы то ни стало реформировать систему высшего образования привело к тому, что с 2000-х гг. государством без всякой научной экспертизы принятой концепции реформы форсированным образом стало осуществляться внедрение менеджеристской модели управления. Очевидно, реформы проводить следовало. Но предлагаемые академическому сообществу новые принципы управления должны были пройти стадию обсуждения на местах, экспертизы полученных результатов, оценки благоприятных и неблагоприятных вариантов развития. Ничего подобного сделано не было. Преобразования проводились путем насильственного насаждения чуждых науке и образованию принципов и правил, усилия по адаптации к которым привели к ряду глубоких и отрицательных трансформаций в высшей школе (Дятлов, 2023).

Проблема, разумеется, не только в выбранной менеджеристской модели реформы. Она могла быть и другой, но с аналогичными последствиями. На данном этапе у реформаторов нет понимания того, что представляет собой в теории концепция эффективного управления университетом. Этот пробел делает бессмысленными любые реформаторские начинания. Следовательно, он должен быть восполнен. С учетом сказанного цель исследования представляется возможным определить как разработку теоретической модели понятия «эффективное управление университетом».

Методы

Методологической основой исследования выступает теория государственного менеджеризма. Выбор этой методологии обосновывается тем, что современная модель управления высшим образованием России всецело выстроена именно на менеджеристских началах. В связи с этим представленная в титуле к данной статье категория операционализации может быть выполнена только в опоре на содержательные свойства менеджеристской теории. Менеджеризм выступает объясняющим инструментом того, как функционирует механизм работы количественных показателей в управленческих практиках высшей школы (Ковалев, 2023; Казанцев, 2023).

Кроме того, процесс анализа заявленного понятия – «эффективность управления университетом» – осуществляется с применением операционалистского подхода, разработанного П. Лазарсфельдом (Lazarsfeld, 1993).

Результаты исследования и их обсуждение

Проблемы определения категории «эффективность». Данная категория была введена в научный оборот экономистами и первоначально предполагала оценку разницы между затраченными ресурсами и полученным доходом. Если разница была в пользу доходов, то можно было говорить о наличии прибыли. В обратном случае – убытков. В данной системе координат эффективность измерялась именно через увеличение прибыли. Подобного рода расчеты к такой социальной организации, как университет, не применимы. Прежде всего потому, что университет является некоммерческой организацией, которая не преследует цель получения прибыли от своей деятельности. Следовательно, и эффективность необходимо измерять как-то иначе. Решение этого теоретического затруднения видим в следующем: следует привязать измерение эффективности управления университетом к достижению цели некоммерческой организации в контексте объема затраченных на нее ресурсов. Цель в данной ситуации становится оценочным понятием, оценка которого возможна лишь при наличии общей системы ценностей в академическом сообществе.

С учетом сказанного мы можем предложить следующее определение эффективности управления: *это достижение целей объекта управления, обеспеченное оптимальным расходом используемых ресурсов и имеющее подтверждение академического сообщества о том, что достигнутые результаты имеют значение для социума.* Из данного определения выделим несколько понятий, операционализация которых позволит сформировать логический объем титульной категории данной статьи – «эффективность управления университетом». К этим понятиям относятся «университет», «цели университета», «ресурсы достижения целей», «академическое сообщество». Работа над ними даст возможность вывести итоговое определение.

Университет как научная категория. Легитимного определения для термина «университет» в законодательстве не предусмотрено. Поэтому мы будем ориентироваться на сложившуюся научную традицию. С учетом того, что университет претерпел достаточно сложную эволюцию, а также имел весьма неоднородные конфигурации в разных странах, дать какое-то однозначное определение затруднительно. Также нужно принять во внимание, что в нашей стране практически все вузы стали университетами, так как в доменеджеристскую эпоху университетский статус давал образовательной организации больше академических возможностей. Действующее законодательство все старые смыслы, когда выстраивалась четкая иерархия значимостей по линии «университет – академия – институт», упразднило. Сейчас название «университет» является скорее данью традиции или паразитированием на символическом значении слова, чем смыслом, реально отражающим образовательный статус организации.

С точки зрения формальных и содержательных аспектов университет – это высшее учебное заведение, которое имеет стандартные и давно описанные в науке признаки (Захарова, 2015). Поэтому куда более продуктивно посмотреть на эту категорию с позиции того значения, которое она приобрела в современной реальности. Действующее законодательство и в этом едва ли может нам помочь. В Федеральном законе «Об образовании в РФ» указаны следующие виды университетов: ведущие классические (МГУ и СПбГУ), федеральные, национальные исследовательские, а также образовательные организации, осуществляющие высшее образование (т.е. все прочие). Возможно, для решения каких-то исследовательских задач эта классификация имеет значение, но все вузы России управляются на основе менеджеристских инструментов. Поэтому их эффективность измеряется по универсальным требованиям. Следовательно, чтобы понять, какие реально существуют университеты, нам необходимо обратиться к сложившимся социальным практикам, отраженным в доктринальных представлениях социологов.

Наиболее продуктивной считаем типологию, основанную на разделении университетов на классические и предпринимательские. В основе предложенной дифференциации лежит различие в управленческих целях, что является для нас наиболее приоритетным в плане сформулированной выше категории «эффективность управления», где цель считается важнейшим индикатором. Именно этот аспект далее будет подробно анализироваться с учетом несходства целевых ориентаций классических и предпринимательских университетов. Таким образом, мы исходим из гипотезы, что в классический и предпринимательский университеты закладываются разные представления об эффективности, что предполагает также применение разных моделей управления.

Данное усложнение концепции считаем необходимым, так как сформулированное выше определение эффективности управления, по нашему предположению, будет иметь в этих типах учебных заведений разный управленческий смысл.

Цели классического и предпринимательского университета. Концепция классического университета возникла из опыта осмысления его исторической эволюции и представлений о миссии (Карпенко, 2018). Она была сформулирована на рубеже XVIII–XIX вв. как идея нациестроительства, создания условий для развития гражданина и его приобщения к высшим и наиболее актуальным формам национальной культуры (Колесникова, 2013). Поэтому основными целями классического университета традиционно позиционируются три направления: профессиональное обучение, научные инновации, приобщение к культуре. Смена целевых приоритетов образовательных организаций порождает гипотезы об эволюции классического университета. Например, смещение акцента с культуры на науку или образования на науку привело к возникновению идеи так называемого исследовательского университета (Головкин, 2018). Однако фундаментально университет по-прежнему остается классическим, так как речь идет только о ротации приоритетов в пределах трех традиционных целей (Кокодей, 2023). Таким образом, его эффективность может постулироваться лишь в случае достижения всех перечисленных целей.

Применение к классическому университету принципа управления по количественным показателям позволяет говорить о появлении четвертой цели – получения прибыли. Она отражает нацеленность на коммерциализацию его деятельности. Однако на уровне исходного замысла ориентация на получение доходов сопрягалась с идеей расширения ресурсов, необходимых для повышения качества науки и образовательных услуг. В связи с этим четвертая цель в классических (исследовательских) университетах даже в рамках менеджериализма может быть интерпретирована лишь как дополнительная, не имеющая самостоятельной ценности.

Иные целевые ориентации приняты в предпринимательском университете.

Данный концепт в его наиболее развернутом виде сформулирован Б. Кларком (Хадиуллина, 2022). Приоритетная цель такого образовательного учреждения – получение прибыли. Достигается она за счет глубокой трансформации целевых ориентиров образовательной и научной деятельности. Полезность профессионального обучения видится в том, чтобы каждый выпускник имел возможность конвертировать полученные знания в ресурс для предпринимательства или успешной в денежном плане карьеры, а цель научных инноваций состоит в интеграции университета с экономическими институтами за счет проведения прикладных (не наукоемких) исследований, имеющих коммерческую ценность. В более широком аспекте предпринимательский университет рассматривается как фактор социально-экономического развития.

Эти целевые ориентиры ведут за собой видоизменение всей концепции управления университетом. Сторонники идеи предпринимательского университета убеждены в необходимости формирования организационной культуры инновационного типа, перехода на

директивное (не коллегиальное) принятие решений, создания управленческих органов, ориентированных на связи с экономическими агентами, отказа от принципа устойчивости в управлении (кафедра – факультет – ректорат в классическом вузе) (Юров, 2020).

Надо полагать, что в предпринимательском университете, в отличие от классического, основной целью выступает получение прибыли, а образование и наука считаются дополнительными, выступающими в большей степени в роли инструмента достижения коммерческих результатов. Приобщение студентов к культуре, третья цель классического университета, трансформируется из основной в дополнительную.

Ресурсы достижения целей. Следующее понятие, которое было использовано в определении эффективности управления, – ресурсы достижения целей, которые интерпретируются в контексте достаточности и оптимальности их трат на достижение цели.

Под ресурсом мы будем понимать измеряемую возможность для осуществления целедостижительной деятельности (Ибраева, 2022). Ресурс в управлении – это потенциал, который подыскивается, распределяется и применяется для достижения управленческих целей. В управлении университетами ресурсом следует считать все потенциальные возможности обеспечивать социально значимую профессиональную подготовку, актуальные для социума научные изыскания, приобщение обучающейся молодежи к культуре.

Классификация ресурсов университета допустима самая разнообразная, но если ориентироваться на сформулированные выше цели, то можно предложить следующие виды используемых в процессе управления образовательными организациями ресурсов: социальные, материально-технические и информационные. Попытаемся в процессе интерпретации выделенного разнообразия установить наиболее существенные для категории эффективности операциональные признаки.

Социальные ресурсы. К ним относится профессорско-преподавательский состав, эффективные менеджеры (ректорат, руководители структурных подразделений) и обучающиеся (бакалавры, специалисты, магистранты, аспиранты). Социальные ресурсы дифференцируются на характеристики, посредством которых мы можем определить готовность эффективно работать или учиться в рамках менеджеристской модели управления указанных выше социальных акторов. К ним относится пять значимых для оценки эффективного управления университетами аспектов социального ресурса: мотивационный, интеллектуальный, методический, темпоральный и коммуникативный.

Мотивационный аспект поставлен на первое место, так как его приоритетность позиционируется идеологами менеджериства как первостепенная. Они исходят из установки, что как только социальные акторы получают необходимый уровень мотивации, в первую очередь материального плана, то трудностей с увеличением продуктивности не возникнет: ученые будут писать больше научных работ; преподаватели станут на партнерских началах, ответственно и профессионально взаимодействовать с обучающимися; студенты начнут учиться с осознанием того, что хорошая учеба является фундаментом будущей успешной карьеры; эффективные менеджеры будут стимулировать рост объема работ не в ущерб его качеству. Подобные представления не кажутся нам безусловными, и мы считаем необходимым проверить их эмпирически. Оценка *интеллектуального аспекта* необходима для того, чтобы понять, есть ли когнитивные возможности у обучающихся и сотрудников университета осуществлять профессиональную деятельность в условиях менеджеристской модели. Учет *методического аспекта* обусловливается необходимостью выявления способности оформлять мотивационные и интеллектуальные устремления в соответствующие технологии исполнения профессиональных обязанностей. *Темпоральные возможности* следует учитывать в свете роста производственной нагрузки под влиянием менеджеристских инструментов и обязанности исполнять профессиональные функции качественно. И наконец, через

коммуникативный аспект можно проверить, насколько сложившиеся ролевые модели взаимодействия соответствуют менеджеристским требованиям.

Материально-технические ресурсы. Это экономическая база университета. К ней можно отнести все, что необходимо для поддержания его функционирования: фонд заработной платы, устойчивые связи с институтами экономики, учебные и административные корпуса, оборудование для лабораторий, учебных аудиторий, подсобных помещений и т.п. Они значимы относительно всех видов образовательной и научной деятельности, но приоритетное значение имеют для технических специальностей.

Информационные ресурсы. Этот вид ресурсов до недавнего времени отождествлялся с масштабностью библиотечного фонда. Сейчас, опираясь только на ресурсы библиотеки, немыслимо рассчитывать на создание условий для качественного профессионального обучения и научных исследований. Следовательно, эмпирически мы должны установить, насколько улучшилось информационное обеспечение университетов за 15 лет применения менеджеристских инструментов обеспечения эффективности.

Анализ ресурсов необходим для того, чтобы решить две задачи, связанные с установлением эффективности управления университетом: выявить достаточность ресурсов и определить оптимальность ресурсных трат для достижения целей университета.

Субъектность академического сообщества. Результирующим аспектом операционализации выступает оценка способности академического сообщества быть субъектом оценки эффективности управления университетом. В наиболее упрощенном понимании – это общность, группа людей, объединенная едиными ценностями, интересами, целями профессиональной деятельности в сфере науки и образования.

Уже из этого определения легко понять, что субъектом оценки эффективности управления академическое сообщество может быть лишь в том случае, если его участники имеют общую систему ценностей. Это является гарантом реализации его субъектности и профессиональной дееспособности. Академическое сообщество должно обладать едиными ценностными основаниями для принятия решения, поскольку принятые акты, и это особенно отличает его, например, от политического сообщества, приобретают значимость лишь в условиях их подтверждения квалифицированным большинством. Примером может служить присуждение ученых степеней на заседании диссертационных советов, когда легитимация проведенного научного исследования заверяется двумя третями голосов. При этом недостижение в процессе голосования трех четвертей положительных оценок выступает основанием к дополнительному рассмотрению диссертации в профильном экспертном совете ВАК РФ.

В науке есть мнение, что академическое сообщество в настоящее время теряет признаки субъектности. В качестве ведущих причин называются: потеря академической свободы, т.е. независимости в принятии решений, переадресация функций в принятии решений по оценке целедостижительной деятельности в науке и образовании эффективным менеджерам и наконец раскол в самом академическом сообществе на сторонников и противников менеджеристских реформ (Гриб, 2021). Таким образом, как нетрудно заметить, простого совпадения в системе ценностей недостаточно. Необходимо установить способность академического сообщества быть субъектом процесса принятия решений, связанных с верификацией эффективности управления университетом в процессе совершения социально значимых действий.

Следовательно, первостепенная задача состоит в том, чтобы понять, посредством каких устойчивых социальных практик академическое сообщество может выражать потенциал быть субъектом принятия решений. В науке к их числу можно отнести следующие: работа в диссертационных советах, участие в редакционных коллегиях научных журналов, заседания в ученых советах и экспертных советах (при ВАК РФ, по

экспертизе заявок на грант, утверждению кандидатов на поступление в аспирантуру и т.п.). В образовании такими практиками могут быть приемные комиссии, учебно-методические советы, экзаменационные комиссии, кафедры и др. Все эти научно-образовательные институты адаптируются к реализуемым менеджеристским инструментам. Вопрос заключается в том, насколько традиционные практики, принятые в академическом сообществе, смогли интегрироваться в менеджеристское управление, не потеряв ресурсного потенциала быть субъектом оценивания (Скворцов, 2016). Есть мнение, что их разрушение и переход на имитационные механизмы работы состоялись еще в 90-х гг. XX в., а менеджеристская модель лишь заняла освободившуюся в университетах нишу. Но данные утверждения без эмпирических доказательств ничтожны.

Заключение

В завершающей стадии исследования сформулируем определение понятия «эффективное управление университетом». Это достижение целей образовательной организации, обеспеченное достаточным объемом и оптимальным расходом используемых ресурсов и имеющее подтверждение академического сообщества о том, что достигнутые результаты имеют значение для социума.

Данное определение не может быть оценочным априорно. Оно нуждается в эмпирической верификации. Поскольку в настоящее время единственной управленческой моделью, применяемой в университетах, является государственный менеджизм, то операционализация осуществлялась с прицелом на исследование именно менеджеристских установок на эффективность. Все высказанные суждения об эффективности управления университетами предполагают необходимость проведения эмпирических исследований, целью которых должно стать установление реакции академического сообщества на применение менеджеристских инструментов в управленческих практиках. В настоящий момент можно сказать лишь то, что нами разработана модель, которая может быть использована для оценки менеджеристской эффективности работы по количественным показателям. Саму эффективность мы будем оценивать в своих последующих исследованиях.

Литература

- Головкин, Н.В. Третья миссия университета и модель многопользовательского управления для регионального развития / Н.В. Головкин, О.В. Зиневич, Е.А. Рузанкина // *Сравнительная политика*. – 2018. – Т. 9, № 1. – С. 5–17. – EDN YRIDNY.
- Гриб, В.В. Академические права и свободы – ключевой принцип взаимодействия государства и высших учебных заведений / В.В. Гриб // *Российский судья*. – 2021. – № 4. – С. 26–31. – DOI 10.18572/1812-3791-2021-4-26-31. – EDN HOZQRS.
- Дятлов, А.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджеристских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3. – EDN RGIKSM.
- Захарова, О.А. Контексты интерпретации понятия «современный университет» / О.А. Захарова, Л.С. Илюшин // *На путях к новой школе*. – 2015. – № 1. – С. 92–95. – EDN UHPBVB.
- Ибраева, Э.А. Теоретические подходы к толкованию понятия «человеческие ресурсы» / Э.А. Ибраева // *European Science*. – 2022. – № 2. – С. 28–33. – DOI 10.24411/2410-2865-2022-10202. – EDN EEQFZO.
- Казанцев, О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 96–103. – DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.9. – EDN RUILOI.
- Карпенко, А.Ю. Трансформация миссии университета: прошлое и настоящее / А.Ю. Карпенко // *Национальное здоровье*. – 2018. – № 1. – С. 292–304. – EDN XOPSIX.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023. – № 7. – С. 24–32. – DOI 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. – EDN XGDYIY.
- Кокодей, Т.А. Реструктуризация стратегии управления исследовательским процессом в российском вузе / Т.А. Кокодей, М.А. Михайлов // *Caucasian Science Bridge*. – 2023. – Т. 6, № 1. – С. 52–60. – DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.5. – EDN XHUIKI.

Колесникова, Е.Ю. Миссия и ответственность современного университета: к вопросу о поиске идейных оснований / Е.Ю. Колесникова // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общие науки*. – 2013. – № 1. – С. 85–90. – EDN PXEKZR.

Скворцов, А.А. Академическая честность против коммерческого успеха и критериев «эффективности» / А.А. Скворцов // *Ведомости прикладной этики*. – 2016. – № 49. – С. 79–91.

Хадиуллина, Г.Н. Концепция предпринимательского университета: предпосылки возникновения и основные положения / Г.Н. Хадиуллина // *Горизонты экономики*. – 2022. – № 5. – С. 5–10. – EDN QFZQFX.

Юров, С.С. Частный университет как модель предпринимательского университета / С. С. Юров // *Бизнес и дизайн ревю*. – 2020. – № 3. – С. 15. – EDN NZULQT.

Lazarsfeld, P.F. Some remarks on the typological procedures in social science / P.F. Lazarsfeld. – Chicago: The University of Chicago Press, 1993. – 342 p.

References

Golovko N.V., Zinevich O.V., Ruzankina E.A. The third mission of the University and the model of multi-user management for regional development. *Sravnitel'naya politika = Comparative Politics*. 2018; 9(1): 5–17. (In Russ.)

Grib V.V. Academic rights and freedoms – the key principle of interaction between the state and higher educational institutions. *Rossiiskij sud'ya = Russian Judge*. 2021; 4: 26–31. DOI 10.18572/1812-3791-2021-4-26-31. (In Russ.)

Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 70–91. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3. (In Russ.)

Zaharova O.A., Ilyushin L.S. Contexts of interpretation of the concept of “modern university”. *Na putyah k novoj shkole = On the way to a new school*. 2015; 1: 92–95. (In Russ.)

Ibraeva E.A. Theoretical approaches to the interpretation of the concept of “human resources”. *European Science*. 2022; 2(64): 28–33. DOI 10.24411/2410-2865-2022-10202. (In Russ.)

Kazantsev O.A. “Managerization” of general education: towards a problem statement. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 6; 1(19): 96–103. DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.9. (In Russ.)

Karpenko A.Y. Transformation of the University’s mission: past and present. *Nacional'noe zdorov'e = National Health*. 2018; 1: 292–304. (In Russ.)

Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2023; 7: 24–32. DOI 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. (In Russ.)

Kokodej T.A., Mihajlov M.A. Restructuring the strategy of managing the research process in a Russian university. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 6; 1(19): 52–60. DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.5. (In Russ.)

Kolesnikova E.Y. Mission and responsibility of a modern university: on the issue of finding ideological foundations. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*. 2013; 1(173): 85–90. (In Russ.)

Skvorcov A.A. Academic honesty against commercial success and criteria of “effectiveness”. *Vedomosti prikladnoj etiki = Vedomosti of Applied Ethics*. 2016; 49: 79–91. (In Russ.)

Hadiullina G.N. The concept of an entrepreneurial university: prerequisites for the emergence and main provisions. *Gorizonty ekonomiki = Horizons of Economics*. 2022; 5(71): 5–10. (In Russ.)

Yurov S.S. Private University as a model of an entrepreneurial university. *Biznes i dizajn revyu = Business and Design review*. 2020; 3(19):15. (In Russ.)

Lazarsfeld P.F. Some remarks on typological procedures in social science. On social research and its language. Chicago: The University of Chicago Press; 1993. 342 p.

Дата получения рукописи: 24.10.2023

Дата окончания рецензирования: 30.11.2023

Дата принятия к публикации: 7.12.2023

Информация об авторе

Ракитина Инна Сергеевна – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М.И. Платова; г. Новочеркасск, Россия, e-mail: rakitina.inna@list.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Rakitina Inna Sergeevna – postgraduate student of the Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI); Novocherkassk, Russia, e-mail: rakitina.inna@list.ru.

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 353

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.4.

EDN ORJPIF

**Центр управления регионом
как форма взаимодействия региональных органов власти
и населения в современном цифровом пространстве**

Наталья А. Латушко¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируется новая форма публичного управления – Центр управления регионом. Актуальность исследования определяется необходимостью изменений функционирования системы государственного управления в условиях цифровой трансформации за счет расширения диалога власти и населения, более гибкого реагирования на запросы общества и установления устойчивой обратной связи между властью и населением.

Методы. В исследовании применен аналитический метод. Также использованы данные и аналитические материалы АНО «Диалог Регионы».

Результаты и их обсуждение. В целом Центр управления регионом как инструмент управления позволяет за счет интеграции мониторинговых и аналитических данных более гибко координировать действия субъектов регионального развития, а именно региональных властей, бизнеса и гражданских объединений; содействовать в развитии социальной и инженерной инфраструктуры, а также расширить спектр услуг для населения. Но в настоящее время основным направлением деятельности ЦУРов является оперативное реагирование на запросы граждан и работа в сетевом пространстве по подаче релевантной информации.

Ключевые слова: цифровизация; центр управления регионом; сетевые коммуникации; обратная связь; сетевое взаимодействие.

Для цитирования: Латушко Н.А. (2023). Центр управления регионом как форма взаимодействия региональных органов власти и населения в современном цифровом пространстве. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 50–56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.4>.

**Regional Management Center as a form of interaction
between regional authorities and population
in modern digital space**

Natalia A. Latushko¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Annotation

Introduction. The article analyzes a new form of public administration – the Regional Management Center. The relevance of the study is determined by the need to change the functioning of the public administration system in the context of digital transformation by expanding the dialogue between the authorities and the population, more flexible response to the needs of society and establishing stable feedback between the authorities and the population.

Methods. The study used the analytical method. Data and analytical materials from “Dialog-Regina” were also used.

Results and discussion. In general, the Regional Management Center as a management tool allows, through the integration of monitoring and analytical data, to more flexibly coordinate the actions of subjects of regional development, namely regional authorities, business and civil associations; assist in the development of social and engineering infrastructure, as well as expand the range of services for the population. However, at present, the main activities of the RMCs are mainly prompt response to citizens’ requests and work in the network space to provide relevant information.

Keywords: digitalization, regional management center (RMC), network communications, feedback, networking.
For citation: Latushko N.A. (2023). Regional Management Center as a form of interaction between regional authorities and population in modern digital space. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 50–56. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.4>.

Введение

В современной динамично развивающейся среде цифровизация является общемировой тенденцией, а коммуникационные технологии подвержены трансформации от традиционных форм к сетевым во всех сферах жизнедеятельности, включая и систему государственного управления. Цифровые технологии открывают новые возможности по систематизации, анализу и использованию данных, что делает допустимым улучшить процесс управления в целом. Задачи, поставленные в Федеральной программе «Цифровая экономика», требуют изменения функционирования системы государственного управления в сетевом пространстве для упрощения взаимодействия граждан, бизнеса и власти, расширения диалога власти и населения, внедрения механизма обратной связи, направленных на улучшение качества жизни населения и развитие бизнеса посредством улучшения качества предоставляемых услуг населению и организациям. И на сегодняшний момент одним из институтов цифровой трансформации в РФ является Центр управления регионом (ЦУР).

Результаты исследования и их обсуждение

На современном этапе развития общества происходит снижение роли традиционных коммуникационных каналов в пользу электронных и сетевых вследствие стремительно развивающейся сферы информационно-телекоммуникационных технологий. Сетевые пространства с обширной пользовательской аудиторией становятся площадкой, способной оказывать взаимовлияние между общественно-политическими процессами и общественным мнением, нормами и ценностями (Устинович, 2019). А феномен социальных сетей в последнее время вошел в исследовательско-дискуссионное поле социологии (Зотов, 2019).

Сетевые пространства (социальные сети) являются виртуальным сообществом, активно коммуницирующим в информационном поле независимо от своего пространственного и временного расположения. При этом насыщенность информационного потока формирует общественное мнение, сосредоточивая внимание на определенном отношении, настроении и акцентах (Заславская, 2017).

Цифровая трансформация затронула все сферы жизнедеятельности, в том числе и сферу государственного управления. Для последней, по мнению А.Ю. Демидова и А.И. Лукашова, она состоит в создании единого пространства цифрового формата с возможностью оказания государственных услуг и реализации полномочий в лице «цифровых двойников» чиновников, с включением широкого круга заинтересованных сторон, находящихся за пределами системы публичного управления (Демидов, 2021), а также позволяет более полно реализовать механизм обратной связи как один из основных принципов гибкого управления. Данная проблема разрабатывается в том числе и зарубежными специалистами. Так, А. Манохаран с соавт. показали роль средств электронного правительства в получении объективной информации и обратной связи для улучшения качества принимаемых решений и усиления общественного компонента в государственном и муниципальном управлении (Manoharan, 2023). В свою очередь, П. Петри и В. Томас обобщили представления об управленческих императивах азиатских стран и обратили внимание на необходимость совершенствования механизмов обратной

связи в системах государственного управления для повышения эффективности их работы (Petri, 2013).

Й. Харфст с соавт. разработали концепцию региональных посланников, которые должны улучшить качество управления сельскими регионами, и выявили, что соответствующие инициативы, помимо прочего, усиливают обратные связи между различными заинтересованными сторонами (Harfst, 2017). С. У с соавт. проанализировали цифровой компонент в управлении в сельской местности Китая и показали, что различные инициативы в виде электронного правительства перспективны, однако сами по себе требуют развития механизмов обратной связи (в том числе специфических) и направленного стимулирования более широкого участия населения в их реализации (Wu, 2022). Б. Хермелин и Б. Перссон проанализировали механизмы институциональных трансформаций в региональном управлении на примере Швеции и обратили внимание на пространственную неоднородность проявления эффектов, создаваемых при функционировании обратных связей (Hermelin, 2021). К. Хименес-Агилар и У. Тене обратили внимание на огромную значимость обратных связей между местным и национальным уровнями для успешной реализации инициатив в рамках трансграничного сотрудничества государств Южной Америки (Jimenez Aguilar, 2020).

В нашей стране одним из новых институтов цифровой трансформации является Центр управления регионом как проектная организационная структура, деятельность которой фиксируется в нормативно-правовом документе субъекта РФ. С декабря 2020 г. они созданы в 83 субъектах РФ.

Центр управления регионом входит в сетевую структуру управления, целью функционирования которой является обеспечение коммуникаций между государством и гражданами. Структура Центра состоит из трех основных блоков, каждый из которых имеет свое функциональное значение. Функционал блока аналитики заключается в том, чтобы на основе анализа и интерпретации данных о социальных тенденциях в обществе, общественного мнения и поведения потребителей выявлять и прогнозировать восходящие тренды в локалитетах, что возможно использовать заинтересованным сторонам, в первую очередь госуправлению, а также хозяйствующим субъектам, жителям и др.

Второй блок – информационный, функционирование которого заключается в решении задач по повышению информативности и понимания гражданами наиболее актуальных региональных проблем, действий властей, а также по поддержке и сопровождению официальных и неофициальных коммуникационных каналов органов государственной власти и управления.

Третий блок – обратная связь через электронные каналы, цифровые сервисы и опросы, позволяющая повысить контроль эффективности государственной политики, а также качество и скорость предоставляемых услуг. Данный блок структурирован на три составляющие (рис. 1).

В целом Центр управления регионом, являясь единым информационным пространством, позволяет государственным и муниципальным органам власти улучшить процессы принятия решений, повысить координацию действий участников процесса и в условиях нестабильной внешней среды повысить рефлексивность на изменение ситуации, что становится возможным за счет внедрения следующего механизма взаимодействия:

- сбор и анализ информации о проблемах региона и потребностях населения;
- обработка и систематизация информации в целях более детализированной картины состояния региона как социально-экономической системы;
- оперативное принятие решений на основе полученной информации;

Рисунок 1. Категории проблем (данные АНО «Диалог Регионы»)

- осуществление соответствующим исполнительным органом государственной и муниципальной власти, в том числе и за счет применения цифровых технологий;
- мониторинг и анализ полученных результатов в целях оценки эффективности принятых мер и корректировки последующих мероприятий;
- обратная связь с населением посредством информационно-цифровых каналов как формат коммуникации государства и граждан.

И создание открытой системы между властью и населением, и перевод коммуникаций в онлайн-формат являются задачами, стоящими перед Центром управления регионом.

На сегодняшний момент, по данным соцопросов АНО «Диалог Регионы», более 59% россиян считают, что присутствие власти в открытом информационном пространстве и возможность адресовать запрос представителям государственного управления свидетельствуют об открытости власти.

На основании аналитических материалов АНО «Диалог Регионы», фиксирующих, что в среднем с месяц поступает около 470 тыс. обращений граждан по всей стране (в 2018 г. – лишь 8,5 тыс. обращений) и оперативность реагирования со стороны системы управления составляет не более пяти часов, можно заключить, что перевод коммуникации в онлайн-формат между гражданами и представителями системы государственного и муниципального управления эффективен, что также являлось одной из задач ЦУР.

За 2022 г. от жителей Ростовской области через информационные системы поступило более 120 тыс. обращений (65 тыс. обращений на Платформу обратной связи, 62 тыс. обращений через социальные сети). Все обращения граждан были обработаны. Основные проблемы, требующие решения, представлены на рис. 2 и иллюстрируют, что для решения возникающих проблем состояния автомобильных дорог и благоустройства жители Ростовской области используют все доступные информационные платформы, а для решения вопросов, связанных с функционированием и оказанием услуг системы здравоохранения, – Платформу обратной связи, для решения вопросов содержания территории – социальные сети.

В целом, по данным АНО «Диалог Регионы», основные итоги деятельности ЦУР в период 01.12.2018–01.12.2022 следующие:

- 25,4 млн вопросов, поступивших через «Госуслуги. Решаем вместе» и социальные сети, были рассмотрены и решены органами власти и управления;

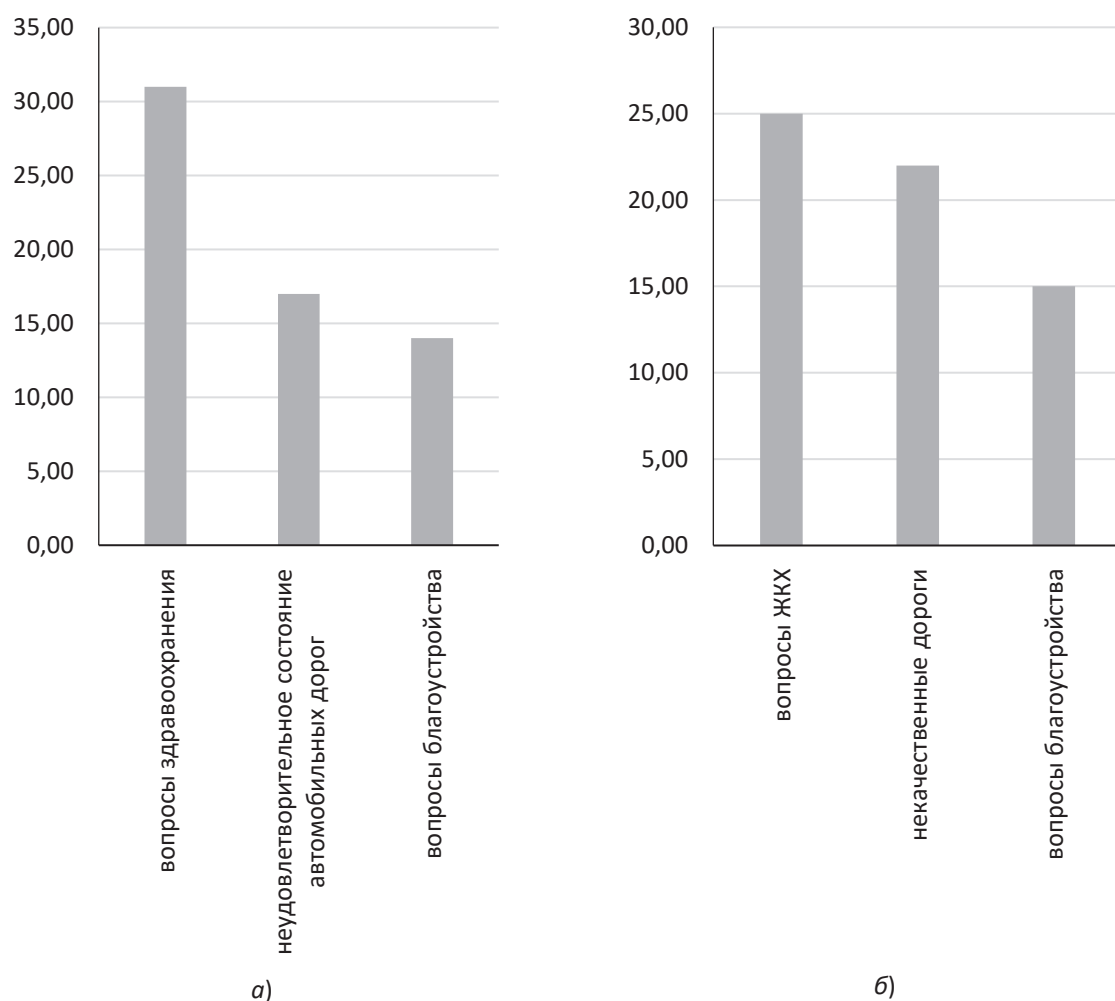

Рисунок 2. Основные проблемы граждан Ростовской области в 2022 г.:
 а – поступившие через Платформу обратной связи; б – поступившие через социальные сети, %

- 6 млн респондентов приняли участие в опросах по наиболее актуальным и социально значимым темам;
- на основе аналитических данных ЦУР, включающих данные соцопросов, обратной связи и экспертных оценок, органами государственной власти и управления было принято 2,5 тыс. управленческих решений;
- целевая аудитория сетевых платформ составляет 48 млн человек;
- создано 170 тыс. госпабликов;
- проведено 7 тыс. обучающих семинаров по формату коммуникаций в интернет-пространстве.

Поэтому можно сделать вывод о том, что ЦУР способен оперативно и эффективно реагировать на проблемы граждан.

Заключение

Центр управления регионом как инструмент управления позволяет за счет интеграции мониторинговых и аналитических данных более гибко координировать действия субъектов регионального развития, а именно региональных властей, бизнеса и гражданских объединений; содействовать в развитии социальной и инженерной инфраструктуры, а также расширить спектр услуг для населения. Также за счет репрезентативно-маркетинговых мероприятий он может оказывать положительное

влияние на инвестиционную активность в регионе. Но в настоящее время основным направлением деятельности ЦУРов является эффективное реагирование на запросы граждан и работа в сетевом пространстве по подаче релевантной информации.

По данным агентства «Вебер», лишь 31% интернет-пользователей отмечает, что в интернет-пространстве присутствует достаточно информации о деятельности органов госвласти, 51% говорит о нехватке такого рода информации, и только 8% заявляют об избыточности информации о деятельности органов власти и управления. Таким образом, деятельность ЦУР является необходимым элементом цифровизации системы государственного управления посредством информирования и формирования общественного мнения.

В целом комбинация мониторинговых, аналитических и коммуникационных возможностей ЦУР в комплексе с данными цифровых платформ, помимо основной задачи – оперативно и эффективно решать проблемы граждан, – позволяет и расширить информацию за счет более полного понимания экономических и социальных запросов общества для региональных органов власти и управления в целях принятия масштабных системных решений, формирования стратегий и программ, направленных на социально-экономическое развитие региона.

Литература

- Большакова, К.Ю. Центры управления регионом как новая форма управленческой деятельности / К.Ю. Большакова, А.В. Климова // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. – 2022. – Т.9, № 4. – С. 391–400. – DOI 10.22363/2312-8313-2022-9-4-391-400. – EDN BAXMSO.
- Демидов, А.Ю. Отдельные подходы к цифровой трансформации государственного управления / А.Ю. Демидов, А.И. Лукашов // *Государственная служба*. – 2021. – Т. 23, № 1. – С. 28–34. – DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34. – EDN TNWRQC.
- Заславская, О.Ю. Влияние глобальных процессов информатизации на развитие современной системы образования в условиях цифровой экономики / О.Ю. Заславская // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Информатизация образования*. – 2018. – Т. 15, № 3. – С. 271–281. – DOI 10.22363/2312-8631-2018-15-3-271-281. – EDN YOPBGR.
- Зотов, В.В. Формирование пространства публичных коммуникаций субъекта РФ в условиях превалирования социальных медиа / В.В. Зотов, А.В. Губанов // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2019. – № 3 (59). – С. 57–61. – DOI 10.24158/spp.2019.3.8. – EDN ZAQIUX.
- Устинович, Е.С. Политико-административное электронное взаимодействие власти и общества: теоретический аспект / Е. С. Устинович // *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право*. – 2019. – Т. 9, № 1 (30). – С. 126–132. – EDN KVAZJZ.
- Harfst, J. Regional Ambassadors-An Innovative Element for the Development of Rural Areas? / J. Harfst, P. Pichler, W. Fischer // *European Countryside*. – 2017. – Vol. 9. – P. 359–374.
- Hermelin, B., Persson, B. Regional governance in second-tier city-regions in Sweden: a multi-scalar approach to institutional change / B. Hermelin, B. Persson // *Regional Studies*. – 2021. – Vol. 55. – P. 1365–1375.
- Jimenez Aguilar, C.M. Frontier development policy and local governance in South America / C.M. Jimenez Aguilar, U. Thoene // *Territory, Politics, Governance*. 2020. – Vol. 8. – P. 639–656.
- Manoharan, A.P. Digital Governance: An Assessment of Performance and Best Practices / A.P. Manoharan, J. Melitski, M. Holzer // *Public Organization Review*. – 2023. – Vol. 23. – P. 265–283.
- Petri, P. Development imperatives for the Asian Century / P. Petri, V. Thomas // *ADB Economics Working Paper Series*. – 2013. – Vol. 360. – P. 1–49.
- Wu, S. Digital governance in rural Chengdu, China: Its potential for social-ecological resilience / S. Wu, D.B. Abramson, B. Zhong // *Frontiers in Sustainable Cities*. – 2022. – Vol. 4. – DOI: <https://doi.org/10.3389/frsc.2022.736965>.

References

- Bol'shakova K.Y., Klimova A.V. Regional management centers as a new form of management activity. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: State and Municipal Administration*. 2022; 9(4): 391–400. DOI 10.22363/2312-8313-2022-9-4-391-400. (In Russ.)

- Demidov A.Yu., Lukashov A.I. Separate approaches to the digital transformation of public administration. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public Service*. 2021; 23(1): 28–34. DOI 10.22394/2070-8378-2021-23-1-28-34. (In Russ.)
- Harfst J., Pichler P., Fischer W. Regional Ambassadors-An Innovative Element for the Development of Rural Areas? *European Countryside*. 2017; 9: 359–374.
- Hermelin B., Persson B. Regional governance in second-tier city-regions in Sweden: a multi-scalar approach to institutional change. *Regional Studies*. 2021; 55: 1365–1375.
- Jimenez Aguilar C.M., Thoene U. Frontier development policy and local governance in South America. *Territory, Politics, Governance*. 2020; 8: 639–656.
- Manoharan, A.P., Melitski J., Holzer M. Digital Governance: An Assessment of Performance and Best Practices. *Public Organization Review*. 2023; 23: 265–283.
- Petri P., Thomas V. Development imperatives for the Asian Century. *ADB Economics Working Paper Series*. 2013; 360: 1–49.
- Ustinovich E.S. Politico-administrative electronic interaction between government and society: a theoretical aspect. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i parvo = Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Series: History and Law*. 2019; 9; 1(30): 126–132. (In Russ.)
- Wu S., Abramson D.B., Zhong B. Digital governance in rural Chengdu, China: Its potential for social-ecological resilience. *Frontiers in Sustainable Cities*. 2022; 4. – DOI: <https://doi.org/10.3389/frsc.2022.736965>.
- Zaslavskaya O.Y. The influence of global informatization processes on the development of the modern education system in the digital economy. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Informatizaciya obrazovaniya = Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Informatization of education*. 2018; 15(3): 271–281. DOI 10.22363/2312-8631-2018-15-3-271-281. (In Russ.)
- Zotov V.V., Gubanov A.V. Formation of the space of public communications of the subject of the Russian Federation in the conditions of the prevalence of social media. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019; 3(59): 57–61. DOI 10.24158/spp.2019.3.8. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 25.10.2023

Дата окончания рецензирования: 30.11.2023

Дата принятия к публикации: 06.12.2023

Информация об авторе

Латушко Наталья Александровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической социологии и регионального управления, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Latushko Natalia Alexandrovna – candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Economic Sociology and Regional Management, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nlatushko@sfedu.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.5.

EDN HCOBCX

**Влияние менеджеристской модели управления университетами
на институционализацию дополнительного образования****Оксана В. Богданова¹**

¹Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социально-экономического развития»,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Аннотация

Введение. Основная идея данной статьи состоит в том, чтобы обосновать взаимосвязь между менеджеристской политикой управления университетами и процессами институционализации дополнительного образования. Актуальность поставленной проблемы обусловлена высокой степенью значимости дополнительного образования в современном социуме. Дополнительное образование выполняет две базовые функции: переобучение и повышение квалификации. Нарушения в работе этих функций приведут к тому, что образование перестанет гибко реагировать на потребности общества обучать новым профессиям и адаптировать к новым профессиональным запросам. Цель статьи: выявить механизмы институционализации дополнительного образования под воздействием менеджеристской модели управления высшей школой.

Методы. Методологическую базу исследования составил менеджеристский подход, посредством которого исследуются проблемы развития дополнительного образования как составной части института высшего образования. Эмпирическая база исследования сформирована на основе пяти глубинных интервью, взятых у руководителей программ ДПО, а также анализа документов, регулирующих применение менеджеристских управленческих инструментов.

Результаты и их обсуждение. Дополнительное образование в настоящее время рассматривается руководством вузов как инструмент обеспечения финансовыми ресурсами, что соответствует правилам, принятым в рамках менеджеристской идеологии. Данное положение дел считаем неприемлемым. У дополнительного образования другие задачи. Оно должно быть образовательным инструментом быстрого реагирования на возникающие запросы общества на переподготовку и повышение квалификации. Для того чтобы оно справлялось с этой функцией, у него должен быть единый головной центр управления, под него должна быть сформирована специальная нормативная база, оно должно представлять собой отдельный субъект на рынке образовательных услуг. Сегодня дополнительное образование находится в статусе придатка к действующей системе высшего образования. В таком положении его ждет дальнейшая деградация и утрата общественно полезных функций. Единственный выход – институционализация дополнительного образования вне организационных структур высшей школы.

Ключевые слова: дополнительное образование; менеджеризм; ИППК; университет; программа ДПО; количественные показатели; высшая школа.

Для цитирования: Богданова О.В. (2023). Влияние менеджеристской модели управления университетами на институционализацию дополнительного образования. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 57–64. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.5>.

**Influence of the managerial model of university management
on institutionalization of additional education****Oksana V. Bogdanova¹**

¹Socially oriented autonomous non-profit organization
“First Consulting Institute for Socio-Economic Development”, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Abstract

Introduction. The main idea of this article is to substantiate the relationship between the managerial policy of university management and the processes of institutionalization of additional education. The relevance of the

posed problem consists in the high degree of significance of additional education in modern society. Additional education fulfills two basic functions: retraining and professional development. Violations in the work of these functions will lead to the fact that education will cease to respond flexibly to the needs of society to teach new professions and adapt to new professional demands. The aim of the article: to identify the mechanisms of institutionalization of additional education under the influence of the managerialist model of higher school management.

Methods. The methodological basis of the study is the managerial approach, through which the problems of the development of additional education as a component of higher education institution are investigated. The empirical base of the study was formed on the basis of five in-depth interviews with the heads of additional professional education (APE) programs, as well as the analysis of documents regulating the use of managerialist management tools.

Results and discussion. Additional education is currently considered by university management as a tool for providing financial resources, which corresponds to the rules accepted within the managerialist ideology. We consider this state of affairs unacceptable. Additional education has other tasks. It should be an educational tool for quick response to the emerging demands of society for retraining and advanced training. In order for it to cope with this function, it should have a single central management center, a special regulatory framework should be formed for it, it should be a separate entity in the market of educational services. The current status of additional education is an appendage to the existing system of higher education. In this situation, it will suffer further degradation and loss of socially useful functions. The only way out is the institutionalization of additional education outside the organizational structures of higher education.

Keywords: additional education; managerialism; Institute of retraining and professional development; university; APE program; quantitative indicators; higher school.

For citation: Bogdanova O.V. (2023). Influence of the managerial model of university management on institutionalization of additional education. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 57–64. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.5>.

Введение

Ценность дополнительного образования в настоящее время стремительно растет. Мы живем в то время, когда социальный актор должен регулярно обновлять свои профессиональные компетенции или даже менять саму профессию. И в первом и во втором случае ему требуется обращаться к профессионалам, способным обеспечить повышение квалификации либо профессиональную переподготовку. В советские годы существовала специально созданная подсистема дополнительного образования, которая организационно включала в себя институты переподготовки и повышения квалификации (ИППК), а также принятые для регулирования их деятельности нормативно-правовые акты. Эта модель показала свою эффективность в условиях плановой административно-командной системы. Чтобы не перегружать институт высшего образования, учреждения ИППК по специальным запросам органов власти либо хозяйствующих субъектов быстро и качественно перепрофилировали слушателей или повышали их квалификацию. Изменения в советском социуме или на производстве отличались стремительностью, но не лавинообразностью. Следовательно, система дополнительного образования хотя и была основательно загружена, функционируя с высокой степенью интенсивности, но вполне справлялась со своими задачами.

В таком качестве она досталась в наследство российской системе высшего образования. В новой социальной реальности, в которой запрос на профессиональные изменения стремительно превышал возможности советских ИППК, эффективность системы дополнительного образования заметно снизилась. Она перестала удовлетворять потребностям времени. В наши дни декларируется принцип обучения на протяжении всей жизни. Его возникновение вызвано не только появлением множества новых профессий, но и радикальным обновлением компетенций в так называемых старых профессиях. Это актуализировало вопрос о качественном изменении принципов предоставления дополнительного образования. К 2014 г. действовавшие в СССР и в первое десятилетие после его распада в Российской Федерации прежние ИППК были

ликвидированы, а освободившиеся функции дополнительного образования переданы университетам. Эта передача была осуществлена на основе принятой для управления высшей школой менеджеристской управленческой парадигмы. Дополнительное профессиональное образование перешло в разряд оплачиваемых образовательных услуг, при реализации которых вузы обеспечивали себе необходимые финансовые средства. Одновременно это стало важнейшим нормативным индикатором эффективности управления. Однако проведенная реформа вместо ожидаемых позитивных результатов привела к резкому снижению качества дополнительного образования. Это, с одной стороны, поставило вопрос о целесообразности продолжения реформы, а с другой – дало мощный стимул к развитию принципиально иных способов становления системы дополнительного образования. В более общем смысле можно говорить о процессе возникновения отдельного социального института дополнительного образования.

На основе всего сказанного цель исследования представляется возможным определить следующим образом: выявить механизмы институционализации дополнительного образования под воздействием менеджеристской модели управления высшей школой.

Методология и методы

В качестве методологических оснований в данной работе избрана теория так называемого нового государственного управления, которая в сложившемся дискурсе чаще всего определяется как менеджеристская или менеджериалистская.

Сразу оговоримся, что менеджеризм мы будем рассматривать лишь как один из факторов институционализации дополнительного образования. Причем его роль в значительной степени видится в косвенном влиянии. Иначе говоря, менеджеризм нельзя рассматривать как инструмент становления института дополнительного образования. Менеджеристское управление стало непрогнозируемым фактором, приведшим к фактической деградации дополнительного образования в аффилиции с высшей школой.

Под государственным менеджеризмом мы будем понимать управленческую идеологию, сложившуюся в публичном секторе для достижения целей повышения эффективности управления. Эффективность в рамках менеджеризма отождествляется с возрастающей способностью сотрудников общественных организаций и органов государственной (публичной) власти к интенсификации трудовой деятельности в сфере оказания услуг. Вторым важнейшим аспектом менеджеризма выступает монетизация результатов оказания публичных услуг как условие перехода органов власти и общественных организаций на частичное самофинансирование.

В науке относительно данного подхода сложилось два направления: апологетическое и критическое. Мы будем придерживаться второго из них. Критика менеджеризма впервые стала звучать еще в западной научной традиции. Так, Р. Мои критиковал клиентоориентированный подход за нарушение принципа социальной справедливости (Мои, 2003). Дж. Фредериксон писал о слиянии административного и политического сектора в области публичного управления, что, по его мнению, вело к росту авторитарных тенденций в работе государственной власти (Frederickson, 1997).

Переключаясь на сферу высшего образования, укажем, что в основе оценочных суждений ученых лежат исключительно отрицательные коннотации (Иванченко, 2022). Новую управленческую политику критикуют за подмену целей целевыми показателями (Романов, 2023), игнорирование проблемы качества обучения и научной

деятельности (Вольчик, 2019), разрушение академического пространства (Дятлов, 2023; Осипов, 2023), применение западных технологий, не имеющих в российском социуме надлежащих условий реализации (Ковалев, 2023).

Менеджеризм следует рассматривать как управленческую идеологию или модель, нацеленную на повышение эффективности (Казанцев, 2023). Причем в реальных практиках под эффективностью почти исключительно понимается повышение (или хотя бы исполнение) количественных показателей, определенных заказчиком-работодателем. В качестве заказчика-работодателя выступает Министерство науки и высшего образования. В широком смысле – само Российское государство. Из сказанного следует, что эффективность измеряется в своих минимальных оценочных позициях через выполнение министерских целевых показателей, а в перспективе – в границах роста относительно заданных нормативов по отчетному периоду. Сами показатели привязываются к нормативно установленным направлениям профессионального действия. Всего можно выделить три основных вектора: образование, научная работа и качество управления. При этом в фокус внимания попадают лишь те виды деятельности, которые можно формализовать в показателях для начисления баллов. Например, для образования таким показателем выступает трудоустроенность выпускников и доля преподавателей в возрасте до 39 лет; для науки – объем вырученных средств от продажи научных продуктов на рынке и общее количество опубликованных научных работ; для управленческой деятельности – рейтинг медиа-активности и индекс качества финансового менеджмента (Приказ..., 2022).

Документы, регулирующие порядок применения менеджеристской идеологии, следует считать одним из источников эмпирической информации.

Кроме указанного, нами также использовался метод глубинного интервью. Всего было опрошено пять информантов, которые в течение последних трех лет были руководителями программ по переподготовке и повышению квалификации. Должности и места работы не указываются, так как по договоренности с опрашиваемыми мы приняли на себя обязательство обеспечить им максимально возможную анонимность.

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим, как функционирует система дополнительного образования в современных вузах. Охарактеризуем эту систему, ориентируясь на три позиции:

1. Дополнительное профессиональное образование для каждого сотрудника вуза из права превращается в обязанность. В современных вузах постулируется принцип о необходимости обучения на протяжении всей жизни. Нового в этом принципе ничего нет. Одним из качеств преподавателя вуза во все времена была готовность и способность к постоянному обновлению своих знаний. Умение учиться всю жизнь во все времена отличало человека, выбравшего профессию университетского преподавателя, от других людей, для большинства из которых учеба еще со школьной скамьи воспринимается в качестве докучливой необходимости. Настроенность на образовательную деятельность проявлялась как через обучение, под которым обычно понималось постоянное расширение своих познаний на основе самообразования, так и через создание нового знания, которое рождалось благодаря включенности преподавателя в научную деятельность. Однако до применения менеджеристской идеологии требование о самообразовании и включенности в научную работу существовало как бы на доверии. Руководство исходило из того, что в рамках сложившегося академического сообщества имеет место саморегуляция и отсеивание не справляющихся со своими обязанностями сотрудников. Менеджериализация управления университетами привела к радикальному изменению принципа доверия. Фактически он был

объявлен ничтожным. Были предложены внешние индикаторы для измерения профессиональной состоятельности. Одним из таких индикаторов стало дополнительное образование. Отныне преподаватель обязан по меньшей мере один раз в электоральный цикл (выборы по конкурсу ППС) пройти обучение по программе ДПО в рамках преподаваемых им учебных курсов. Также утверждено правило, в соответствии с которым преподаватель не имеет права получать в нагрузку дисциплину, если он не владеет документом, подтверждающим его профессиональные компетенции в актуальной сфере знаний. Этим документом считается сертификат ДПО о переподготовке или повышении квалификации. В целом можно отметить, что сложилась внешняя система понуждения сотрудников к переобучению, игнорирующая то обстоятельство, что преподаватель сам фактом своей профессиональной деятельности и без того находится в интеллектуальной среде, которая объективно содействует расширению его эрудиции и интеллектуальных возможностей.

2. Продукты дополнительного образования создаются самими преподавателями. Вопрос о том, где сотрудники университетов должны получать дополнительное образование, решился также совершенно в духе менеджеристских представлений. Программы ДПО предложено позиционировать как платный образовательный продукт. Мало того что они ориентированы на своих коллег, это еще источник расширения финансовых ресурсов университета. Предполагается, что если сотрудники действительно обладают неким затребованным интеллектуальным продуктом, который может хорошо «раскупаться» на рынке образовательных услуг, то они не только повышают свое материальное благосостояние и перестают быть вечно зависимыми от повышения заработной платы, но и расширяют финансовые ресурсы образовательной организации. Этим как бы решаются две проблемы. Во-первых, снижается нагрузка на бюджет. Важнейшая функция менеджеризма как раз в том и состоит, чтобы сократить бюджетные расходы на образовательную систему, выявить наиболее эффективные вузы, а остальные закрыть как несостоятельные. Во-вторых, коммерциализация образовательной деятельности позволит преподавателям вполне легально зарабатывать по месту своей основной работы. Таков, во всяком случае, был замысел инициаторов реформы.

3. Происходит институциональное размывание ответственности за дефекты образования и нарушение принципов академической этики. Предполагалось, что вузы вполне способны самостоятельно справиться с организацией дополнительного образования. Интеллектуальный ресурс имелся практически в каждой образовательной организации. Также университеты располагали соответствующим материально-техническим, кадровым и информационным обеспечением. Казалось бы, все необходимые условия для внеинституционального развития дополнительного образования имеются. Причем в наиболее экономичной для государства форме: посредством самоорганизации образовательных процессов внутри действующих университетов. Однако реформаторы не учли один важнейший ресурс – мотивационный. Выяснилось, что преподаватели не очень-то желают самостоятельно оплачивать свое обучение и переобучение.

Первый вопрос, который здесь возникает: а нужна ли преподавателям такая модель дополнительного образования? На этот счет имеются серьезные сомнения. Ведь речь идет о взрослых, в основной своей массе высокомотивированных профессионалах, которые принципиально способны без чьей-либо помощи со стороны решить вопросы, связанные с повышением собственной квалификации. Наши информанты подтвердили это предположение: «Сотрудники, которые нацелены на профессиональное совершенствование, способны разобраться в проблемах преподавания

без помощи своих коллег» (эксперт № 1); «Мы живем в информационную эпоху. Все, что нужно, можно легко найти в интернете» (эксперт № 4); «Мне трудно представить картину, когда преподаватели с одного факультета разделяются на учителей и учеников» (эксперт № 3).

Второй вопрос связан с наличием времени для формализованного процесса повышения квалификации: «Времени действительно не хватает. С такой загруженностью, как сейчас, это даже не нужно объяснять» (эксперт № 2); «Конечно, Teams многое облегчает. Но даже с ним все проблемы с перенагрузкой не снимаются» (эксперт № 5); «Преподавателю гораздо проще решать вопросы с повышением квалификации тогда, когда он сам выберет, а не по централизованному расписанию в рамках какой-то программы ДПО» (эксперт № 4).

Третий вопрос, самый главный, о том, как обычно реализуются программы ДПО: «Они проходят формально, в лучшем случае контингент слушателей собирается в последний день» (эксперт № 1); «Нельзя сказать, что занятия не проводятся совсем. Но большей частью их ставят в Teams, и их эффективность близка к нулю» (эксперт № 2); «Да, иногда преподаватели просто платят деньги и на этом образование заканчивается. Остается лишь все как следует оформить» (эксперт № 3); «Трудно сказать, чего больше – халтуры или нормальной работы. Наверное, равномерно» (эксперт № 4); «Если есть хоть малейшая возможность, преподаватели стараются игнорировать занятия. Энтузиазма нет» (эксперт № 5).

Анализ результатов глубинных интервью позволяет прийти к выводу о том, что для сотрудников образовательных организаций система ДПО стала обременительной обязанностью. Заработать на ней практически невозможно, так как почти все полученные средства остаются у администрации, а образовательная полезность крайне невысока. Мы полагаем, что это стало следствием размывания ответственности. Дополнительное образование не является приоритетным занятием в высшей школе. Оно во многом экзогенно ее природе. Отвечать за его качество в этой системе некому. Но поскольку по менеджеристской управленческой логике оно обязательно должно быть, то, как результат, оно вполне закономерно переходит в имитационную стадию.

Выводы

По нашему мнению, дополнительное образование оказалось в институциональном пространстве высшей школы во многом случайно. Этот шаг стал результатом перехода на менеджеристские инструменты управления высшими образовательными организациями. И, как итог, дополнительное образование стали рассматривать в качестве ресурса, потенциально способного обеспечить решение важнейшей проблемы менеджеристского управления вузами – восполнения финансовых ресурсов университета. Данное положение дел считаем неприемлемым. Дополнительное образование не может быть просто средством для решения проблем эффективного управления вузами. У него другие задачи. Оно должно быть образовательным инструментом быстрого реагирования на возникающие запросы общества в переподготовке и повышении квалификации. Для того чтобы оно справлялось с этой функцией, у него должен быть единый головной центр управления, под него должна быть сформирована своя собственная нормативная база, оно должно представлять собой отдельного субъекта на рынке образовательных услуг. Сегодня дополнительное образование находится в статусе придатка к действующей системе высшего образования. В таком положении его ждет дальнейшая деградация и утрата общественно полезных функций. Единственный выход – институционализация дополнительного образования вне организационных структур высшей школы.

Литература

- Вольчик, В. В. Реформы, неявное знание и институциональные ловушки в сфере образования и науки / В.В. Вольчик, Е.В. Маслюкова // *Terra Economicus*. – 2019. – Т. 17, № 2. – С. 146–162. – DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162. – EDN NCJBLT.
- Дятлов, А.В. Эффективность управления высшим образованием России в практиках применения менеджистских инструментов / А.В. Дятлов, В.В. Ковалев // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 70–91. – DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3. – EDN RGIKSM.
- Иванченко, О.С. Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных российских реалиях / О.С. Иванченко // *Caucasian Science Bridge*. – 2022. – Т. 5, № 4 (18). – С. 99–107. – DOI 10.18522/2658-5820.2022.4.10. – EDN XIIYRU.
- Казанцев, О.А. «Менеджеризация» общего образования: к постановке проблемы / О.А. Казанцев // *Caucasian Science Bridge*. – 2023. – Т. 6, № 1 (19). – С. 96–103. – DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.9. – EDN RUILOI.
- Ковалев, В.В. Идеология менеджизма в российских социальных институтах: образование, наука, здравоохранение / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов // *Вестник университета*. – 2023. – № 7. – С. 24–32. – DOI 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. – EDN XGDYIY.
- Мои, Р. К вопросу об установлении пределов приватизации / Р. Мои // *Классики теории государственного управления: американская школа*. Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 324 с.
- Осипов, А.М. Приоритеты изучения образования в свете проблемы бюрократий / А. М. Осипов // *Вестник Института социологии*. – 2023. – Т. 14, № 2. – С. 15–33. – DOI 10.19181/vis.2023.14.2.2. – EDN UOVTMS.
- Романов, Е.В. Публикационная активность российских университетов: от «академического капитализма» к «академическому социализму» / Е.В. Романов // *Вопросы экономики*. – 2023. – № 2. – С. 100–115. – DOI 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115. – EDN RLVPWI.
- Frederickson, H.G. The spirit of public administration / H.G. Frederickson. – San Francisco, CA: Jossey-Bass, 1997. – 272 p.
- Приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 1 февраля 2022 г. № 92 «Об утверждении показателей эффективности деятельности федеральных бюджетных и автономных образовательных учреждений высшего образования, подведомственных Министерству науки и высшего образования Российской Федерации, и работы их руководителей, по результатам достижения которых устанавливаются выплаты стимулирующего характера руководителям таких учреждений» (зарегистрирован 14.03.2022 № 67718) // МИНОБРНАУКИ РОССИИ. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140027> (дата обращения: 23.11.2023).

References

- Dyatlov A.V., Kovalev V.V. Efficiency of management of higher education in Russia in the practice of using managerial tools. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 70–91. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.3. (In Russ.)
- Frederickson H.G. The Spirit of Public Administration. San Francisco, CA: Jossey-Bass; 1997. 272 p.
- Ivanchenko O.S. Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 5; 4(18): 99–107. DOI 10.18522/2658-5820.2022.4.10. (In Russ.)
- Kazancev O.A. “Managerization” of general education: towards a problem statement. *Caucasian Science Bridge*. 2023; 6; 1(19): 96–103. DOI 10.18522/2658-5820.2023.1.9. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V. Ideology of managerism in Russian social institutions: education, science, healthcare. *Vestnik universiteta = Bulletin of the University*. 2023; 7: 24–32. DOI 10.26425/1816-4277-2023-7-24-32. (In Russ.)
- Мое R. Exploring the limits of privatization. *Klassiki teorii gosudarstvennogo upravleniya: amerikanskaya shkola*. Moskva: Izd-vo MGU = Classics of the theory of public administration: American school. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 2003. 324 p. (In Russ.)
- Osipov A.M. Priorities of the study of education in the light of the problem of neuropathology. *Vestnik Instituta sociologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. 2023; 14 (2): 15–33. DOI 10.19181/vis.2023.14.2.2. (In Russ.)
- Romanov E.V. Publication activity of Russian universities: from “academic capitalism” to “academic socialism”. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2023; 2: 100–115. DOI 10.32609/0042-8736-2023-2-100-115. (In Russ.)
- Vol'chik V.V., Maslyukova E.V. Reforms, implicit knowledge and institutional traps in education and science. *Terra Economicus*. 2019; 17 (2): 146–162. DOI 10.23683/2073-6606-2019-17-2-146-162. (In Russ.)
- Order of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation dated February 1, 2022 No. 92 “On approval of performance indicators of Federal budgetary and Autonomous educational institutions

of Higher Education subordinate to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the work of their heads, based on the results of which incentive payments are established to the heads of such institutions" (Registered 03/14/2022 No. 67718) // *MINOBRNAUKI ROSSII = MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF RUSSIA*. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140027> (date of application: 23.11.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 17.11.2023

Дата окончания рецензирования: 05.12.2023

Дата принятия к публикации: 10.12.2023

Информация об авторе

Богданова Оксана Владимировна – директор, Социально ориентированная автономная некоммерческая организация «Первый консалтинговый институт социально-экономического развития», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Bogdanova Oksana Vladimirovna – director, Socially oriented autonomous non-profit organization "First Consulting Institute for Socio-Economic Development", Rostov-on-Don, Russia, e-mail: oksanavelo9@bk.ru

The author declares that there is no conflict of interest

СОЦИОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И МОЛОДЕЖИ

Научная статья

УДК 316.346.32-053.6

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.6.

EDN FMHZDC

**Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи:
факторы влияния и инструменты активизации****Анастасия Э. Пилипенко¹**

¹Институт социологии и регионоведения Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kalosha@sfedu.ru

Руслан А. Денисов²

²Проектный офис Программы развития Южного федерального университета,
г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: rdenisov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. В условиях трансформации социальной реальности российского общества сформирован общественный и государственный запрос на вовлечение молодежи в научно-исследовательскую деятельность (НИД). Наиболее перспективной социально-демографической группой вовлечения определяется студенчество как будущая профессиональная элита страны. При этом стоит отметить, что НИД обучающихся высшей школы представляется как сложное многомерное явление, на развитие которого влияет множество факторов. В рамках данной работы предпринята попытка классифицировать факторы влияния следующим образом: управленческие (государственный уровень, уровень вуза), средовые, личностные.

Методы. Прикладное социологическое исследование проведено в 2023 г. среди обучающихся Южного федерального университета (образовательные направления участников исследования: социально-экономическое, гуманитарное, инженерное, естественнонаучное, педагогическое, архитектура и искусство). Методом онлайн-анкетирования было опрошено 3056 студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры вуза.

Результаты и их обсуждение. Данные реализованного исследования позволили зафиксировать зависимость научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи от личностных (индивидуальные характеристики студента, социально-профессиональные особенности семьи студента) и средовых (престижность статуса молодого ученого, структура интеллектуальной среды вуза и особенности корпоративной культуры, ценностные ориентации академической группы, личность преподавателя и готовность к научному сотрудничеству со студентами, материально-техническая оснащенность лабораторий) факторов. Полученные результаты иллюстрируют необходимость поиска инструментов активизации НИД среди обучающихся вузов. На примере иницированного к созданию Научоведческого центра Южного федерального университета рассмотрены направления вовлечения студенческой молодежи в научно-исследовательскую деятельность и социальные эффекты данной работы.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность; студенческая молодежь; науковедческий центр.

Для цитирования: Пилипенко А.Э., Денисов Р.А. (2023). Научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи: факторы влияния и инструменты активизации. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 66–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.6>

Research activity of students: factors of influence and tools of activation**Anastasia E. Pilipenko¹**

¹Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia
kalosha@sfedu.ru

Ruslan A. Denisov²

²Project Office of the Southern Federal University Development Program, Rostov-on-Don, Russia
rdenisov@sfedu.ru

Abstract

Introduction. In the context of the transformation of the social reality of Russian society, a public and state request for the involvement of young people in research activities has been formed. The most promising socio-demographic group of involvement is defined by students as the future professional elite of the country. At the same time, it is worth noting that the research activities of higher school students is presented as a complex multidimensional phenomenon, the development of which is influenced by many factors. Within the framework of this work, an attempt has been made to classify the factors of influence as follows: managerial (state level, university level), environmental, personal.

Methods. Applied sociological research was conducted in 2023 among students of the Southern Federal University (educational directions of the study participants: socio-economic, humanitarian, engineering, natural science, pedagogical, architecture and art). 3056 undergraduate, specialist, and graduate students of the university were interviewed by the online questionnaire method.

Results and its discussion. The data of the implemented research made it possible to fix the dependence of the research activities of students on personal (individual characteristics of the student, socio-professional characteristics of the student's family) and environmental (prestige of the status of a young scientist, the structure of the intellectual environment of the university and the features of corporate culture, the value orientations of the academic group, the personality of the teacher and readiness for scientific cooperation with students, material and technical equipment of laboratories) factors. The obtained results illustrate the need to search for tools to activate research activities among university students. Using the example of the Southern Federal University Science Leadership Center initiated for the creation, the directions of student youth involvement in research activities and the social effects of this work are considered.

Keywords: research activity; student youth; science center.

For citation: Pilipenko A.E., Denisov R.A. (2023). Research activity of students: factors of influence and tools of activation. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 66–76. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.6>

Введение

В условиях трансформации социальной реальности в публичном пространстве появляются высказывания о необходимости укрепления независимости России, важнейшим условием которой большинство жителей страны (82%) считает технологическое лидерство, исследования и разработки (Наука в России..., 2021). Сегодня перед государством наиболее ярко актуализируется задача увеличения числа научных кадров, в том числе через вовлечение в научно-исследовательскую деятельность молодежи, обучающейся в высшей школе. Одна из ключевых задач национального проекта «Наука и университеты» и входящих в него федеральных проектов – повышение привлекательности карьеры в сфере науки и высшего образования как возможности для самореализации и развития талантов. По данным нацпроекта «Наука и университеты», доля молодых исследователей (до 39 лет) к 2030 г. должна достигнуть 50% (Национальный проект..., 2018). Кроме того, доля исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей является ключевым показателем в ряде федеральных программ поддержки (Приоритет-2030, мегагранты и др.). При этом стоит отметить, что научно-исследовательская деятельность студенческой молодежи представляется сложным и многомерным явлением, на характеристику и развитие которого влияют различные факторы.

В рамках заявленной темы обоснованным представляется определить в качестве цели анализ влияния некоторых средовых и личностных факторов на уровень вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность.

Ярко выраженный запрос общества и государства на развитие научно-исследовательского потенциала молодежи находит отражение в отечественных исследованиях, рассматривающих широкий круг проблем, связанных с созданием условий для данной деятельности, воспитательным и образовательным опытом, мотивационной структурой студентов, вовлеченных в научные исследования в период обучения в высшей школе.

Учитывая, что поднимаемая проблема не является новой для социологического дискурса, при обращении к базовому понятию встречаются различные трактовки

научно-исследовательской деятельности студенческой молодежи. Так, видится необходимым разграничить данную деятельность на учебную исследовательскую (УИДС), реализуемую в рамках образовательного процесса в специально отведенный период, и на научно-исследовательскую, реализуемую дополнительно во внеучебное время (НИДС). В рамках данной работы остановим внимание на последней.

По мнению О.В. Ибряновой, научно-исследовательскую деятельность студентов стоит рассматривать как часть «взрослой науки» (Ибрянова, 2003). И.Ю. Данилова, наоборот, акцентирует внимание на неразрывной связи студенческой НИД с образовательным процессом и нуждами подготовки будущих квалифицированных специалистов (Данилова, 2010). О.А. Ненашева рассуждает о научно-исследовательской деятельности как процессе, который способствует общекультурному развитию молодого человека (Ненашева, 2010). Б.В. Першуткин говорит о НИДС как о деятельности, выражающейся в повышении качества образования молодого человека и отборе талантливой молодежи для профессиональной научной работы (Першуткин, 2006). Дополнительно стоит отметить, что на этапе обучения в вузе особенностью научно-исследовательской деятельности студентов является не решение важных научных проблем, а углубление знаний и развитие творческих способностей исследователя, формирование у него надпрофессиональных компетенций. Поэтому наиболее близким теме заявленного исследования нам представляется определение, предложенное Д.С. Терехиной, где научно-исследовательская деятельность студентов трактуется как «систематическая познавательная деятельность в форме социального взаимодействия с другими субъектами образовательного процесса на формальном и неформальном уровне» (Терехина, 2012). Кроме того, необходимым видится учитывать особенности НИДС, выражающиеся в триединстве данной деятельности: самореализации личности молодого человека, повышении качества образования высшей школы и воспроизводстве научных кадров.

Развитие НИДС происходит в определенных институциональных и социокультурных условиях. Так, нами предлагается следующая классификация факторов влияния в зависимости от уровня управления:

- Государственный уровень:
 - особенности управления системой высшего образования;
 - меры поддержки молодых исследователей (материальные и социальные).
 - Вузовский уровень:
 - особенности управления НИДС в конкретном образовательном учреждении;
 - наличие научных школ в вузе.
- Кроме того, на состояние НИДС влияет целый комплекс социальных и личностных факторов, определяющих направленность и содержание процесса. Так, формулируется следующая классификация факторов:
- Средовые факторы:
 - престижность статуса молодого ученого;
 - структура интеллектуальной среды вуза и особенности корпоративной культуры;
 - ценностные ориентации академической группы;
 - личность преподавателя и готовность к научному сотрудничеству со студентами;
 - материально-техническая оснащенность лабораторий.
 - Личностные факторы:
 - индивидуальные характеристики студента;
 - социально-профессиональные особенности семьи студента.

Методы

Прикладное социологическое исследование проведено в 2023 г. среди обучающихся Южного федерального университета (образовательные направления участников исследования: социально-экономическое, гуманитарное, инженерное, естественнонаучное, педагогическое, архитектура и искусство). Методом онлайн-анкетирования было опрошено 3056 студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры вуза.

Результаты исследования и их обсуждение

В рамках заявленного исследования рассмотрим влияние некоторых средовых и личностных факторов на научно-исследовательскую деятельность студенческой молодежи. Эмпирической базой выступают данные, собранные в рамках ежегодного социологического исследования, проводимого методом анкетного онлайн-опроса Институтом социологии и регионоведения, среди студентов II–V курсов бакалавриата и специалитета, I–II курса магистратуры Южного федерального университета. В исследовании, которое было проведено в период с февраля по апрель 2023 г., приняли участие 3056 обучающихся из всех учебных структурных подразделений вуза. Выборка квотная, включающая представителей следующих образовательных направлений: социально-экономическое, гуманитарное, инженерное, естественнонаучное, педагогическое, архитектура и искусство. Среди участников исследования 40,7% юношей и 59,5% девушек.

Первая группа факторов, требующая рассмотрения, – личностные, к которым мы относим особенности личности студента и социально-профессиональные характеристики его семьи (табл. 1).

Таблица 1

Влияние личностных факторов на научно-исследовательскую деятельность студенческой молодежи

		Как Вы учитесь?					
Вы занимаетесь научно-исследовательской деятельностью?		Отлично, на «5»	Хорошо, на «4» и «5»	Удовлетворительно, на «3» и «4»		Имею долги за последнюю сессию	Другое
Да		46,5	27,2	17,3		12,4	19,7
Нет		53,5	72,8	82,7		87,6	80,3
Всего		100	100	100		100	100
		Оцените свои усилия в процессе обучения в вузе					
Вы занимаетесь научно-исследовательской деятельностью?		Учусь с полной отдачей сил и способностей		Учусь в меру своих возможностей и способностей		Не учусь	Другое
Да		43,3		24,5		9,4	27,1
Нет		56,7		75,5		90,6	72,9
Всего		100		100		100	100
		Как бы Вы охарактеризовали свое обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние?					
Вы занимаетесь научно-исследовательской деятельностью?	Ощущаю эмоциональный подъем	Чувствую себя спокойно, уравновешенно	Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	Ощущаю тревогу	Чувствую раздражение	Ощущаю чувство озлобленности	Ощущаю чувство агрессии
Да	34,8	30,4	20,2	28,7	21	20,7	21

Окончание табл. 1

Вы занимаетесь научно-исследовательской деятельностью?	Ощущаю эмоциональный подъем	Чувствую себя спокойно, уравновешенно	Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	Ощущаю тревогу	Чувствую раздражение	Ощущаю чувство озлобленности	Ощущаю чувство агрессии
нет	65,2	69,6	79,8	71,3	79	79,3	79
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Как бы вы охарактеризовали свое обычное, повседневное эмоционально-психологическое состояние?							
Собираетесь ли вы после окончания обучения в вузе продолжать заниматься научной деятельностью?	Ощущаю эмоциональный подъем	Чувствую себя спокойно, уравновешенно	Нахожусь в состоянии безразличия, апатии	Ощущаю тревогу	Чувствую раздражение	Ощущаю чувство озлобленности	Ощущаю чувство агрессии
Да	46,2	28,2	20,2	26,1	24	33,3	23,1
Пока не определился	45,3	58,3	49,6	53,6	52	33,3	61,5
Нет	8,5	13,5	30,3	20,3	24	33,3	15,4
Всего	100	100	100	100	100	100	100
Образование отца							
Занимаетесь ли вы научной деятельностью?	Неполное среднее	Среднее	Среднее специальное	Неоконченное высшее	Высшее	Аспирантура, ученая степень	Затрудняюсь ответить
Да	30,8	27,4	29,5	32,2	28,8	40	23,2
Нет	69,2	72,6	70,5	67,8	71,2	60	76,8
Всего	100	100	100	100	100	100	100

Согласно данным исследования, в 2023 г. 28,6% студентов Южного федерального университета занимаются научно-исследовательской деятельностью. Среди них наибольший уровень вовлеченности демонстрируют студенты-отличники, доля их участия среди занимающихся наукой составляет 38,5%, и обучающиеся, отмечающие, что учатся с полной отдачей сил, – 43,3%, что на 19% выше, чем среди студентов, которые говорят, что учатся в меру своих возможностей (24,5%). Эмоциональное состояние опрошенных, как показывают данные исследования, также влияет на вовлеченность студентов в НИД: молодые люди, ощущающие эмоциональный подъем, чаще других готовы заниматься наукой – 34,8%, среди чувствующих себя спокойно, уравновешенно 30,4% вовлеченных в НИДС, среди находящихся в состоянии безразличия, апатии – 20,2%, среди ощущающих тревогу – 28,7%, среди чувствующих раздражение – 21%, среди испытывающих чувство озлобленности – 20,7%. Кроме того, респондентов, находящихся в стабильно позитивных эмоциональных состояниях, почти в два раза больше среди собирающихся продолжать занятия научной работой после окончания вуза – 46,2%. Также полученные данные свидетельствуют, что больше среди занимающихся научно-исследовательской деятельностью студентов, чьи родители в свое время окончили аспирантуру (40%), и этот показатель более чем на 10% выше, чем количество студентов, чьи родители получили высшее и среднее образование.

Следующая группа факторов, которая будет рассмотрена в рамках заявленного исследования, – средовая. В данной работе сосредоточим внимание на чувстве сопричастности с вузом как важном показателе уровня развития корпоративной культуры и оценки характера взаимодействия акторов образовательного процесса (табл. 2).

Таблица 2

Влияние социальных факторов на научно-исследовательскую деятельность студенческой молодежи

		Оцените, пожалуйста, отношения между всеми участниками образовательного процесса в вузе		
		Хорошие	Удовлетворительные	Плохие
Занимаетесь ли вы научной деятельностью?	Да	29,7	25,7	20
	Нет	70,3	74,3	80
	Всего	100	100	100
		Оцените, пожалуйста, отношения между всеми участниками образовательного процесса в вузе		
		Хорошие	Удовлетворительные	Плохие
Оцените, пожалуйста, деятельность СНО для вашего профессионального развития	1	1,9	2,4	0
	2	0,9	7,2	25
	3	12,5	20,5	25
	4	28,2	26,5	25
	5	56,5	43,4	25
	Всего	100	100	100
		Согласны ли вы с утверждением «Я чувствую себя частью университета»?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Занимаетесь ли вы научной деятельностью?	Да	33,1	21,4	24,3
	Нет	66,9	78,6	75,7
	Всего	100	100	100
		Согласны ли вы с утверждением «Я чувствую себя частью университета»?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Собираетесь ли вы после окончания обучения заниматься научной деятельностью?	Да	33,2	28,1	16,7
	Пока не определился (-ась)	54,2	45,8	63,1
	Нет	12,6	26,1	20,2
	Всего	100	100	100
		Согласны ли вы с утверждением «Я чувствую себя частью университета»?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Планируете после окончания вуза поступать в аспирантуру?	Да	33,2	28,1	16,7
	Пока не определился (-ась)	54,2	45,8	63,1
	Нет	12,6	26,1	20,2
	Всего	100	100	100
		Согласны ли вы с утверждением «Я чувствую себя частью университета»?		
		Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Оцените материально-технические условия вуза для занятий научной деятельностью	Плохие	1,2	5,3	2,2
	Удовлетворительные	15	33,8	22,3
	Хорошие	36,5	36	45,5
	Отличные	46,7	20,9	28,9
	Всего	100	100	100

Согласно полученным данным, вовлеченность в научно-исследовательскую деятельность студенческой молодежи находится в прямой зависимости от восприятия отношений субъектов вузовской среды и особенностей корпоративной культуры университета. Так, студенты, позитивно оценивающие отношения между обучающимися и преподавателями, чаще занимаются научно-исследовательской деятельностью, чем опрошенные, дающие негативную оценку (29,7% занимаются НИДС среди тех, кто позитивно оценивает, и 20% среди тех, кто оценивает негативно). Они же склонны более позитивно оценивать деятельность студенческих научных обществ (СНО), кураторами которых традиционно выступают представители профессорско-преподавательского состава: максимальный балл ставят 56,5% опрошенных, позитивно оценивающих отношения между участниками образовательного процесса, и 25% оценивающих негативно. Также выявлена зависимость между вовлеченностью студентов в НИД и их чувством сопричастности с вузом. Так, опрошенные, ощущающие себя частью Южного федерального университета, на 8,8% чаще занимаются научными исследованиями (33,1%), чем студенты, не имеющие такого самоощущения (24,3%). Кроме того, они чаще имеют позитивную ориентацию на занятие научной работой после окончания обучения в высшей школе: 33,3% среди ощущающих себя частью вуза и 16,7% среди не ощущающих планируют продолжать заниматься НИД после получения диплома. Также студенты с развитым чувством сопричастности чаще планируют продолжить обучение в аспирантуре (13,9%), чем студенты, не ощущающие себя частью ЮФУ (7,1%). Они же выше оценивают уровень материально-технической оснащенности вуза для занятий научно-исследовательской деятельностью: максимальную оценку ставят 46,7% студентов, чувствующих свою сопричастность к ЮФУ, и 20,9% студентов, не испытывающих данных чувств. Вторая группа, наоборот, более чем в два раза чаще признает условия для занятий наукой удовлетворительными: 33,8% среди не испытывающих такого ощущения и 15% среди чувствующих сопричастность с вузом.

Данные проведенного исследования демонстрируют устойчивую взаимосвязь личностных и средовых факторов и уровня вовлеченности в НИД студенческой молодежи. Однако если вуз не может оказать существенного влияния на изменение личностных факторов жизни обучающихся, то развитие благоприятных средовых условий – важнейшая задача образовательной организации. Описанный вопрос актуализирует проведение целенаправленной работы высшей школы по выстраиванию социокультурной среды, способствующей вовлечению молодежи в научно-исследовательскую деятельность.

Важно отметить, что в стране уже реализуется широкий ряд региональных и федеральных мер поддержки научно-исследовательской деятельности молодежи (управленческие факторы): гранты и стипендии Президента РФ и губернаторов, создание комплекса лабораторий под руководством молодых ученых (в 2022 г. открыто 207 лабораторий (Медведев, 2023)), развитие центров коллективного пользования, ряд социальных мер поддержки для молодых ученых и их семей. Создаются новые площадки для коммуникации лучших молодых ученых страны. К примеру, с 2021 г. в декабре в Сочи проходит Конгресс молодых ученых, на котором реализуются не только сотни тематических секций, но и встречи Президента РФ с участниками конгресса (Встреча с молодыми учеными..., 2022). Однако данные меры в основном ориентированы на молодых людей, уже выбравших научно-исследовательскую деятельность в качестве профессиональной. При этом перед образовательными организациями стоит задача по разработке дополнительных мер по вовлечению студенческой молодежи в НИД.

В свете заявленной темы обратимся к опыту Южного федерального университета в решении данного вопроса. Сегодня в ЮФУ начинает работу первый в стране Наукovedческий центр, задачей которого является повышение вовлеченности студентов в научно-исследовательскую деятельность университета. Он создан в сентябре 2023 г. при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ. Это первая подобная институция, запланированная к масштабированию по всей стране.

Целью созданного центра является вовлечение студенческой молодежи в научно-исследовательскую деятельность через изучение истории науки университетов, регионов и страны, работу с опытом и популяризацию имен ученых и преподавателей. Кроме того, практики, которые в первый год будут апробированы в рамках деятельности пилотного центра, будут тиражироваться для создаваемых центров в будущем.

Поэтому при выборе организации для создания и размещения такой институции большую роль играют имеющиеся заделы университета: исследовательская культура, история и традиции вуза и его подразделений, научные школы и коллективы, научный и технологический потенциал. Создание подобных центров должно осуществляться при вузах и институтах, имеющих не только богатую историю, но и возможность методологического описания проделываемой работы (для тиражирования), а также научно-технологический задел по ряду направлений.

Работа Наукovedческого центра ЮФУ будет осуществляться по трем основным направлениям: методологическое направление, фокусирующееся на создание общей методологии работы с архивами; организационно-просветительское направление, ориентированное на популяризацию истории науки; цифровое направление, включающее оцифровку, аналитику и работу с данными.

Вовлечение молодежи в науку должно стать ключевым эффектом работы центра. При этом обучающиеся будут непосредственно привлекаться и к работе центра по его ключевым направлениям. Уже на первом этапе к работе центра для взаимодействия с архивами и библиотеками университета и города по поиску, изучению, первичной обработке и хранению архивных данных привлечены междисциплинарные студенческие коллективы по направлениям «Философия», «История и документоведение», «Математика и информатика», «Журналистика». Похожая работа идет и в структурных подразделениях, где деятельность по сбору, систематизации и репрезентации в информационном поле выполняют их обучающиеся. К работе с группами привлекаются наставники из числа преподавателей и представителей государственных архивов. Для более комплексной работы наставники проходят повышение квалификации по работе с разными видами источников данных.

Деятельность центра направлена на работу с опытом, изучение научно-технической документации, личных архивов ученых, принимаемых исследовательских решений и их причин. Обучающиеся погружаются в историческую ретроспективу науки, историю своего подразделения и университета. Вырабатывается код, геном науки, который определяет преемственность поколений в университете и стране.

Яркой демонстрацией такого подхода стал проект «Нарратив или сторителлинг? Социальное программирование студенческой аудитории на научный успех»¹. В рамках инициативы студенческими коллективами ведется работа с архивами русских философов первой половины XX в. В частности, были найдены и оцифрованы работы, в том числе неизданная монография и личные архивы Михаила Константиновича Петрова, одного из ведущих российских философов XX в., работавшего в ЮФУ.

¹ Проект инициирован студентами Института философии и социально-политических наук ЮФУ под руководством постдока Ирины Щедриной.

О вовлечении обучающихся в изучение истории науки университета и страны через проект «Геном науки: от архивного кода к вдохновению» рассказывала ректор Южного федерального университета Инна Шевченко на встрече Президента РФ Владимира Путина с участниками II Конгресса молодых ученых и слушателями программы развития кадрового управленческого резерва в области науки, технологий и высшего образования. Поднимался вопрос героизации имен, поиске неизвестных или забытых сотрудников университета.

Резюмируя, уже на начальном этапе можно выделить ряд инструментов Научно-ведческого центра по вовлечению обучающихся в исследовательскую деятельность:

- Работа с архивными данными. Привлечение обучающихся через работу с опытом и истории успеха ученых.
- Личное взаимодействие с учеными. Интервью и беседы с учеными, вовлечение через личный пример.
- Медиаконтент. Производство текстового, аудио- и видеоконтента, направленного на увеличение присутствия ученых университета и страны в информационном поле и популяризацию научных направлений.
- Наставничество. Привлечение молодежи через преемственность в науке.

Дополнительными к вовлечению студентов в НИД эффектами деятельности Центра видятся: повышение интереса обучающейся молодежи к истории страны, региона, вуза и научного направления, развитие преемственности и наставничества в науке, открытие и популяризация имен и достижений ученых университета, создание единой методологии по оцифровке, структурированию и анализу массива данных, создание ассоциации «Геном науки», содействие в решении управленческих задач через анализ научного опыта.

Выводы

Таким образом, данные реализованного исследования иллюстрируют связь личностных факторов и уровня вовлеченности студентов в практики НИД в период обучения в высшей школе. Молодые люди, испытывающие стабильно позитивное эмоциональное состояние, обучающиеся на оценки «хорошо» и «отлично», чьи родители ранее обучались в аспирантуре, демонстрируют большую вовлеченность в НИД в период обучения в вузе. Кроме того, они более ориентированы на занятия наукой после получения высшего образования. Результаты исследования также демонстрируют связь социальных факторов и уровня вовлеченности обучающихся высшей школы в НИД. Студенты, позитивно оценивающие отношения между участниками образовательного процесса, чувствующие себя частью университета, чаще других занимаются научно-исследовательской деятельностью, больше ориентированы на поступление в аспирантуру и выше оценивают уровень материальной оснащенности организации для занятий наукой. Данные результаты иллюстрируют актуальность задачи по созданию благоприятной социальной среды вуза, способствующей вовлечению студентов в научно-исследовательскую деятельность, в том числе посредством инициации проектов. Одним из возможных эффективных решений этой задачи может стать создание сети науковедческих центров, которые не только предложат студентам стать частью научного коллектива, но и позволят на чувственно-эмоциональном уровне ощутить себя частью университета, впитать геном науки. Мероприятия центра непосредственно связаны с достижением технологического и мировоззренческого суверенитета, где ключевой фактор – мотивация молодых ученых через проекцию судеб ярких подвижников науки в российских университетах, сохранение социокультурной связи с ними.

Литература

- Данилова, И.Ю. Многоуровневая модель организации научно-исследовательской работы студентов как средство обеспечения качества образования в вузе: автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук / И.Ю. Данилова [Место защиты: Федер. ин-т развития образования]. – Москва, 2010. – 17 с.
- Ибрянова, О.В. Подготовка студентов педвуза к научно-исследовательской деятельности в условиях многоуровневой системы высшего образования: автореферат диссертации кандидата педагогических наук / О.В. Ибрянова; [Барнаул. гос. пед. ун-т. – Барнаул], 2003. – 17 с.
- Медведев, Ю. В 2022 году в России создали 207 научных лабораторий под руководством молодых ученых / Ю. Медведев // Российская газета. – 2023. – 8 февраля. – URL: <https://rg.ru/2023/02/08/v-2022-godu-v-rossii-sozdali-207-nauchnyh-laboratorij-pod-rukovodstvom-molodyh-uchenyh.html?ysclid=lovsp5vcfs229070577> (дата обращения: 12.11.2023).
- Ненашева, О.О. Развитие аксиологического потенциала личности студента в научно-исследовательской деятельности: учеб.-метод. пособие / О.О. Ненашева. – Оренбург: ИПК ГОУ ОГУ, 2010. – 192 с. – ISBN 978-5-7410-1016-7.
- Першуткин, Б.В. Активизация научно-исследовательской деятельности студентов в высших учебных заведениях: автореферат диссертации ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Б.В. Першуткин / Гос. ун-т упр. – Москва, 2006. – 26 с.
- Терехина, Д.С. Научно-исследовательская деятельность студентов как объект социального управления в современном российском вузе: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08 / Д.С. Терехина; [Место защиты: Гос. ун-т упр.]. – Москва, 2012. – 179 с.
- Встреча с молодыми учеными // Президент России. – 2022. – 1 декабря. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69967> (дата обращения: 09.11.2023).
- Наука в России, ее значение и ценность для общества // ВЦИОМ. – 2021. – 25 августа. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-v-rossii-ee-znachenie-i-cennost-dlja-obshchestva>. (дата обращения: 12.11.2023).
- Национальный проект «Наука и университеты» // Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. 2018. – URL: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (дата обращения: 09.11.2023).

References

- Danilova I. Yu. Multilevel model of the organization of research work of students as a means of ensuring the quality of education at the university: abstract of the dissertation of the candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08; [Mesto zashchity: Feder. in-t razvitiya obrazovaniya]. Moskva = [Place of protection: Feder. education Development Institute]. Moscow; 2010. 17 p. (In Russ.)
- Ibryanova O.V. Preparation of pedagogical university students for research activities in a multi-level system of higher education: abstract of the dissertation of the candidate of Pedagogical Sciences: 13.00.08; [Barnaul. gos. ped. un-t. – Barnaul] = [Barnaul. state Pedagogical University. un-T. – Barnaul]; 2003. 17 p. (In Russ.)
- Medvedev Yu. In 2022, 207 scientific laboratories were created in Russia under the leadership of young scientists. Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper. February 8, 2023. Available at: <https://rg.ru/2023/02/08/v-2022-godu-v-rossii-sozdali-207-nauchnyh-laboratorij-pod-rukovodstvom-molodyh-uchenyh.html?ysclid=lovsp5vcfs229070577> (date of application: 12.11.2023). (In Russ.)
- Nenasheva O.O. Development of the axiological potential of a student's personality in research activities: educational and methodological manual. – Orenburg: IPK GOU OGU = Orenburg: Institute for Advanced Studies of Orenburg State University; 2010. – 192 p. – ISBN 978-5-7410-1016-7. (In Russ.)
- Pershutkin B.V. Activation of research activities of students in higher educational institutions: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.05. Gos. un-t upr. Moskva = State University of Management. Moscow; 2006. 26 p. (In Russ.)
- Terekhina D.S. Research activity of students as an object of social management in a modern Russian university: dissertation ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.08; [Mesto zashchity: Gos. un-t upr.]. Moskva = [Place of protection: State University of Management]. Moscow; 2012. 179 p. (In Russ.)
- National project “Science and Universities”. Ministerstvo nauki i vysshego obrazovaniya Rossijskoj Federacii = Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. 2018. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/nac_project/ (date of application: 19.11.2023). (In Russ.)
- Science in Russia, its importance and value for society. August 25th. 2021. VTsIOM. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nauka-v-rossii-ee-znachenie-i-cennost-dlja-obshchestva> (date of application: 12.11.2023). (In Russ.)
- The meeting with young scientists is on December 1. 2022. Prezident Rossii = President of Russia. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69967> (date of application: 19.11.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 07.11.2023

Дата окончания рецензирования: 27.11.2023

Дата принятия к публикации: 30.11.2023

Информация об авторах

Пилипенко Анастасия Эдуардовна – кандидат социологических наук, старший преподаватель, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalosha@sfedu.ru

Денисов Руслан Александрович – начальник отдела коммуникаций и поддержки проектов проектного офиса Программы развития ЮФУ, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: rdenisov@sfedu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Pilipenko Anastasia Eduardovna – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalosha@sfedu.ru

Denisov Ruslan Alexandrovich – Head of the communications and project support Department of the Project office of the SFedU development programm, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: rdenisov@sfedu.ru

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.43

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.7.

EDN SGREIK

Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи**Евгений Е. Некрасов¹,**¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова
e-mail: izbirpravo@gmail.com**Аннотация**

Введение. Современная российская молодежь часто идентифицирует себя как поколение жизненного успеха и завышенных социальных ожиданий. В этих условиях важной социальной задачей является формирование системы институтов, ориентированных на воспроизводство и развитие молодежи через реализацию стратегий позитивной направленности, среди которых несомненной значимостью обладают стратегии, определяемые идеей равенства возможностей. Таким образом, проявляется объективная необходимость осмысления эгалитарных оснований жизненных способностей молодежи, интегрирующих социальную статику и динамику. В этом случае содержательной стороной жизненных стратегий выступает равенство доступа к социальным ресурсам и социальная активность молодежи, связанные формированием жизненных стратегий. Данные обстоятельства обуславливают взаимосвязанность концептуального и практического аспектов исследуемой проблемы.

Методы. Методология исследования основана на структурно-функциональном подходе (Р. Мертон, Т. Парсонс и др.), в котором анализ и объяснение эгалитаризма в жизненных стратегиях молодежи основываются на взаимосвязи стратификационного и статусно-ролевого фактора.

Результаты и их обсуждение. Идея равенства возможностей в жизненных стратегиях российской молодежи рассматривается как модель поведения, сформированная в результате взаимодействия объективных (социально-статусных) и субъективных (мотивационных) установок молодых людей, связанных с их представлением о своем месте в обществе, жизненными планами, самопроектированием и самоопределением в молодежной среде. Влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в различных вариантах трансформации жизненных планов. Часто молодые люди выбирают в качестве целей жизненных стратегий повышение личной значимости (высокий уровень потребления, успешная карьера, семейное благополучие). В этом случае способы реализации жизненных целей носят прикладной и инструментальный характер.

Ключевые слова: российская молодежь; жизненные стратегии; социальный эгалитаризм; эгалитарные основания; равенство возможностей.

Для цитирования: Некрасов Е.Е. (2023). Специфика реализации идеи равенства возможностей как воплощения социального эгалитаризма в жизненных стратегиях российской молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 77–84. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.7>

The specifics of the implementation of the idea of equality of opportunity as embodiments of social egalitarianism in the life strategies of Russian youth**Evgeny E. Nekrasov¹,**¹South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov
e-mail: izbirpravo@gmail.com**Abstract**

Introduction. Modern Russian youth often identify themselves as a generation of life success and high social expectations. In these conditions, an important social task is the formation of a system of institutions focused on the reproduction and development of youth through the implementation of positive strategies, among which strategies determined by the idea of equality of opportunity are undoubtedly important. Thus, there is an objective need to understand the egalitarian foundations of the life abilities of young people, integrating social statics and dynamics. In this case, the substantive side of life strategies is equality of access to social resources and social activity of young people associated with the formation of life strategies. These circumstances determine the interconnectedness of the conceptual and practical aspects of the problem under study.

Methods. The research methodology is based on the structural-functional approach (R. Merton, T. Parsons, etc.), in which the analysis and explanation of egalitarianism in the life strategies of young people are based on the relationship between stratification and status-role factors.

Results and discussion. The idea of equality of opportunities in the life strategies of Russian youth is considered as a model of behavior formed as a result of the interaction of objective (socio-status) and subjective (motivational) attitudes of young people associated with their idea of their place in society, life plans, self-design and self-determination in the youth environment. The influence of egalitarianism on the life strategies of young people is expressed in various ways of transforming life plans. Young people often choose to increase their personal importance as goals of life strategies (high consumption, successful career, family well-being). In this case, the ways of realizing life goals are applied and instrumental in nature.

Keywords: Russian youth; life strategies; social egalitarianism; egalitarian foundations; equality of opportunity.

For citation: Nekrasov E.E. (2023). The specifics of the implementation of the idea of equality of opportunity as embodiments of social egalitarianism in the life strategies of Russian youth. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 77–84. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.7>

Введение

Определяя стратегии равенства возможностей молодежи, рассматриваемые в контексте различных сложившихся подходов в российской социологической мысли, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: российские исследователи исходят из того, что молодежь обладает социовозрастными и социокультурными параметрами, которые и определяют ее активность как социальной группы, влияют на социальную самоидентификацию молодежи, настроения в молодежной среде и динамику поведенческих моделей. Исходя из этого общего положения, можно говорить о том, что для российской молодежи, которой, хотя она и характеризуется сужением социально-демографического потенциала, свойственна социально-воспроизводственная функция, что на молодежь возлагается миссия социального воспроизводства, развития различных сфер общественной и общественно-экономической жизни.

Здесь следует учитывать, что отечественные социологи выявляют три основных аспекта стратегии равенства российской молодежи. Первый связан с тем, каким образом общество видит равенство возможностей молодежи, второй – с тем, какие социальные ожидания и цели вносит молодежь в стратегии равенства возможностей, третий – с тем, каков социальный эффект от стратегий равенства молодежи. Таким образом, реализация заявленной цели исследования требует определения общего и особенного в стратегиях равенства молодежи как на уровне ее социально-статусных позиций (социальное позиционирование), так и на уровне социальных диспозиций, направленных на формирование стратегии равенства возможностей.

Речь идет о том, что эгалитаризм для российской молодежи является привлекательной абстрактной идеей, выражающей желаемое, но не актуальное. Конкретизируя данную мысль, мы основываемся на факте индифферентности молодежи к эгалитаризму как конституирующему жизненному принципу. Действительно, молодые россияне воспринимают общество как пространство неравенства возможностей, т.е. для них справедливость заключается в личном успехе, везении, в использовании неформального социального капитала или попадании в обойму высокооплачиваемых профессий. Конструкция эгалитаризма связана с правом индивида жить счастливо и достойно, но эта постановка вопроса абсолютизирует индивидуализм – эгалитаризм в жизненных стратегиях по простой схеме выражается в следующем: каждый выбирает то, что для него приемлемо, достижимо и эффективно. Эгалитаризм не является общественной добродетелью и традиционно относится к сфере политических технологий, что для современного российского общества реализуется в инициативе властных структур на уровне мегапроекта «Россия – страна возможностей».

В таком контексте эгалитаризм, повторимся, является идеей, но не ценностью повседневной жизни. Это подтверждается исследованиями российских социологов, которые обобщающим результатом выводят формирование установок на личностные перспективы. Слабый приток молодежи в традиционные для предшествующего советского периода профессии в сфере науки, культуры, образования, инжиниринга связывают с утвердившимся в молодежной среде мнением о разделении на доходные и недоходные профессии, а жизненные планы молодежи предопределены общественной значимостью профессии, ее престижностью и прибыльностью. Другое дело, что наблюдается динамика изменений в шкале престижности, когда доминанту набирают профессии не экономиста, юриста, дизайнера и менеджера, а «информационщика», что не является возвратом к престижу высшего технического образования инженера, а связано с мобильностью и высокими заработками. Это тенденция, определяющая сужение пространства эгалитаризма, так как доступность информационных технологий создает новый узел социальной диспропорции в молодежной среде, а ориентированность молодежи на интернет-пространство не означает эгалитаризма в молодежной среде.

Результаты исследования и их обсуждение

Эгалитарные основания жизненных стратегий российской молодежи. Можно предположить, что влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в перестановке жизненных планов: молодые люди исходят из «предопределенностей» профильности, выбирая в качестве целей жизненной стратегии личную значимость (высокий уровень потребления, карьеру, семейное благополучие); способы «нейтральны» по отношению к целям и носят прикладной и инструментальный характер. Учитывая, что до сих пор российская молодежь не использует территориальную мобильность как эффективный механизм выравнивания возможностей, наполнение конфигурации эгалитаризма ожидаемо, происходит социально-демографическая диспропорция: приток в мегаполисы или добывающие регионы, депопуляция в сельской местности и малых городах.

Мы вынуждены неоднократно возвращаться к мысли, что эгалитаризм в молодежной среде в силу актуальных исторических и психологических причин является именно идеей и не относится к ценностям повседневности: для молодых россиян, определенным образом испытывающих социальную ностальгию по ушедшим временам социальной справедливости (исходя из позиции старших поколений), сложно сформировать жизненные стратегии по идеальному измерению: в большей степени приведенные выше показатели свидетельствуют о том, что эгалитаризм как формула равенства возможностей воспроизводится на уровне стимулирования способов достижения личного успеха. В работах В.В. Чупрова и Ю.А. Зубок показана жизнь молодежи в обществе риска, когда первостепенную роль в условиях неопределенности и непредсказуемости, возникающих в результате практик отмены мер и норм предшествующего периода, играет стремление избавиться от ненужных иллюзий и взять судьбу в свои руки в контексте одобряемых и признаваемых в молодежной среде критериев успеха, которые вне оценочных суждений выработаны по логике потребительства (Чупров, 2011, 74). Это сложный момент в условиях ставших нормой для российского общества постепенных ограничений и падения уровня жизни населения, когда проекты эгалитаристской направленности, как мы отмечали выше, не совпадают с реальными жизненными стратегиями, с тем, что социальный риск в жизненных стратегиях воспроизводится на уровне «вырваться из повседневности», отрицания традиционных схем социальной интеграции, в которых молодые россияне вынуж-

дены быть ученическим поколением. Может быть, поэтому мы долгое время будем испытывать дефицит рабочих профессий, поскольку речь идет о длительной профессиональной социализации, накоплении профессионального опыта и способности к усвоению навыков и знаний, не привитых современному молодому поколению, сформированному на виртуализированных образах личного счастья.

Отсутствие или сведение к единой значимости общественных целей и критериев развития неизбежно приводит к индивидуализации жизненных стилей, ставших фактором легитимации жизненных стратегий. Формула «каждый живет, как может и как хочет» создает ситуацию парадоксальности: «парадоксальный» молодой человек не испытывает социально-когнитивного диссонанса между декларацией идеи эгалитаризма и жизненными стратегиями, нацеленными на создание собственного уютного мира. Эгалитаризм как идея «прекрасен», но как способ достижения жизненных целей – не применим. И в этом контексте наиболее зримым и очевидным критерием становится показатель материальной обеспеченности, неприятие бедности, порождающей букет проблем социального аутсайдерства и социального одиночества.

Говоря об этом, следует также подчеркнуть, что российская молодежь переходит от этапа адаптации к социальным переменам, к социальной активности в изменившихся условиях по сравнению с предшествующим советским периодом (собственно советского опыта у молодежи нет, а есть воображаемое, конструируемое из коллективного опыта старших поколений и интернет-пространства представление). В этом смысле молодые россияне живут в обществе, где сосуществуют различные жизненные уклады, модели поведения и плюралистический конфликт интересов.

Необходимо подчеркнуть, что российская молодежь является в исследовательском дискурсе социологическим конструктом, т.е. в нем выделяются – по схеме идеальных типов М. Вебера – наиболее воспроизводимые, регулярные, включающие социальные и культурные различия по сравнению с другими поколенческими группами социальные признаки и свойства молодежи. В реальности социолог сталкивается с проблемой объединения, подведения под общую черту достаточно разнородных и часто конфликтных процессов в молодежной среде. Если говорить о структурных параметрах российской молодежи, ее положения в обществе, то в целом можно сделать вывод о том, что молодежная среда воспроизводит существующую матрицу дифференциации, что к социально-статусным позициям молодых россиян можно применить критерии, которые использует Н.Е. Тихонова (богатые, среднеобеспеченные слои населения, низкоадаптированные слои, социальное дно) (Тихонова, 2014, 131).

Если исходить из того, что социальное дно и элита являются крайними полюсами социальной системы российского общества, но при этом 80% национального богатства сосредоточено в руках 1–2% населения, то российская молодежь дисперсирована вокруг общественного мейнстрима, т.е. относится к среднеадаптированным слоям населения, так же как и по модальным показателям, среди молодых россиян представители среднего класса занимают 20–40% (Средние классы..., 2003, 38).

При этом нужно подчеркнуть, что в ядре среднего класса молодежь занимает наиболее сильные позиции, это возможно благодаря тому, что именно среди молодых жителей больших городов выявляются критерии среднего класса.

Влияние институциональной среды российского общества на жизненные стратегии молодежи в условиях развития социального эгалитаризма. Можно говорить о том, что задача исследования заключается в нахождении адекватной формулы определения, что наборы таких признаков, как материальные ресурсные при-

знаки, нематериальные ресурсные признаки, признаки социального самочувствия (самоидентификации), являются достаточно сформированными в молодежной среде, хотя в разной степени сконцентрированы в российском обществе. Реализуя структурно-деятельностный подход, отметим, что российская молодежь объективно удалена от низших страт российского общества. В доле сельского населения, характеризующегося наиболее низкими доходами, молодежь составляет 10–15%. В то же время оценка доходов молодежи свидетельствует о том, что молодое поколение достаточно широко вовлечено в теневую сферу деятельности, где скрывается 30–50% фонда оплаты труда (Средние классы..., 2003, 39).

С большой степенью вероятности можно также утверждать, что поколение молодых россиян нацелено не на накопительные, а на инвестиционные стратегии, и среди молодежи более 60% не располагают сбережениями, наиболее высок процент вовлеченных в банковское кредитование (этот показатель превышает старшее поколение в два с половиной – три раза). Вместе с тем формирование имущественного набора, в частности ориентация на приобретение новейшей бытовой техники и автомобиля, не коррелирует с социально-профессиональным статусом молодежи. Наиболее острым вопросом для молодых россиян является уровень обеспеченности жильем, хотя в программах ипотеки участвуют в той или иной степени 46% молодых россиян.

Таким образом, интегральный показатель материальной обеспеченности молодежи основывается на том, что молодые россияне, во-первых, демонстрируют среднеобеспеченные показатели доходов (40% молодых людей), во-вторых, характеризуются высоким уровнем потребления и низким уровнем накопления, в-третьих, аккумулируют активы саморазвития. В результате по признаку материальной обеспеченности нужно говорить об определенной диспропорции между материальным положением молодежи и реальным уровнем достижения доходов, так как проявляется лаг между реальными доходами и уровнем кредитования. Иными словами, каждый четвертый молодой россиянин живет в долг.

Это важное положение для понимания стратегий равенства возможностей, в которых прослеживается прагматистский акцент. Молодые россияне полагают, что равенство возможностей достигается за счет облегчения, формирования более комфортных условий для кредитования молодежи, особенно это касается жилищной ипотеки, т.е. решения наиболее волнующих молодежь проблем. Такая позиция подвигает к равенству возможностей, создает условия, в которых молодежь может если не конкурировать со старшими поколениями, то реализовывать социальные ожидания, испытывать большую уверенность, вступая во взрослую жизнь.

Материальное обеспечение молодежи не коррелируется с ее социальным и профессиональным статусом, хотя в среднеадаптированных слоях российского общества молодые профессионалы составляют более половины. Однако по представленности в интеллектуальных профессиях и среди государственных служащих молодежь уступает. Очевидно, что российская молодежная среда не имеет разветвленной системы социально-профессиональной мобильности. Среди молодых россиян достаточно сильны потребительские настроения, связанные с повышением планки имущественных притязаний по сравнению со старшими поколениями. Так, 85% молодых россиян мечтают иметь собственный автомобиль, а 72% – семью. Мы видим переход от традиционной модели потребления к современной, привнесенной глобализацией. Социально-имущественные факторы приводят к тому, что равенство возможностей связывается с критериями материальной обеспеченности и доходов (Молодежь..., 2016).

Системно анализируя приведенные данные, нужно учитывать, что российская молодежь в глобализационных аспектах является традиционалистской. То есть для молодых россиян ценности глобализации, если не принимать во внимание узкий слой современных «кочевников» (информационщики, медийщики, специалисты по коммуникационным технологиям), являются привлекательными, но слабо сопрягающимися с логикой повседневности, и парадоксальным образом эгалитаризм является в том, что молодежь не считает критерием успешности широту интересов или путешествий, особенно в провинциальной молодежной среде это воспринимается как признак нерациональности поведения, и покупка новой машины выглядит более привлекательной целью, чем траты на путешествия и развлечения. Эгалитаризм в большей степени воспринимается как принуждение к усредненности, реализации неравенства в определении приоритета цели, в том, что актуально основываться на близком и доступном.

Отмечается также концентрированность территориальной мобильности российской молодежи в крупных городах, преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге, что приводит к негативным последствиям в виде депопуляции населения провинциальной России. Также каждый четвертый молодой россиянин в целях получения доходной и престижной работы мечтает выехать за рубеж.

В рамках исследования при фиксировании критерия материальной обеспеченности молодежи важно рассматривать этот критерий как приоритетный показатель по сравнению с социально-профессиональной ресурсностью. Преобладающие модели материального обеспечения молодежи обращают на себя внимание тем, что их список расширяется, при этом молодежь не связывает себя с сельским средним классом, а сосредоточивается на городской модели поведения (Некрасов, 2018, 183). Для молодежи уровень расходов, указывающий на приемлемый стандарт уровня жизни, определяется показателями приготовления пищи, услуг платного спортивного инструктора, платных медицинских услуг, оплаты строительства жилья, наличия дачи, платного вуза, платных курсов профессиональной подготовки, платных репетиторов, кружков, секций (Средние классы..., 2003, 65).

Нарастание тенденций к социально-инвестиционной деятельности, вкладыванию ресурсов в саморазвитие ограничивается инструментальным отношением к профессиональной деятельности, приоритетной ролью материальных интересов как основы ликвидации разрывов в жизненных шансах. Возрастание занятости молодежи в неформальном секторе экономики свидетельствует о том, что, несмотря на ущемление социальных и трудовых прав молодых людей в неформальной экономике, для молодежи из необеспеченных слоев населения, не имеющей значимого семейного и неформального капитала, неформальный сектор экономики воспринимается как наилучший вариант реализации равенства возможностей «в худших социальных условиях». (Экономическая активность..., 2016, 143).

Среди молодых россиян потребительское поведение у каждого третьего не соответствует заявленным доходным параметрам. Из этого следует вывод о том, что стратегии равенства возможностей не столько связаны с собственной инициативой, сколько основываются на повышенных социальных ожиданиях, на критериях удачи, рационализации поведения, демонстрации признаков высокого потребительского стандарта.

Чтобы понять, каким образом уровень материальной обеспеченности влияет на стратегии равенства возможностей, нужно говорить о том, что отличительной особенностью российской молодежи являются проблемы, связанные с рынком труда, социальным самочувствием, стилем жизни и потребительским поведением. Таким

образом, возрастные характеристики влияют на то, что для молодежи потребление является более важным показателем, чем ориентация на отложенное вознаграждение, т.е. потребительские интенции в оценке стратегий молодежи имеют существенное значение по сравнению с инвестиционными.

Социальное позиционирование российской молодежи заключается в том, что критерии материального благосостояния превышают социально-статусные позиции. Следствием этого является нацеленность на стратегии равенства возможностей. Под равенством возможностей понимается доступ к потребительским благам вне зависимости от социально-статусного положения, от того, что можно назвать уровнем реальной доходности личности.

Заключение

Осуществлено исследование общего и особенного в жизненных стратегиях молодежи как на уровне ее социально-статусных позиций, так и на уровне социальных диспозиций. Показано, что эгалитарные основания влияют на социальный эффект жизненных стратегий в зависимости от того, какие жизненные цели ставят молодые россияне, как они оценивают субъективные шансы в контексте равенства возможностей. Отмечается, что идея равенства возможностей, определяемая социальным эгалитаризмом, может являться для молодежи недостижимым социальным ориентиром. Данный факт вызывает чувство социальной апатии и социальной депривации в молодежной среде.

Влияние эгалитаризма на жизненные стратегии молодежи выражается в различных вариантах трансформации жизненных планов. Часто молодые люди выбирают в качестве цели жизненной стратегии повышение личной значимости (высокий уровень потребления, успешная карьера, семейное благополучие). В этом случае способы реализации жизненных целей носят прикладной и инструментальный характер.

Литература

- Некрасов, Е.Е. Стратегии равенства возможностей российской молодежи в контексте институциональной ресурсности / Е.Е. Некрасов // *Гуманитарий Юга России*. – 2018. – №1. – С. 180–191.
- Средние классы в России. Экономические и социальные стратегии / М.В. Михайлюк, Л.И. Ниворожкина, А.А. Овсянников [и др.]. – Москва: Гендальф, 2003. – 506 с. – EDN QQDABD.
- Тихонова, Н.Е. Социальная структура России: теории и реальность / Н.Е. Тихонова. – Москва: Новый хронограф, 2014. – 401 с. – ISBN 978-5-84881-216-8.
- Чупров, В.И. Социология молодежи / В.И. Чупров, Ю.А. Зубок. – Москва: Норма, 2011. – 336 с.
- Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований) в 2015: статистический сборник. – Москва: Федеральная служба гос. статистики, 2016. – 143 с.
- Молодежь о молодежи. Молодежь говорит о своих особенностях и о трудностях в жизни. // *ФОМ*. 2016. 30 августа. – URL: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832> (дата обращения: 30.07.2023).

References

- Nekrasov E.E. Strategies of equality of opportunities for Russian youth in the context of institutional resourcing. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2018; 1: 180–191. (In Russ.)
- Mihajlyuk M.V., Nivorozhkina L.I., Ovsyannikov A.A. [et al.]. The middle classes in Russia. Economic and social strategies. *Moskva: Gendal'f = Moscow: Gandalf*; 2003. 506 p. (In Russ.)
- Tihonova N.E. The social structure of Russia: theories and reality. – *Moskva: Novyj hronograf = Moscow: Novy Chronograph*; 2014. 401 p. ISBN 978-5-84881-216-8. (In Russ.)
- Economic activity of the Russian population (based on the results of sample surveys) in 2015: statistical collection. *Moskva: Federal'naya sluzhba gos. statistiki = Moscow: Federal State Service. Statistics*; 2016. 143 p. (In Russ.)
- Chuprov V.I., Zubok Yu.A. Sociology of youth. *Moskva: Norma = Moscow: Norma*; 2011. 336 p. (In Russ.)
- Youth is about youth. Young people talk about their peculiarities and difficulties in life. *FOM*. August 30, 2016. Available at: <https://fom.ru/Obraz-zhizni/12832> (date of application: 30.07.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 28.10.2023

Дата окончания рецензирования: 30.11.2023

Дата принятия к публикации: 08.12.2023

Информация об авторе

Некрасов Евгений Евгеньевич – старший преподаватель кафедры социальных и гуманитарных наук, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: izbirpravo@gmail.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Nekrasov Evgeny Evgenievich – Senior Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities, M.I. Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia, e-mail: izbirpravo@gmail.com.

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.453

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.8.

EDN DAOEZJ

Социализация молодых болельщиков под воздействием института профессионального спорта (на примере г. Ростова-на-Дону)**Егор К. Тупиков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru

Аннотация

Введение. Профессиональный спорт играет значительную роль в социализации человека посредством информационного влияния на ценности, установки и поведение индивида. В данном контексте особый исследовательский интерес представляет социальная группа молодых болельщиков. Молодежь в целом представляет собой группу, члены которой только начинают осваивать социальные нормы и ценности, в то время как болельщики являются наиболее вовлеченной в деятельность института профессионального спорта социальной группой и, соответственно, в большей степени подвержены воздействию данного института. Анализ влияния профессионального спорта на молодых болельщиков позволит раскрыть его потенциал как значимого института социализации.

Методы. Методологическая основа проводимого исследования представлена информационно-коммуникативным подходом, применяемым для изучения социальных явлений как результата информационного обмена между коммуникатором и реципиентом. Также в статье используется структурно-функциональный анализ, позволяющий выявить функции, присущие различным элементам социальной системы. Эмпирическая база исследования основывается на результатах разведывательного социологического опроса молодежи г. Ростова-на-Дону в возрасте от 18 до 30 лет ($N = 384$).

Результаты и обсуждение. Профессиональные спортивные мероприятия вызывают интерес у существенной части молодого поколения. Около половины респондентов, интересующихся спортивными соревнованиями, относят себя к спортивным болельщикам, что указывает на их тесную связь с институтом профессионального спорта. Профессиональный спорт посредством информационного влияния пропагандирует общечеловеческие ценности и культ здорового образа жизни. В ходе исследования была обнаружена положительная связь между степенью фанатизма и частотой физической активности молодежи. Практически половина молодых болельщиков рассматривает профессиональный спорт как институт, позволяющий удовлетворить социальные потребности в аффилиации и коммуникации. Также были выявлены негативные проявления влияния профессионального спорта на молодых фанатов. Они заключаются в распространении негативных образцов поведения и вовлечении молодежи в конфликтную среду, что становится причиной неудачной интеграции молодых людей в систему социальных отношений.

Ключевые слова: спорт; профессиональный спорт; социализация; болельщики; фанаты; молодежь.

Для цитирования: Тупиков Е.К. (2023). Социализация молодых болельщиков под воздействием института профессионального спорта (на примере г. Ростова-на-Дону). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 85–93. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.8>

Socialization of young sports fans under the influence of the professional sports institution (on the example of Rostov-on-Don)**Egor K. Tupikov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru

Abstract

Introduction. Professional sports play a significant role in the socialization of individuals through their influence on values, attitudes, and behavior. In this context, a particular research interest is focused on the social group of young sports fans. The youth, in general, represents a group whose members are just beginning

to assimilate social norms and values, while sports fans are the most engaged social group in the activities of the professional sports institution and are, consequently, more susceptible to the influence of this institution. Analyzing the impact of professional sports on young sports fans will help uncover its potential as a significant institution of socialization.

Methodology. The methodological foundation of the conducted research is based on the information-communication approach, used to study social phenomena as a result of information exchange between the communicator and the recipient. The article also utilizes a structural-functional analysis, which helps identify the functions inherent in various elements of the social system. The empirical basis of the research is built on the results of a sociological survey of young adults aged 18 to 30 in Rostov-on-Don ($N = 384$).

Results and Discussion. Professional sports events generate interest among a significant portion of the younger generation. Approximately half of the respondents interested in sports competitions consider themselves sports fans, indicating their close connection to the professional sports institution. Professional sports, through informational influence, promote universal values and a culture of a healthy lifestyle. During the study, a positive correlation was found between the degree of fandom and the frequency of physical activity among the youth. Nearly half of young sports fans view professional sports as an institution that allows them to satisfy their social needs for affiliation and communication. Negative impacts of professional sports on young fans were also identified, including the dissemination of negative behavioral patterns and involving young people in a conflict-ridden environment, which hinders their successful integration into the social relationship system.

Keywords: sports; professional sports; socialization; sports fans; fans; youth.

For citation: Tupikov E.K. (2023). Socialization of young sports fans under the influence of the professional sports institution (on the example of Rostov-on-Don). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 85–93. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.8>.

Введение

Профессиональный спорт является неотъемлемой частью культуры современного общества. Он проникает в различные сферы жизни и становится одним из ключевых элементов развлечения и досуга для множества людей. Институт профессионального спорта тесно переплетается со СМИ и бизнес-структурами, что придает ему медийное и финансовое влияние, способствующее его глобальной популярности среди населения (Леднев, 2019).

Для многих зрителей профессиональный спорт становится важной частью их жизни. Болельщики являются социальной группой, наиболее вовлеченной в социальные практики, создаваемые институтом профессионального спорта. Спортивные и околоспортивные события становятся средой, в которой болельщики устанавливают социальные связи и тем самым интегрируются в общественную систему. Действующие субъекты профессионального спорта, такие как спортивные лиги, команды, спортсмены, способны оказывать значимое воздействие на ценности, образ мышления и поведение фанатов. В особенности внешнему влиянию профессионального спорта оказываются подвержены молодые болельщики. Это объясняется тем, что социально-демографическая группа молодежи, ввиду отсутствия социального опыта и не сложившейся системы ценностей, открыта для освоения новых знаний и адаптации к изменяющимся условиям (Ключко, 2018). Можно говорить о том, что профессиональный спорт выступает действенным институтом социализации для молодых фанатов. Процесс социализации, заключающийся в усвоении сложившихся в обществе ценностей, убеждений и норм поведения человека, формирует личность индивида (Галин, 2022). В статье профессиональный спорт рассматривается как социальный институт, оказывающий значимое воздействие на социализацию молодых людей, в частности спортивных болельщиков. Цель исследования состоит в выявлении функционального влияния института профессионального спорта на процесс социализации молодых болельщиков посредством систематизации теоретических и эмпирических данных.

Методы

Несмотря на то, что существует множество различных дефиниций и классификаций категорий болельщиков, в нашем исследовании под понятием болельщика будет подразумеваться лицо, активно наблюдающее за спортивными соревнованиями и имеющее собственные спортивные предпочтения в рамках профессионального спорта. Спортивные болельщики представляют собой широкую группу людей, интенсивно взаимодействующую с институтом профессионального спорта и вследствие этого наиболее подверженную его информационному воздействию.

Для анализа роли профессионального спорта в формировании личности болельщиков воспользуемся информационно-коммуникативным подходом, суть которого заключается в представлении общества как пространства информационного обмена между социальными субъектами (Лукичев, 2017). Профессиональный спорт в рамках исследования будет пониматься как институт, охватывающий организованные формы физической активности в виде профессиональных спортивных соревнований, демонстрируемых широкой аудитории зрителей. Данный институт играет существенную роль в социокультурном контексте, формируя определенные ценности, нормы поведения и образ жизни в обществе. Для изучения влияния профессионального спорта на личности представителей социальной группы молодых болельщиков применяются принципы структурно-функционального анализа, в рамках которого любое социальное явление рассматривается с точки зрения его функциональности или дисфункциональности в системе общественных отношений (Мертон, 2006). С помощью структурно-функционального подхода профессиональный спорт можно проанализировать как элемент, выполняющий определенные функции в структуре общества и тем самым влияющий на динамику общественных процессов, в том числе на социализацию молодых болельщиков.

Эмпирической базой исследования служит разведывательный социологический опрос молодежи в возрасте от 18 до 30 лет. Выборка, состоящая из 384 человек, сформирована исходя из половозрастного состава исследуемой генеральной совокупности. Опрос проводился в феврале–марте 2023 г. в г. Ростове-на-Дону.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде чем анализировать влияние профессионального спорта на социальную группу молодых болельщиков, необходимо отметить, что профессиональный спорт является значимой частью жизни молодого поколения. Это подтверждается данными, полученными в результате проведенного социологического опроса. 82% молодых людей ответили, что хотя бы иногда наблюдают за профессиональными спортивными событиями. Данный факт указывает на то, что институт профессионального спорта способен оказывать воздействие на большую часть молодежной аудитории и задавать вектор ее социализации посредством передачи ценностей и норм поведения.

Среди молодых людей, которые наблюдают за спортивными соревнованиями, около половины отнесли себя к спортивным болельщикам (52%), причем 20% из них однозначно считают себя спортивными болельщиками (рис. 1).

Характерные для болельщиков походы на стадион, участие в мероприятиях, сопутствующих спортивным соревнованиям, членство в фанатских группах – все эти действия являются важными атрибутами, указывающими на большую вовлеченность болельщика в функционирование института профессионального спорта (Колесова, 2020). Данные социальные практики становятся частью образа жизни спортивного болельщика и тем самым, несомненно, влияют на формирование его личности.

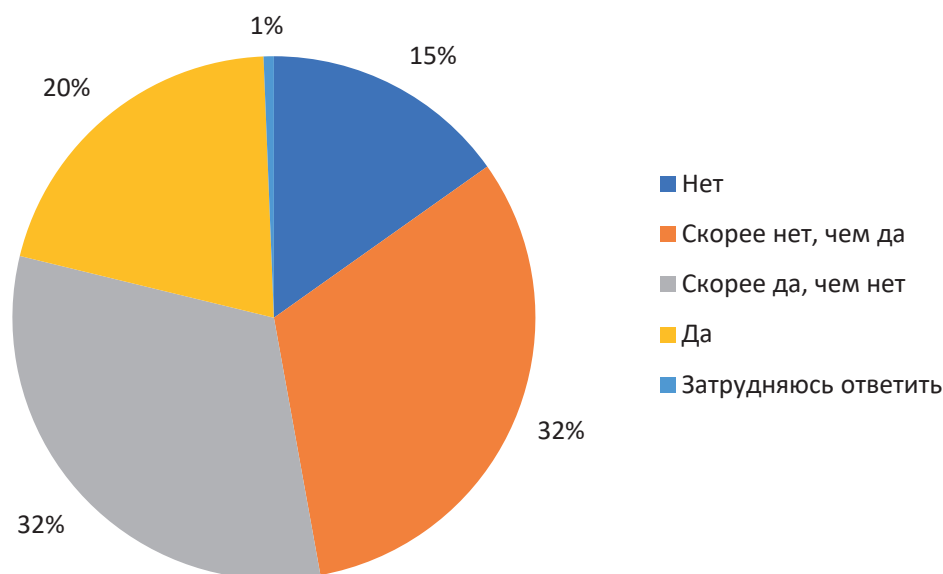

Рисунок 1. Распределение ответов на вопрос
«Относите ли вы себя к спортивным болельщикам?»

Спортивные соревнования являются площадкой, на которой реализуется пропаганда принципов справедливой игры, помогающих распространять такие фундаментальные позитивные ценности, как справедливость, уважение, честность и толерантность. Также немаловажное значение имеет популяризация здорового образа жизни посредством проведения состязаний между профессиональными спортсменами, демонстрирующими пределы человеческих возможностей (Изучение наследия..., 2020).

Наиболее значимой социальной функцией профессионального спорта считается стимулирование физической активности населения посредством демонстрации спортивных состязаний. Считается, что информационное воздействие института профессионального спорта способно мотивировать людей более активно вовлекаться в спортивную деятельность (Массовый спорт..., 2022). В связи с этим необходимо рассмотреть, как институт профессионального спорта влияет на стремление болельщиков участвовать в спортивной деятельности. Степень спортивного фанатизма показывает эмоциональную вовлеченность индивида в профессиональные спортивные соревнования, соответственно, мы можем предположить, что чем сильнее индивид соотносит себя с болельщиками, тем сильнее проявляется влияние профессионального спорта в контексте привлечения к физической активности. Для дальнейшего анализа была составлена таблица сопряженности между исследуемыми переменными (табл. 1).

Для расчета взаимосвязи переменных воспользуемся гамма-критерием Гудмана–Краскела, значение которого оказалось равно $\gamma = 0,385$ при уровне значимости $\alpha \leq 0,001$, что говорит о практически стопроцентной надежности. Результат показывает наличие умеренной положительной связи между исследуемыми переменными. Это позволяет сделать вывод о достаточном влиянии профессионального спорта на мотивационную составляющую личности молодых болельщиков, выражающемся в стимулировании их физической активности. Выдающиеся выступления команд и спортсменов, а также пропаганда здорового образа жизни в ходе спортивных мероприятий побуждают индивида к непосредственному участию в спортивной деятельности.

Таблица 1

Взаимосвязь между спортивным фанатизмом и частотой спортивной деятельности

		Как часто вы занимаетесь спортивной деятельностью?					Всего
		Не занимаюсь	Очень редко	Время от времени	Постоянно	Затрудняюсь ответить	
Относите ли вы себя к спортивным болельщикам?	Нет	8	13	18	9	0	48
	Скорее нет, чем да	6	28	48	19	0	101
	Скорее да, чем нет	2	11	60	26	1	100
	Да	0	7	29	29	0	65
	Затрудняюсь ответить	0	0	0	2	0	2
Всего		16	59	155	85	1	316

Практическая польза профессионального спорта для молодых болельщиков заключается не только в активизации их стремления к занятию спортом. Обратимся к результатам опроса мнения болельщиков о причинах спортивного фанатизма. Среди респондентов, отнесших себя к категории болельщиков, 46% посчитали, что главная причина кроется в эстетике спорта, тогда как 47% выразили мнение, что причина состоит в социальных мотивах, из которых 27% указали на потребность в общении, а 20% – на потребность в аффилиации (рис. 2).

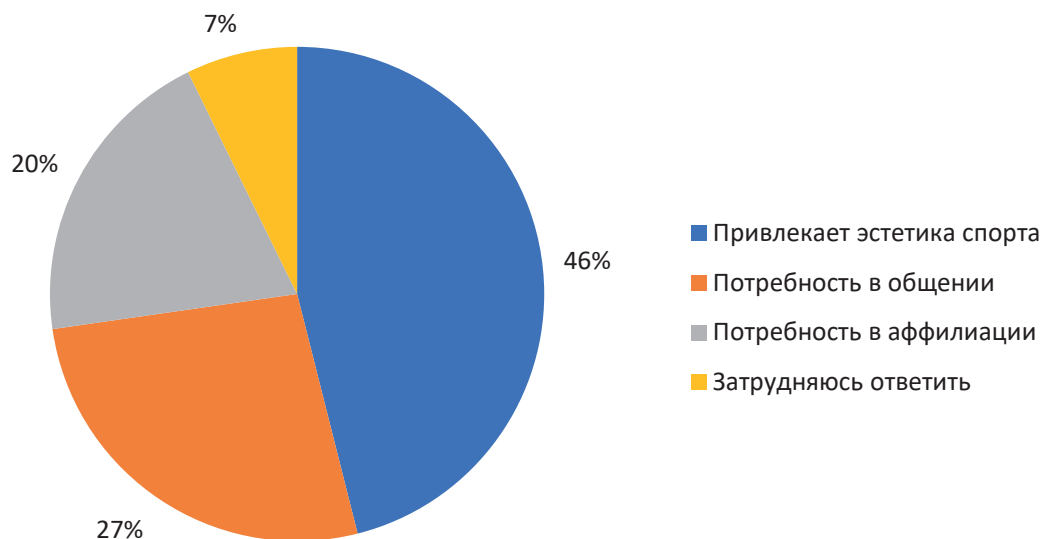

Рисунок 2. Мнение болельщиков о причинах спортивного фанатизма

Безусловно, профессиональный спорт в первую очередь является средством проведения досуга многих людей. Поход на стадион или просмотр матча дома у телевизора помогают человеку отвлечься от повседневных проблем и снять накопившийся стресс. Но, как мы видим, профессиональный спорт также становится для болельщиков социальным пространством, в рамках которого они вступают в отношения с другими индивидами. Посредством обретения спортивной идентичности, которая заключается в ассоциации себя с группой болельщиков, объединенной на основе общих спортивных интересов, молодой человек удовлетворяет собственную потребность

в аффилиации, которая означает стремление человека к установлению социальных связей и идентификации себя с определенной социальной группой (Смирнова, 2019).

Профессиональный спорт становится платформой для активизации коммуникативных практик, которые являются неотъемлемой частью социальной жизни любого человека. Во время спортивных мероприятий происходит интенсивное общение как между группами болельщиков, так и между отдельными болельщиками. Обсуждение спортивных и околоспортивных событий занимает важное место в общении болельщиков. К тому же в условиях развития цифровых технологий коммуникация между болельщиками осуществляется не только непосредственно на спортивных объектах, но и протекает в дистанционном формате в интернет-пространстве. На основе анализа коммуникации между спортивными болельщиками в интернете можно выделить особый тип языковой личности, характеризующий данную группу. Содержание этого типа личности заключается в особой эмоциональности и образности выражения собственных мыслей. Кроме того, в интернет-общении болельщиков можно отметить частое употребление особой терминологии, связанной со спортом, а также вариативность в использовании жанров текста русского языка. Можно выделить и склонность болельщиков к подробной аргументации собственной позиции в рамках дискурса (Эмиралиев, 2016).

В целом можно утверждать, что профессиональный спорт рассматривается молодыми болельщиками не только как средство проведения досуга, но также как площадка, удовлетворяющая социальные потребности и выполняющая интегративную функцию.

При этом необходимо отметить, что взаимодействие индивидов с институтом профессионального спорта не всегда несет положительный эффект. Суть профессионального спорта состоит в жестком соперничестве и конфронтации между участниками соревнований, достижение победы становится их главной целью. Это порождает среди спортсменов такие девиации, как умышленное нарушение правил, чрезмерная агрессия, массовое применение допинга, конфликтность за пределами института профессионального спорта (Глебова, 2014). Трансляция данных практик может крайне отрицательно воздействовать на ценностные ориентации молодежи.

Часто различные группы болельщиков включаются в спортивное противостояние между участниками соревнований и становятся сторонами конфликтного взаимодействия. Конфликты между группами болельщиков возникают в результате сплочения индивидов вокруг какого-либо субъекта профессионального спорта, который, как они считают, представляет их интересы. Консолидация болельщиков, соперничающих спортсмену или команде создают среди них чувство общности и сильнее вовлекают их в процесс поддержки, позволяя без стеснения выражать накопленные чувства. Обратной стороной процесса отождествления себя с какой-либо группой может являться противопоставление другим группам, которые имеют собственные, отличающиеся нормы и правила (Морозова, Улько, 2008). Непринятие и несогласие с чужими устоями становятся источником конфликтов. Процесс объединения болельщиков и их чрезмерная экспрессивность неизбежно ведут к негативному эффекту, который выражается в виде представления социальной реальности в системе координат «свой – чужой». Под «своими» понимается команда и все, кто оказывает ей поддержку. Дискурс, относящийся к «своим», практически всегда несет позитивный характер, а также характеризуется излишней уважительностью и преданностью группе. К «чужим» относится несколько категорий социальных субъектов, это игроки, тренеры, болельщики других команд, судьи, представители правопорядка. Посредством различных вербальных методов «чужие» наделяются различными отрицательными свойствами и рассматриваются исключительно как враги (Белютин, 2013а).

Несмотря на эти обстоятельства, в большинстве случаев данные конфликты не выходят за правовые рамки. Среднестатистический болельщик не намерен вступать в интенсивный конфликт с болельщиками другой команды. Противоборство в таком случае может ограничиться лишь вербальной агрессией, что не несет очевидной социальной опасности. Но существуют группы активных фанатов, которые в наибольшей мере отождествляют себя с командой и способны к проявлению делинквентного поведения. Например, в футбольной фанатской среде создаются фирмы – организованные группировки, цель которых состоит в активной поддержке команды. В фирмах имеется четкая иерархия, основанная на продолжительности нахождения в группе. Стоит отметить, что фирмы практически целиком состоят из молодежи, а возраст 27 лет является предельным. Представители разных фирм организуют массовые драки между собой, рассматривая это как один из способов защитить честь своей команды. Специфика данной субкультуры становится благоприятной почвой для распространения экстремистских идей. Крайне часто активные фанаты исповедуют ультраправую идеологию и пропагандируют ее среди фанатских сообществ (Граник, 2014). Доля радикальных фанатов в общей массе зрителей сравнительно невелика, но их сплоченность и организованность являются причиной контроля со стороны государственных органов, поскольку угроза участия фанатов в протестных акциях и столкновения с правоохранителями может нести угрозу общественному порядку (Васильев, 2020). Поэтому вовлечение молодых людей в данные группы несет отрицательный эффект как для формирования их личности, так и для общества в целом.

Особое внимание необходимо уделить затронутой выше проблеме коммуникаций, в которых участвуют болельщики. Для среды болельщиков характерно общение, отличающееся излишней динамичностью и эмоциональностью (Белютин, 2013б). Поскольку темы, посвященные спортивным событиям, зачастую имеют дискуссионный характер, коммуникативное взаимодействие болельщиков нередко приобретает деструктивные формы. Распространение агрессивного речевого поведения становится катализатором конфликтов, которые часто переходят из плоскости профессионального спорта в этнические и религиозные противоречия, порождающие фундаментальные разногласия между людьми (Бромберже, 2018).

Подобные отрицательные коммуникативные взаимодействия могут иметь ряд вредных последствий для молодых людей. Во-первых, это неблагоприятно влияет на способность молодежи вступать в позитивные социальные отношения. Вербальное распространение агрессии и враждебности по отношению к некоторым социальным субъектам делает невозможным установление конструктивных взаимоотношений. Кроме того, подобные коммуникативные практики могут усиливать сложившиеся в обществе негативные стереотипы, относящиеся к разным социальным группам (Якимова, 2011). Это усиливает чувство ксенофобии и мешает регулировать конфликтные ситуации с помощью конструктивных методов.

Заключение

Молодые болельщики являются социальной группой, активно взаимодействующей с социальным институтом профессионального спорта. Под воздействием данного института у молодых фанатов трансформируются ценности, убеждения и поведение. При этом влияние профессионального спорта на процессы социализации молодых болельщиков имеет неоднозначный характер. Профессиональные спортивные соревнования становятся платформой для пропаганды позитивных ценностей, популяризации культа здорового образа жизни и консолидации больших групп людей. Но одновременно с этим транслируемая агрессия и насилие в профессиональном спорте

порождают конфликтное поведение спортивных фанатов. Данные обстоятельства препятствуют позитивной социализации в среде молодых болельщиков.

Продолжение научных исследований, посвященных проблеме влияния профессионального спорта на социализацию молодежи, и в частности молодых фанатов, является необходимым направлением социологического дискурса для дальнейшей разработки предложений по урегулированию проблем в области социализации молодого поколения.

Литература

- Белютин, Р.В. Концептуальная оппозиция «Свой – Чужой» в немецком спортивном дискурсе (на примере субдискурса футбольных фанатов) / Р.В. Белютин // *Филология и человек*. – 2013а. – № 3. – С. 24–33. – DOI 10.14258/filichel(2013)3-03. – EDN RAHSPH.
- Белютин, Р.В. Речевое поведение немецких и российских футбольных фанатов: сходства и различия / Р.В. Белютин // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – 2013б. – № 1. – С. 196–199. – EDN QYULIZ.
- Бромберже, К. Современный футбол, местная идентичность и глобальный мир / К. Бромберже // *Этнографическое обозрение*. – 2018. – № 2. – С. 11–24. – DOI 10.7868/S0869541518020021. – EDN XMGHIT.
- Васильев, В.Е. Футбольные фанаты в России как инструмент гражданского общества на примере акции «Фанат не преступник»: потенциал политизации протеста / В.Е. Васильев, К.В. Власова // *Скиф. Вопросы студенческой науки*. – 2020. – № 8. – С. 281–294. – EDN KNTTIC.
- Галин, К.О. Концептуализация понятийного аппарата социализации в условиях современного мира / К.О. Галин // *Общество: социология, психология, педагогика*. – 2022. – № 5. – С. 125–129. – DOI 10.24158/spp.2022.5.18. – EDN JVWFSY.
- Глебова, Ю.В. Институциональные механизмы международно-правового сотрудничества в борьбе с допингом в спорте / Ю.В. Глебова // *Образование и право*. – 2014. – № 11. – С. 54–67.
- Граник, В.В. Футбольные фанаты как один из элементов экстремистской среды / В.В. Граник // *Научный портал МВД России*. – 2014. – № 1. – С. 92–96. – EDN STCPHD.
- Изучение наследия Олимпийских игр в Сочи в области развития и популяризации массового спорта и здорового образа жизни / В.А. Бадтиева, И.В. Юрьева, А.В. Квитчастый [и др.] // *Спортивная медицина: наука и практика*. – 2020. – Т. 10, № 2. – С. 14–18. – DOI 10.17238/ISSN2223-2524.2020.2.14. – EDN IHHNUQ.
- Ключко, О.И. Гендерные трансформации в социализации и ментальности российской молодежи / О.И. Ключко // *Вестник МГПУ. Серия: Философские науки*. – 2018. – № 1(25). – С. 29–35. – EDN YWQSMC.
- Колегова, И.Е. Движение футбольных фанатов: структура и коллективные идентичности / И.Е. Колегова, В.А. Кондратенко // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. – 2020. – Т. 12, № 1. – С. 118–135. – DOI 10.19181/inter.2020.21.7. – EDN DYYXVT.
- Леднев, В.А. Предпринимательство в индустрии спорта: возможности, ожидания и результаты / В.А. Леднев, К.И. Братков // *Современная конкуренция*. – 2019. – Т. 13, № 1. – С. 120–130. – EDN ZDTJCM.
- Лукичев, П. Н. Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа / П.Н. Лукичев – Москва: РУСАЙН, 2017. – 324 с.
- Массовый спорт, спорт высших достижений и спортивная деятельность курсантов: понятие, цели, принципы / А.А. Трунтягин, В.В. Орлов, А.С. Мельников [и др.] // *Ученые записки университета им. П.Ф. Лесгафта*. – 2022. – № 5. – С. 415–420. – DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.5.p415-420. – EDN URWFFD.
- Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – Москва: АСТ: АСТ Москва: Хранитель, 2006. – 873 с.
- Морозова, Е.В. Локальная идентичность: формы актуализации и типы / Е.В. Морозова, Е. В. Улько // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС*. – 2008. – Т. 4, № 4. – С. 139–151. – EDN JCFCEE.
- Смирнова, М.В. Аффилиация как фактор, оказывающий влияние на качество жизни и психологическое здоровье / М.В. Смирнова // *Педагогический вестник*. – 2019. – № 7. – С. 57–60. – EDN UZAWLP.
- Эмиралиев, Э.А. Языковая личность футбольного болельщика ФК «Рубин» / Э.А. Эмиралиев // *Филология и культура*. – 2016. – № 1. – С. 173–177. – EDN VVHYGF.
- Якимова, Н.С. Вербальная агрессия как актуальный феномен современного общества / Н.С. Якимова // *Вестник Кемеровского государственного университета*. – 2011. – № 1(45). – С. 184–187. – EDN NUQNEX.

References

Belyutin R. V. The conceptual opposition of “Friend and foe” in German sports discourse (on the example of the subdiscourse of football fans). *Filologiya i chelovek = Philology and Man*. 2013(a); 3: 24–33. DOI 10.14258/filichel(2013)3-03. (In Russ.)

- Belyutin R.V. Speech behavior of German and Russian football fans: similarities and differences. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya = Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2013(b); 1: 196–199. (In Russ.)
- Bromberzhe K. Modern football, local identity and the global world. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. 2018; 2: 11–24. DOI 10.7868/S0869541518020021. (In Russ.)
- Emiraliyev E.A. The linguistic personality of a football fan of FC Rubin. *Filologiya i kul'tura = Philology and Culture*. 2016; 1: 173–177. (In Russ.)
- Galin K.O. Conceptualization of the conceptual apparatus of socialization in the modern world. *Obshchestvo: sociologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2022; 5: 125–129. DOI 10.24158/spp.2022.5.18. (In Russ.)
- Glebova Yu.V. Institutional mechanisms of international legal cooperation in the fight against doping in sports. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2014; 11: 54–67. (In Russ.)
- Granik V.V. Football fans as one of the elements of the extremist environment. *Nauchnyj portal MVD Rossii = Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014; 1: 92–96. (In Russ.)
- Badtieva V.A., Yur'eva I. V., Kvitchastyy A.V. [et al.] Studying the legacy of the Olympic Games in Sochi in the field of development and popularization of mass sports and a healthy lifestyle. *Sportivnaya medicina: nauka i praktika = Sports medicine: science and practice*. 2020; 10(2): 14–18. DOI 10.17238/ISSN2223-2524.2020.2.14. (In Russ.)
- Klyuchko O.I. Gender transformations in socialization and mentality of Russian youth. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki = Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Philosophical Sciences*. 2018; 1: 29–35. (In Russ.)
- Kolegova I.E., Kondratenko V.A. The movement of football fans: structure and collective identities. *Interakciya. Interv'yuu. Interpretaciya = Interaction. Interview. Interpretation*. 2020; 12(1): 118–135. DOI 10.19181/inter.2020.21.7. (In Russ.)
- Lednev V.A., Bratkov K.I. Entrepreneurship in the sports industry: opportunities, expectations and results. *Sovremennaya konkurenciya = Modern Competition*. 2019; 13(1): 120–130. (In Russ.)
- Lukichev P.N. The general theory of social dynamics: The foundations and beginnings of analysis. Moskva: RUSAIN = Moscow: RUSAIN; 2017. 324 p. (In Russ.)
- Truntyagin A. A., Orlov V.V., Mel'nikov A.S. [et al.]. Mass sports, sports of higher achievements and sports activity of cadets: concept, goals, principles. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta = Scientific notes of the P.F. Lesgaft University*. 2022; 5: 415–420. DOI 10.34835/issn.2308-1961.2022.5.p415-420. (In Russ.)
- Merton R. Social theory and social structure. Moskva: AST: AST Moskva: Hranitel' = Moscow: AST: AST Moscow: Guardian; 2006. 873 p. (In Russ.)
- Morozova E.V., Ul'ko E.V. Local identity: forms of actualization and types. *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS = Political expertise: POLITEX*. 2008; 4(4): 139–151. (In Russ.)
- Smirnova M.V. Affiliation as a factor influencing the quality of life and psychological health. *Pedagogicheskij vestnik = Pedagogical Bulletin*. 2019; 7: 57–60. (In Russ.)
- Vasil'ev, V.E., Vlasova K. V. Football fans in Russia as a tool of civil society on the example of the action "A fan is not a criminal": the potential for politicization of protest. *Skif. Voprosy studencheskoj nauki = Skif. Questions of student science*. 2020; 8: 281–294. (In Russ.)
- Yakimova N.S. Verbal aggression as an actual phenomenon of modern society. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University*. 2011; 1: 184–187. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 18.11.2023

Дата принятия к публикации: 25.11.2023

Информация об авторе

Тупиков Егор Константинович – аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Tupikov Egor Konstantinovich – postgraduate student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: egor_tupikov1996@mail.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.4.066

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.9

EDN ONDBNS

Три миссии классического университета в пространстве цифровых технологий: проблемы и противоречия реализации**Елена Ю. Колесникова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anabel_le@mail.ru

Аннотация

Введение. Статья посвящена цифровой революции в образовании, ее социокультурной составляющей, проблеме возможности сохранения в условиях современных институциональных трансформаций под влиянием новой технологической волны фундаментальной основы организации образовательного процесса в университете – действенного социокультурного единства и целостности трех миссий классического университета – образования, исследования и воспитания.

Методы. В исследовании использованы методы контекстологического, сравнительно-исторического и компаративистского анализа, метод концептуального моделирования, системный и структурно-функциональный методы.

Результаты и их обсуждение. Цифровизация, как и другие исторически возникшие формы технологических революций, отражает объективную логику современной цивилизации, основанной на научно-техническом прогрессе и знаниях. Поэтому в научном дискурсе цифровая революция обсуждается, как правило, в формате поиска и оценки возникающих в процессах цифровизации не только новых возможностей, но и противоречий и рисков, тем более в такой тонкой экосистеме, какой является современный университет. В обширной литературе именно в такой концептуальной оптике и обсуждаются проблемы цифровизации образования. Этой же логике следуют и публичные экспертные обоснования и целеполагания государственной образовательной политики в России в области цифровизации образовательной сферы.

Ключевые слова: современный университет; классическая модель университета; миссия университета; образовательное пространство; цифровизация; цифровая революция; трансформация; «гринфилд» в образовании; новый технологический уклад.

Для цитирования: Колесникова Е.Ю. (2023). Три миссии классического университета в пространстве цифровых технологий: проблемы и противоречия реализации. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 94–102. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.9>

Three missions of a classical university in the space of digital technologies: problems and contradictions of realization**Elena Yu. Kolesnikova¹**¹South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: anabel_le@mail.ru

Abstract

Introduction. The article is devoted to the digital revolution in education, its sociocultural component, the problem of the possibility of preserving in the conditions of modern institutional transformations under the influence of the new technological wave the fundamental basis of the organization of the educational process in the university – the effective sociocultural unity and integrity of the three missions of the classical university – education, research and education.

Methods. The study used the methods of contextological, comparative-historical and comparativist analysis, the method of conceptual modeling, systemic and structural-functional methods.

Results and its discussion. Digitalization, like other historically emerged forms of technological revolutions, reflects the objective logic of modern civilization based on scientific and technological progress and knowledge. Therefore, in academic discourse, the digital revolution is discussed, as a rule, in the format of searching and assessing the emerging in the processes of digitalization not only new opportunities, but also contradictions and risks, especially in such a delicate ecosystem as the modern university. A vast literature discusses the

problems of digitalization of education from this conceptual perspective. The same logic is followed by public expert justifications and goal-setting of the state educational policy in Russia in the field of digitalization of the educational sphere.

Keywords: modern university; classical university model; university mission; educational space; digitalization; digital revolution; transformation; Greenfield in education; new technological mode.

For citation: Kolesnikova E.Yu. (2023). Three missions of a classical university in the space of digital technologies: problems and contradictions of realization. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 94–102. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.9>

Введение

Современный университет – это сложноструктурированное историческое, социокультурное, креативное, знаниевое пространство, академический локус. С одной стороны, он является широкомасштабным амбициозным образовательным проектом, на который возложена миссия стать конкурентоспособным в мировом масштабе, от которого ждут предприимчивости, ангажированности, экономической активности, инновационности (которая вообще обозначается в качестве родового признака новой образовательной системы) и т.д. А с другой стороны, университетские традиции, этос, миссия, история, корпоративная культура выросли из императивов, заложенных в основу классического университета (Кузина, 2020).

Новая институциональная среда, структура и динамика новых технологий генерации и трансляции знаний таковы, что процесс формирования современной модели университета вступает по ряду основополагающих позиций в противоречие с теми принципами, которые традиционно лежали в основе жизнедеятельности классического университета, были ключевым смыслом его существования. Эти противоречия, помноженные на традиционный консерватизм университета как социального института, весьма осложняют эволюционные стратегии развития современного университета. Эта проблема актуализируется не только новыми перспективами виртуализации самого образовательного процесса на базе информационных технологий, но и развернувшейся в обществе дискуссии о судьбе болонского процесса, в системе которого цифровые платформы и электронные ресурсы, формирующие единый глобальный рынок образовательных продуктов и услуг, имеют ключевое значение.

Вопрос о том, что сохранить в этой системе, а от чего отказаться, является в настоящее время предметом острых дискуссий на всех уровнях образовательного общества. И это полностью относится и к проблеме сохранения единства трех миссий университета в контексте происходящих сегодня трансформаций национальных образовательных систем как в западном, так и в восточном полушарии.

Методы

Данное исследование в своей методологической основе опирается на концепцию и модель классического университета Гумбольдта, в которой единство и баланс трех миссий – образования, исследования, воспитания – является фундаментом его устойчивого развития. В исследовании использованы методы контекстологического, сравнительно-исторического и компаративистского анализа, метод концептуального моделирования, системный и структурно-функциональный методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Итак, как следует определить сущность цифровой революции в образовании? Большинство исследователей считает, что в мировом образовании в настоящее время происходит цифровая революция, в корне изменяющая и содержание, и формы, и технологии, и принципы организации образовательного процесса, его цели, страте-

гии и приоритеты. Сутью этого концептуального переворота явилась трансформация традиционного социально ориентированного уклада в технологический, алгоритмизированный уклад, тотальное перемещение образовательных продуктов и услуг в виртуальное глобальное пространство (Колесникова, 2022).

В этой логике трансформаций классические университеты при всем многообразии университетских структур (транснациональных, национальных, отраслевых, нишевых, региональных, муниципальных) занимают совершенно особое место. Фундаментом классического университета, как уже отмечалось, является триада: исследование – образование – воспитание, содержание и форматы которой неизбежно менялись в зависимости от требований времени. Сама же идея классического университета, как известно, рождалась на рубеже XVIII–XIX вв. и связана с деятельностью немецких реформаторов, в первую очередь Вильгельма фон Гумбольдта (Колесникова, 2013). Создается инновационная для своего времени модель университета, имеющая в своем фундаменте три главных принципа:

1. Отказ от утилитарного взгляда на университетское образование, признание самодостаточности знания как такового. Знания по определению шире утилитарной прагматики, их целеполагание выходит далеко за пределы непосредственной практической пользы.

2. Логически вытекающий из первого пункта приоритет базового, теоретического знания по отношению к инструментально-прикладному в образовательных стратегиях университета.

3. Приоритет гуманитарного знания, которое является необходимым условием реализации классического триединства: исследование – преподавание – воспитание, так как без гуманитарного образования формирование созидательной, самодостаточной личности представляется невыполнимой задачей.

Модель классического университета, реализующего функциональное единство исследования, образования и воспитания, фактически отражает первую историческую попытку университета осознать и институционально выразить свою сущность и социальную миссию (Андреев, 2003).

Со временем произошло приращение этой триады за счет коммерциализации и предпринимательства. Образовательная функция коммерциализировалась, а университет трансформировался в многофункциональную предпринимательскую корпорацию. Эта трансформация университетов в научном дискурсе получила крайне негативные оценки. Одним из примеров такой критики является известная работа Б. Ридингса «Университет в руинах», провозгласившая кризис оснований университетской доксы и впервые заявившая о необратимости процесса превращения традиционных университетов в мегакорпорации, существующие по законам капитализма (Ридингс, 2010). В том же критическом ключе исследуют проблемы современного университета ряд других авторов – Р. Барнетт (2008), Г. Каррье (1996) и др. Эти работы обогатили дискурс о судьбах университета социокультурно и гуманистически насыщенными интенциями – о неутилитарности знания, абсолютной ценности культуры и духовных ценностей, самодостаточности гуманитарного знания, признании задачи социализации поколений в качестве одной из ключевых и т.д. В данной оптике классическое триединство миссий образования, воспитания, исследования, заложенное в основание классического университета, остается фундаментальной ценностью, придающей университетскому образованию системное единство.

Однако в современных многочисленных и многообразных практиках ведущих зарубежных университетов размывается сложившаяся исторически неразрывность этой триады и возникает новая архитектура взаимодействия образования и обще-

ства, образования и рынка, создающая новые угрозы и риски для университета (Экосистемы..., 2020). Поэтому не случайно на интеллектуальных площадках цифровая революция обсуждается в контексте не только радикально новых возможностей для университетского образования, но и серьезных противоречий и рисков. И здесь важно отметить, что цифровизация коснулась практически всех сфер жизнедеятельности университета, серьезно изменив и содержание образовательных услуг и продуктов, и состав действующих в нем субъектов (Голышкова, 2020). В образовательной среде университетов под влиянием цифровизации появились новые институциональные формы образовательных структур (Конанчук, 2014).

Мейнстримом в трансформации модели университета под воздействием шестого технологического уклада является создание кластера цифровых университетов. Наиболее последовательно эта модель представлена в концепции «гринфилд» (Богданов, 2019). В условиях тотальной цифровизации традиционные университеты (так называемые «браунфилды», от англ. brownfield – возделанное поле) на глазах становятся архаикой и по ряду социальных функций сдают свои стратегические позиции «гринфилдам» (от англ. greenfield – зеленое поле) – креативным проектам в образовании на основе самых современных цифровых технологий. Университет в этой модели становится инкубатором стартапов (Конанчук, 2014).

Рядом с традиционными университетами вырос солидный кластер открытых цифровых, виртуальных структур, предоставляющих образовательные услуги исходя из принципов экономической выгоды и рыночной конкуренции (заметим здесь, что эти принципы, в частности, составляют органическую часть болонского процесса). Драйверами создания подобных образовательных бизнес-структур стали крупные корпорации, поставляющие самый разнообразный образовательный контент, цифровые платформы для преподавателей и студентов, образовательные проекты в «цифре», нацеленные на любой спрос. Согласно экспертам, несмотря на окончание режима пандемии, которая послужила триггером тотальной онлайнизации образования в 2020–2021 гг., экономический кризис, сложную геополитическую обстановку, цифровизация образования стремительно развивается и имеет перспективы укоренения и в России. Эксперты «Сколково» в своем исследовании «Эпоха “гринфилда” в образовании» формулируют пять возможностей, которые дает концепция «гринфилда» для стратегического выбора моделей развития университетского образования в России, точнее – выбора технологических стратегий образовательного процесса (Конанчук, 2014).

Эти возможности заключаются в следующем (Савкин, 2020):

- формирование зоны онлайн-образования в России;
- презентация лучших российских образовательных программ на зарубежных платформах;
- перевод периферийных вузов на «цифровые технологические рельсы»;
- развитие индивидуального обучения на основе цифровой образовательной среды;
- запуск инкубатора для российских стартапов.

В настоящее время на поле российского образования действует ассоциация под названием «Национальная платформа открытого образования». В рамках данной платформы развиваются разнообразные формы дистанционного обучения, реализуются онлайн-курсы, рынок которых в России составил в 2023 г. 26 млрд рублей (Нечаева, 2023), что на 23% больше аналогичных показателей 2022 г.

В образовательную сферу пришли крупные корпорации, такие как ПАО «Сбербанк», РАО «Российские железные дороги», АО «Аэрофлот», корпорации «Сколково», «Росатом», «Ростелеком» и др., инновационные цифровые образовательные проекты

которых активно поддерживаются ведущими университетами России (Конанчук, 2014). Запущены российские образовательные проекты на новой цифровой платформе – проект «Eduson.tv», «Универсариум» (массовые онлайн-курсы), «Co-learning» центры (Пономаренко, 2017). Корпоративные цифровые образовательные бизнес-структуры в кооперации с университетами создают принципиально новую архитектуру российского высшего образования.

Также вырос спрос самого общества на индивидуально ориентированные комплексы компетенций, индивидуализированные инструментальные знания и навыки, овладение которыми не обязательно предполагает освоения всего набора дисциплин университетской образовательной программы. Это особенно характерно для кластеров корпоративных университетов, организаций профессиональной переподготовки, дополнительного образования и др. (Долженко, 2018).

О спросе населения на цифровой образовательный контент свидетельствует и рост российского EdTech (EdTech дословно означает «образовательные технологии» и инкорпорирует в себя курсы и онлайн-школы, системы для оптимизации обучения, платформы для организации командного обучения, виртуальные тренажеры и т.д.), который включает в себя дополнительное профессиональное образование, языковые школы и бизнес-образование (Петрова, 2021). Дополнительное профессиональное образование, реализуемое в режиме онлайн и дистанционно, является лидером EdTech в России. На этот сегмент приходится почти половина от всего рынка образовательных продуктов. За 2022 г. сегмент ДПО увеличился на 25,8% – до 30,8 млрд рублей. В конце 2022 г. выручка компаний, занимающихся ДПО, составила 10,2 млрд рублей – на 44% больше, чем в третьем квартале того же года. Эксперты полагают, что в 2023–2024 гг. рост сегмента ДПО сохранит позитивную динамику (Нечаева, 2023).

Возросший спрос на дополнительные, локальные компетенции, инструментальный, прикладной образовательный контент совпал с появлением технологических, цифровых форматов их продвижения в виртуальном пространстве. Роль преподавателя в этой цифровой системе координат – как наставника, главного субъекта воспитания, социализации и передачи неявного, личностного знания – существенно снизилась (Ковалев, 2020).

Таким образом, практика цифровизации образования включает в себе не только возможности, но и существенные социокультурные риски для традиционных университетов. Среди них можно выделить следующие:

1. Цифровизация делает возможным технологически отделение образовательной функции и переток ее в цифровой оболочке в виртуальное пространство, где она становится коммерческой услугой, продаваемой провайдерами. Таким образом, образовательная функция атомизируется, теряет свое родовое единство с другими миссиями классического университета (исследование, воспитание).

2. Формируя значительное количество самого разнообразного информационного контента, заточенного на сиюминутный, индивидуальный спрос, образовательные бизнес-структуры действуют в логике рынка, тем самым отделяя образовательный продукт от всей цепочки воспроизводства знаний. Коммерциализация отдельной образовательной функции вне органической связи с другими элементами триады неизбежно нарушает ее единство и целостность.

3. Цифровизация образования снижает роль живого знания и опыта, сужает пространство живого контакта учителя и ученика, а значит, и пространство ценностных, эпистемологических коммуникаций, а виртуализация образовательных коммуникаций требует от преподавателя оперативной доступности для студентов 24 часа в сутки, что критически снижает временной ресурс для занятий наукой.

4. Ориентация на фундаментальность образования, ее гуманитарную составляющую под натиском изменяющегося спроса на прикладные, практико-ориентированные интеллектуальные продукты сужается, частично размывается, превращается для многих студентов и преподавателей в экзотику.

Перечень рисков от цифровизации для классического университета (социокультурного единства его миссий) можно было бы продолжить (Клейнер, 2018).

Важно при этом иметь в виду, что в процессах непрерывной реформации российского высшего образования в последние два десятилетия, ориентированных на вхождение в мировое образовательное пространство, в том числе на принципах болонского процесса (напомним, что к ним относится введение его многоуровневой модели, вариативность образовательных траекторий, клиентоориентированность менеджмента, опора на частный индивидуальный спрос, диверсификация источников финансирования, принцип доходности образовательной услуги и т.д.), при всем их драматизме, функциональное социокультурное единство трех миссий университета, тем не менее, оставалось относительно незыблемым.

Университеты на обширной полиэтнической российской периферии развивались как центры образования, науки и культуры. Особенно проявился этот тренд в стратегиях и практиках создания и развития группы федеральных, национальных, исследовательских, опорных университетов, в архитектуре которых ключевое место отведено воспитанию молодых ученых, поддержке креативных инициатив, связям с местным предпринимательским сообществом, опоре на ценности и традиции проживающих в регионах этносов. Эти стратегии были поддержаны, закреплены и пролонгированы и в современных национальных проектах развития науки и образования.

И в них речь идет о формировании единой, системно организованной, бесшовной, сквозной стратегии развития для всех трех составляющих университетской экосистемы – и образования, и науки (включая инновационно-предпринимательскую деятельность), и воспитания, а также соответствующей цифровой среды и цифровых коммуникаций. В этих документах университеты позиционируются в качестве пространства социализации и воспитания творческой, креативной, социально активной молодежи, что является важным условием их государственной поддержки. Концепт триады классического университета как его «несущего каркаса» в них достаточно определенно выражен (Колесникова, 2022).

Заметным событием последних лет стало формирование 15 научно-образовательных центров мирового уровня, а также интенсивное развитие сетевых, горизонтальных связей университетов в виде межвузовских ассоциаций, в состав которых вошло множество образовательных и научных структур, интегрирующих свой интеллектуальный капитал, технологии и ресурсы цифровизации.

Так, Южный федеральный университет является одним из ключевых участников Южного научно-образовательного центра мирового уровня (из 15 созданных в РФ), участником программы технологического академического лидерства «Программа – 2030», организатором и участником ряда межрегиональных ассоциаций и консорциумов, центров превосходства, «точек кипения», технопарков и др., функционирование которых позволяет сохранять и развивать социокультурное единство трех миссий университета, в том числе в организации академических практик и воспитания студенческой молодежи.

Таким образом, жизнь классического университета видоизменяется в эпоху цифровой революции. Практика отечественного образования свидетельствует, что триединство миссий университета (образования, исследования и воспитания) сохраняет свое ключевое значение для развития университета как социального института

и драйвера технологической революции. Однако следует сказать, что в условиях, когда виртуальные коммуникации и системы искусственного интеллекта практически упраздняют традицию живой передачи знаний и опыта «от человека к человеку», а обучение трансформируется в настоящую вселенную виртуальных команд, становится все более осязаемой угроза превращения университетских преподавателей в виртуальных посредников, операторов по обслуживанию цифровых образовательных платформ.

Заключение

Таким образом, подводя некоторые итоги, хотелось бы подчеркнуть, акцентировать внимание на появлении в условиях цифровой революции в образовании новой, поистине фундаментальной задачи в стратегии развития классических университетов: это фокусирование стратегий и ресурсов менеджмента на гармонизации действующих институтов и социальных технологий, поддерживающих фундаментальное единство университетского социокультурного локуса – его образовательных, исследовательских и воспитательных практик.

Какое бы давление на них ни оказывали рыночные императивы коммерциализации знаний и другие драйверы цифровизации рыночной социальной среды существования университетов, ключевой составляющей их стратегий развития остается, как представляется, поиск баланса между объемами и интенсивностью виртуальных платформенных онлайн-коммуникаций и традиционных лично ориентированных коммуникаций в системе «учитель – ученик», включая закрепление индикаторов этого баланса в соответствующих нормативах и регуляторах по каждой миссии.

Только при решении этой задачи творческий личностный потенциал преподавателей и студентов, ученых и администраторов университета может быть раскрыт и продуктивно включен в общий процесс достижения академического лидерства российской национальной образовательной системы в современном контексте цифровой революции в образовании.

Литература

- Андреев, А.Ю. Гумбольдтовская модель классического немецкого университета / А. Ю. Андреев // *Новая и новейшая история*. – 2003. – № 3. – С. 48–60. – EDN OOHBFN.
- Барнетт, Р. Осмысление университета / Р. Барнетт // *Alma Mater (Вестник высшей школы)*. – 2008. – № 6. – С. 46–57. – EDN JTMCHT.
- Богданов, С.И. Экосистемная модель развития образования в цифровой экономике / С.И. Богданов, В.В. Тимченко // *Менеджмент XXI века: образование в эпоху цифровой экономики: Сборник научных статей по материалам XVII Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2019 года*. – Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2019. – С. 10–25. – EDN KTSTIO.
- Голышкова, И.Н. Анализ ключевых составляющих модели «Цифровой университет» / И.Н. Голышкова // *E-Management*. – 2020. – Т. 3, № 3. – С. 53–61. – DOI 10.26425/2658-3445-2020-3-3-53-61. – EDN KBUXSH.
- Долженко, Р. Оценка эффективности обучения в корпоративном университете / Р. Долженко // *Проблемы теории и практики управления*. – 2018. – № 6. – С. 106–119. – EDN UTYRZF.
- Каррье, Г. Культурные модели университета / Г. Каррье // *Alma mater*. – 1996. – № 3. – С. 15–24.
- Клейнер, Г.Б. Гуманистический менеджмент, социальный менеджмент, системный менеджмент – путь к менеджменту XXI века / Г.Б. Клейнер // *Российский журнал менеджмента*. – 2018. – Т. 16, № 2. – С. 231–252. – DOI 10.21638/spbu18.2018.204. – EDN XTCGTB.
- Ковалев, В.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, А.В. Лацвеева // *Наука. Культура. Общество*. – 2022. Т. 28, № 2. – С. 57–69.
- Ковалев, В.В. Онлайн-образование в высшей школе России: фактор разрушения или источник развития? / В. В. Ковалев, В. В. Касьянов, А. К. Манучарян // *Гуманитарий Юга России*. – 2020. – Т. 9, № 3. – С. 72–91. – DOI 10.18522/2227-8656.2020.3.4. – EDN ETLLRC.

Ковалев, В.В. Оценка качества онлайн-образования (по материалам фокусированных интервью в студенческих группах) / В.В. Ковалев, А.В. Дятлов, К.В. Воденко // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки*. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 6–14.

Колесникова, Е.Ю. Миссия и ответственность современного университета: к вопросу о поиске идейных оснований / Е. Ю. Колесникова // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. – 2013. – № 1. – С. 85–90. – EDN PXEKRZ.

Колесникова, Е.Ю. Цифровая революция в образовании: возможности и риски для классических университетов / Е. Ю. Колесникова // *Научная мысль Кавказа*. – 2022. – № 1. – С. 26–37. – DOI 10.18522/2072-0181-2022-109-26-37. – EDN WYZOUY.

Конанчук, Д. Эпоха «гринфилда» в образовании / Д. Конанчук, А. Волков // *Ректор ВУЗа*. – 2014. – № 3. – С. 66–75. – EDN SKIKXP.

Кузина, Г.П. Концепция цифровой трансформации классического университета в «цифровой университет» / Г.П. Кузина // *E-Management*. – 2020. – Т. 3, № 2. – С. 89–96. – DOI 10.26425/2658-3445-2020-2-89-96. – EDN WFEEKV.

Петрова, Е.М. Когда в России появятся образовательные стартапы на миллиарды долларов // *Российская газета*. – 2021. – 6 декабря. – URL: <https://rg.ru/2021/12/06/kogda-v-rossii-poiaviatsia-obrazovatelnye-startapy-na-milliardy-dollarov.html> (дата обращения: 26.10.23).

Пономаренко, Е.В. Новые модели развития университетов в мире в условиях цифровой революции: теоретические и практические подходы / Е.В. Пономаренко // *Государственная служба*. – 2017. – Т. 19, № 6. – С. 57–63. – DOI 10.22394/2070-8378-2017-19-6-57-63. – EDN YPDQJN.

Ридингс, Б. Университет в руинах / Б. Ридингс. – Москва : Изд. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2010. – (Серия Теория и практика образования). – ISBN 978-5-7598-0716-2. – EDN QXHTPD.

Савкин, Д.А. Гринфилд в экосистеме высшего образования: кейс Байкальского института БРИКС / Д.А. Савкин, Е.А. Локтионова, Д.И. Хлебович // *Вопросы образования*. – 2020. – № 4. – С. 113–140. – DOI 10.17323/1814-9545-2020-4-113-140. – EDN YXECLD.

Экосистемы в пространстве новой экономики / под редакцией М.А. Боровской. – Ростов-на-Дону – Таганрог: Южный федеральный университет, 2020. – 788 с. – ISBN 978-5-9275-3706-8. – EDN VCAFTP.

Нечаева, М.А. Как развивается российский EdTech в 2023 году: влияние кризиса и обзор главных трендов. – 2023. – 14 мая. – URL: <https://vc.ru/education/693808-kak-razvivaetsya-rossiyskiy-edtech-v-2023-godu-vliyanie-krizisa-i-obzor-glavnyh-trendov> (дата обращения: 15.10.2023).

References

Abduzhalilov H.A., Avanesyan K.A., Ajdarkina E.E. Ecosystems in the space of the new economy. Rostov-na-Donu. Taganrog: YUzhnyj federal'nyj universitet = Rostov-on-Don. Taganrog: Southern Federal University; 2020. 788 p. ISBN 978-5-9275-3706-8. (In Russ.)

Andreev A.Yu. Humboldt's model of the classical German University. *Novaya i novejschaya istoriya = New and modern history*. 2003; 3: 48–60. (In Russ.)

Barnett R. Comprehension of the University. *Alma Mater (Bulletin of the Higher School)*. 2008; 6: 46–57. (In Russ.)

Bogdanov S.I., Timchenko V.V. Ecosystem model of education development in the digital economy. *Menedzhment XXI veka: obrazovanie v epohu cifrovoj ekonomiki: Sbornik nauchnyh statej po materialam XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, Sankt-Peterburg, 19–21 noyabrya 2019 goda. Sankt-Peterburg: Rossijskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. A.I. Gercena = Management of the XXI century: education in the era of the digital economy: A collection of scientific articles based on the materials of the XVII International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, November 19–21, 2019. St. Petersburg: A.I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2019: 10–25. (In Russ.)*

Carrie G. Cultural models of the University. *Alma mater*. 1996; 3: 15–24. (In Russ.)

Dolzhenko R. Evaluation of the effectiveness of training at a corporate university. *Problemy teorii i praktiki upravleniya = Problems of management theory and practice*. 2018; 6: 106–119. (In Russ.)

Golyshkova I. N. Analysis of the key components of the Digital University model. *E-Management*. 2020; 3(3): 53–61. DOI 10.26425/2658-3445-2020-3-3-53-61. (In Russ.)

Klejner G.B. Humanistic management, social management, system management – the path to management of the XXI century. *Rossijskij zhurnal menedzhmenta = Russian Journal of Management*. 2018; 16(2): 231–252. DOI 10.21638/spbu18.2018.204. (In Russ.)

Kolesnikova E. Yu. Digital revolution in education: opportunities and risks for classical universities. *Nauchnaya mysl' Kavkaza = Scientific thought of the Caucasus*. 2022; 1: 26–37. DOI 10.18522/2072-0181-2022-109-26-37. (In Russ.)

Kolesnikova E. Yu. Mission and responsibility of a modern university: on the issue of finding ideological foundations. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki = News of higher educational institutions. The North Caucasus region. Social sciences*. 2013; 1: 85–90. (In Russ.)

- Konanchuk D., Volkov A. The era of "Greenfield" in education. *Rektor VUZa = Rector of the University*. 2014; 3: 66–75. (In Russ.)
- Kovalev, V.V., Dyatlov A.V., Latsveeva A.V. Quality of higher education in Russia: cognitive resources of online learning. *Science. Culture. Society*. 2022; 28(2): 57–69. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Dyatlov A.V., Vodenko K.V. Assessing the quality of online education (based on materials from focused interviews in student groups). *Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic sciences*. 2020; 13(3): 6–14. (In Russ.)
- Kovalev V.V., Kas'yanov V.V., Manucharyan A.K. Online education in higher education in Russia: the factor of destruction or the source of development? *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2020; 9(3): 72–91. DOI 10.18522/2227-8656.2020.3.4. (In Russ.)
- Kuzina G.P. The concept of digital transformation of a classical university into a "digital university". *E-Management*. 2020; 3(2): 89–96. DOI 10.26425/2658-3445-2020-2-89-96. (In Russ.)
- Petrova E.M. When educational startups worth billions of dollars will appear in Russia. *Rossiyskaya gazeta = Russian newspaper*. December 6, 2021. Available at: <https://rg.ru/2021/12/06/kogda-v-rossii-poiaviatsia-obrazovatelnye-startapy-na-milliardy-dollarov.html> (date of application: 26.10.2023). (In Russ.)
- Ponomarenko E.V. New models of university development in the world in the context of the digital revolution: theoretical and practical approaches. *Gosudarstvennaya sluzhba = Public service*. 2017; 19(6): 57–63. DOI 10.22394/2070-8378-2017-19-6-57-63. (In Russ.)
- Ridings B. The University in ruins. Moskva: Izd. dom Gos. un-ta – Vyssh. shk. ekonomiki, 2010. = Moscow: Publishing House of the State University of Higher School of Economics, 2010. ISBN 978-5-7598-0716-2. (In Russ.)
- Savkin D.A., Loktionova E.A., Hlebovich D.I. Greenfield in the ecosystem of higher education: the case of the Baikal Institute of BRICS. *Voprosy obrazovaniya = Questions of education*. 2020; 4: 113–140. DOI 10.17323/1814-9545-2020-4-113-140. (In Russ.)
- Nechaeva M.A. How Russian EdTech is developing in 2023: the impact of the crisis and an overview of the main trends. May 14. 2023. Available at: <https://vc.ru/education/693808-kak-razvivaetsya-rossiyskiy-edtech-v-2023-godu-vliyanie-krizisa-i-obzor-glavnyh-trendov> (date of application: 15.10. 2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 20.10.2023

Дата окончания рецензирования: 27.11.2023

Дата принятия к публикации: 4.12.2023

Информация об авторе

Колесникова Елена Юрьевна – доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, кандидат социологических наук, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anabel_le@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Kolesnikova Elena Yurievna – associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Candidate of Sociological Sciences, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anabel_le@mail.ru

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.354.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.10.

EDN LJCJFE

**Мотивация профсоюзного членства среди студентов вуза
(по материалам социологического исследования ППО ЮФУ)****Сергей А. Дюжиков¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: duzhikov@sfedu.ru.**Дарья А. Гугуева²**²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: dgugueva@sfedu.ru.**Аннотация**

Введение. Для любой профсоюзной организации важно постоянное увеличение количества своих членов. Для профсоюзной организации университета это важно еще и потому, что ротация членов профсоюза происходит ежегодно: часть студентов заканчивает обучение в университете и выходит из профсоюза. Поступившие первокурсники должны принять решение: и вступить или не вступить в профсоюз. Это означает, что каждый год следует проводить агитационную работу с первокурсниками. Для того чтобы проводить эту работу наиболее эффективно, мы провели социологический опрос. Цель исследования: определить мотивацию студентов к вступлению в первичную профсоюзную организацию Южного федерального университета. Представленные в статье результаты исследования будут полезны молодежным и студенческим профсоюзным организациям.

Методы. Прикладное социологическое исследование в форме опроса общественного мнения было проведено среди студентов всех структурных подразделений ЮФУ в весеннем семестре 2022/2023 учебного года. Методом онлайн-анкетирования был опрошен 1401 обучающийся в бакалавриате, магистратуре и аспирантуре.

Результаты и их обсуждение. В рамках исследования была выявлена группа студентов, готовых самостоятельно защищать и отстаивать свои права, а также группа студентов, желающих делегировать защиту своих прав. И ту и другую группу можно привлечь в профсоюз как рядовых членов или как профсоюзных активистов. Также важными для работы со студентами стали ответы респондентов на вопрос «В профсоюз имеет смысл вступать, если...», благодаря которому мы увидели, что для большинства смысл появляется в случае, если это реально что-то изменит и если респонденты знают, чем занимается профсоюз. Благодаря полученным ответам профсоюзная организация сможет откорректировать свою информационную работу таким образом, чтобы увеличить количество своих членов. Результаты проведенного исследования обсуждались на заседании объединенного профсоюза обучающихся и сотрудников ЮФУ и были приняты в работу.

Ключевые слова: мотивация; молодежь; профсоюз; профсоюзная работа; лидеры; активисты; мотивы; потребности.

Для цитирования: Дюжиков С.А., Гугуева Д.А. (2023). Мотивация профсоюзного членства среди студентов вуза (по материалам социологического исследования ППО ЮФУ). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 103–112. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.10>

**Motivation for trade union membership among university students
(based on materials from sociological study of primary trade union organization
of Southern Federal University)****Sergey A. Dyuzhikov¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: duzhikov@sfedu.ru.**Daria A. Gugueva²**²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: dgugueva@sfedu.ru.

Abstract

Introduction. For any trade union organization, it is important to constantly increase the number of its members. For the trade union organization of the university, this is also important because the rotation of trade union members occurs annually: some students finish their studies at the university and leave the trade union. Incoming freshmen must make a decision to join or not to join the union. This means that outreach work should be carried out with freshmen every year. In order to carry out this work most effectively, we conducted a sociological survey. Purpose of the study: to determine the motivation of students to join the primary trade union organization of Southern Federal University. The research results presented in the article will be useful to youth and student trade union organizations.

Methods. Applied sociological research in the form of a public opinion poll was conducted among students of all structural divisions of the Southern Federal University in the spring semester of the 2022/2023 academic year. 1401 undergraduate, graduate and postgraduate students were interviewed by the online questionnaire method.

Results and its discussion. The study identified groups of students who are ready to independently defend and defend their rights, as well as groups of students who are ready to delegate the protection of their rights; both groups can be recruited into the trade union as ordinary members or as trade union activists. Also important for working with students were the respondents' answers to the question "it makes sense to join a trade union if...", thanks to which we saw that for the majority it makes sense in the case of "if it really changes something", and if the respondents know "what the union does...". Thanks to the responses received, the trade union organization will be able to adjust its information work in such a way as to increase the number of its members.

The results of the study were discussed at a meeting of the united trade union of students and employees of Southern Federal University and were accepted for work.

Keywords: motivation; youth; trade union; trade union work; leaders, activists, motives, needs.

For citation: Dyuzhikov S.A., Gugueva D.A. (2023). Motivation for trade union membership among university students (based on materials from sociological study of primary trade union organization of Southern Federal University). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 103–112. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.10>

Введение

В современном российском обществе предусмотрена такая форма общественных организаций, как некоммерческие юридические лица. Цель создания таких организаций – не извлечение прибыли, а работа во благо общества, работников, отдельных групп людей. В число таких организаций входят и профессиональные союзы. С одной стороны, они – наследники исторических традиций (первые профсоюзы появились еще в XVIII в. в Великобритании и созданы были для того, чтобы трудящиеся совместно могли отстаивать свои права и бороться за социальные гарантии). С другой стороны, в современном социуме профсоюзы – это действующий институт гражданского общества. В задачи современных профсоюзов входит защита интересов своих членов (работников организации) на всех этапах их взаимодействия с работодателем, представление интересов работников в спорах с работодателем, а также бесплатная для работников юридическая помощь и консультирование.

Если рассматривать деятельность профсоюза в современном вузе на примере Южного федерального университета, то следует отметить, что в обязанности объединенной профсоюзной организации, в которой состоят и преподаватели, и студенты, входит не только защита прав обучающихся и работников, но она также выполняет воспитательную и образовательную функции, развивает лидерские качества студентов, помогает им приобретать навыки организационной работы.

На данном этапе общественного развития России фокус внимания Президента и Правительства обращен к молодежи, активно развивается и совершенствуется молодежная политика. Например, государственное финансирование направлено на поддержку инициатив по самореализации детей и молодежи в рамках деятельности АНО «Россия – страна возможностей». Также можно сказать о создании всероссийского движения детей и молодежи «Движение первых», которое объединило все молодежные организации и движения страны. В него вошли «Юнармия», «Большая перемена»

на», «Российское движение школьников». Активно развивается Российское общество «Знание» – современная массовая просветительская организация.

Университеты и профсоюзные организации также не остаются в стороне, поддерживая активность студенческой молодежи, которая выражается прежде всего в развитии студенческого движения (Захарова, 2021). В этом контексте следует отметить работу волонтерских организаций, строительных и воспитательных отрядов, развитие студенческих бизнес-проектов и т.п. Особое значение имеет Всероссийская молодежная программа ФНПР – «Стратегический резерв», которая в рамках своих мероприятий готовит будущих профсоюзных лидеров страны.

Проанализировав существующие в РФ программы и инициативы, мы можем отметить, что и на всероссийском уровне, и во всех субъектах Российской Федерации с каждым годом появляется все больше разнообразных молодежных и студенческих общественных организаций. Факт их возникновения указывает на то, что студенты чувствуют необходимость объединяться для реализации своих интересов и потребностей, защиты своих прав. Все эти потребности возможно реализовать под началом и при активной помощи профсоюзной организации. Таким образом, можно сделать вывод, что членство в профсоюзе дает студентам навыки коллективной работы, обучает их основам правовой грамотности, и, заканчивая университет, будущие специалисты привнесут полученные навыки и умения в свою профессиональную деятельность, а также смогут отстаивать свою гражданскую позицию.

Для профсоюзной организации постоянное увеличение количества ее членов также является важным и даже обязательным условием сохранения ее основных функций, указанных в Трудовом кодексе РФ (в частности, осуществление контроля над соблюдением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, в том числе и локальных нормативных актов организации, содержащих нормы трудового права, выполнение условий коллективных договоров, иных соглашений, представление и защита прав работников перед работодателем и т.д.).

Таким образом, перед профсоюзом стоит задача привлечь в свои ряды мотивированных членов.

Рассматривая вопрос о мотивации профсоюзного членства, следует обратиться к мнению Ю.А. Самсонова (2012), сотрудника Федерации профсоюзов Липецкой области, который указывает, что мотивация членства в общественной организации – это понимание того, зачем и почему человек становится (или уже является) ее членом и что он делает как ее член. Опираясь на такое понимание мотивации, можно выделить мотивацию принятия/присоединения, когда у человека есть мотивы для вступления в общественную организацию; мотивацию отторжения, когда налицо мотивы для выхода из общественной организации или отказа вступить в ее ряды. Под профсоюзной мотивацией в данной статье мы, опираясь на исследование А.Ю. Сигуровой (2022), будем подразумевать совокупность внешних и внутренних движущих сил (стимулов), побуждающих людей вступать в профессиональный союз и находиться в его рядах.

Следует также учесть, что профсоюзным активом Федерации независимых профсоюзов России было проведено социологическое исследование, направленное на выявление мотивов вступления молодежи в профсоюзы. По его результатам были подготовлены рекомендации по методам работы с молодежью (Анализ результатов..., 2022).

Методы

Классики социологической и психологической мысли рассматривали различные аспекты мотивации: Дж.Э. Мейо определяющую роль отводил человеческим отношениям (Мауо, 1946); роль мотивации в управлении и связь мотивации и потребностей

изучал А. Маслоу (Maslow, 1970); теорию мотивации, включающую потребности в достижении, потребности во власти и потребности в принадлежности исследовал Д. МакКлелланд (McClelland, 1976); роль внутренних мотивирующих факторов сформулировал и описал Ф. Герцберг (Herzberg, 1968), теория о специфике поколений X, Y и Z в процессе мотивации персонала в условиях современного индустриального общества разработана Д. МакГрегором (McGregor, 1957) и дополнена У. Оучи (Ouchi, 1982).

В аспекте профсоюзной работы понятие «мотивация» включает в себя три компонента: потребность, интерес и мотив. Потребность – это нужда в чем-то; интерес – осознание значимости потребности и поиски ее удовлетворения; мотив – движущая сила поведения, которая приводит к целенаправленной деятельности. А.Ю. Сигурова (2022) выделяет следующие мотивы, которыми руководствуются работники при вступлении в профсоюз: потребительские (желание получить что-то материальное), страховочные (желание получить защиту), солидаристские (стремление к объединению), карьерные (стремление к оценке), творческие (желание реализоваться).

Проанализировав ежегодные отчеты первичной профсоюзной организации Южного федерального университета (ППО ЮФУ) за 2020–2022 гг., мы смогли увидеть снижение количества членов среди студентов, а именно: в 2020 г. общее количество студентов в ЮФУ составляло 17 946 человек, из них членами профсоюза были 14 117 человек (78,7%); в 2021 г. общая численность студентов – 16 762 человека, из них состояли в профсоюзе 12 178 человек (72,7%); в 2022 г. общая численность студентов составила 19 570 человек, из них в профсоюзе состояли 13 125 человек (67%).

Таким образом, перед нами вырисовалась цель исследования: выяснить мотивы вступления в профсоюз у студентов ЮФУ. В связи с этим нами было проведено социологическое исследование на тему «Мотивация профсоюзного членства среди студентов ЮФУ», в котором принял участие 1401 обучающийся (студенты бакалавриата и магистратуры, а также аспиранты). Отметим, что не все опрошенные являются членами профсоюза. Опрос проходил в весеннем семестре 2022/2023 учебного года с использованием опросника Google Forms (метод опроса «снежный ком»); ссылки на опрос распространялись через профоргов и кураторов студенческих групп.

Результаты исследования и их обсуждение

В опросе приняли участие обучающиеся всех структурных подразделений ЮФУ. Распределение респондентов по курсам обучения было следующим:

- I курс – 45,5%;
- II курс – 26,1%;
- III курс – 10,4%;
- IV курс – 10,6%;
- V курс – 1,5%;
- I курс магистратуры – 3,4%;
- II курс магистратуры – 2,2%;
- аспирантура – 0,3%.

Итак, наибольшую активность проявили обучающиеся I и II курсов, наименьшую – аспиранты.

По полу респонденты распределились таким образом: женщины – 73,9%, мужчины – 26,1%.

Для того чтобы определить, насколько студенты ЮФУ мотивированы вступить в профсоюзную организацию, мы задали им несколько вопросов. В первую очередь определили, являются ли они членами профсоюза или нет. Результаты ответов респондентов представлены в табл. 1.

Таблица 1

Ответ респондентов на вопрос «Вы состоите в профсоюзе?»

Вариант ответа	Кол-во выборов, %
Да, я рядовой участник	48,7
Да, я активист	6,6
Я состоял(а) в профсоюзе и вышел(ла) из него	3,4
Нет, не состою, но хотел(а) бы	7,3
Нет, не состою, не хочу	27,6
Затрудняюсь ответить	6,4

Теперь рассмотрим ответы респондентов более подробно. Как мы видим, большая половина (55,3%) опрошенных состоят в профсоюзе и являются либо активистами (6,6%), либо рядовыми членами (48,7%). Незначительная доля опрошенных (3,4%) вышла из профсоюза, и 27,6% не хотят быть членами профсоюза. Профоргам следует обратить внимание на тех, кто хочет вступить в профсоюз. Таких респондентов 7,3%. Затруднились с ответом 6,4% респондентов.

Последние два показателя демонстрируют, что работу по вступлению в профсоюз среди обучающихся следует усилить, а также усилить информационную работу с членами профсоюза.

Далее мы задали респондентам вопрос: «Считаете ли вы, что перемены в вашей жизни зависят только от вас». Ответ на этот вопрос показывает, насколько студенты готовы брать на себя ответственность за изменения своей жизни (рис. 1).

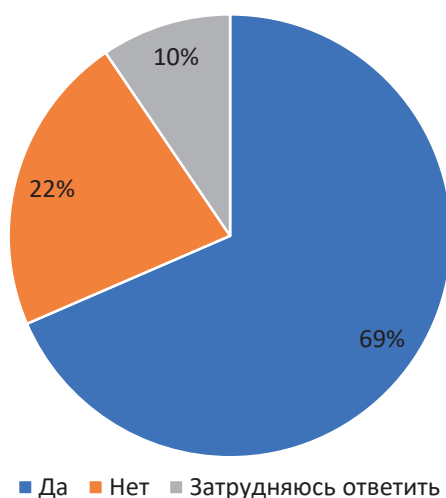

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов на вопрос «Считаете ли вы, что перемены в Вашей жизни зависят только от вас?»

Как мы видим, большинство респондентов (68,5%) ответили «Да», т.е. это активная молодежь, готовая действовать, которую следует привлекать к работе в профсоюзе. Привлечь таких молодых людей можно благодаря различным культурно-массовым мероприятиям, спортивным и волонтерским программам, что и происходит в ЮФУ, однако в дальнейшем с такими молодыми людьми следует работать точно, чтобы они осознавали, что реальная деятельность профсоюза заключается в защите трудовых прав работников, а не в развлекательной деятельности. Федерация независимых профсоюзов России предлагает следующие направления работы с такой молодежью: психологическая поддержка, обучение, приглашение на заседание выборных органов (Анализ результатов..., 2022).

Далее респонденты отвечали на вопрос, готовы ли они самостоятельно отстаивать свои права и бороться за расширение своих социальных гарантий. Ответы представлены на рис. 2.

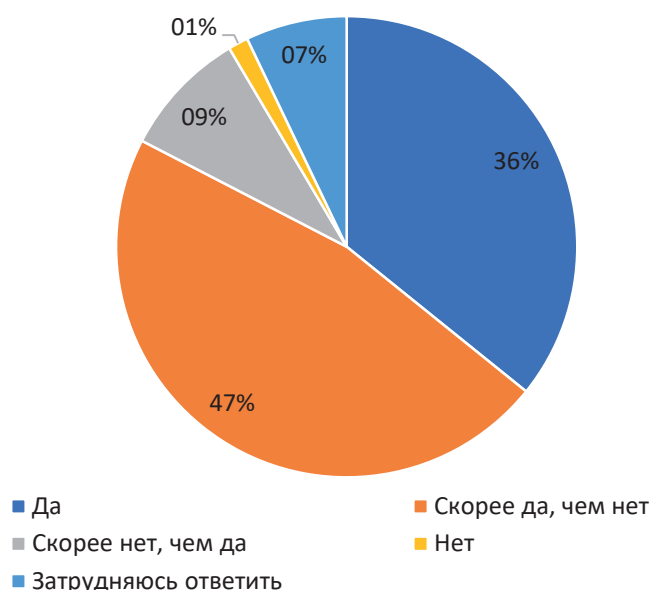

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы готовы самостоятельно отстаивать свои права и бороться за расширение своих социальных гарантий?»

Как мы можем увидеть, большинство респондентов (82,6%) готовы отстаивать свои права и бороться за расширение своих социальных гарантий (ответы «да» и «скорее да, чем нет»). Данный вопрос является маркером участия в деятельности профсоюзной организации, так как цель профсоюзной деятельности именно в защите прав работников.

Ответы респондентов на вопрос «Вы готовы делегировать борьбу за возможность реализации ваших прав и расширение ваших социальных гарантий тем, кто готов этим заниматься?» представлены на рис. 3.

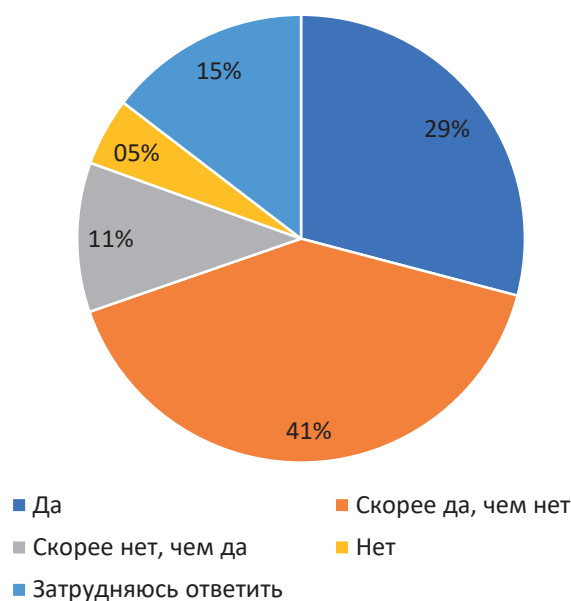

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Вы готовы делегировать борьбу за возможность реализации ваших прав и расширение ваших социальных гарантий тем, кто готов этим заниматься?»

Делегировать готовы 69,7% респондентов (ответы «да», «скорее да, чем нет»). То есть их можно мотивировать на вступление в ППО ЮФУ именно обозначением того, что бороться за их права будет специальная организация – профсоюз. По второй категории респондентов, которые выбрали ответы «не готов» и «скорее нет, чем да», можно предположить, что они сами хотят бороться за свои права и могут выступить в роли профсоюзных лидеров и активистов.

На вопрос о причинах вступления в профсоюз респондентам были предложены варианты ответов, а также была возможность дать свой ответ. Ответы респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2

**Ответы респондентов на вопрос
«Продолжите пожалуйста фразу: “В профсоюз имеет смысл вступать, если...”»**

Вариант ответа	Кол-во выборов, %
Знаю лично лидера и доверяю ему	3,9
Найду того, кому можно доверять	4
Это реально что-то изменит	51
Большинство моих знакомых вступили	4,1
Знаю, чем занимается профсоюз	32,3

Как мы видим, большинство (51%) считают, что вступать в профсоюз нужно только в том случае, если это реально что-то изменит. Рекомендация профсоюзному активу здесь очень простая: надо понять, что такое «реальные изменения» в жизни (и в первую очередь в сознании) молодежи. Для ответа на данный вопрос следует обратиться к рекомендациям психологов, философов и социологов, которые изучают современные поколения. Студенты университета I–V курсов 2022/2023 учебного года относятся к поколению Z по классификации, предложенной американскими исследователями Н. Хоувом и У. Штраусом. Социологи, которые исследуют поколение Z, пришли к выводу, что представители молодежи, которые родились в период с 2000 по 2011 г., отличаются низкой склонностью к бунту, часто находятся под влиянием родителей или сверстников, однако настроены на изменение общества; предпочитают заниматься саморазвитием и самообразованием (соответственно, склонны к изучению больших объемов информации, при этом обладают клиповым мышлением, а значит, быстро теряют интерес). Также студенты, которые относятся к поколению Z, стремятся совмещать учебу и работу, ценят в работе интерес и удовольствие больше, чем высокий заработок, на это в своих исследованиях указывает Д.В. Щеглова (2020).

По результатам нашего опроса, 51% студентов считают, что самое важное в принятии решения о вступлении в профсоюз – понимание того, что это реально что-то изменит. Опираясь на наше знание о специфике поколения Z, следует учесть, что реальность изменений в сознании молодых требует не только значимых событий (например, не символическое повышение стипендии или освобождение ее от НДФЛ и т.п.), но и частоты появления этих событий в инфополе. Существенным для данного поколения является только то, что происходит сейчас, когда они являются участниками этих событий. Скорость изменений тоже существенна, горизонт планирования для современного молодого человека – несколько месяцев. ФНПР рекомендуем иметь это в виду при подготовке к мотивирующему разговору о необходимости вступления в профсоюз. В частности, приводить информацию о профсоюзных событиях поквартально или ежемесячно, помимо ежегодных отчетов.

Треть респондентов (32,3%) ответили «знаю, чем они занимаются». Это ответ, который показывает важность информационной работы.

Также в качестве своего варианта ответа студенты предлагали следующее: «Там платят деньги», «Говорили, есть привилегии», «Нужна скидка в “Додо Пицца”», «Хочешь быть защищенным в тех или иных сферах студенческой жизни», «Это поддержка хоть какая-то». Опираясь на данные ответы респондентов, мы как раз можем пронаблюдать, что, вступая в профсоюз, студенты в большей мере руководствуются потребительскими и страховочными мотивами.

В теории эмоциональной мотивации, которая развивается в современной психологии, в частности в работах Е.А. Пырьева (2012), исследователи подразумевают, что эмоции – это универсальный побудитель, накладывающий отпечаток на мотивационные возможности самих потребностей, а также намерения, желания, влечения и т.д. С опорой на данную концепцию и для оценки настроений и мироощущений респондентов им был задан вопрос: «Какие чувства появились или окрепли у вас за последнее время?». Респонденты могли отметить до трех пунктов. Ответы представлены в табл. 3.

Таблица 3

**Ответы респондентов на вопрос
«Какие чувства появились или окрепли у вас за последнее время?»**

Вариант ответа	Кол-во выборов, %
Усталость	50,2
Уверенность, спокойствие	46,1
Работоспособность	34,2
Чувство счастья, полноты жизни	30,1
Надежда	27,6
Сомнение, неуверенность	24,6
Чувство собственного достоинства	22,7
Страх	13,4
Милосердие	11,8
Агрессия, жестокость	8
Обида	4,8

Как мы видим, наиболее часто выбираемые ответы – «усталость» (50,2%); «уверенность и спокойствие» (46,1%); «работоспособность» (34,2%). Самой тревожной из них является усталость, которая может быть связана и с тем, что семестр, в котором проводился опрос, – весенний, соответственно, более загруженный; с другой стороны, это может быть связано с тем, что многие современные студенты совмещают работу и учебу.

Самыми редкими ответами оказались «обида» (4,8%) и «агрессия и жестокость» (8%). В целом это говорит о том, что психоэмоциональное состояние студентов является, скорее, позитивным, а значит, есть возможность привлечь их в ряды членов ППО ЮФУ.

В качестве рекомендаций для профсоюзных лидеров и профсоюзного актива ЮФУ на основании проведенного опроса укажем, что следует предпринять в первую очередь:

- увеличить информационную работу, транслировать результаты проведенных совещаний и иных мероприятий; в качестве дополнения к информационной

- работе следует также добавить визуальную информацию – разместить фотографии профсоюзных лидеров и профоргов студенческих групп в подразделениях, представить результаты работы профсоюза в виде инфографики и т.п.;
- увеличить объем индивидуальной работы со студенческим активом;
 - увеличить количество мероприятий по вовлечению в профсоюз, так как была выделена группа студентов, которые готовы вступить в профсоюз, но пока что в нем не состоят.

Обсуждение результатов представленного социологического исследования состоялось в июне 2023 г. на итоговом заседании первичной профсоюзной организации работников и обучающихся ЮФУ, предложенные рекомендации были приняты и внедрены в работу профоргов в 2023/2024 учебном году.

Заключение

Подводя итоги, следует отметить, что благодаря проведенному исследованию мы достигли поставленной цели и смогли определить основные запросы студентов, которые могут повлиять на вступление их в профсоюз; также мы определили отношение студентов к самостоятельной защите своих прав и к возможности делегирования таких полномочий, что тоже связано с профсоюзной работой.

Мотивированные члены профсоюза – это те люди, которые осознанно вступают в профсоюз и далее являются активными участниками и привлекают в профсоюз своих друзей, одноклассников, коллег.

Для того чтобы определить, в чем заключается мотивация студентов при вступлении в профсоюз, был проведенное исследование. Одним из важных выводов, которые мы сделали на основе полученных данных, – о необходимости увеличения информационно-образовательной работы для привлечения студентов. Студентам нужно объяснять, в чем именно заключается ежедневная работа профсоюза, какие конкретные дела выполняются и в чем заключаются успехи профсоюзной деятельности. Не менее важно также переводить развлекательную работу со студентами в образовательную, чтобы студенты включались в работу профсоюзной организации в качестве не только рядовых членов, но и лидеров.

Литература

- Захарова, В.А. Высшее образование в системе развития экологического поведения российской молодежи / В.А. Захарова // *Гуманитарий Юга России*. – 2021. – Т. 10, № 3. – С. 128–137. – DOI 10.18522/2227-8656.2021.3.10. – EDN EGMСХО.
- Пырьев, Е.А. Эмоциональные состояния, мотивирующие поведение человека / Е.А. Пырьев // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. – 2012. – № 133. – С. 288–294. – EDN OWUJXN.
- Самсонов, Ю.А. Социально-ориентированная андрагогика: развитие мотивации членства в общественных объединениях и партиях / Ю.А. Самсонов // *Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки*. – 2012. – № 9. – С. 100–106. – EDN PDJLJH.
- Herzberg, F. One more time: How do you motivate employees? / F. Herzberg. – Boston, MA: Harvard Business Review Press, 1968. – 190 p.
- Maslow, A.H. Motivation and personality / A.H. Maslow. – N.Y.: Harper & Row, 1970. – 369 p.
- Mayo, E. The Human Problems of an Industrial Civilization / E. Mayo. – Boston, MA: Harvard University Press, 1946. – 194 p.
- McClelland, D.C. The achieving society / D.C. McClelland. – N.Y.: Irvington Publishers, 1976. – 450 p.
- McGregor, D. Human side of enterprise / D. McGregor // *Management Review*. – 1957. – № 11. – P. 41–49.
- Ouchi, W. Theory Z / W. Ouchi. – N.Y.: Avon Books, 1981. – 260 p.
- Анализ результатов социологического исследования мотивации профсоюзного членства среди молодежи (подготовлено Департаментом Аппарата ФНПР по связям с общественностью, молодежной политике и развитию профсоюзного движения при участии Молодежного совета ФНПР). – URL: <https://fnpr.ru/upload/iblock/73a/9hi82iww81f6w48bydxkcukq3qpqr0.pdf> (дата обращения: 17.11.2023).

Сигурова, А.Ю. Формирование осознанного членства в профсоюзе в зеркале социологии. – 2022. – URL: <https://medprofsouz.ru/media/userfiles/files/formirovanie-osoznannogo-chlenstva-v-profsoyuze-v-zerkale-sociologii.pdf> (дата обращения: 12.11.2023).

References

- Herzberg F. One more time: How do you motivate employees? Boston, MA: Harvard Business Review Press; 1968. 190 p.
- Maslow A.H. Motivation and personality. N.Y.: Harper & Row, 1970. 369 p.
- Mayo E. The Human Problems of an Industrial Civilization. Boston, MA: Harvard University Press; 1946. 194 p.
- McClelland D.C. The achieving society. N.Y.: Irvington Publishers, 1976. 450 p.
- McGregor D. Human Side Of Enterprise. *Management Review*. 1957; 11: 41–49.
- Ouchi, W. Theory Z. N.Y.: Avon Books; 1982. 260 p.
- Pyriev E.A. Emotional states motivating human behavior. *Izvestia of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*. 2012; 133: 288–294. (In Russ.)
- Samsonov Yu.A. Socially oriented andragogy: the development of motivation for membership in public associations and parties. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*. 2012; 9(113): 100–106. (In Russ.)
- Zaharova V.A. higher education in the system of development of environmental behavior of Russian youth. *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2021; 10 (3): 128–137. DOI 10.18522/2227-8656.2021.3.10. (In Russ.)
- Analysis of the results of a sociological study of the motivation of trade union membership among young people (podgotovleno Departamentom Apparata FNPR po svyazyam s obshchestvennost'yu, molodyozhnoj politike i razvitiyu profsoyuznogo dvizheniya pri uchastii Molodyozhnogo soveta FNPR = Prepared by the Department of the FNPR Apparatus for Public Relations, Youth Policy and Development of the Trade union movement with the participation of the FNPR Youth Council). Available at: <https://fnpr.ru/upload/iblock/73a/9hi82iwwk81f6w48bydxkcukq3qpq0r0.pdf> (date of application: 17.11.2023). (In Russ.)
- Sigurova A.Y. Formation of conscious membership in a trade union in the mirror of sociology. 2022. URL: <https://medprofsouz.ru/media/userfiles/files/formirovanie-osoznannogo-chlenstva-v-profsoyuze-v-zerkale-sociologii.pdf> (date of application: 12.11.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 17.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.11.2023

Информация об авторах

Дюжиков Сергей Александрович – доктор философский наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной конфликтологии и медиации, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: duzhikov@sfedu.ru.

Гугуева Дарья Александровна – кандидат социологических наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: dgugueva@sfedu.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Dyuzhikov Sergey Alexandrovich – doctor of Philosophy, professor, Head of the Department of applied conflictology and mediation, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: duzhikov@sfedu.ru

Gugueva Darya Alexandrovna – candidate of sociological sciences, associate professor of the Department of industrial and applied sociology, Institute of sociology and regional studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: dgugueva@sfedu.ru

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.4

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.11.

EDN LNRXCO

**Состояние развития практик экологического просвещения в России:
по материалам качественных исследований****Ярослава Г. Зинченко¹**

¹Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru

Александр Б. Понамарёв²

²Южно-Российский институт управления, филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: kalvarus94@gmail.com

Анна К. Хаустова³

Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха
и оздоровления детей Минпросвещения России, г. Москва, Россия
e-mail: bazhenova@fedcdo.ru

Аннотация

Введение. В данной статье авторами предпринимается попытка оценить состояние развития практик экологического просвещения в России. Исследование выполнено с опорой на эмпирические данные, полученные в ходе глубинных интервью с представителями 20 организаций дополнительного образования, осуществляющими практики экологического образования. Согласно полученным данным, можно сделать следующие выводы: 1) отсутствует единый подход к интерпретации экологического просвещения, плюрализм педагогических методик, не подвергавшийся экспертной оценке, приводит к дифференциации качества образовательного продукта; 2) отсутствует системная поддержка и унифицированный подход к ресурсному обеспечению образовательных программ, реализующих экологическое просвещение; 3) отсутствует необходимый приток молодых кадров в педагогический корпус, реализующий программы экологического просвещения и образования, а также конкретные требования к компетенциям и квалификации педагогов, реализующих указанные программы. По мнению авторов, экологическое просвещение требует системного подхода, использования определенных «просветительских франшиз» вроде экостанций, позволяющих унифицировать образовательные практики, сформировать единые и эффективные методики.

Ключевые слова: экологическое просвещение; педагогические практики; ESG; социальная ответственность; экостанции.

Для цитирования: Зинченко Я.Г., Понамарёв А.Б., Хаустова А.К. (2023). Состояние развития практик экологического просвещения в России: по материалам качественных исследований. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 113–124. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.11>

**The State of Development of Environmental Education Practices in Russia:
Based on Qualitative Studies****Yaroslava G. Zinchenko¹**

¹South Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru

Aleksandr B. Ponamaryov²

²South Russian Institute of Management, Branch of Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: kalvarus94@gmail.com

Anna K. Khaustova³

³Federal Children's of supplementary education and Children's Recreation of the Ministry of Education of Russian Federation, Moscow
e-mail: bazhenova@fedcdo.ru

Abstract

In this article, the authors attempt to assess the state of development of environmental education practices in Russia. The study is based on empirical data obtained during in-depth interviews with representatives of twenty organizations of additional education that carry out environmental education practices. According to the data obtained, the following conclusions can be drawn: 1) lack of a unified approach to the interpretation of environmental education. Pluralism of pedagogical methods, which is not subject to expert evaluation, leads to differentiation of the quality of the educational product; 2) lack of systemic support and a unified approach to the resource support of educational programs implementing environmental education; 3) lack of the necessary inflow of young personnel into the teaching corps implementing environmental education programs, as well as specific requirements for the competencies and qualifications of teachers implementing these programs. According to the authors, environmental education requires a systematic approach, the use of certain "educational franchises" such as eco-stations, which allow to unify educational practices, to form unified and effective methods.

Keywords: environmental education; pedagogical practices; ESG; social responsibility; eco-stations.

For citation: Zinchenko Ya.G., Ponamaryov A.B., Khaustova A.K. (2023) The State of Development of Environmental Education Practices in Russia: Based on Qualitative Studies. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 113–124. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.11>.

Введение

Развитие экологического просвещения является одной из важнейших повесток современной России. Примечательно то, что экологическое поведение с каждым годом все сильнее вплетается в повседневную жизнь (сортировка мусора, утилизация батареек, отказ от пластиковых пакетов, уборка территорий) и при этом институционализируется посредством инкорпорирования экологических ценностей в государственные программы развития патриотических ценностей. Индикатором интереса государства к экологии может также служить реализация национального проекта «Экология» (Национальный проект..., 2018). В данной статье мы сосредоточим свое внимание на практиках экологического просвещения. В Федеральном законе № 7 от 10.01.2002 «Об охране окружающей среды» экологическое просвещение трактуется следующим образом: «Экологическое просвещение, в том числе информирование населения о законодательстве в области охраны окружающей среды и законодательстве в области экологической безопасности, осуществляется органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, общественными объединениями, средствами массовой информации, а также организациями, осуществляющими образовательную деятельность, учреждениями культуры, музеями, библиотеками, природоохранными учреждениями, организациями спорта и туризма, иными юридическими лицами» (Федеральный закон..., 2002). Таким образом, констатируется участие в этом процессе большого числа акторов.

Научное сообщество также проявляет интерес к изучению практик экологического просвещения и (преимущественно в рамках педагогического направления) формирует идеальный образ экологического образования. Научные работы по данной тематике можно условно поделить на два типа: обзорные статьи на тему «Преимущества экологического просвещения», разъясняющие высокий потенциал данного направления, а также статьи, анализирующие педагогический опыт. Авторы констатируют наличие так называемого экологического кризиса и утверждают, что внедрение экологического просвещения в образование сможет купировать множе-

ство проблем (Искендерова, 2020), анализируют целевую аудиторию экологического просвещения (Тарасова, 2016), оценивают экологическую грамотность населения (Шахмарданов, 2008). Отметим, что в отечественной социологии тематика экологической образованности широких масс населения достаточно разработана и является объектом мониторинга со стороны как государства, так и независимых экспертных центров. Однако анализ конкретных педагогических практик, реализуемых в настоящее время в современной России, практически отсутствует. В связи с этим мы предприняли попытку заполнить эту лакуну и провести масштабное качественное исследование, направленное на выявление проблемного поля экологического просвещения, которое востребует соответствующие решения как со стороны субъектов управления, так и со стороны государственного регулятора. В рамках данной статьи мы рассмотрим данные, полученные в результате качественных эмпирических исследований, и сформулируем практические рекомендации для указанных выше субъектов.

Методы

Исследование реализовано в формате глубинных интервью с субъектами управления (административными работниками) и педагогами, работающими в учреждениях дополнительного образования, реализующих программы экологического просвещения. 20 из них попали в нашу выборку и распределены по всей территории России. Глубинное интервью включало в себя 10 вопросов, которые в рамках проведения интервью расширялись дополнительными и уточняющими вопросами, направленными на извлечение дополнительной информации. Административные работники образовательных учреждений оказались достаточно «сложными» информантами, и по этой причине один тематический вопрос расширялся до нескольких дополнительных. В качестве информантов участвовали не только административные работники образовательных учреждений, но и педагогические работники. Одной из задач исследования также является сопоставление оценок деятельности руководителей образовательных организаций и тех, кто непосредственно участвует в педагогическом процессе. В рамках данной статьи мы будем презентовать результаты исследования в формате «вопрос – выводы – цитаты», т.е. после формулировки заданного вопроса (и всех использованных дополнительных вопросов) мы сделаем выводы и подкрепим их высказываниями информантов.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Расскажите, пожалуйста, немного о себе. Какую организацию представляете, какую должность в ней занимаете, как давно реализуете программы экологического просвещения? Нравится ли вам это направление? Считаете ли вы его важным?

Отмечаем, что из соображений сохранения конфиденциальности информантов мы удаляем всю информацию, которая тем или иным образом может их идентифицировать. Очевидно, что в этом случае информативность снижается, но мы представим обобщенные данные о тех, кто принимал участие в интервью.

В основном в качестве информантов выступили педагоги дополнительного образования, имеющие опыт работы от трех лет. Почти все имеют значительный опыт работы и необходимую квалификацию. Подавляющее большинство респондентов представляет государственные бюджетные учреждения дополнительного образования. Информанты занимают как руководящие должности, так и те, что непосредственно задействованы в образовательном процессе (педагоги). Примерно половина информантов обладает профильным образованием, связанным с биологией, экологи-

ей, зоологией и другими смежными специальностями, которые хорошо подходят для обучения основам экологичного поведения. На вопрос о том, интересно ли это направление самим субъектам просветительского процесса, все ответы были положительными, информанты обращали внимание на то, что это направление очень важно и они понимают, что занимаются общественно полезной деятельностью. В общем и целом у нас не сложилось впечатления о том, что экологическое просвещение – навязанная сверху инициатива. Подавляющее большинство употребляло слова, демонстрирующие высокую заинтересованность в том, что они делают.

2. Расскажите немного о том просветительском материале по теме экологии, что вы распространяете и реализуете в своем учреждении. Как называется программа? Почему называется именно таким образом? Считаете ли вы наименование программы информативным для целевой аудитории?

Просветительские программы на тему экологии часто реализуются в формате своеобразных кружков, клубов и других форм организации образовательной деятельности. Очевидно, что субъекты образовательного процесса стараются максимально деформализировать процесс обучения, не ограничивая его конкретными и «классическими» образовательными программами. Мы считаем, что это очень эффективный и продуктивный подход, так как интерес к экологии должен исходить от самого обучающегося. Именно поэтому все вышеозначенные образовательные формы хорошо укладываются в нарратив проектного, творческого неформального образования. В названии практически каждой программы присутствует слово «экология», что однозначно позволяет идентифицировать ее направленность. Самая часто наблюдаемая цель данных программ – продвигать экологический образ жизни, привить обучающимся любовь и уважение не только к природе, но и к таким важным аспектам экологически-дружелюбного поведения, как раздельный сбор отходов, посадка деревьев и т.д. Почти половина информантов высказалась о том, что программы носят практико-ориентированный характер, а другая половина – о том, что программы проектируются на принципе равного сочетания теории и практики.

3. Скажите, пожалуйста, кому принадлежала идея вашей программы, связанной с экологическим просвещением? Эта инициатива образована извне или появилась внутри вашей организации? Кто реализует эти практики? Назовите, пожалуйста, круг лиц, занимающихся этим.

Генезис тех или иных программ дополнительного образования, направленных на экологическое просвещение, исходит суммарно из трех направлений:

- созданы единолично информантом / руководителем организации;
- созданы в результате коллективного труда педагогов образовательной организации;
- созданы в рамках реализации федеральных и государственных программ (например, «Экостанция»).

Отметим, что вопрос проектирования тех или иных образовательных программ, направленных на экологическое просвещение, не захватил внимания информантов, они высказывались о нем достаточно сдержанно или обладали фрагментарной и неполной информацией. Особенно это характерно среди информантов, не исполняющих административные функции в своей организации, а являющихся педагогами (исполнителями). Все информанты заявили, что данные программы реализуют профессионалы своего дела – педагоги дополнительного образования, обладающие соответствующей квалификацией. Также нами зафиксирована своеобразная «идейная» интенция возникновения программ экологического просвещения. Множество респондентов высказалось о том, что актуальность, необходимость, важность эколо-

гии обусловила необходимость разработки программ дополнительного образования, направленных на экологическое просвещение.

4. Давайте немного поговорим о целях вашей программы экологического просвещения. Какова их конечная цель? Чему именно вы хотите научить обучающихся? Каковы задачи-максимум и задачи-минимум в этой программе?

Цели программ дополнительного образования, направленных на экологическое просвещение, достаточно сильно разнятся в зависимости от информантов. Их можно условно поделить на две части: «идейные» и «формалистические». Если говорить об «идейных» информантах, то, например, информант № 1 высказывался так: «Нужно, чтобы ученики не только знали теорию об экологии, но и умели применять на практике многие умения»; информант № 2: «Мы не учим тому, как играть в экологию и “экологизировать” душу. Мы учим тому, как отбирать зоопланктон, определять загрязнения, описывать фитоценозы, учитывать птиц... Экологизация души при этом приходит сама» (он привел цитату А.С. Боголюбова); информант № 3: «Ознакомить с понятиями экологии и правилами охраны природы в системе изучения окружающей среды»; информант № 4: «Исходя из программы, мне бы хотелось научить детей понимать природу, бережно относиться к ней, помогать ей и понимать, что нужно именно для сохранения нашей природы»; информант № 5: «Цель моих программ – привлечь внимание детей к науке. Стимулировать их интересоваться и вдумываться в процессы, проходящие вокруг них. Конечная цель – это завлечь ребят так, чтобы они выбрали и поступили в вузы по какой-то специальности естественнонаучной направленности. Я хочу научить ребят не просто наблюдать за природой, но понимать эти явления и взаимосвязи. Быть осознанным жителем Земли».

Интерпретировать такие ответы можно двояко. С одной стороны, они демонстрируют положительные стороны каждого информанта, который (как минимум, по его словам) демонстрирует интерес к своей работе и видит в ней важную социальную миссию, что является необходимым качеством любого просветителя. С другой стороны, столь неопределенные ответы на достаточно определенный вопрос могут быть интерпретированы как низкое понимание целей образовательных программ и задач по их достижению. Отметим, что практически никто из информантов не ответил на вопрос о задачах-минимум и задачах-максимум. Другая часть респондентов, в свою очередь, ответила на вопрос конкретными цитатами из своих образовательных программ. Например, информант № 6 высказался следующим образом: «Цель программы – формирование экологических убеждений, развитие творческой и гражданской активности в деле сохранения окружающей среды. Задачи: увеличение количества участников программы, а также результативность участия учащихся области в массовых мероприятиях регионального и всероссийского уровней»; информант № 7: «Цель программы – ознакомление школьников с современными агротехнологиями, основами агробизнеса, перспективными профессиями АПК и формирование интереса к профессиям естественнонаучного профиля»; информант № 8: «Основная цель моей программы – это формирование у обучающихся экологичного образа жизни, готовности их стать лидерами в области изменения культуры потребительского поведения и создания полезных экологических привычек и навыков. Задачи-минимум – формирование представлений об экологичном образе жизни и что это важно. Задачи-максимум в программе – сформированные экопривычки, эконавыки и экоинициативы у обучающихся»; информант № 9: «Целью программы является углубленное изучение биологии и экологии посредством вовлечения обучающихся в проектно-исследовательскую деятельность. В конце обучения учащиеся должны знать основные этапы исследовательской деятельности, методы исследования, признаки живого, среды

обитания живых организмов и т.д. А также должны уметь пользоваться микроскопом и другим оборудованием для опытов. Уметь выступать публично с докладами, презентациями и т.д.».

Как видно из всех вышеперечисленных ответов, уровень понимания целей и задач разнится практически у всех информантов, где одни высказываются «идейно», но не конкретно, а другие – «конкретно», но без идеи (цитируют положения из своих программ). Это, очевидно, демонстрирует разную степень понимания своих обязанностей и своего места в системе экологического просвещения среди педагогических работников и руководителей программ дополнительного образования.

5. Расскажите, пожалуйста, о ваших учениках/обучающихся. Каков их средний возраст? Какое соотношение полов у обучающихся? Если вы располагаете такой информацией, то можете ли сказать, насколько они обеспечены? Ваши ученики сами изъявляют желание пройти обучение по программе экологического просвещения или их, скажем так, «направляют»? Как вы оцените инициативность и активность ваших обучающихся?

Согласно информации, полученной от информантов, средний возраст целевой аудитории – от 5 до 18 лет. После 18 лет обучающихся очень мало, основной поток – школьники. Мальчиков чаще всего меньше, чем девочек. Почти все информанты высказались, что целевая аудитория происходит либо из обеспеченных семей, либо из среднего класса. Это, в свою очередь, подтверждает теорию о том, что экологически-дружелюбное поведение характерно в большей степени для тех, кто «может его себе позволить» и относится к так называемым *luxury values* (англ. ценности роскоши). Активность обучающихся целиком зависит от педагогов и их инициативности. Больше половины информантов сказали о том, что детей к ним «приводят» и по этой причине вовлекать их в активность достаточно трудно. С другой стороны, информанты высказывались о том, что часто вовлекают детей в прогулки, наблюдения и общественно полезные активности на природе. Как правило, обучающиеся, практикующие экологически-дружелюбные навыки, чаще и активнее вовлекаются в ту или иную деятельность. Как показывают результаты интервью, абсолютное большинство обучающихся – дети, следовательно, не они проявляют инициативу по присоединению к экологическим кружкам, клубам и программам, а в какой-то степени их родители и главным образом сами педагоги дополнительного образования, инициирующие набор на программы, которые они реализуют. Это означает, что ответственность по вовлечению обучающихся лежит в основном на преподавателях.

6. Какой ваш самый предпочтительный метод обучения в рамках программ экологического просвещения? Применяете ли вы мультимедийные средства? Если да, то какие? Могут ли обучающиеся применять дистанционные технологии и обучаться самостоятельно? Опишите, пожалуйста, каким образом вы обучаете учеников по программе экологического просвещения?

Подавляющее большинство информантов рассказало об использовании мультимедийных технологий, самой популярной из которых считается интерактивная доска. Также применяются показы фильмов на экологическую тему. Отметим, что методы обучения на момент 2022 г. достаточно консервативны, если брать в расчет аудиторные занятия. Применяются ноутбуки и интерактивные доски, на них показывают презентации и фильмы. Некоторые информанты заявляли о том, что предпочитают практико-ориентированные занятия «на земле» – походы, прогулки на природе, наблюдения, включенные занятия на природе, конные прогулки и т.д. По нашему мнению, именно такие задания несут наибольшую эффективность, так как полюбить природу без непосредственного контакта с ней очень трудно. Практиче-

ски все информанты подтвердили возможность обучения с помощью дистанционных технологий, однако не вдавались в подробности их описания. Те информанты, которые об этом высказывались, заявляли, что дистанционное обучение имеется, но оно не является основным и не пользуется популярностью. Большинство информантов предпочитает «классические» аудиторные форматы занятий – лекции, практические занятия, семинары, обсуждения, дискуссии, просмотр фильмов и презентаций. С одной стороны, это свидетельствует о приверженности педагогов к классическим и проверенным методикам, а с другой – может быть свидетельством недостатка ресурсов и неадаптированности материально-технической базы под нужды современных обучающихся. В общем и целом информанты высказывались о формах обучения с явным нежеланием, ссылаясь на то, что работают они «по-разному». Это, с одной стороны, можно оценить положительно, как свидетельство о свободе педагогов в выборе методик, но, с другой стороны, это однозначно свидетельствует об отсутствии системного подхода к пониманию экологического просвещения, недостатке проверенных и апробированных дидактических комплексов по экологическому просвещению.

7. Скажите, пожалуйста, всего ли вам хватает для полноценной реализации программы экологического просвещения? Как вы оцените качество преподавательского состава и уровень их компетентности? Обеспечены ли вы всем необходимым в материально-техническом плане (компьютеры, интерактивные доски, оргтехника и т.д.)? Назовите, пожалуйста, самые важные ресурсы, без которых реализовать программу экологического просвещения будет затруднительно или невозможно.

Информанты рассказали о том, что они обладают в разной степени тремя видами ресурсов: человеческими, материально-техническими и специализированными. Человеческие ресурсы – совокупность компетенций и опыта педагогического состава. О них 70% информантов рассказывают в положительном ключе. «Педагоги компетентны», «обучение осуществляется специалистами» и другие высказывания информантов говорят на том, что организации, реализующие программы экологического просвещения, в целом не испытывают проблем с человеческими ресурсами. О материально-техническом обеспечении достаточно трудно судить, так как наблюдается интересная тенденция: информанты, обладающие административными полномочиями, чаще высказываются о том, что «все хорошо, всего хватает», в то время как педагоги чаще говорят о недостатке проекторов, интерактивных досок, компьютеров, ноутбуков и других важных средств современного мультимедийного обучения. Половина опрошенных не удовлетворена материально-технической базой. Специализированные ресурсы связаны непосредственно с практической реализацией программ. К таким ресурсам относятся палатки, теплицы, оборудование и инвентарь для походов/экспедиций, микроскопы и т.д. Об их недостатке высказывались практически все информанты. Таким образом, если говорить об экологическом просвещении в контексте классического аудиторного образования, то ресурсную базу можно оценить в целом как удовлетворительную. Однако практически все информанты высказались о недостатке специализированных ресурсов, отличающих собственно экологическое просвещение от любого другого. По нашему мнению, организации, реализующие программы экологического просвещения, страдают от неравномерного распределения ресурсов, из-за которого одна из них может позволить себе теплицы и бабочкарии (фермы для выращивания живых бабочек), а другие могут лишь вывести обучающихся на прогулку в природную среду.

8. Как вы оцените уровень поддержки вашей программы экологического просвещения со стороны государства/муниципалитета? Оказывается ли она? Если да, то в достаточном ли объеме? Опишите, пожалуйста, какую финансовую поддержку вы бы

хотели получить для реализации программы, в каком размере? Какое содействие она бы могла оказать?

В целом поддержка от государства/муниципалитета устраивает опрошенных информантов. Эта удовлетворенность может быть условно поделена на две части: экзистенциальную и специализированную. Экзистенциальная проявляется в достаточной поддержке для самого существования организации и самой возможности проводить занятия просветительского характера. Всего два информанта из 20 указали, что их организациям не хватает «всего» и что работа затруднена. Практически все информанты высказались о том, что хотели бы увеличения поддержки, направленной на приобретение специализированного оборудования для практических занятий, укомплектование лабораторий и другие нужды, связанные с прямым контактом обучающихся с природой. Информанты с нежеланием делились информацией о ресурсной обеспеченности своих организаций, предположительно, из-за опасений быть идентифицированными и санкционированными вышестоящим руководством. Нам не удалось вывести информантов на откровенный разговор о ресурсном обеспечении, однако мы заметили одну тенденцию: педагоги чаще и охотнее высказываются о поддержке в решении их проблем, чем административные работники образовательных организаций.

9. Поговорим о содержательной части вашей программы. Какие формы приобретает обучающий процесс? Он статичный или может меняться? Имеется ли возможность создавать индивидуальные обучающие планы для конкретных учеников? Опишите, пожалуйста, какие именно аспекты экологического поведения затрагивает ваша программа?

подавляющее большинство информантов позиционирует программы экологического просвещения как гибкие и обладающие потенциалом подстроиться под индивидуальные потребности обучающихся. Предполагается создание индивидуальных учебных планов. Примерно половина программ может считаться проектной и практико-ориентированной. Практически все информанты стремятся привносить в свои занятия практические элементы, связанные с контактом с природой и реальными экологически-дружелюбными практиками. Отметим, что, несмотря на недостаток материальных ресурсов, педагоги, судя по их словам, стремятся подходить к вопросу творчески и в условиях ограниченных ресурсов, как минимум, устраивать детям прогулки, рассказы о важных элементах экосистемы на природе. Можно констатировать, что программы экологического просвещения не носят чисто формалистского характера и не реализуются «ради галочки», а вызывают эмоциональный отклик как у обучающихся, так и у педагогов. Экологическое просвещение, по нашему мнению, достаточно плохо стыкуется с инновационными образовательными подходами, такими как индивидуальное планирование траекторий развития обучающегося, балльно-рейтинговая система, интерактивное мультимедиа-обучение и т.д. Объясняется это в первую очередь тем, что само по себе экологическое просвещение – апелляция к вечным ценностям сохранения природы и окружающей среды в чистоте. Другой причиной является средний возраст педагогов, реализующих экологическое просвещение. Среди информантов чаще всего присутствовали женщины среднего возраста, и, предположительно, они не так заинтересованы в использовании инновационных технологий в образовании. В отличие от школ и вузов, в которых методики унифицированы и требуют регулярного повышения квалификации, программы экологического просвещения имеют более низкие требования, и педагоги этим пользуются.

10. Расскажите, пожалуйста, чему именно должны научиться обучающиеся, участвующие в вашей программе экологического просвещения? Какие у них появля-

ются практические и теоретические знания? Можете ли вы сказать, что по итогам вашей работы обучающиеся станут вести себя более экологически-дружелюбно (экологично)? Продвигаете ли вы уважительное отношение к природе как одну из традиционных ценностей нашей страны?

Основной тип поведения, который хотят привить педагоги своим ученикам, – экологически-дружелюбное. На уровне теории повышается кругозор и знание о конкретных закономерностях природы, а на практическом – навыки рационального и уважительного поведения как в городе, так и на природе. Один из информантов высказался так: «Программа представляет собой логически выстроенную систему, с одной стороны, направленную на овладение знаниями в интересующей учащегося области, с другой стороны, ориентированную на формирование у ребенка целостной естественнонаучной картины мира, основанной на мотивах, потребностях, ценностях, идеалах ученика, определяющих его место и роль в конкретном социуме, дающих возможность построить образ о самом себе как саморазвивающейся личности». Другой информант интерпретирует свою работу следующим образом: «Основная идея программы основывается на главной ценности – любви к Родине, и малой родине в особенности. Само название программы говорит о региональной составляющей. В рамках программы учащиеся изучают природные ресурсы региона, охраняемые территории, проблемы загрязнения окружающей среды. Практические мероприятия направлены на проявление детских экологических инициатив в решении экологических проблем. Все это позволяет достичь определено экологического поведения». Некоторые высказываются достаточно просто: «По окончании моей программы ребята поймут, что же такое экология, как нужно правильно относиться к ней». Другой информант описал результаты своей работы следующим образом: «Обучающиеся должны получить знания в области биологии и агроэкологии; приобрести основные навыки и умения в области современных агротехнологий, биотехнологий, технологий развития сельскохозяйственного производства, опытно-исследовательской и проектной деятельности. С развитием проблемного мышления, способности к анализу, синтезу формируется мотивация к углубленному изучению биологии и агроэкологии, интерес к научно-экспериментальной и опытно-исследовательской работе, способность к сотрудничеству в рамках совместной исследовательской и проектной деятельности, воспитывается уважительное отношение к сельскохозяйственному труду и ответственное отношение к природе». Таким образом, высказывания информантов можно условно поделить на «идейные» и «формалистские». «Идейные» коротко и не очень ясно описывают ожидаемые результаты (что можно интерпретировать как невысокое понимание субъектов обучения своего труда), а формалистские очень напоминают выдержки из программ, которые зачитываются без личного вклада от информанта.

Мы считаем, что каждое отдельно взятое учреждение дополнительного образования, реализующее программы экологического просвещения, имеет свою уникальную атмосферу, специфику и аудиторию, зависящую от конкретного региона. Из этого следует, что достаточно трудно объективно оценить, насколько субъекты экологического просвещения осознают собственную работу и как ясно видят ее результаты с точки зрения целерационального подхода. С одной стороны, это может стать поводом для критики, так как современное образование должно быть рациональным и оптимизированным, а с другой – хочется отметить, что сама по себе суть просветительских экологических практик непосредственно связана с внутренним миром и переживаниями молодых людей, следовательно, каким-то образом формализовать образовательный подход будет неверно с точки зрения педагогической этики.

Заключение

Результаты анализа сложившихся практик экологического просвещения в учреждениях дополнительного образования свидетельствуют о следующих проблемах, требующих оптимизации:

1. Отсутствие единого подхода к интерпретации экологического просвещения. Плюрализм педагогических методик, не подвергавшийся экспертной оценке, приводит к дифференциации качества образовательного продукта.

2. Отсутствие системной поддержки и унифицированного подхода к ресурсному обеспечению образовательных программ, реализующих экологическое просвещение.

3. Отсутствие необходимого притока молодых кадров в педагогический корпус, реализующий программы экологического просвещения и образования, а также конкретных требований к компетенциям и квалификации педагогов, реализующих указанные программы.

Общение с информантами, принявшими участие в исследовании, свидетельствует о том, что экологическое просвещение интерпретируется всеми акторами по-разному. Ни один из информантов не ссылался на какие-либо документы, дающие определение экологическому просвещению. Для одних информантов экологическое просвещение – «конкретные навыки», а для других – «правильное отношение к природе». Мы считаем, что научно-педагогическому сообществу необходимо сформировать единую программу экологического просвещения, основанную на компетентностном подходе, и предпринять попытку разработать образовательную программу, включающую в себя как базовые и обязательные, так и опциональные и надпрофессиональные компетенции.

Исследованные нами организации достаточно сильно отличаются друг от друга в плане ресурсного обеспечения и материально-технической базы. В одной организации преподавательский состав был преимущественно состоящим из педагогов с профильным образованием, а в другой – с педагогическим. Индивидуальный опыт каждого обучающегося может значительно отличаться в зависимости от той образовательной организации, в которой он обучался. Мы считаем, что в данном случае наилучшим решением будет выделение конкретных требований к специализированному оборудованию и контроль за его наличием и состоянием. Ситуация, в которой обучающиеся одной организации ходят на прогулки по лесу, а в другой приобретают практические навыки с использованием микроскопов, по нашему мнению, является серьезным упущением, хотя и позволяет организациям дополнительного образования реализовывать программы экологического просвещения, фактически не обладая необходимыми ресурсами. Отметим, что эти «необходимые» ресурсы также не определены и не формализованы в формате документа, носящего обязующий характер. Педагогический состав, в свою очередь, тоже требует определенного внимания и нормотворческой инициативы. Во-первых, необходимо определиться: должен ли педагог обладать профильным естественнонаучным образованием или достаточно иметь педагогическое образование? Мы считаем, что естественнонаучная направленность образовательных программ благоприятствует привлечению специалистов, имеющих опыт и знания именно по этому направлению.

Таким образом, главная проблема программ экологического просвещения – отсутствие системного подхода на всех уровнях: от кадровой политики и материально-технического обеспечения до методических подходов к ведению образовательного процесса. Необходимо предпринять попытку однозначно определить методику и

основные дидактические подходы к ведению экологического просвещения и выстраивать кадровую и ресурсную политику, основываясь на едином подходе.

Необходимо отметить, что в настоящее время государство предпринимает усилия в указанных направлениях. Так, на федеральном уровне запущена программа по созданию в субъектах (на базе профильных образовательных организаций) экостанций. Экостанция – это новый формат экологического просвещения и образования в формате «государственная франшиза», базирующийся на преемственности принципов движения юных натуралистов в СССР, возрождение которого поддержано Президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным. Внедрение модели предусматривает единые организационно-методические основы создания экостанции в разных решениях (с учетом имеющихся ресурсов, условий и запросов организации) и проектирования ее деятельности.

Комплексное программно-методическое сопровождение работы экостанций обеспечивает подведомственный Минпросвещения России Федеральный центр дополнительного образования и организации отдыха и оздоровления детей – исторический правопреемник созданной в 1918 г. Центральной станции юных натуралистов и первой биостанции юных натуралистов в России.

Данная практика, при условии ее дальнейшего масштабирования и необходимой государственной поддержки, может быть рассмотрена как национальная экологическая инициатива, которая внесет вклад в развитие страны и достижение ее национальных целей развития до 2030 г. в части формирования условий для комплексного развития системы экологического образования и просвещения в России.

Литература

Искендерова, С.М.г. Экологическое просвещение и анализ педагогического опыта / С.М.г. Искендерова // *Наука и школа*. – 2020. – № 3. – С. 100–114. – DOI 10.31862/1819-463X-2020-3-100-114. – EDN XMJHYI.

Тарасова, О.Н. Подростковая аудитория экологического просвещения / О.Н. Тарасова // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. – 2016. – № 2. – С. 193–207. – DOI 10.14515/monitoring.2016.2.12. – EDN VVXTEV.

Шахмарданов, З.А. Экологическое образование, просвещение и воспитание населения / З.А. Шахмарданов // *Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки*. – 2008. – № 3. – С. 79–85.

Национальный проект «Экология». 2018. // Министерство природных ресурсов и экологии РФ. – URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения: 07.10.2023).

Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/31cbdcc572222c93a51fed78205b68b35c0d8fe0 (дата обращения: 07.10.2023).

References

Iskenderova S.M.g. Environmental education and analysis of pedagogical experience. *Nauka i shkola = Science and school*. 2020; 3: 100–114. DOI 10.31862/1819-463X-2020-3-100-114. (In Russ.)

Tarasova O.N. Teenage audience of environmental education. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny = Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2016; 2(132): 193–207. DOI 10.14515/monitoring.2016.2.12. (In Russ.)

Shakhmardanov Z.A. Environmental education, enlightenment and education of the population. *Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Psikhologo-pedagogicheskie nauki = News of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and pedagogical sciences*. 2008; 3: 79–85.

National project “Ecology”. 2018. Ministerstvo prirodnih resursov i ekologii RF = Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation. Available at: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology (date of application: 07.10.2023). (In Russ.)

Federal Law No. 7-FZ of 10.01.2002 “On environmental protection”. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34823/31cbdcc572222c93a51fed78205b68b35c0d8fe0 (date of application: 07.10.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 18.10.2023

Дата окончания рецензирования: 22.11.2023

Дата принятия к публикации: 29.11.2023

Информация об авторах

Зинченко Ярослава Геннадиевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru.

Понамарёв Александр Борисович – кандидат социологических наук, старший преподаватель, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: kalvarus94@gmail.com.

Хаустова Анна Константиновна – заместитель директора по организационно-методическому сопровождению естественнонаучной направленности, ФГБОУ ДО ФЦДО Минпросвещения России, г. Москва, Россия, e-mail: bazhenova@fedcdo.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Zinchenko Yaroslava Gennadiyevna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: zinchenko-yg@ranepa.ru.

Ponamaryov Alexander Borisovich – Candidate of Sciences in Sociology, Senior Lecturer, South Russian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: kalvarus94@gmail.com.

Khaustova Anna Konstantinovna – Deputy Director for Organizational and Methodological of the Federal Children's of supplementary education and Children's Recreation of the Ministry of Education of Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: bazhenova@fedcdo.ru.

The authors declare that there is no conflict of interest

СОЦИОЛОГИЯ СЕМЬИ И ДЕТСТВА

Научная статья

УДК 316.483

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.12.

EDN BKACIU

**Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов
и снижении динамики разводов в российском обществе
(по материалам глубинных интервью)****Анна В. Верещагина¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: anrietta25@mail.ru

Ангелина А. Жиденко²²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье анализируются результаты глубинных интервью, проведенных с целью выявления роли медиативных практик в урегулировании семейных споров и конфликтов в российском обществе. Данный ракурс исследования обусловлен высокой динамикой явлений, негативно сказывающихся на стабильности института семьи в России, демографической ситуации в стране и благополучии населения.

Методы. В статье приводятся данные глубинных интервью ($N = 7$), проведенных с медиаторами Ростовской области, имеющими опыт работы в области семейной медиации. Также в исследовании использованы данные опросов общественного мнения (ВЦИОМ, ФОМ), государственной статистики относительно динамики браков и разводов, неполных семей в Российском государстве за последнее десятилетие.

Результаты и их обсуждение. Исследование позволило выявить высокий потенциал института семейной медиации в разрешении семейных конфликтов в российском обществе, положительную динамику обращений к семейной медиации со стороны российских семей, однако для повышения эффективности данного института необходимо преодолеть ряд барьеров. Самыми значительными из них являются информационные (невысокая информированность населения о семейной медиации, ее возможностях и предназначении) и социокультурные (неготовность российских граждан обращаться к помощи медиаторов, устойчивые ориентации на решение проблем формально-правовым путем, через суд, отсутствие в обществе и непосредственно в семьях диалоговой культуры). Немаловажным фактором, препятствующим распространению семейной медиации среди населения и повышению ее эффективности, выступает также несовершенство законодательной базы РФ.

Ключевые слова: медиация; семейная медиация; семья; развод; неполная семья; семейные конфликты; брак; семейные отношения; медиатор.

Для цитирования: Верещагина А.В., Жиденко А.А. (2023). Роль семейной медиации в урегулировании семейных конфликтов и снижении динамики разводов в российском обществе (по материалам глубинных интервью). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 126–138. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>

**The role of family mediation in resolving family conflicts and reducing
the dynamics of divorce in Russian society
(based on the materials of the in-depth interview)****Anna V. Vereshchagina¹**¹South Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: anrietta25@mail.ru

Angelina A. Zhidenko²²Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russia

e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Abstract

Introduction. The article analyzes the results of in-depth interviews conducted to identify the role of mediation practices in the settlement of family disputes and conflicts in Russian society. This perspective of the study is due to the high dynamics of phenomena that negatively affect the stability of the family institution in Russia, the demographic situation in the country and the well-being of the population.

Methods. The article provides data from in-depth interviews ($N = 7$) conducted with mediators of the Rostov region who have experience in the field of family mediation. The study also used data from public opinion polls (VCIOM, FOM), government statistics on the dynamics of marriages and divorces, single-parent families in the Russian state over the past decade.

Results and discussion. The study revealed the high potential of the institute of family mediation in resolving family conflicts in Russian society, the positive dynamics of appeals to family mediation from Russian families, however, in order to increase the effectiveness of this institution, it is necessary to overcome a number of barriers. The most significant of them are informational (low awareness of the population about family mediation, its possibilities and purpose) and socio-cultural (unwillingness of Russian citizens to seek the help of mediators, stable orientations to solve problems in a formal legal way, through the court, the absence of a dialogue culture in society and directly in families). An important factor preventing the spread of family mediation among the population and its effectiveness is also the imperfection of the legislative framework of the Russian Federation.

Keywords: mediation, family mediation, family, divorce, single parent family, family conflicts, marriage, family relations, mediator.

For citation: Vereshchagina A.V., Zhidenko A.A. (2023). The role of family mediation in resolving family conflicts and reducing the dynamics of divorce in Russian society (based on the materials of the in-depth interview). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 126–138. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.12>

Введение

Российская семья на грани катастрофы или временные трудности? А может, ей надо помочь?..

Не прекращается начатая еще в самом начале постсоветского периода дискуссия о настоящем и будущем семьи в России, а также о том, как расценивать происходящие в ее институциональном пространстве изменения – то ли с позиций кризиса, то ли с позиций эволюции. Соответственно, даются прогнозы о том, что ждет институт семьи в российском обществе, и некоторые известные специалисты весьма далеки от оптимизма в оценке перспектив этого важнейшего для воспроизводства общества социального института (Федорова, 2019) и склонны рассматривать изменения в нем с позиций кризиса (Синельников, 2018). Новый импульс этой «фамилистической» дискуссии придала пандемия коронавируса, которая способствовала переосмыслению, своеобразной перезагрузке смыслов, идей, стратегий, в том числе и относительно роли, статуса, траектории развития семьи, форм семейных отношений и ценности семьи в постпандемическом мире (Верещагина, 2021). Катастрофические нотки относительно семьи в России зазвучали еще более тревожно в оценках отечественных специалистов в области семейной проблематики, и этому есть объяснение – высокая динамика семейных разводов, значительно превысившая показатели разводов в докоронавирусный период.

Стоит ли сгущать краски и предвещать гибель этому «кораблю», прошедшему сквозь многовековую историю бурь, штормов и ураганов человечества? Так ли реальны угрозы институту семьи в современной России? Надо ли описывать состояние этого социального института с помощью таких терминов, как угрозы и катастрофы? Сложно сказать... С одной стороны, мы прекрасно понимаем, что современная семья не может не меняться, когда само общество непрерывно и стремительно меняется, когда в нем утрачивают свое действенное присутствие такие понятия, как определенность, стабильность, безопасность, устойчивость, а им на смену приходит

и утверждается в качестве безопасной в небезопасном мире парадигма жизни под названием «здесь и сейчас». С другой стороны, институт семьи в России действительно характеризуется состоянием, которое не может не обратить на себя внимание и вызывает определенное беспокойство за будущее российской семьи, а также связанных с ней ключевых явлений материнства, детства и демографические перспективы развития государства. Последние складываются в неблагоприятном формате для Российского государства с учетом показателей рождаемости, брачности, разводимости и смертности как ключевых индикаторов воспроизводства населения и демографического развития социума (Сивякова, 2023).

В контексте проблемы, поднимаемой в данной работе, нас в большей степени волнуют вопросы, связанные со стабильностью семейно-брачных отношений, с динамикой разводов и образования неполных семей, которых в России, согласно последней Всероссийской переписи населения (2020 г.), 31,2%. При этом в сравнении с данными переписи 2010 г. доля неполных семей, где дети воспитываются одним из родителей, стала больше (в 1,2 раза) (Всероссийская перепись..., 2020).

В России, как отмечают специалисты, с 1995 до 2022 г. на 1000 браков ежегодно приходилось более 500 разводов, но, что важно для социологического анализа демографических показателей, в обществе увеличивается социальная приемлемость разводов, а уважительными для развода жители России стали признавать все причины развода, независимо от того, объективными или субъективными они являются. Такая ситуация, как полагают исследователи, не способствует росту прочности брака, «люди уже не верят, что прочность брака зависит от их поведения в семье» (Синельников, 2023, с. 75).

Опросы общественного мнения позволяют выстроить причины разводов в следующей последовательности: бедность (33%), взаимное непонимание (15%), неверность одного из партнеров (14%), бытовые проблемы (10%), а также несовместимость характеров и пьянство (по 8%) (От брака до развода..., 2021). Согласно данным Фонда общественного мнения, полученным в ходе опроса жителей 104 населенных пунктов в 53 субъектах РФ (1500 респондентов), 72% опрошенных считают, что разводы допустимы в принципе, в то время как, по данным аналогичного опроса ФОМ 2012 г., допустимым развод считали 67% респондентов (Разводы..., 2022). Как видим, наблюдается рост толерантности к разводу, и это надо воспринимать как данность современной реальности.

Понятно, что законодательство РФ не ориентировано на пожизненное «заклучение» в границах семьи для того, кто решил освободить себя от семейно-брачных уз и обязательств, и это соответствует духу современного общества, ценности жизни и свободы каждого человека, но вопросы, которые поднимаются при этом, также заслуживают уважения и пристального внимания: вопросы того человека, который не хочет распада семьи, кто считает, что его поведение соответствовало этике семейных отношений; вопросы детей, которые вынуждены будут жить с одним из родителей не по их вине и воле... Да, для детей из неполных семей предусмотрена поддержка. Таковая начала действовать не так давно, с мая 2022 г., когда неполным семьям как отдельной категории семьи стала предусматриваться специальная социальная поддержка при наличии детей от 8 до 17 лет в виде ежемесячной выплаты в размере 50–100% от величины прожиточного минимума. Это стало возможным ввиду внесения изменений в Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Оценить эффективность помощи государства неполным семьям с детьми попытались российские исследователи В.М. Смирнов и О.В. Селиванова, глубоко проанализировавшие этот вопрос с учетом имеющихся дан-

ных Пенсионного фонда России: этот вид социальной поддержки, с их точки зрения, имеет значительный потенциал сокращения детской бедности в стране, так как только за 2022 г. порядка 1,8 млн человек в составе неполных семей улучшили свое материальное благополучие (Смирнов, 2023, 710).

Вместе с тем все эти меры поддержки неполной семьи – решение последствий той проблемы, которая стала следствием распада семьи. Способов решения проблемы неполных семей в России может быть много. Все зависит от того, что мы хотим решить: помочь неполным семьям избежать риска бедности и создать благополучные условия для жизнедеятельности детей в подобных семьях? Для этого, конечно, необходимо отдельно подходить к вопросу занятости и оплаты труда родителей, самостоятельно воспитывающих детей, к реализации закона об алиментах (в стране очень серьезная ситуация с неуплатой алиментов, со злостными неплательщиками элементов), к социальной поддержке этих семей со стороны государства и гражданского общества. Если речь идет о том, чтобы снизить долю неполных семей в общей численности семей в России, то следует понять, по каким причинам они образуются, что способствует динамике роста числа неполных семей в стране. Этих причин много. Это и смерть одного из супругов (чаще всего такие семьи остаются без кормильца, без отца, что и продуцирует бедность детей в неполных семьях в этом случае), а следовательно, такие вопросы следует решать путем повышения уровня здравоохранения в стране, повышения качества и доступности медицинских услуг, повышения культуры здоровья населения, в частности мужского. Другая причина образования неполных семей – это развод супругов, в результате которого дети остаются в российской традиции, как правило, с матерью (Верещагина, 2015). Решение этой проблемы также затрагивает комплекс мер, которые, в свою очередь, не могут не основываться на понимании ключевых причин семейных разводов. Учитывая бедность, т.е. финансовую причину (она, как указывалось выше, входит в число важнейших), семья нуждается в экономической поддержке, в финансовой стабильности. Особенно семья с детьми. Но не только и не столько экономический базис необходим для стабильного существования семьи. В качестве важнейшего основания выступает наличие культуры семейных отношений. Ее следует формировать у молодого поколения с самого раннего возраста, чтобы в своей взрослой жизни при выборе спутника, конструировании собственного семейного мира и пространства было понимание той цены, которую придется заплатить за неумение предотвращать конфликты и выходить из них достойно, за незнание того, какие есть пути решения семейных споров и противоречий на стадии, еще позволяющей сохранить семейный мир, мир полноценного детства с обоими родителями и не идти на самый крайний шаг – подачу документов на развод.

Одним из способов профилактики и разрешения семейных конфликтов является семейная медиация. Формирование института медиации в России несет в себе решение многих проблем, так как за счет медиативных практик происходит экономия бюджетных средств и издержек, снижение нагрузки на суды и, что самое главное, создание альтернативного судам способа урегулирования конфликтов (Жиденко, 2021).

Традиционно в России семейные проблемы и конфликты решались без обращения к специалистам (психологам, медиаторам), но за последнее десятилетие ситуация несколько изменилась, и об этом пишут в своих научных работах специалисты, обращающиеся к вопросам закрепленных на законодательном уровне критериев, регламентирующих проведение процедуры медиации, в частности семейной медиации (Величкова, 2017; Дерюшева, 2017), к проблемам и сложностям становления и популяризации семейной медиации в российском обществе (Берестова, 2023; Усманова, 2020), к ее

потенциалу как альтернативному способу разрешения семейно-брачных конфликтов и споров, сохранения семьи и брака (Брюхина, 2021; Кирдяпина, 2022), к способам повышения эффективности семейной медиации в РФ (Худойкина, 2019) и накопленному опыту семейной медиации в зарубежных странах (Курмаева, 2019, 2020).

Научно-исследовательский дискурс в области семейной медиации пока еще недостаточно представлен социологическими разработками и исследованиями. Основная масса носит юридический, психологический характер, что также определяет ценность социологического ракурса в изучении семейной медиации.

Отталкиваясь от имеющихся позиций и мнений специалистов различных отраслей социально-гуманитарного знания, можно сказать, что институт медиации в России еще переживает период становления, обретения статуса традиционного способа разрешения различного рода конфликтов, возникающих в обществе. И семейная медиация не является исключением. Мы исходим из того, что «медиация – это альтернатива судебной процедуре разрешения споров или дополнение к судебной процедуре, что, в свою очередь, призвано способствовать снижению нагрузки на суды, росту числа примирений, в том числе и по семейным спорам» (Гурко, 2016, 43).

Анализ исследовательских практик российских ученых по теме статьи показывает, что к медиативным практикам в ходе разрешения семейных конфликтов российские семьи обращаются крайне редко, при том что их эффективность подтверждается мнением и практиков-медиаторов, и ученых, специализирующихся на этом предметном поле.

В данной статье мы представим результаты интерпретаций мнений и позиций тех, кто непосредственно осуществляет практику в области семейного посредничества, оказывает помощь семье / членам семьи в случае возникновения различного рода конфликтов и споров, т.е. медиаторов. Их мнение позволит пролить свет на причины семейных конфликтов и невысокой популярности обращения к медиаторам для их разрешения в российском обществе.

Методы

Основным методом исследования стал метод глубинного интервью. Проводилось исследование по проблеме эффективности семейной медиации в разрешении семейных конфликтов с акцентом на молодой семье. В данной статье анализируются ответы экспертов-медиаторов, включенные в блок А. Гайд интервью включал два блока вопросов: блок А посвящен общим вопросам, связанным с семейной медиацией и ее ролью в урегулировании семейных конфликтов в современной России, в то время как блок Б непосредственно ориентирован на возможности урегулирования конфликтов в молодой семье с помощью семейной медиации.

Интервью проводились очно с медиаторами, специализирующимися по семейной проблематике. Всего было проведено семь глубинных интервью. Выбор информантов осуществлялся по таким ключевым критериям, как место работы / должность и стаж работы в должности медиатора. Нашими информантами выступили медиаторы, территориально проживающие на территории Ростова-на-Дону и Ростовской области. Большая часть информантов ($N = 4$) являются членами ассоциации медиаторов «Примирение», известной своей деятельностью в области разрешения различного рода споров и вопросов примирительным путем. Из семи медиаторов, принявших участие в интервью, трое представляют Ростов-на-Дону; остальные – областные районы (Аксацкий, Батайский, Шахтинский, Азовский). Четверо информантов имеют опыт в области семейной медиации не менее 10 лет, а двое – более 10 лет. Все медиаторы представлены женским полом.

Результаты исследования и их обсуждение

Такой способ урегулирования семейных споров и конфликтов, как медиация, становится достаточно значимым и популярным в современном мире. Об этом пишут многие исследователи, анализирующие зарубежный опыт семейной медиации (Буянова, 2016; Усманова, 2019). В ходе интервью медиаторам были заданы вопросы о том, как можно оценить эту практику с точки зрения ее распространенности в российском обществе, как часто обращаются российские семьи к помощи медиатора для урегулирования споров, конфликтов. Их ответы показали, что в принципе значимая часть дел, поступающих медиаторам, – семейные, но заслуга в этом принадлежит судам, которые перенаправляют дела семейные до судебного разбирательства и вынесения окончательного решения в медиативные инстанции:

- *У нас в принципе больше брачно-семейных конфликтов на медиации сейчас в целом по судам, то есть у нас медиация возможна до суда, на стадии судебного разбирательства и после вынесения судебного решения. И, конечно же, на стадии судебного разбирательства большее количество дел, потому что суды направляют, мы давно настроили эту работу, скажем так. И если брать процентное соотношение, допустим, там из 150 направлений в год, 100 – это будет по брачно-семейным, то есть большее число, считается, что это наиболее допустимые для договоренности случаи (информант № 1, Ростов-на-Дону)¹.*

- *Практика показывает, что да, это благодаря, конечно, работе ассоциации, и на нашем примере, я имею в виду Ростов, Ростовскую область, конечно, львиная доля заслуги работы ассоциации с судами и, безусловно, персональное отношение судей к этому процессу (информант № 2, Ростов-на-Дону).*

- *Я не могу сказать, что прямо она повсеместно распространена, но с учетом того, что вот у нас есть ассоциация «Примирение», она с 15-го года существует, а до этого у нас был центр медиации с 12-го года, и поэтому именно вот с этого, примерно с 12-го года, потихоньку внедряем это через суды общей юрисдикции. За каждым судом закреплен свой медиатор, как по городу, так и частично по области, поэтому все, что зависит от нас, делаем для того, чтобы эта процедура получила распространение, взаимодействуем с судами, потому что все-таки подавляющее большинство семейных споров находится в судах, и люди по привычке идут, наверное, туда, все-таки это привычный такой способ решения, но, тем не менее, практика именно по семейным спорам, медиация, она наиболее обширна среди остальных категорий споров (информант № 3, Ростовская область).*

- *Если сравнивать медиацию, наверное, так логично сравнивать ее, скорее, с ней же в прошлом, то мы можем говорить о том, что на данный момент это достаточно распространено... Здесь вопрос только, если по России смотреть статистику, что некоторые субъекты больше этим занимаются, некоторые меньше. Ростовская область наша – передовик среди общей статистики в Российской Федерации, есть те субъекты, в которых вообще не распространено, и в принципе даже они задают вопросы из серии «Зачем нужна медиация?» (информант № 6, Ростов-на-Дону).*

Выходит, что среди населения на самостоятельном уровне, без рекомендаций судебных органов и адвокатов, еще не сформировалась установка на обращение к службе медиации для урегулирования семейных споров, что прозвучало в суждениях медиаторов на вопрос о том, часто ли обращаются российские семьи к помощи медиатора для урегулирования споров напрямую, без суда:

¹ Здесь и далее курсивом выделены высказывания экспертов-медиаторов в формате прямой речи.

• Ну, наверное, именно напрямую, в досудебном порядке, не часто, но адвокаты, которые присутствовали на процедуре медиации либо на утверждении соглашения, с которыми сотрудничали в рамках конфликта, медиации, рекомендуют все равно и в досудебном, и судебном порядке, потому что понимают все те преимущества, которые у нее есть (информант № 3, Ростовская область).

• Прямо про российские семьи сказать мне сложно в целом по России, но, наверное, не так часто. Так, если судить по количеству разводов, 70% разводов у нас в стране, и сколько судебных дел, и какой процент от судебных дел попадает к медиатору? Мне кажется, меньше 10% даже (информант № 4, Ростовская область).

Вероятно, эта ситуация сложилась не просто так. Интервью с медиаторами показали, что причина кроется в том, что в российском обществе еще не сложилось адекватного и четкого понимания важности медиативных практик и сути, содержания самой семейной медиации как процедуры, да и ментальные особенности играют не последнюю роль:

• Медиация, она у нас как бы законодательно с 2011 года, популярность она набирает последние несколько лет прямо активно-активно. Раньше люди вообще путали, что такое медиация. Мне лично на первые сеансы медиации приходили и говорили: «Где у вас тут ковер?» (информант № 2, Ростов-на-Дону).

• Медиация у нас на данном этапе еще пока не настолько популярна, даже с учетом того, что закон у нас с 11-го года, и до этого все равно какие-то были попытки... Ну, может быть, менталитет наш, да, что пусть кто-то лучше решит мои вопросы, чем я сделаю какой-то ответственный выбор самостоятельно (информант № 3, Ростовская область).

Среди причин невысокой распространенности медиативных практик в разрешении семейных конфликтов как исходящих от самих граждан была выявлена также слабая информированность населения о семейной медиации как альтернативном и эффективном способе урегулирования подобных конфликтов:

• Многие люди до сих пор удивляются слову «медиация» и говорят, что впервые слышат об этом (информант № 4, Ростовская область).

• Как показывают исследования, где-то 46% респондентов не знают, что такое медиация, к кому обращаться, кто такой медиатор, для чего это необходимо, то есть на самом деле на сегодняшний день у большинства граждан отсутствует понимание, что такое досудебное урегулирование конфликта с помощью медиации (информант № 5, Ростовская область).

И тем не менее большинство споров и конфликтов, с которыми обращаются граждане к медиаторам, – это семейные. Ключевые вопросы, составляющие предмет спора, – дети, алименты, имущество:

• Семейные. Место проживания ребенка, алименты меньше. Чаше это общение с ребенком, проживание, активно тоже еще земельные споры (информант № 7, Ростовская область).

• Семейные, однозначно семейные... Я считаю, это самая перспективная, наверное, категория... Алименты, порядок общения с ребенком, имущество, вот три, пожалуй, таких самых четких направления обращения (информант № 1, Ростов-на-Дону).

• Самые частые – брачно-семейные. Потому что они и длящиеся по времени, и всегда эмоционально окрашенные, и много других составляющих. Ну, допустим, если семья распадается, то, как правило, есть какое-то имущество, есть дети, есть, возможно, долговые обязательства, содержание детей, общение с детьми и так далее, слишком много всего вокруг завязано, поэтому они самые частые (информант № 3, Ростовская область).

- *Раздел имущества, порядок общения с ребенком, определение места жительства ребенка (информант № 4, Ростовская область).*

- *В большей степени, конечно же, это семейные споры, споры, вытекающие из брачно-семейных отношений, споры, касающиеся детей, воспитания, встреч с ребенком, раздела имущества (информант № 5, Ростовская область).*

Таким образом, в практике медиаторов семейные вопросы и конфликты наиболее распространены, а объясняется это следующим:

- *Они максимально доступны, здесь есть много вопросов, которые нельзя урегулировать в рамках только судебного заседания, потому что все-таки в рамках судебного заседания у нас нет возможности, вернее, нас не столько волнует вопрос сохранения отношений, насколько вопросы факта, а медиация в этом случае помогает сохранению отношений между супругами... Мы рассматриваем вопросы с детьми, то есть любое участие детей в рамках медиации происходит в более мягком формате, потому что есть возможность использовать метафорические ассоциативные карты, бережно общаться с ребенком, позволить понять, как ребенок относится к этому конфликту (информант № 6, Ростов-на-Дону).*

Семейная медиация призвана урегулировать возникающие в сфере семейных отношений споры самого разного порядка – и супружеские, и детско-родительские, и имущественные, и финансовые – в стремлении примирить стороны и прийти к компромиссу, не доводя дело до судебного процесса. А как оценить эффективность практики семейной медиации? Супруги могут обращаться к помощи медиатора на разной стадии семейных отношений (на стадии развода, до развода, после развода). И в случае, если факта развода еще нет, по мнению одного из экспертов-медиаторов, положительные случаи имеют место, т.е. до развода дело не доходит:

- *В процентном соотношении не скажу, какое их количество, но да, такие есть. Конечно, не у всех, так как, если подают на расторжение брака, цель – брак расторгнуть. Иногда это рассматривается как вариант привлечь внимание другого партнера к тому, чтобы пообщаться, выйти на диалог, обратить на себя внимание, потому что самостоятельно не получается достучаться (информант № 3, Ростовская область).*

Но очень важным моментом в оценке эффективности медиативных практик в разрешении семейных конфликтов выступает фактор «медиабельности» случая:

- *Если случай медиабельный, то можно оценить эффективность по пятибалльной шкале; бывают случаи немедиабельные, то есть стороны не хотят, им это не надо, их заставили прийти либо они пришли просто так, чтобы прийти (информант № 1, Ростов-на-Дону).*

- *Эффективность тоже зависит от контекста, от конкретной ситуации, от готовности сторон. В целом большое влияние имеет готовность сторон и медиабельность спора. Какой-то процент успешности связан с личностью медиатора, но, мне кажется, все равно в большей степени это зависит от сторон, которые готовы сесть за стол переговоров, услышать друг друга, обсудить и поискать выход, и здесь большое значение имеет эмоциональная составляющая, которая чаще всего мешает договариваться (информант № 4, Ростовская область).*

В целом же эксперты-медиаторы дали довольно высокую оценку эффективности реализуемой в регионе медиативной практики в области разрешения семейных конфликтов, но при этом звучала одна и та же мысль, что необходимо информировать население о роли, содержании процедуры медиации, чтобы она перестала для многих носить формальный характер и стала восприниматься в качестве реального инструмента досудебного решения возникающих проблем, споров, конфликтов в семье:

- *Здесь, наверное, больше хотелось бы наличия информации о медиации, продвижения ее разными каналами, информированности людей о том, что есть такой инструмент. Причем это делается сейчас, есть буклеты о медиации, они лежат в суде, но они написаны таким сухим юридическим языком, что сложно понять* (информант № 4, Ростовская область).

Следует также, по мнению экспертов, преодолеть ментальные преграды:

- *Некоторые не хотят в свою семью пускать постороннего, посвящать в свои проблемы семьи постороннего. Поэтому им проще все вывести на правовое поле и приглашать юристов, а не копаться в личных отношениях* (информант № 1, Ростов-на-Дону).

Другая преграда развитию медиативных практик в разрешении семейных конфликтов – доступность и простота процедуры развода:

- *Слишком стало легко разводиться, вообще никто ни в чем не ограничивает. Да, суд может дать два месяца на то, чтобы помириться, и что? Суд же не дает задания – «за эти два месяца вы должны сходить на пять свиданий...» Это же не будет суд делать? Не будет, а медиатор определяет график, какие условия, что способствует примирению* (информант № 1, Ростов-на-Дону).

Вопрос о повышении квалификации юристов также возник в череде способов распространения практик семейной медиации:

- *Если бы юристы, адвокаты больше знали и понимали, что такое процедура медиации, я думаю, что обращений было бы больше, ну и плюс, конечно же, если бы был закон об обязательной досудебной медиации по брачно-семейным спорам, было бы гораздо лучше и комфортнее разрешать такие споры* (информант № 5, Ростовская область).

Однако относительно обязательности внедрения досудебной практики медиации в области разрешения семейно-брачных вопросов и конфликтов мнения экспертов разошлись. Часть из них не считает, что такого рода нововведение принесет пользу, поскольку может возникнуть риск перевода этой медиативной практики в русло формальности, за которой не будет реального содержания и, соответственно, социальной полезности. Более того, как было отмечено в одном из интервью, само российское законодательство далеко от совершенства в отношении медиации, что также препятствует развитию семейной медиации и распространению этих практик среди российских семей:

- *У нас есть некие проблемы с понятийным аппаратом в целом, потому что у нас есть и медиация, и посредничество, и примирение, и вроде бы это синонимы, а вроде это должны быть и разные процедуры... Институт медиации вообще в целом федеральным законом урегулирован не до конца, то есть остается очень много вопросов для самих медиаторов* (информант № 6, Ростов-на-Дону).

Заключение

Стабильность и благополучие семейно-брачных отношений в обществе – залог его социального здоровья и прогрессивного развития, основа жизненной энергии и счастья населения, как взрослого, так и молодого. Да, развод стал для современного российского общества своего рода нормой, т.е. он не воспринимается как нечто крамольное, общественно порицаемое и неприемлемое для человека. И есть ситуации, когда он оправдан (в случае поведения членов семьи, не сочетаемого с этикой семейных и человеческих отношений), однако высокая динамика разводов в России, когда по официальным данным 68 браков из 100 распадаются (Глоба, 2023), заставляет задуматься о многом, и прежде всего о том, сколько семейных пар можно было

бы спасти, сколько семейных миров могло сохраниться, преодолеть период кризиса семейных отношений, который проходит большинство семей в тот или иной период семейной жизни. И если даже кризису суждено привести к разрыву брачных уз, то сохранение здоровых отношений между членами семьи, между родителями и детьми, иными родственниками также важно для всех, кто оказался вовлечен в семейный конфликт. И практика обращения к медиаторам, как показали результаты интервью, способна решать многие из спорных семейных вопросов, тем самым понижая градус конфликтности в обществе.

Общение с медиаторами Ростовской области показало, что институт семейной медиации может работать более эффективно, но для этого необходимо преодолеть ряд барьеров. Самыми значительными из них являются информационные (невысокая информированность населения о семейной медиации, ее возможностях и предназначении) и социокультурные (неготовность российских граждан обращаться к помощи медиаторов, устойчивые ориентации на решение проблем формально-правовым путем, через суд, отсутствие в обществе диалоговой культуры как ориентации на то, чтобы сесть за стол переговоров, услышать друг друга, понять и решить мирным путем возникшие спорные моменты). Повышение эффективности семейной медиации связывается экспертами-медиаторами также с повышением уровня квалификации юристов, с их подготовкой к деятельности медиатора. Немаловажным фактором выступает и несовершенство законодательной базы, в рамках которой необходимо разработать и унифицировать терминологический аппарат, связанный с семейной медиацией, а также закрепить за процедурой медиации определенный (законодательный) статус.

Институт медиации в России – явление новое. Все новое довольно сложно пробивает дорогу, встречает препятствия, медленно воспринимается в качестве нормы поведения. Но это не означает, что у этого института нет перспектив в своем становлении и закреплении в российском обществе. Предстоит серьезный и долгий путь, который зависит от многих акторов. Это не только государство, юридические структуры и институты, система образования. Многое зависит и от самих граждан, от воспитания молодых поколений в формате диалоговой культуры и ценности здоровых семейных отношений.

Литература

- Берестова, А.А. К вопросу о развитии института семейной медиации в России / А.А. Берестова, С.А. Зкирова // *Актуальные проблемы современного права: соотношение публичных и частных начал: Материалы VII Международной научно-практической конференции (симпозиума) для молодых исследователей, Краснодар, 23 ноября 2022 года.* – Краснодар: Научно-исследовательский институт актуальных проблем современного права, 2023. – С. 36-42. – EDN SFSGZR.
- Брюхина, Е.Р. Медиация как альтернативный способ урегулирования семейных споров в Российской Федерации / Е.Р. Брюхина, Е.А. Черткова // *Вестник Томского государственного университета. Право.* – 2021. – № 40. – С. 133–147. – DOI 10.17223/22253513/40/12. – EDN XCIFUQ.
- Буянова, Е.В. Особенности процедуры медиации в семейных спорах: анализ зарубежного опыта / Е.В. Буянова // *Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии.* – 2016. – № 30. – С. 71–79. – EDN XINPGT.
- Величкова, О.И. Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации / О.И. Величкова // *Актуальные проблемы российского права.* – 2017. – № 5. – С. 50–55. – DOI 10.17803/1994-1471.2017.78.5.050-055. – EDN YSRILV.
- Верещагина, А.В. Неоматриархат и перспективы общественной эволюции в условиях кризиса маскулинного мира / А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // *Социально-гуманитарные знания.* – 2015. – № 9. – С. 7–15. – EDN UMSGET.
- Верещагина, А.В. Российская семья в условиях постпандемической реальности: смысловая перезагрузка? / А.В. Верещагина // *Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная*

трансформация и стратегии адаптации: Материалы Всероссийской научной конференции, Дивноморское, 18–19 мая 2021 года / отв. редактор А.В. Верещагина. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2021. – С. 28–33. – EDN TKUZAC.

Гурко, Т. А. Становление института медиации в сфере семейных споров в России: законы, теории и практики / Т.А. Гурко // *Социологическая наука и социальная практика*. – 2016. – Т. 4, № 2. – С. 40–69. – DOI 10.19181/snsp.2016.4.2.4270. – EDN WAIKVN.

Дерюшева, О.И. Медиация в семейных спорах / О.И. Дерюшева // *Территория науки*. – 2017. – № 3. – С. 173–176. – EDN ZEKYQF.

Жиденко, А.А. Институт медиации и его роль в укреплении молодой семьи в России / А.А. Жиденко // *Caucasian Science Bridge*. – 2021. – Т. 4, № 4. – С. 98–103. – DOI 10.18522/2658-5820.2021.4.12. – EDN SAJSOY.

Кирдяпина, Н.Г. Медиация как способ сохранения семьи и брака / Н.Г. Кирдяпина // *Семейное и жилищное право*. – 2022. – № 6. – С. 7–9. – DOI 10.18572/1999-477X-2022-6-7-9. – EDN WCXEXG.

Курмаева, Н.А. Зарубежный опыт семейной медиации / Н.А. Курмаева, Л.Р. Галимова // *Вопросы экономики и права*. – 2019. – № 132. – С. 11–14. – DOI 10.14451/2.132.11. – EDN HWIBYW.

Курмаева, Н.А. Семейная медиация по делам о расторжении брака в России и зарубежных странах / Н.А. Курмаева // *Вопросы экономики и права*. – 2020. – № 145. – С. 21–24. – DOI 10.14451/2.145.21. – EDN WGQNJВ.

Синельников, А.Б. Семья и брак: кризис или модернизация? / А.Б. Синельников // *Социологический журнал*. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 95–113. – DOI 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. – EDN YTPUEV.

Синельников, А.Б. Социальная приемлемость объективных и субъективных причин для развода в современной России / А.Б. Синельников // *Социологические исследования*. – 2023. – № 4. – С. 75–83. – DOI 10.31857/S013216250022703-6. – EDN МОНТВК.

Смирнов, В.М. Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь / В.М. Смирнов, О.В. Селиванова // *Экономика труда*. – 2023. – Т. 10, № 5. – С. 695–714. – DOI 10.18334/et.10.5.117824. – EDN JKOTSO.

Усманова, Е.Ф. Зарубежный опыт работы в области семейной медиации и требования, предъявляемые к медиаторам / Е.Ф. Усманова // *Вопросы российского и международного права*. – 2019. – Т. 9, № 9–1. – С. 24–30. – DOI 10.34670/AR.2019.90.9.003. – EDN IDWJFH.

Усманова, Е.Ф. Тенденции и перспективные направления повышения эффективности результатов семейной медиации / Е.Ф. Усманова, В.Г. Баркова // *Право и государство: теория и практика*. – 2020. – № 11. – С. 32–34. – DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_32. – EDN KULGZP.

Худойкина, Т.В. Институт семейной медиации в России / Т.В. Худойкина, А.А. Черакшева // *Colloquium-Journal*. – 2019. – № 15–11. – С. 116–117. – EDN TIJLCV.

Всероссийская перепись населения 2020 года. Т. 2. Возрастно-половой состав и состояние в браке // Федеральная служба государственной статистики. – 2020. – URL: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul (дата обращения: 01.09.2023).

Глоба, Ф. Статистика разводов в России 2022–2023 / Ф. Глоба // *ВсеНовостройкиМосквы.рф*. – 2023. – 9 января. – URL: <https://novomoscow.ru/info/statistika-razvodov-v-rossii-prichiny-prodolzhitelnost-braka/> (дата обращения: 03.09.2023).

От брака до развода: 1990–2021. // ВЦИОМ. – 2021. – 11 августа. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (дата обращения: 03.09.2023).

Разводы: «уважительные» и «неуважительные» причины // ФОМ. – 2022. – 14 июля. – URL: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (дата обращения: 01.09.2023).

Сивякова, А. Демографическая яма в России: есть ли выход из катастрофы? / А. Сивякова // *РИАМО*. – 2023. – 25 июля. – URL: <https://riamo.ru/article/658550/demograficheskaya-yama-v-rossii-est-li-vyход-iz-katastrofy?ysclid=lpzgd5wtqm763749569> (дата обращения: 03.09.2023).

Федорова, Н. Анатолий Антонов: «Институт семьи в России давно разрушен» / Н. Федорова // *Реальное время*. – 2019. – 18 мая. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/139418-anatoliy-antonov-o-demograficheskom-krizise-i-krizise-semi?ysclid=lpzfm329za20143262>. (дата обращения: 03.09.2023).

References

Berestova A.A., Zkirova S.A. On the development of the institute of family mediation in Russia. *Aktual'nye problemy sovremennogo prava: sootnoshenie publicnyh i chastnyh nachal: Materialy VII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (simpoziuma) dlya molodyh issledovatelej, Krasnodar, 23 noyabrya 2022 goda. Krasnodar: Nauchno-issledovatel'skij institut aktual'nyh problem sovremennogo prava = Current problems of modern law: the ratio of public and private beginnings: Proceedings of the VII International Scientific and Practical Conference (Symposium) for young Researchers, Krasnodar, November 23, 2022. Krasnodar: Scientific Research Institute of Actual Problems of Modern Law. 2023: 36–42. (In Russ.)*

- Bryuhina E.R., Chertkova E.A. Mediation as an alternative way of settling family disputes in the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Bulletin of Tomsk State University. Law*. 2021; 40: 133–147. DOI 10.17223/22253513/40/12. (In Russ.)
- Buyanova E.V. Features of mediation procedure in family disputes: analysis of foreign experience. *Trudy Orenburgskogo instituta (filiala) Moskovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Proceedings of the Orenburg Institute (branch) Moscow State Law Academy*. 2016; 30: 71–79. (In Russ.)
- Deryusheva O.I. Mediation in family disputes. *Territoriya nauki = The territory of science*. 2017; 3: 173–176. (In Russ.)
- Gurko T.A. The formation of the Institute of mediation in the field of family disputes in Russia: laws, theories and practices. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika = Sociological science and social practice*. 2016; 4(2): 40–69. DOI 10.19181/snsp.2016.4.2.4270. (In Russ.)
- Hudojkina T.V., Cheraksheva A. A. Institute of Family Mediation in Russia. *Colloquium-Journal*. 2019; 15–11: 116–117. (In Russ.)
- Kirdyapina N.G. Mediation as a way to preserve family and marriage. *Semejnoe i zhilishchnoe pravo = Family and Housing law*. 2022; 6: 7–9. DOI 10.18572/1999-477X-2022-6-7-9. (In Russ.)
- Kurmaeva N.A. Family mediation in cases of divorce in Russia and foreign countries. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*. 2020; 145: 21–24. DOI 10.14451/2.145.21. (In Russ.)
- Kurmaeva N.A., Galimova L.R. Foreign experience of family mediation. *Voprosy ekonomiki i prava = Economic and legal issues*. 2019; 132: 11–14. DOI 10.14451/2.132.11. (In Russ.)
- Sinel'nikov A.B. Family and marriage: crisis or modernization? *Sociologicheskij zhurnal = Sociological Journal*. 2018; 24(1): 95–113. DOI 10.19181/socjour.2018.24.1.5715. (In Russ.)
- Sinel'nikov A.B. Social acceptability of objective and subjective reasons for divorce in modern Russia. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2023; 4: 75–83. DOI 10.31857/S013216250022703-6. (In Russ.)
- Usmanova E. F. Foreign experience in the field of family mediation and the requirements for mediators. *Voprosy rossijskogo i mezhdunarodnogo prava = Issues of Russian and international law*. 2019; 9(9–1): 24–30. DOI 10.34670/AR.2019.90.9.003. (In Russ.)
- Usmanova E.F., Barkova V. G. Trends and promising directions for improving the effectiveness of the results of family mediation. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika = Law and the State: theory and practice*. 2020; 11: 32–34. DOI 10.47643/1815-1337_2020_11_32. (In Russ.)
- Velichkova O.I. Improvement of family legislation on mediation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Current problems of Russian law*. 2017; 5: 50–55. DOI 10.17803/1994-1471.2017.78.5.050-055. (In Russ.)
- Vereshchagina A.V. The Russian family in the conditions of post-pandemic reality: a semantic reboot? *Rossiiskoe obshchestvo v usloviyah postpandemicheskoy real'nosti: cennostnaya transformaciya i strategii adaptacii: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii, Divnomorskoe, 18–19 maya 2021 goda / otv. redaktor A.V. Vereshchagina. – Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Russian society in the conditions of post-pandemic reality: value transformation and adaptation strategies: Materials of the All-Russian Scientific Conference, Divnomorskoye, May 18–19, 2021. Editor A.V. Vereshchagina. Rostov-on-Don: Foundation for Science and Education; 2021: 28–33. (In Russ.)*
- Vereshchagina A.V., Samygin S.I. Neo-patriarchy and prospects of social evolution in the context of the crisis of the masculine world. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2015; 9: 7–15. (In Russ.)
- Zhidenko A. A. Institute of Medicine and its role in strengthening a young family in Russia. *Caucasian Science Bridge*. 2021; 4(4): 98–103. DOI 10.18522/2658-5820.2021.4.12. (In Russ.)
- Divorces: “respectful” and “disrespectful” reasons. FOM. July 14, 2022. Available at: <https://fom.ru/Rabota-i-dom/14750> (date of application: 01.09.2023). (In Russ.)
- Fedorova N. Anatoly Antonov: “The institution of the family in Russia has long been destroyed.” Real time. May 18, 2019. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/139418-anatoliy-antonov-o-demograficheskom-krizise-i-krizise-semi?ysclid=lpzfp329za20143262> (date of application: 03.09.2023). (In Russ.)
- From marriage to divorce: 1990–2021. VTsIOM. August 11, 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ot-braka-do-razvoda-1990-2021> (date of application: 03.09.2023). (In Russ.)
- Globo F. Divorce statistics in Russia 2022–2023. *VseNovostroykiMoskvy.ru*. 2023; January 9. Available at: <https://novomoscow.ru/info/statistika-razvodov-v-rossii-prichiny-prodolzhitelnost-braka> (date of application: 03.09.2023). (In Russ.)
- Sivyakova A. Demographic pit in Russia: is there a way out of the disaster? RIAMO. July 25, 2023. Available at: <https://riamo.ru/article/658550/demograficheskaya-yama-v-rossii-est-li-vygod-iz-katastrofy?ysclid=lpzgd5wtqm763749569> (date of application: 03.09.2023). (In Russ.)
- The All-Russian Population Census of 2020. Volume 2. Age-sex composition and marital status. *Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki = Federal State Statistics Service*. 2020. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn_popul. (date of application: 09.01.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 18.10.2023

Дата окончания рецензирования: 23.11.2023

Дата принятия к публикации: 02.12.2023

Информация об авторах

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, профессор кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: anrietta25@mail.ru.

Жиденко Ангелина Александровна – ассистент кафедры экономической теории Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), начальник отдела по воспитательной работе и реализации молодежных программ РГЭУ (РИНХ), Ростовский государственный экономический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Vereshchagina Anna Vladimirovna – doctor of Sociology, Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: anrietta25@mail.ru .

Zhidenko Angelina Alexandrovna – assistant of the Department of Economic Theory of Rostov State University of Economics (RINH), Head of the Department for Educational Work and Implementation of Youth Programs of the Russian State Economic University (RINH), Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: angelina_zhidenk@mail.ru .

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 369

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.13.

EDN FDKYGW

**Теоретическая модель исследования системы детского туризма
в современной России****Мария А. Семенчукова¹**¹ООО ТК «Аврора», г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: maria.semenchukova@mail.ru

Аннотация.

Введение. Существуют социально значимые практики, которые оказывают влияние на развитие и благополучие общества. К таким видам деятельности относится система детского туризма, отдыха и оздоровления. В настоящее время в научном дискурсе имеющиеся подходы к изучению системы детского туризма несовершенны и требуют дальнейшего изучения. В связи с этим необходимо сформировать теоретическое пространство детского туризма для дальнейшего изучения и регулирования.

Методы. Исследование опирается на концептуальные положения неинституциональной теории Д. Норта.

Результаты и их обсуждение. Теоретическая модель исследования системы детского туризма построена на основании четырех взаимодополняющих друг друга блоков: формирование категориального аппарата; выявление институциональных характеристик; функциональные задачи; определение круга акторов. Таким образом, автором сформировано и разработано теоретическое пространство системы детского туризма, отдыха и оздоровления с возможностью создания предпосылок для очерчивания направлений дальнейшего изучения этого многогранного явления, разработки его институционального регулирования.

Ключевые слова: детский туризм; Российская Федерация; социальный институт; неинституционализм; государственное регулирование; социальная политика; институциональное регулирование.

Для цитирования: Семенчукова М.А. (2023). Теоретическая модель исследования системы детского туризма в современной России. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 139–148. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.13>.

**Theoretical model of the research of the children's tourism system
in modern Russia****Maria A. Semenchukova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: maria.semenchukova@mail.ru

Abstract

Introduction. There are socially significant practices that have an impact on the development and well-being of society. These types of activities include the system of children's tourism, recreation and wellness. Currently, in the scientific discourse, the existing approaches to the study of the children's tourism system are not perfect and require further study. In this regard, it is necessary to form a theoretical space for children's tourism for further study and regulation.

Methods. The study is based on the conceptual provisions of D. North's neo-institutionalist theory.

Results and its discussion Theoretical model of children's tourism system research is based on four mutually complementary blocks: the formation of a categorical apparatus; identification of institutional characteristics; functional tasks, definition of the range of actors. Therefore, the author has formed and developed the theoretical space of the system of children's tourism, recreation and health improvement with the possibility of creating prerequisites for delineating the directions of further study of this multifaceted phenomenon, the development of its institutional regulation.

Keywords: children's tourism; Russian Federation; social institute; neo-institutionalism; state regulation; social policy; institutional regulation.

For citation: Semenchukova M. A. (2023). Theoretical model of the research of the children's tourism system in modern Russia. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 139–148. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.13>.

Введение

Детский туризм – это неотъемлемый компонент социальной структуры, интегрирующийся в ключевые сферы жизнедеятельности общества. В процессе своего развития система детского туризма показала себя как социально значимая сила, способная удовлетворять множество различных интересов. Феномен детского туризма как многогранное явление благоприятно сказывается на социализации и адаптации детей, а также на поддержании социальной стабильности всего общества в целом.

Система детского туризма рассматривается учеными с точки зрения различных подходов. Однако современное состояние характеризуется совокупностью ряда проблем в отрасли. Анализ последних научных исследований и публикаций, в которых рассматривались аспекты организации и управления детским туризмом в России, показывает, что работы ученых выполнены прежде всего в экономическом срезе (Акопян, 2016; Гомилевская, 2017; Назарова, 2020; Павлович, 2020; Саранча, 2018).

Тем не менее необходимо учитывать, что система детского туризма – это не только сегмент рынка услуг, но и область определенных социальных взаимоотношений и связей, имеющих собственную специфику и структуру.

Выбранная нами методология исследования позволяет достаточно глубоко отобразить реальность современной координации между акторами (игроками) и сопряженным с детским туризмом институциональным пространством, выявить существенные характеристики. Ключевые понятия, такие как «детский туризм», «функциональное предназначение», «институциональный фундамент», «совокупность акторов, участвующих в процессе взаимодействия», составляют теоретическое ядро, с помощью которого возможно дальнейшее регулирование детского туризма.

Цель исследования – сформировать теоретическое пространство в качестве подспорья для институционального регулирования детского туризма.

Формирование категориального аппарата системы детского туризма

Детский туризм рассматривается нами через призму постулатов неoinституциональной теории, с возможностью восприятия его как социального института.

Рассмотрим формальные определения детского туризма в нормативно-правовых актах. Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» законодатель определяет детский туризм как туризм организованной группы несовершеннолетних туристов в сопровождении руководителя, который несет обязанности их законного представителя. В приведенном определении законодатель в самом общем виде определяет ключевые правовые вопросы государственного управления (регулирования) в сфере туристской деятельности, а также задает основы частноправовых договорных моделей между поставщиками туристских услуг – туроператорами, турагентами и потребителями.

На этапе формирования государственной политики в области защиты прав детей Федеральным законом от 24.07.1998 № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» введено понятие «отдых детей и их оздоровление», которое, по нашему мнению, является составной частью понятия «детский туризм». Оно определяется как совокупность мероприятий, направленных на развитие творческого потенциала детей, охрану и укрепление их здоровья, профилактику заболеваний, занятия их физической культурой, спортом и туризмом, формирование у детей навыков здорового образа жизни, соблюдение ими режима питания и жизнедеятельности в благоприятной окружающей среде с учетом выполнения санитарно-гигиенических и санитарно-эпидемиологических требований и требований

обеспечения безопасности жизни и здоровья детей. Чаще всего для этого явления в российском научном дискурсе используется определение детского и юношеского туризма (детско-юношеского) из ГОСТ Р 54605-2017 «Туристские услуги. Услуги детского туризма», которое предполагает путешествия и/или экскурсии организованных туристских/экскурсионных групп детей в возрасте от 7 до 17 лет в сопровождении руководителя группы, по туристским маршрутам с познавательными, учебными, рекреационными, оздоровительными, физкультурно-спортивными и иными целями.

Исходя из вышеприведенных определений, можно заключить следующее. Во-первых, детский туризм представляет собой совокупность однодневных, многодневных устойчивых и воспроизводимых социальными акторами действий, направленных на удовлетворение различных потребностей (рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, лечебно-оздоровительных и др.). В вышеприведенных определениях понимание детского туризма отражено через потребителя с целью улучшения показателей качества жизни населения.

Во-вторых, система детского туризма определяется как институциональная структура, аккумулирующая социальный опыт общества, отражающая систему сложившихся ценностей, законов, взаимоотношений и взаимосвязей определенного образа мышления, практическая деятельность которой осуществляется посредством организаций.

Предлагается дополнить и выделить круг субъектов, вступающих в процесс взаимоотношений, приобретающих устойчивый характер. Субъекты индустрии детского отдыха представляют собой совокупность различных средств размещения, транспортных средств, объектов общепита рекреационного, спортивного, развлекательного, лечебно-оздоровительного, просветительского назначения, а также организации и специализированные учреждения: туроператорские и турагентские, экскурсионные бюро, услуги гидов-переводчиков, учебные заведения, внешкольные учреждения, детско-юношеские организации, детские оздоровительные и молодежные спортивно-оздоровительные лагеря, туристские клубы, Федерация спортивного туризма России.

В этом смысле организации, выступающие как результат институциональных преобразований, реализуют социально значимую общую институциональную цель, что соответствует постулатам неoinституциональной теории.

Следующий аспект представляет собой сама социальная практика детского туризма, в которую вовлечены турист (потребитель), воспитатель-инструктор (руководитель), туристская группа и социальное поле туристского маршрута, где происходит реализация турпродукта и услуг. Детский туризм как социальная практика имеет способность изменять социальные позиции индивидуума посредством формирования и удовлетворения различных потребностей, инициируя возможность выбора различного рода условий.

На основании вышеизложенного представляется возможным дать авторское определение *института детского туризма*: это совокупность формальных правил и неформальных ограничений, позволяющих определять возможность выбора альтернатив социального поведения индивида.

Институциональные характеристики системы детского туризма

Руководствуясь задачей проанализировать основные признаки данного социального явления, формирующие его институциональный концепт, обратимся к понятию «социальный институт». Общественные институты представляют собой «правила игры» (Норт, 1997, 5–6), ограничительные рамки, в которых задается структура

побудительных мотивов взаимоотношений между акторами в общественной среде. Благодаря им решаются социально значимые общественные потребности. По этому поводу Д. Норт писал следующее: «...институты играют более глубокую роль в обществе: они выступают фундаментальными факторами функционирования экономических систем в долгосрочной перспективе», а динамическая теория «должна опираться на модель институциональных изменений» (Норт, 1997, 8).

Какие бы формы организации не приобретала система детского туризма, отдыха и оздоровления в современных условиях, без понимания и осмысления ее институционального фундамента дальнейшее развитие будет протекать при высоких транзакционных и трансформационных издержках. В оптике такого понимания от формирования институциональной среды, как некоего каркаса, обеспечивающего возможность проявления различных форм социально-экономических отношений, зависит эффективность самой системы. Кроме этого, необходимо предпринимать определенные усилия для того, чтобы институциональное пространство становилось более удобным и сбалансированным, мобильным и безопасным.

С нашей точки зрения, понимание процесса становления системы детского туризма в рамках исторических формаций с целью выявления его институциональных характеристик является важной составляющей для восприятия детского туризма как социального института.

С позиции формирования институциональных признаков система детского туризма имеет свою собственную эволюцию. Возникновение детского туризма относится к концу XVIII в. и связано со становлением в России системы образования. Именно в этот период появляются первые формы организации детских туристских путешествий посредством введения в программы учебных заведений образовательных прогулок с применением принципа наглядности явлений природы. Познавательная экскурсия, в основе которой лежала потребность проведения совместных организованных действий между субъектами, сформировала общие цели образовательного и экскурсионного процесса. Походы и экскурсии стали отражением первых форм туристских организаций, что можно считать выражением степени закреплённости туристских практик, а также в определенной степени институциональных атрибутов, релевантных детскому туризму. Это базовые мотивы и стимулы, система норм и санкций, статусы и роли, выполняемые каждым человеком в рамках учреждений и организаций, которые, в свою очередь, оказали прямое воздействие на дальнейшую логику институционального развития. При этом формировались социальные взаимосвязи и взаимодействия между людьми, носящие системный, повторяющийся характер, которые впоследствии способствовали объединению специализированных учреждений и наконец сформировались в упорядоченную систему. Появились специальные государственные органы, которые формируют систему детских организаций и учреждений, ее инфраструктуру, систему подготовки профессиональных кадров, в совокупности индустрию детского туризма. При этом возникает необходимость регулирования отношений между организациями, учреждениями и людьми, определенных правил, разрабатываемых на основе опыта совместной жизнедеятельности. Создание нормативно-правовой базы можно считать закреплением формальных норм.

Между тем с принятым управленческим решением об образовании первого в стране физкультурного комплекса «Готов к труду и обороне СССР» возникает идеологическая составляющая (служение Родине). В дальнейшем интеграция экскурсионно-образовательного процесса повлекла за собой диверсификацию форм организации, становление системы воспитания чувства коллективизма и иных положительных качеств обучающихся. Так детский туризм как устойчивая социальная практика

приобрел интернализированный характер, являющийся важнейшим признаком институционализации. Сформировавшаяся централизованная организация управления системой детского туризма, оздоровления и отдыха свидетельствует об усложнении общественных отношений. Работа профсоюзов оказала существенное влияние на эффективность развития отрасли. Именно в советский период система детского туризма отличалась хорошей организацией, массовым охватом школьников, была нацелена на патриотическое и идейное воспитание, развивался и международный молодежный туризм. Этот период можно считать квинтэссенцией институционального развития системы детского туризма в России, которая отражала принципы советской идеологии – коллективизм и равенство. Такая организация была направлена на стирание видимых различий в социальном статусе и материальном положении детей, была унифицированной.

Однако с распадом Советского Союза и переходом на рыночный тип экономики социальные изменения и институциональные сдвиги оказали определяющее влияние на общественные установки и представления о детском туризме в целом, внесли в массовое сознание новые элементы, в значительной мере меняющие взгляды и представления. С позиции исторических формаций можно сделать общий вывод: модель детского отдыха, существовавшая в прошлых институциональных условиях, перешедшая в современные условия, кумулятивно интегрируется в иные формы. Изменения в структуре потребления характеризуются увеличением количества детей, отдыхающих в городских школьных лагерях с дневным пребыванием, а также сокращением количества детей, отдыхающих в лагерях труда и отдыха, в загородных оздоровительных лагерях (Рассохина, 2015, 85). Такая сегментация в настоящее время обуславливается тем, что система детского туризма, отдыха и оздоровления рассматривается с позиции индустрии гостеприимства прежде всего как экономическая категория.

Однако стоит подчеркнуть, что в целом сохраняется сущностное содержание и ключевая инструментальная роль системы детского туризма, подразумевающие гармоничное развитие детей, что является важным фактором в решении проблем комплексного воспитания.

Функциональные задачи системы детского туризма

Каждый социальный институт характеризуется собственной системой ценностей и нормативной регуляцией, которая и определяет его функциональное предназначение. Научный анализ функций детского туризма возможен при восприятии его как социального института с учетом его явной формы и латентного содержания.

Явная форма осуществляется посредством механизма воспроизводства социально-профессиональной структуры общества. Латентное содержание характеризуется формированием модели социального неравенства.

Так, явные функции социального института детского туризма включают два отдельных, но взаимосвязанных и взаимодополняющих блока, формирующих его социально-гуманитарные и социально-экономические функции.

К социально-гуманитарным функциям детского туризма относятся:

- информационно-коммуникационная функция. Направлена на развитие личности, обучение и воспитание, где старшее поколение обладает доминантной ролью, а младшее – пассивной и принимающей информацию и блага от старшего, берущего на себя основные расходы на этой стадии;
- функция социализации и адаптации. Направлена на усвоение индивидом социально значимых знаний, ценностей, норм поведения, необходимых для

адаптации и успешного функционирования, а также дальнейшей реализации в обществе. Это выражается в приобретении индивидом социальной информации, освоении им различных форм деятельности с целью усвоения социального опыта. В процессе приобретения индивидом социальной информации, а также осознания себя субъектом социальной реальности, способным к выбору предлагаемых альтернатив социального поведения, происходит самоидентификация личности индивида, а также поиск социальной идентичности, что позволяет понять собственные социальные роли, статусы и функции. В результате самоидентификации индивид способен к воспроизводству социального опыта посредством собственных мировоззренческих сформированных действий;

- рекреационно-оздоровительная функция. Заключается в использовании благотворного воздействия природных факторов для поддержания и восстановления физического, психологического, умственного, эмоционального состояния организма.

К социально-экономическим функциям института детского туризма относятся: рациональное использование свободного времени индивидов, обеспечение занятости населения, что в совокупности формирует синергетический эффект.

Латентная функция возникает как результат расхождения между официально признанными целями и объективными последствиями. При таком понимании латентными функциями института детского туризма можно считать воспроизводство и закрепление социального неравенства. В общем понимании социальное неравенство – это неравномерное распределение людей на ступенях социальной иерархии. Поскольку большая часть населения нашей страны характеризуется низкой платежеспособностью (Махалина, 2022), доступ к приобретению различных видов детских турпродуктов остается ограниченным для многих людей. Недоступность приобретения различных благ может привести к ослаблению социальных связей и, как следствие, к социальному напряжению в обществе. Здесь встает важнейшая задача, которая заключается в своевременном прогнозе и обнаружении конфликтов, противоречий, обеспечении гармоничного взаимодействия социальных групп.

Социальные акторы

Перейдем к рассмотрению социальных акторов. Институциональное поле детского туризма детерминировано в первую очередь доминирующими игроками как с позиции выполняемых функций, так и в плане ресурсных возможностей: это народонаселение, государство, бизнес-сообщество, которые находятся в сильной взаимосвязи и взаимозависимости.

Население. Под народонаселением следует понимать множество дифференцированных социальных групп, вовлеченных в социальную практику детского туризма, целевой аудиторией которой являются в основном родители детей (от 7 до 17 лет) и их законные представители, принимающие решение о туристских путешествиях детей. Указанная социальная группа является потенциальными потребителями детских турпродуктов. В связи с этим спрос как показатель платежеспособности является важным индикатором динамики работы института, которая зависит от уровня доходов населения, а также от поддержания в массовом сознании людей релевантных детскому туризму паттернов поведения.

Туристский спрос формируется на основе многочисленных социальных факторов, воздействие которых может повышать или понижать его. Наиболее важными и значимыми социальными факторами, влияющими на динамику спроса, являются об-

щезэкономические, общекультурные и социодемографические факторы. Эти факторы оказывают воздействие на сознание потребителя туристских услуг, его поведение на туристском рынке. Для выявления паттернов поведения потребителей туристских услуг необходимо рассматривать, какое воздействие оказывают на структуру туристского спроса данные факторы, что требует дополнительных социологических исследований.

Государство. Важным компонентом неoinституциональной теории является институциональное равновесие, путем которого достигается эффективность работы института. Пропуская через такой конструкт взаимодействие доминирующих акторов, можно прийти к выводу, что в институциональном поле между акторами установилось состояние неопределенности, при котором акторы не способны к прогнозированию и поэтому не в состоянии выработать линию поведения, которая могла бы вывести институт детского туризма в оптимальное состояние.

Предназначение государственного управления в системе детского туризма и отдыха заключается в уменьшении сложившейся в настоящем времени неопределенности путем установления устойчивой структуры отношений, сложность которых детерминирована невозможностью достижения институциональных целей только формальными правилами, так как неформальные ограничения, выраженные в сложившихся традициях и кодексах поведения, маловосприимчивы к сознательным человеческим усилиям. В связи с этим государство как доминирующий актор находится в постоянном поиске оптимальных методов и механизмов управления институтом, реализация которых способствовала бы достижению институциональных целей, а значит, важнейшей задачей для этого актора становится стимулирование институциональных инноваций и форм адаптивного поведения.

Детский туризм как социально значимый институт в социальном поле выступает индикатором наличия у власти реального авторитета, динамика которого влияет на уменьшение или увеличение его легитимности. Императив легитимности должен побуждать власть формировать определенную организационную форму, удовлетворяющую требованиям заинтересованных лиц. Для решения такой задачи необходимо взаимодействие государства и бизнеса как доминирующих акторов, обладающих ресурсными возможностями и имеющих обоюдную заинтересованность в согласовании действий для максимизации выгод.

Тем не менее вследствие различных причин покупательная способность населения так и не достигла уровня, запускающего естественные экономические механизмы развития отрасли, а историческая инерция в субъективных моделях широкой группы населения, напротив, сохранена, но не имеет формы реализации. Такое некооперативное поведение акторов может представлять угрозу для социального порядка, так как если интересы акторов в институциональном поле противоположны, то институциональное взаимодействие принимает антагонистическую направленность.

Бизнес-сообщество. Под бизнесом-сообществом в данном исследовании понимается совокупность предпринимательских структур (предприятия сферы размещения, туроператоры, турагенты, перевозчики), ведущих хозяйственную деятельность на рынке предоставления услуг детского туризма, отдыха и оздоровления в целях извлечения частных коммерческих выгод.

Предприниматель в социологическом аспекте понимается как носитель определенного социального статуса, исполнитель определенных ролей и функций, субъект социального поведения, тип человека, обладающий определенными природными и приобретенными качествами, необходимыми для осуществления предпринимательской деятельности и повышения эффективности производства. Главной чертой

такого предпринимателя считается готовность к риску, дающая возможность заниматься экономической деятельностью в условиях нестабильности и непредсказуемости цен. Такие качества оказывают влияние на деятельность и поведение человека таким образом, что прибыль и высокий социальный статус рассматриваются им как особый вид компенсации за риск и организаторское искусство.

Туроператоры, турагенты и перевозчики не входят в фокус исследования, так как не являются главными акторами, от которых зависит функционирование института. В случае достижения институционального равновесия цели таких акторов неминуемо совпадут с целями основных акторов. Главной императивной силой обладают только предприниматели сферы размещения, так как именно от них зависит оказание ключевой услуги.

Такие предприниматели в большинстве случаев использовали собственные и заемные средства, внедряли инновации, а основные фонды создавали с нуля, что свидетельствует о том, что, идя на риск, они видят возможность негативного сценария и способны предпринять действия, снижающие вероятность его возникновения. Однако даже они, обладая такими навыками, не в состоянии принимать решения в условиях высокой неопределенности, сложившейся в отрасли детского туризма (отсутствие спроса, являющегося естественным маховиком развития), которая не способствует предвидению будущего и выбору оптимальной стратегии, способной предотвратить наступление нежелательного события.

Согласно Д. Норту, элементами рыночного институционального процесса являются развитие методов распределения рисков и преобразование неопределенности в предсказуемый риск (Норт, 1997, 165). Следовательно, не найдя способа преобразования неопределенности в риск, не снизив набора вероятностей, стимулировать предпринимателей вступать в обязывающие институциональные отношения не представляется возможным, что и является одной из главных причин экономической неэффективности в институте детского туризма.

В настоящий момент специфичность основной массы средств размещения (лагеря федерального и муниципального подчинения, лагеря, встроенные в социальные программы, лагеря крупных коммерческих структур, обслуживающих детей работников) не способствует проявлению у их руководства даже незначительных предпринимательских качеств, поскольку их обязанности в большей степени административно-распределительные и перед ними не стоит задачи активного привлечения клиентской базы в целях окупаемости инфраструктурных издержек. Следовательно, целью таких субъектов станет минимизация затрат на содержание инфраструктуры и максимизация прибыли.

Необходимо отметить, что имеются случаи инвестирования мелким и средним бизнесом в создание инфраструктурных объектов, но такие случаи единичны и в основном связаны с наличием субъективных ощущений у предпринимателя, выражающихся в необходимости «исполнения долга». Данный тип предпринимателей, согласно М. Веберу, формируется под влиянием религиозных и социокультурных факторов, однако такая иррациональная модель поведения не является преобладающей в нашей социальной системе.

При таком векторе развития отрасли необходимо, чтобы организации имели стимулы для приобретения знаний и информации, которые будут направлять их деятельность в более социально продуктивное русло. Без вовлечения данного актора в институциональную среду будет сложно сформировать инструментарий экономической политики государства, разработать комплекс реальных институциональных преобразований института детского туризма в условиях современности.

Заключение

В рамках формирования теоретической модели представляется возможным подвести общий итог.

Во-первых, в современной России модель организации детского туризма характеризуется трансформацией форм и структурой потребления, перешедшей из прошлых институциональных условий. Однако сохраняется сущностное содержание и ключевая инструментальная роль системы детского туризма, отражающие идею гармоничного развития детей.

Во-вторых, в процессе своего развития система детского туризма показала себя как динамическая система, имеющая под собой собственный институциональный фундамент, позволяющий формировать эмерджентную специфическую ресурсную основу для дальнейшего устойчивого развития.

В-третьих, восприятие системы детского туризма как социального института и сопряженной площадки акторов (игроков), как сферы столкновения различных интересов, взаимоотношений и связей, стимулов и паттернов поведения обеспечивает возможность более глубокого осмысления социальной реальности с целью оптимизации социального регулирования, направленной на полное раскрытие потенциала детского туризма.

Литература

- Акопян, М.Г. Анализ состояния и перспективы развития отрасли детского туризма в Российской Федерации / М.Г. Акопян, С.А. Олехнович, В.Н. Федотова // *Вестник Омского университета. Серия: Экономика*. – 2016. – № 2. – С. 120–127. – EDN VZSKRX.
- Гомилевская, Г.А. Развитие детского туризма как отраслевого сегмента социальной экономики: мировой опыт и региональные особенности (на примере Приморского края) / Г.А. Гомилевская // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. – 2017. – Т. 6, № 4. – С. 83–87. – EDN YNDUUN.
- Махалина, О.М. Проблемы бедности населения России и пути их решения / О. М. Махалина, В. Н. Махалин // *Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право*. – 2022. – № 1. – С. 56–66. – DOI 10.28995/2073-6304-2022-1-56-66. – EDN KLZEGI.
- Назарова, Л. Х. Современное состояние развития детского туризма в России / Л.Х. Назарова, П.А. Аладышкина // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. – 2020. – № 11–3. – С. 180–184. – DOI 10.24411/2500-1000-2020-11320. – EDN KVVKPJ.
- Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Начала, 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0. – EDN YQDVYE.
- Павлович, Д.А. Особенности государственного управления системы детского отдыха и оздоровления на современном этапе / Д.А. Павлович // *Австрийский журнал гуманитарных и общественных наук*. – 2020. – № 1–2. – С. 8–17. – DOI 10.29013/AJH-20-1.2-8-17. – EDN JMKHSH.
- Рассохина, Т.В. Регулирование системы детско-юношеского туризма в целях устойчивого развития / Т. В. Рассохина // *Сервис в России и за рубежом*. – 2015. – Т. 9, № 5. – С. 85–99. – DOI 10.12737/17465. – EDN VVWPIR.
- Саранча, М.А. Феномен детского туризма как предмет классификации: проблемы и основные направления / М.А. Саранча, О.И. Вапнярская // *Сервис в России и за рубежом*. – 2018. – Т. 12, № 3. – С. 39–49. – DOI 10.24411/1995-042X-2018-10303. – EDN YVMBPN.

References

- Akopyan M.G., Olekhnovich S.A., Fedotova V.N. Analysis of the state and prospects of development of the children's tourism industry in the Russian Federation. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Ekonomika = Bulletin of Omsk University. Series: Economics*. 2016; 2: 120–127. (In Russ.)
- Gomilevskaya G.A. Development of children's tourism as an industry segment of the social economy: world experience and regional features (on the example of Primorsky Krai). *Azimut nauchnyh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimut of scientific research: economics and management*. 2017; 6(4): 83–87. (In Russ.)
- Mahalina O.M., Mahalin V.N. Problems of poverty of the Russian population and ways to solve them. *Vestnik RGGU. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: Economics. Management. Law*. 2022; 1: 56–66. DOI 10.28995/2073-6304-2022-1-56-66. (In Russ.)

- Nazarova L.H., Aladyshkina P.A. The current state of development of children's tourism in Russia. *Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2020; 11-3: 180-184. DOI 10.24411/2500-1000-2020-11320. (In Russ.)
- Nort D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moskva: Nachala = Moscow: Beginnings; 1997. 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.)
- Pavlovich D.A. Features of public administration of the system of children's recreation and recreation at the present stage. *Avstrijskij zhurnal gumanitarnyh i obshchestvennyh nauk = Austrian Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020; 1-2: 8-17. DOI 10.29013/AJH-20-1.2-8-17. (In Russ.)
- Rassohina T.V. Regulation of the system of youth tourism for sustainable development. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*. 2015; 9(5): 85-99. DOI 10.12737/17465. (In Russ.)
- Sarancha M.A., Vapnyarskaya O.I. The phenomenon of children's tourism as a subject of classification: problems and main directions. *Servis v Rossii i za rubezhom = Service in Russia and abroad*. 2018; 12(3): 39-49. DOI 10.24411/1995-042X-2018-10303. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 09.11.2023

Дата окончания рецензирования: 25.11.2023

Дата принятия к публикации: 30.11.2023

Информация об авторе

Семенчукова Мария Александровна – заместитель директора ООО ТК «Аврора», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: maria.semenchukova@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Semenchukova Maria Alexandrovna – Deputy Director of TC Aurora LLC, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: maria.semenchukova@mail.ru.

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.356.2

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.14.

EDN HEDAJI

**Бикарьерная модель семьи как партнерский тип
семейно-брачных отношений в контексте противоречивых
материалистических и постматериалистических ценностных
установок современной молодежи**

Ирина Н. Богданова¹

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Анастасия С. Давиденко²

²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: davidenkoas2013@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлен анализ бикарьерной семьи как предпочитаемой модели семейно-брачных отношений партнерского типа в контексте дихотомии материалистических/постматериалистических ценностных установок молодежи.

Методы. В качестве основных теоретико-методологических установок использованы институциональный подход к изучению современных семьи и брака, а также стилежизненный подход к изучению молодежи, позволяющий выявить влияние противоречивых ценностных установок на выбор молодыми людьми актуальной модели брачно-семейных отношений с присущими ей поведенческими стратегиями и стилем жизни. Использование методов анкетного опроса и полуструктурированного интервью в рамках эмпирического исследования позволило выявить сосуществование разнопорядковых ценностных установок, обуславливающих выбор семьи бикарьерного типа как наиболее предпочитаемого молодежью в современных условиях.

Результаты и их обсуждение. Трансформационные процессы института семьи и брака в современном российском обществе остаются в центре социологического внимания, актуализируя рассмотрение различных аспектов современных брачно-семейных отношений. Семья, оставаясь непреходящей терминальной ценностью для россиян, меняет свой облик и усложняется, что находит проявление в вариативности ее моделей, реализуемых в современных условиях. Для молодежи семья остается на вершине лестницы ценностных предпочтений, при этом предпочитаемые модели семьи весьма разнообразны. Однако все большее количество молодых людей демонстрирует приверженность супружескому (партнерскому) типу семейных отношений и стилю жизни. Рассмотрение особенностей данного типа семьи в контексте дихотомии материалистических/постматериалистических ценностей позволило авторам выявить противоречивое сочетание оснований выбора партнерских семейно-брачных отношений. Ценности постматериалистического характера (самосовершенствование, самоактуализация, Я-ориентация) тесно сочетаются с ценностями материалистического характера (материальное благополучие). Причем ценности индивидуалистического характера далеко не всегда оказываются преобладающими для молодых супружеских пар. Карьерный рост и профессиональная самореализация, скорее, носят подчиненный характер относительно решения материальных проблем современной семьи.

Ключевые слова молодежь; институт семьи и брака; бикарьерная (двухкарьерная) модель семьи; стиль жизни; партнерские отношения; материалистические и постматериалистические ценности.

Для цитирования: Богданова И.Н., Давиденко А.С. (2023). Бикарьерная модель семьи как партнерский тип семейно-брачных отношений в контексте противоречивых материалистических и постматериалистических ценностных установок современной молодежи. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 149–158. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.14>

The bicarrier model of family as a partner type of family and marital relations in the context of contradictory materialistic and post-materialistic value attitudes of modern youth

Irina N. Bogdanova¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Anastasia S. Davidenko²

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: davidenkoas2013@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents an analysis of the bicarrier family as the preferred model of family and marital relations of the partner type in the context of the dichotomy of materialistic/post-materialistic value attitudes of youth.

Methods. The main theoretical and methodological guidelines used are an institutional approach to the study of modern family and marriage, as well as a lifestyle approach to the study of youth, which allows us to identify the influence of contradictory value attitudes on the choice of an actual model of marital and family relations by young people, with its inherent behavioral strategies and lifestyle. Using the methods of a questionnaire survey and a semi-formalized interview, within the framework of an empirical study, it was possible to identify the coexistence of different values that determine the choice of a bicarrier-type family as the most preferred by young people in modern conditions.

Results and discussion. The transformational processes of the institution of family and marriage in modern Russian society remain in the center of sociological attention, actualizing the consideration of various aspects of modern marriage and family relations, the family, while remaining an enduring terminal value for Russians, changes its appearance and becomes more complicated, which finds its manifestation in the variability of its models implemented in modern conditions. For young people, the family remains at the top of the ladder of value preferences, while the preferred family models are very diverse. However, an increasing number of young people demonstrate commitment to the marital (partner) type of family relationships and lifestyle. Consideration of the features of this type of family in the context of the dichotomy of materialistic/post-materialistic values allowed the authors to identify a contradictory combination of reasons for choosing a partnership family-marriage relationship. Values of a post-materialistic nature (self-improvement, self-actualization, self-orientation) are closely combined with values of a materialistic nature (material well-being), and values of an individualistic nature do not always prevail for young married couples. Career growth and professional self-realization are rather subordinate to solving the material problems of a modern family.

Keywords youth; institution of family and marriage; bicarrier (two-career) family model; lifestyle; marital (partner type) family relations; materialistic and post-materialistic values.

For citation: Bogdanova I.N., Davidenko A.S. (2023). The bicarrier model of family as a partner type of family and marital relations in the context of contradictory materialistic and post-materialistic value attitudes of modern youth. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 149–158. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.14>

Введение

Семья как социальный институт и малая группа является агентом первичной социализации. Процессы типизации и индивидуализации в структуре семейно-брачных отношений позволяют индивиду осваивать ключевые ценностные ориентации, правила поведения, а также формировать и реализовывать личностные качества.

В условиях современных российских трансформационных процессов семья претерпевает значительные изменения. Оставаясь непреходящей ценностью, она становится многовариантной, что находит свое выражение в моделях семейно-брачных отношений, выделяемых по различным критериям. Так, по типу распределения семейных обязанностей выделяют патриархальную и супружескую модели современной семьи. Последняя реализуется в эгалитарной семье и представлена демократическим, или партнерским типом семейно-брачных отношений (Карабанова, 2005).

Современная молодежь как особая социально-демографическая группа характеризуется как гетерогенная группа переходного типа с присущими ей противоречивыми ценностными установками, что позволяет социологам определять ее как группу с «кентаврическим сознанием» (Тощенко, 2011) и «неочевидной идентичностью» (Богданова, 2016). Нестабильность, рискогенность повседневной жизни отражается в ценностных установках, убеждениях, предпочтениях и поведенческих стратегиях молодых людей, делая их динамичными и противоречивыми. При этом социологические исследования последних 10–15 лет отчетливо свидетельствуют о том, что молодежь стабильна в своем желании иметь семью. Правда, сроки создания семьи отодвигаются (феномен отсроченного брака), видоизменяется репродуктивная функция (предпочтительной становится малодетность и даже бездетность) и т.д. Эти процессы социологи полагают следствием ярко выраженной тенденции индивидуализации и связанных с этим задач самореализации (самосовершенствования, самоактуализации), которые все чаще декларируются молодежью, в том числе в сфере профессиональной деятельности (Зубок, 2017).

Закономерным образом в среде молодежи популяризируется идея партнерства в семейно-брачных отношениях. Это, в свою очередь, обуславливает распространение бикарьерной (двухкарьерной) модели семьи как разновидности партнерского типа, в котором позиционируется нацеленность обоих супругов на карьерный рост и профессиональную самореализацию. Самореализация в профессиональной сфере, связанная с построением карьеры, дополняется единством ценностей в личной и семейной сферах, внутрисемейным ролевым паритетом.

Актуальность данной модели семьи обусловлена тем, что в современном обществе профессиональная занятость становится одним из важнейших элементов самореализации личности и конструирования идентичности в связи с преобладающей тенденцией независимости и институционализацией индивидуализма (Баценкова, 2018).

Особенности двухкарьерной семьи выражаются в следующем. С одной стороны, в такой модели семьи царят эмоционально позитивные отношения любви, господствует уважение, принятие и равноправие между супругами. Такая модель семьи позволяет супругам развивать личностные качества, физически и эмоционально разгружать друг друга, а также поддерживать высокий уровень удовлетворенности жизнью. Но, с другой стороны, именно реализация данного типа семейно-брачных отношений может сопровождаться отсроченным вступлением в брак, различными формами альтернативного брака, трансформацией репродуктивной функции, увеличением уровня конфликтности между членами семьи, а в некоторых случаях и риском скорого расторжения брака (Шахбанова, 2018).

Если семья остается непреходящей терминальной ценностью и тем самым выступает целью (ценность-цель) в структуре ценностных предпочтений молодых людей, то предпочитаемая ими модель супружеских отношений становится средством для достижения поставленной цели. В нашем исследовании мы исходим из того, что бикарьерная модель семейно-брачных отношений может рассматриваться в качестве инструментальной ценности (ценности-достижения).

Цель нашего исследования заключается в том, чтобы попытаться выяснить, является ли для современной молодежи семья двухкарьерного типа как разновидность партнерского типа семейных отношений одним из средств самореализации и проявления выраженной тенденции индивидуализма и ориентации на свое «Я» или остается способом достижения материального благополучия и стабильности.

В условиях динамичности социальных процессов и явлений будет ошибочным считать постматериалистические ценности преобладающими при построении

двухкарьерной семьи, поскольку во время переходного и неустойчивого состояния российского общества актуализируются ценности выживания. В связи с этим ценностные предпочтения относительно бикарьерной семьи оказываются противоречивыми.

Методы

Теоретико-методологическая база данного исследования основана на разработках и концепциях социологов, изучающих актуальные проблемы в области социологии семьи и социологии молодежи. Институциональный анализ особенностей современных семьи и брака, а также стилезизненный подход Е.Л. Омельченко (2000) к изучению молодежи позволили нам выделить особенности социальной интеграции последней посредством вхождения в повседневные практики семейных отношений, в том числе семью как особую сферу пространственно-временной локализации. В контексте интересующей нас проблемы мы будем использовать также понятие стиля жизни применительно к партнерскому типу семьи.

Концепции М. Рокича (1972) и Р. Инглхарта (2000) использованы для формирования основных методологических установок аксиологического подхода к изучению противоречивости ценностных установок современной молодежи относительно бикарьерной семьи как модели семейно-брачных отношений. Методология изучения структуры ценностей Р. Инглхарта используется в работе при выделении ценностей материалистического порядка, условно определяемых нами как ценности материального благополучия (выживания), а также постматериалистических ценностей (Я-ориентации, самовыражения, самоактуализации). Понятийный аппарат данной концепции используется нами при анализе противоречивых ценностных установок молодежи вообще и при выборе бикарьерной модели семьи в частности.

Эмпирической базой исследования являются результаты собственного социологического исследования «Бикарьерная модель семьи в ценностных предпочтениях представителей разных возрастных когорт (по результатам опроса жителей г. Ростова-на-Дону)», проведенного в марте–апреле 2022 г. При проведении исследования были использованы следующие методы: анкетный опрос ($N = 385$) и полуструктурированное интервью. Возраст опрошенных молодых людей г. Ростова-на-Дону – 20–35 лет. Выборка разделена на две группы: неженатые (незамужние) и проживающие в браке более пяти лет. Выборка осуществлялась по параметрам: возраст, семейное положение, стаж семейной жизни. Полуструктурированное интервью было проведено среди 10 семейных пар г. Ростова-на-Дону с опытом семейной жизни свыше 10 лет.

Результаты исследования и их обсуждение

Сформулированное нами ранее утверждение о том, что семья является непреходящей ценностью, подтверждают результаты многолетних социологических исследований. Об этом, например, отчетливо свидетельствуют данные опроса ВЦИОМ, который проводился в 2021 г.: 71% из числа опрошенных отдают предпочтение семье и браку. Хорошо видно, что молодежь в этом вопросе солидарна с представителями других возрастных когорт (рис. 1).

Результаты нашего исследования, проведенного в 2022 г., полностью подтвердили значение для молодежи создания семьи в будущем (рис. 2).

При этом чаще молодые люди выражали готовность создавать семью только тогда, когда будут уверены, что смогут быть ответственными за собственную семью (37,7%) и будет накоплена достаточная материальная база (28,3%).

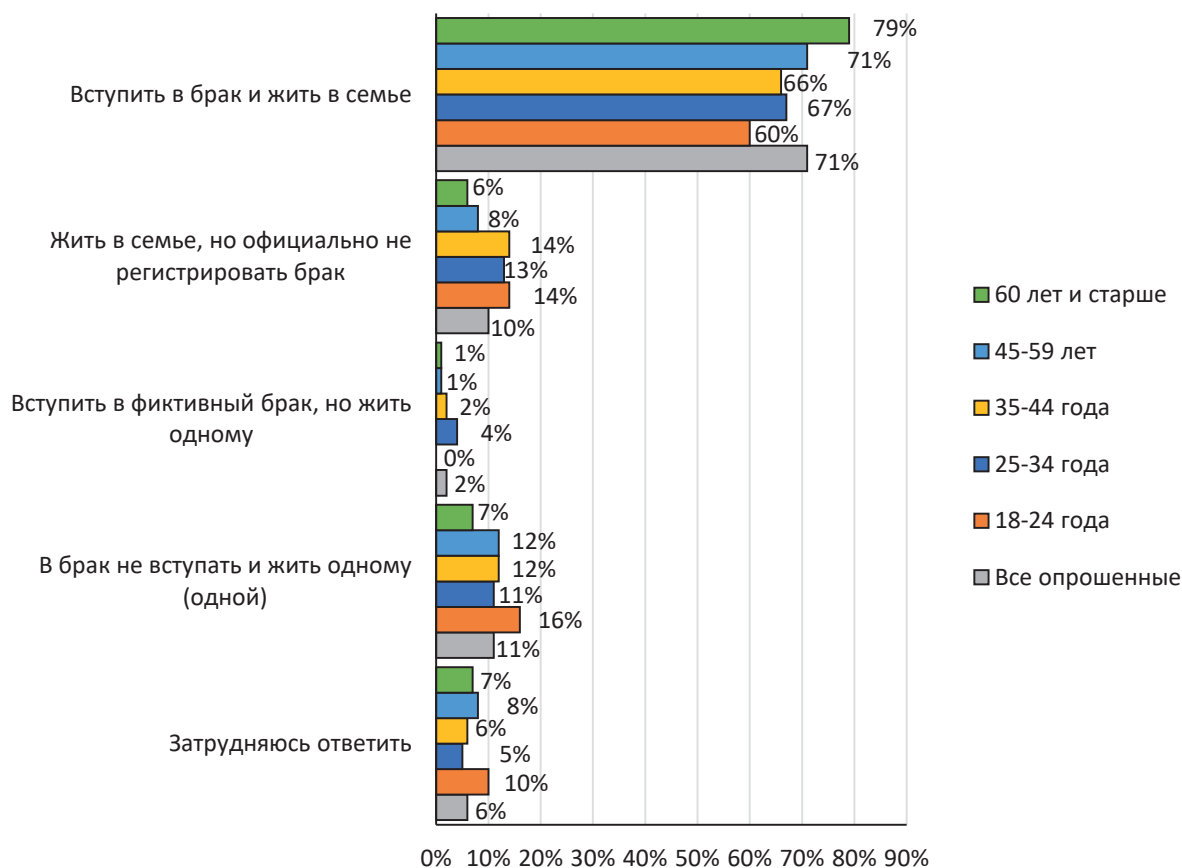

Рисунок 1. Распределение ответов респондентов ($N=1600$) на вопрос «Что из перечисленного предпочтительнее для вас?» (ВЦИОМ..., 2021)

Рисунок 2. Распределение ответов респондентов на вопрос «Планируете ли вы создать собственную семью?»

91% опрошенных нами респондентов указали на то, что они предпочитают «такие семейные отношения, когда супруги являются равноправными членами семьи, совместно принимают решения и поровну распределяют семейные обязанности», и только 6% отметили, что один из супругов должен быть главным, решать проблемы. Полученные результаты свидетельствуют о том, что молодежь, скорее всего, будет стремиться выстраивать партнерский тип семейных отношений.

Для достижения поставленной цели молодым людям необходимо средство, которым выступает выбираемая ими модель супружеских отношений (инструментальная ценность), что в результате позволяет формировать поведенческие установки и стиль жизни, соответствующие ценностным предпочтениям. В контексте выраженных предпочтений актуализируется модель двухкарьерной семьи. В связи с ориентацией современной молодежи на индивидуализм, самовыражение, реализацию в профессии посредством карьеры – эти позиции по значимости для молодых людей идут почти всегда следом за позицией «создание семьи».

Более половины опрошенной молодежи г. Ростова-на-Дону поддерживают идею карьерного продвижения, но, по их мнению, это не должно негативно сказываться на исполнении семейных ролей. Ради карьеры чаще всего они готовы пожертвовать частью досуга (67,9%) и отсрочить рождение детей (37,7%). Отложить создание семьи с целью достижения карьерных успехов молодые люди могут в самых редких случаях. Как отмечают опрошенные, две эти жизненно важные сферы (семью и карьеру) следует уравнивать и приводить в состояние взаимодополняемости (рис. 3). Данной точки зрения придерживаются и молодые люди без опыта семейной жизни, и семейные пары со стажем от пяти лет.

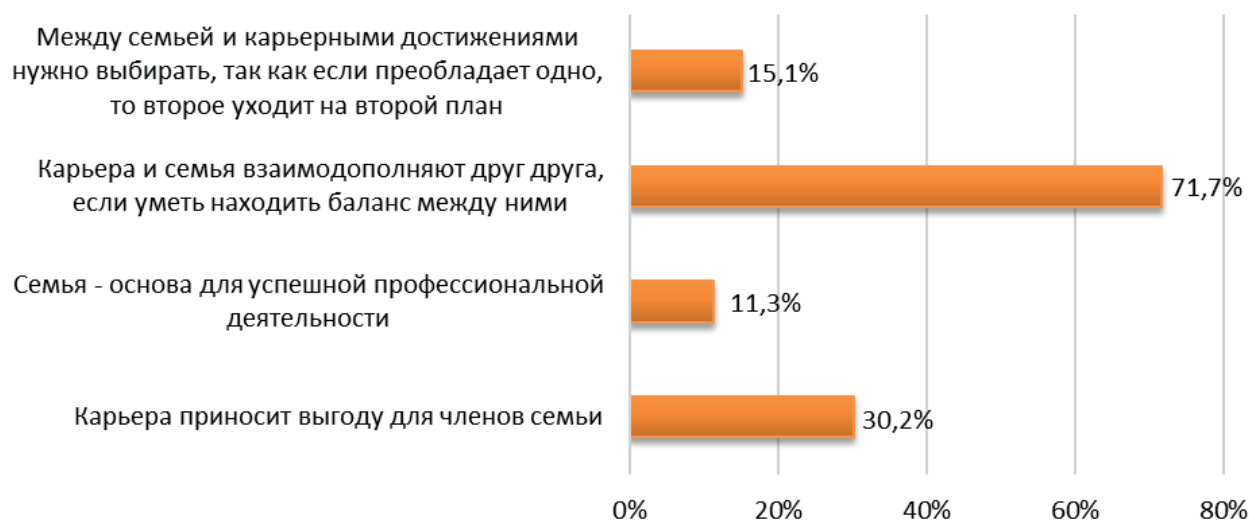

Рисунок 3. Распределение ответов респондентов на вопрос «Как, по вашему мнению, соотносятся семья и карьера?» (предлагалось выбрать не более двух вариантов ответа)

Заявление о стремлении к самореализации, самоактуализации, продвижению по карьерной лестнице среди представителей обоих полов в целом является самостоятельным показателем того, что бикарьерная модель семейно-брачных отношений популяризируется среди современной молодежи. Молодые респонденты прекрасно понимают, что такая модель семейных отношений – это не просто работающие муж и жена, а именно семья, где супруги ориентированы на ценности самореализации и построения карьеры в профессиональной сфере. Так ответили 60% опрошенных. Стоит отметить, что почти половина опрошенных полагает, что именно такую модель семьи они и будут выстраивать в будущем (44,7 %).

Интересно, что молодые женщины оказались в большинстве: 50% видят свою семью бикарьерной. При этом только 27% мужчин согласились с такой моделью, 36% выразили сомнение, 18% заявили категоричное «нет», указав на то, что в семье только один из супругов должен ориентироваться на карьерный рост (рис. 4).

Рисунок 4. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если вы только планируете вступить в семейно-брачные отношения, как вы думаете, в вашей семье оба супруга должны быть ориентированы на профессиональную реализацию и карьерные достижения или нет?»

Заметим, что представители молодого поколения, не имеющие опыта семейной жизни, грезят мечтами и находятся в эйфории относительно построения семьи двухкарьерного типа. При этом, как показало проведенное интервью, семейные пары, реализующие данную модель супружеских отношений, не всегда разделяют представления несемейной молодежи. Они уже столкнулись с некоторыми трудностями семьи такого типа («нехватка времени общения», «дети уходят на второй план», «возникают семейные трения» и т.д.) и стараются их сглаживать, указывая на должное участие в этом обоих супругов и обязательное наличие взаимопонимания и взаимной поддержки между ними: «Если супруги поддерживают друг друга, то эти проблемы сведутся к минимуму» (Елена, в браке семь лет).

Но в чем кроется причина тяготения молодых людей к бикарьерной семье, какой ценностный вектор является определяющим при выборе ими данной модели супружеских отношений?

Молодежь, которая еще не сталкивалась с семейной жизнью, свою приверженность к двухкарьерному типу семьи объясняет ориентацией в основном на самовыражение, совершенствование личностных качеств и самоактуализацию (43,5%), нежели на материальное благополучие и экономическую стабильность (26,1%) (рис. 5).

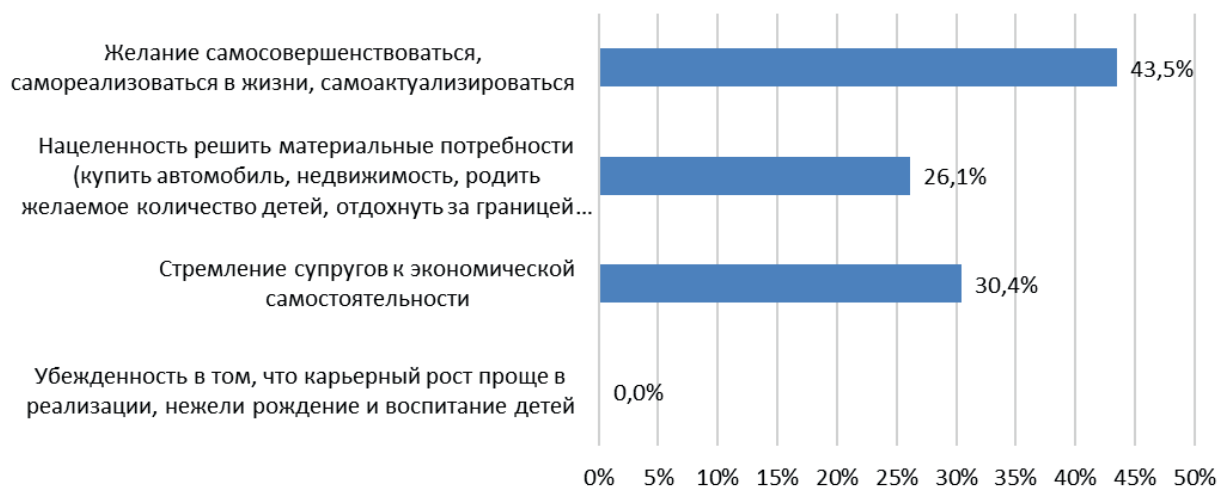

Рисунок 5. Распределение ответов респондентов на вопрос «Если вы планируете семью, где оба супруга нацелены на карьерный рост, то как вам кажется, чем это определяется?»

Молодые люди, уже имеющие собственную семью, свои предпочтения относительно бикарьерной семьи объясняют как желанием самореализоваться в жизни, Я-ориентацией, так и стремлением решить материальные потребности: «Конечно, нужно расти, развиваться, что-то новое узнавать, но в основном зарплата» (Роман, в браке шесть лет). По-видимому, карьерный рост – это отражение не только вектора самосовершенствования и самореализации, подтверждающего тенденции индивидуализации, но и необходимость, благодаря которой создается возможность элементарного материального благополучия (рис. 6). В этом смысле бикарьерная семья может рассматриваться как результат стихийной адаптации семей к новым экономическим условиям (рыночным) и выработки определенных стратегий разными группами, в том числе и молодежью.

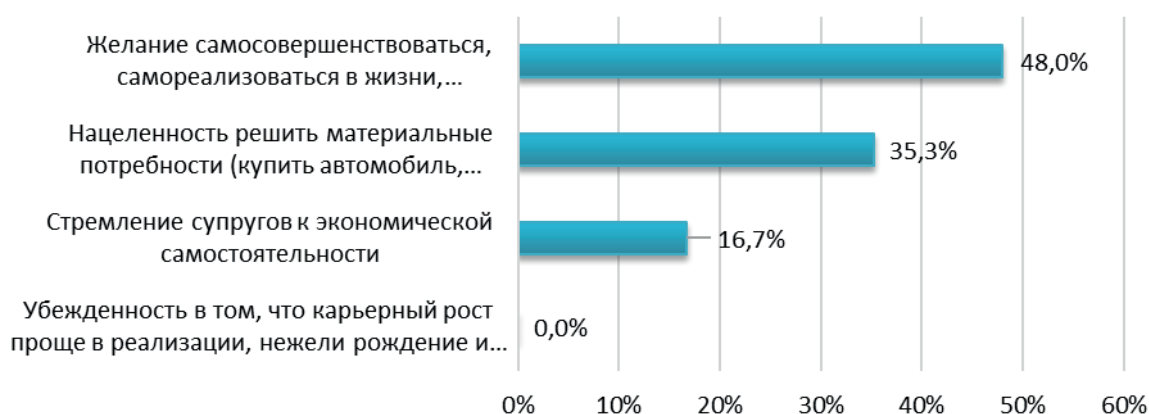

Рисунок 6. Распределение ответов на вопрос «Если в вашей семье оба супруга нацелены на карьерный рост, то как вам кажется, чем это прежде всего определяется?»

Следует отметить еще несколько характерных особенностей, которые мы выявили в ходе проведения нашего исследования. Так, молодые люди, которые только собираются вступить в брак, чаще выбирают бикарьерную модель семьи в качестве предпочитаемой формы семейно-брачных отношений в будущем, высказываясь более оптимистично относительно возможных проблем в такой семье. Те же, кто рассматривает свою семью как двухкарьерную, отмечают, что проблемы возникают: 62% подтвердили наличие серьезных проблем, 32% сочли, что их много в такой семье. Чаще всего среди проблем были указаны: нехватка времени на воспитание детей и заботу о них – 69%; трудности планирования совместных мероприятий – 64,1%; отсутствие времени для решения бытовых дел – 52%.

Молодежь как социально-демографическая группа не только транзитивна, но и не гомогенна. Возрастной разрыв в 21 год (от 14 до 35 лет) свидетельствует о том, что представители разных возрастных когорт внутри группы, а также молодые люди, имеющие разный семейный статус, по-разному оценивают социальные явления, социальные институты и процессы, происходящие в них.

Заключение

Итак, подводя итоги, мы пришли к следующим выводам:

1. В ценностных ориентациях молодежи семья занимает лидирующее положение на лестнице предпочтений, оставаясь непреходящей терминальной ценностью-целью для большинства.
2. Современная молодежь не рассматривает патриархальный тип семьи в качестве приоритетной формы семейно-брачных отношений, для нее предпочтителен тип партнерских (супружеских, демократических) отношений.

3. Согласно ответам молодых людей, бикарьерная (двухкарьерная) семья может быть отнесена к приоритетной модели реализации семейно-брачных отношений в современных условиях. Именно данный тип семейных отношений становится тем инструментом, который позволяет супругам следовать определенному стилю жизни, соответствующему ценностным ориентациям и поведенческим установкам.

4. Результаты проведенного анкетного опроса подтвердили, что вектор предпочтений бикарьерной модели семьи определяется противоречивым сочетанием ценностей материалистического (ценности материального благополучия, ценности выживания) и постматериалистического характера (ценности самореализации, Я-ориентации). Исследование показало, что, располагаясь на лестнице предпочтений практически сразу после семейных ценностей, стремление к благополучию и самореализации меняются местами в зависимости от возраста опрашиваемой молодежи и их семейного статуса. Так, выбирая бикарьерную модель семьи в качестве средства реализации своих социальных запросов, молодежь, которая не имеет опыта семейных отношений, указывает преимущественно на ценности самореализации (профессиональной, карьерной и т.д.) в качестве основных. Молодежь более старшего возраста и имеющая опыт семейной жизни более прагматична и выделяет в качестве первоосновных ценности материального благополучия, поскольку столкнулась с необходимостью решения материальных проблем собственной семьи.

5. Молодежь понимает сущность бикарьерной семьи и сопряженных с этим типом семейных отношений проблем и конфликтов. При этом наиболее оптимистична молодежь в возрасте до 24 лет; старшая возрастная когорта говорит о них со знанием дела, выделяя проблемы нехватки времени для детей, проблемы совместного досуга и бытовые проблемы.

6. В ходе проведенного интервью мы выявили три возможных варианта дальнейшего существования бикарьерной модели семьи. Наиболее распространенным оказалось мнение о том, что духкарьерная модель семьи будет распространяться в условиях нестабильного и рискогенного социума. Противоположная позиция заключается в скептическом отношении к существованию данной модели семейных отношений. За цикливание супругов на профессиональном и карьерном росте как следствие тенденций индивидуализации – основное препятствие для нормального функционирования семьи и выполнения ею репродуктивной функции. И наконец, согласно третьей позиции, семья бикарьерного типа будет существовать как одна из моделей семейно-брачных отношений, но без теплых семейных уз, с дефицитом уважения и поддержки.

Литература

- Баценкова, А.А. Концепция индивида и индивидуализации в теориях З. Баумана и У. Бека / А. А. Баценкова // *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. – 2018. – Т. 24, № 1. – С. 34–51. – EDN YUPBHR.
- Богданова, И. Н. Российское студенчество в репрезентативных практиках: противоречия стиля жизни / И.Н. Богданова. – Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2016. – 170 с. – ISBN 978-5-9275-2187-6. – EDN XRLSLJ.
- Зубок, Ю.А. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю.А. Зубок, В.И. Чупров // *Россия реформирующаяся*. – 2017. – № 15. – С. 12–48. – EDN ZFB DYV.
- Карабанова, О.А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / О.А. Карабанова. – Москва: Гардарики, 2005. – 319 с. – ISBN 5-8297-0189-8. – EDN QXLPKJ.
- Омельченко, Е.Л. Молодежные культуры и субкультуры / Е.Л. Омельченко. – Москва: Институт социологии РАН, 2000. – 264 с.
- Тощенко, Ж.Т. «Кентавр-проблема» как особая форма противоречий общественного сознания и социальной практики / Ж.Т. Тощенко // *Социология власти*. – 2011. – № 2. – С. 6–19. – EDN NTRPLT.
- Шахбанова, М.М. Жизненный мир молодой семьи и проблемы его формирования в условиях парадоксальной российской реальности / М.М. Шахбанова, А.В. Верещагина, С.И. Самыгин // *Гумани-*

тарные, социально-экономические и общественные науки. – 2018. – № 9. – С. 59–66. – DOI: 10.23672/SAE.2018.2018.17915. – EDN YLJLVB.

Inglehart, R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values / R. Inglehart, W.E. Baker // *American Sociological Review*. – 2000. – Vol. 65, № 1. – P. 19–51. DOI:10.2307/2657288.

Rokeach, M. Believes, attitudes and value: A Theory of Organization and Change / M. Rokeach. – San Francisco: Jossey-Bass, 1972. – 214 p.

ВЦИОМ выяснил отношение россиян к браку и семье // ВЦИОМ. – 2021. – 8 июля. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-ovmestnajazhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 20.11.2023).

References

Bacenkova A.A. The concept of the individual and individualization in the theories of Z. Bauman and W. Beck. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya = Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science*. 2018; 24(1): 34–51. (In Russ.)

Bogdanova I.N. Russian students in representative practices: contradictions of lifestyle. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo YuFU = Rostov-on-Don: Publishing house of SFedU; 2016. 170 p. ISBN 978-5-9275-2187-6. (In Russ.)

Inglehart R., Baker W.E. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values. *American Sociological Review*. 2000; 65(1): 19–51. DOI:10.2307/2657288.

Karabanova O.A. Psychology of family relations and the basics of family counseling: studies. handbook for university students studying in the field and specialties of psychology. Moskva: Gardariki = Moscow: Gardariki; 2005. 319 p. ISBN 5-8297-0189-8. (In Russ.)

Omel'chenko E.L. Youth cultures and subcultures. Moskva: Izd-vo «Institut sociologii RAN» = Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2000. 264 p. (In Russ.)

Rokeach M. Believes, attitudes and value: A theory of organization and change. San Francisco: Jossey-Bass; 1972. 214 p.

Shahbanova M.M., Vereshchagina A.V., Samygin S.I. The life world of a young family and the problems of its formation in the conditions of paradoxical Russian reality. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2018; 9: 59–66. DOI 10.23672/SAE.2018.2018.17915. (In Russ.)

Toshchenko J.T. "Centaur-problem" as a special form of contradictions of public consciousness and social practice. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 2011; 2: 6–19. (In Russ.)

Zubok Yu.A., Chuprov V.I. Modern sociology of youth: changing reality and new theoretical approaches. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia reforming*. 2017; 15: 12–48. (In Russ.)

VTsIOM found out the attitude of Russians to marriage and family. VTsIOM. July 8, 2021. Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-ovmestnajazhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (date of application: 20.11.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 17.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.11.2023

Информация об авторах

Богданова Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент кафедры отраслевой и прикладной социологии, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Давиденко Анастасия Сергеевна – магистрант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: davidenkoas2013@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bogdanova Irina Nikolaevna – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Industrial and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: irina-bogdanova64@mail.ru

Davidenko Anastasia Sergeevna – undergraduate, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: davidenkoas2013@mail.ru

The authors declare that there is no conflict of interest

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ, ДЕМОГРАФИЯ И МИГРАЦИИ

Научная статья

УДК 316.4 + 314.7

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.15.

EDN WGJFIC

**Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции
социокультурного воспроизводства****Андрей В. Бедрик¹**¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: abedrik@bk.ru.**Валерия П. Войтенко²**²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: leravvp@mail.ru.**Аннотация**

Введение. В настоящее время диаспоры выступают одним из базовых объектов как миграционной политики России, так и всего комплекса государственной национальной политики, ориентированной на сохранение культурного многообразия и гармонизацию межэтнических отношений в российском обществе. Цель данного исследования состоит в анализе типологических черт диаспорных сообществ Юга России, которые обуславливают характер их общественного восприятия, роль в межэтнических коммуникациях и особенности воспроизводства этнической структуры населения региона.

Методы. Методологическую базу исследования составляет неoinституционализм Д. Норта, а также социокультурный подход социологического исследования, представленный в работах Р. Мертон. Эмпирическую базу исследования составляют результаты всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020–2021 гг., а также переписи населения Крымского федерального округа, осуществленной в 2014 г. Кроме того, эмпирическими источниками информации являются данные территориальных органов юстиции пяти субъектов Юга России (Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея, Республика Крым и г. Севастополь).

Результаты и их обсуждение. В статье представлена классификация диаспорных сообществ Юга России, разработанная на основе исторического (временного) критерия, обеспечивающего возможности межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество, его региональные и локальные компоненты. Выделено три группы диаспорных сообществ на Юге России: «досоветские диаспоры», «советские диаспоры», «постсоветские диаспоры». Выделенные три типа диаспорных сообществ Юга России реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степенью выраженности миграционных установок среди молодежи.

Ключевые слова: диаспоры; типология диаспор; идентичность; исторические диаспоры; советские и постсоветские диаспоры; миграция.

Благодарность. Статья выполнена в рамках проекта Российского научного фонда № 23-28-01721 «Диаспорные институты в интеграции и дезинтеграции полиэтнического сообщества Юга России».

Для цитирования: Бедрик А.В., Войтенко В.П. (2023). Диаспоры Юга России: основания типологизации и тенденции социокультурного воспроизводства. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 160–167. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.15>.

**Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends
in sociocultural reproduction****Andrei V. Bedrik¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: abedrik@bk.ru.**Valeria P. Voytenko²**² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: leravvp@mail.ru.

Abstract

Introduction. Currently, diasporas are one of the basic objects of migration policy of Russia and the entire complex of state national policy aimed at preserving cultural diversity and harmonizing interethnic relations in Russian society. The purpose of this study is to analyze the typological features of communities of diasporas in the South of Russia, which determine the nature of their public perception, their role in interethnic communications and the characteristics of the reproduction of the ethnic structure of population of the region.

Methods. The methodological basis of the study is the D. North's neo-institutionalism, as well as the sociocultural approach of sociological research presented in the R. Merton's works. The empirical basis of the study consists of the results of the All-Russian population censuses of 2002, 2010, 2020–2021, as well as the population census of the Crimean Federal District carried out in 2014. In addition, empirical sources of information are data from the territorial justice authorities of 5 constituent entities of the South of Russia (Rostov region, Krasnodar region, the Republic of Adygea, the Republic of Crimea and the city of Sevastopol).

Results and discussion. The article presents a classification of diaspora communities in the South of Russia, developed on the basis of a historical (temporal) criterion that provides the possibility of intergenerational analysis of diasporas to identify the degree of their integration into Russian society, its regional and local components. Three groups of diaspora communities in the South of Russia are identified as following: "pre-Soviet diasporas", "Soviet diasporas", "post-Soviet diasporas". These three groups of diaspora communities in the South of Russia implement identification and integration strategies of behavior that are different in content and significantly differentiated by potential of subjectivity in the system of interethnic interactions, level of social and cultural distance with main population, and degree of expression of migration attitudes among youth.

Keywords: diasporas; typology of diasporas; identity; historical diasporas; soviet and post-soviet diasporas; migration.

Gratitude. The article was carried out within the framework of the Russian Science Foundation project No.23-28-01721 "Diaspora institutions in the integration and disintegration of the multi-ethnic community of the South of Russia".

For citation: Bedrik A.V., Voytenko V.P. (2023). Diasporas of the South of Russia: the basis of typology and trends in sociocultural reproduction. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 160–167. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.15>.

Введение

В условиях исторически сложившейся поликультурной структуры населения российского общества и ее трансформации под влиянием интенсивных миграционных процессов исследование диаспор имеет несколько аспектов актуальности. Среди них практическая сторона актуальности обусловлена тем, что в настоящее время диаспоры выступают одним из базовых объектов как миграционной политики России, так и всего комплекса государственной национальной политики, ориентированной на сохранение культурного многообразия и гармонизацию межэтнических отношений в российском обществе. Институты, представляющие диаспорные группы, в соответствии со Стратегией государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в состоянии выступать полноценными субъектами реализации данной сферы общественных отношений (Сургуладзе, 2019, 35). Институциональный анализ общественных объединений национально-культурного профиля в субъектах Южного федерального округа показал, что их абсолютное большинство (от 62 до 87%) организовано для представительства и реализации интересов народов, относящихся к категории диаспор. Исключением выступает Республика Адыгея, в которой диаспорные народы представлены лишь 20% от всех национально-культурных объединений регионов.

Цель и методологическая база исследования

Цель данного исследования состоит в анализе типологических черт диаспорных сообществ Юга России, которые обуславливают характер их общественного восприятия, роль в межэтнических коммуникациях и особенности воспроизводства этнической структуры населения региона.

Методологическую базу исследования составляет неoinституционализм Д. Норта (Норт, 1997, 120), а также социокультурный подход социологического исследования, представленный в работах Р. Мертон (Мертон, 2006, 344). Эмпирическую базу исследования составляют результаты всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020–2021 гг., а также переписи населения Крымского федерального округа, осуществленной в 2014 г. Кроме того, эмпирическими источниками информации являются данные территориальных органов юстиции пяти субъектов Юга России (Ростовская область, Краснодарский край и Республика Адыгея, Республика Крым и г. Севастополь), на основе которых формируется институциональный портрет южно-российских диаспорных сообществ.

Важно подчеркнуть, что при анализе всего многообразия полиэтнических социумов регионов Юга России как диаспоры рассматриваются исключительно те этнические группы, которые имеют за пределами Российской Федерации свои национальные государства или свое основное этническое ядро, с которыми данные группы ассоциируют свою историческую родину. В соответствии с этим положением из поля анализа, а следовательно, и сравнительной классификации исключаются группы в статусе этнического меньшинства, являющиеся автохтонными для региона своего проживания (например, шапсуги и черкесогаи в Краснодарском крае, караимы и крымчаки в Крыму и др.), а также группы, у которых этническое ядро и/или основная этническая масса локализованы в границах Российской Федерации (например, проживающие в Ростовской области чеченцы, татары, осетины и др. не рассматриваются в данном случае в качестве этнических диаспор).

Обзор научной литературы по теме исследования

В отечественном междисциплинарном дискурсе, посвященном исследованию диаспорных сообществ, сложились различные подходы к классификации данного типа этнических групп. Так, отечественный политолог М.А. Аствацатурова подразделяет диаспоры на классические, приглашенные, новые и отдельно выделяет внутренние диаспоры (Аствацатурова, 2002, 88–95). Другой исследователь, социолог В.Д. Попков, подразделяет диаспоры по историческому критерию на исторические, новые и новейшие (Попков, 2003, 20–25). Исследователь Т.В. Полоскова подразделяет диаспоры в российском обществе на две основные группы – мировые и постсоветские (Полоскова, 2002, 70–74). Исследователь А.В. Дмитриев в своих работах в качестве классификационного критерия при анализе диаспорных общин выделяет их конфликтный потенциал и, таким образом, подразделяет соответствующие этнические группы на сообщества с актуальным уровнем конфликтного потенциала в локальных и региональных социумах и комплементарные этнические группы (Диаспоры и землячества..., 2017, 19–20). Российский социолог В.И. Мукомель классифицирует диаспорные общины исходя из характера их миграционного воспроизводства на те, которые испытывают миграционный прирост, и те, которые характеризуются миграционной убылью (Адаптация и интеграция мигрантов..., 2022, 292–294). В работах А.Г. Осипова (Осипов, 2004, 331) и Т.Я. Хабриевой (Хабриева, 2003, 122) классификационным критерием выступает статус официальных национально-культурных объединений (в том числе национально-культурных автономий), представляющих диаспорные группы. Исследователь В.И. Дятлов в основу классификации исторических диаспор закладывает их профессиональный статус и хозяйственно-экономическую специализацию, концентрацию в определенных нишах трудовой деятельности (Дятлов, 2000, 24–25).

Результаты исследования и их обсуждение

При анализе процессов вовлеченности диаспор и их институтов в межэтнические коммуникации в регионах Юга России, а также при исследовании характера их социокультурного воспроизводства в условиях полиэтнических социумов южнороссийского приграничья актуальной представляется классификация диаспорных сообществ по нескольким критериям. Базовым выступает исторический (временной) критерий, который обеспечивает возможности межпоколенческого анализа диаспор для выявления степени их интеграции в российское общество, его региональные и локальные компоненты. Исторический (временной) критерий важен при анализе структуры диаспорной группы, тенденции ее демографического воспроизводства, характера взаимодействия с другими этническими группами региона ее проживания. На основе данного критерия могут быть выделены три типа диаспорных сообществ на Юге России. Во-первых, исторические (классические) диаспоры, продолжительность пребывания которых в регионах Юга России характеризуется периодом не менее 100–150 лет. Данные группы в большей степени ассоциируют себя с территорией современного расселения, хотя и испытывают в отношении своей исторической родины определенную эмоциональную привязанность. К данной категории диаспор на Юге России относятся следующие этнические группы: греки, евреи, немцы, поляки, ассирийцы, болгары, а также миноритарные группы чехов, эстонцев, латышей, литовцев и сербов, представленные преимущественно в районе Причерноморья Крыма и Кубани. Данные группы в наибольшей степени подвержены ассимиляционному тренду, пережили несколько эмиграционных волн, крупнейшая из которых пришлась на постсоветский период, а в демографической структуре этих этносов преобладают представители старших возрастов, в том числе пожилые люди.

Особняком в категории исторических (классических) диаспор Юга России стоит армянская диаспора. Уникальность ее положения заключается в том, что, несмотря на многовековую историю присутствия, именно армянская группа испытала в позднесоветский и постсоветский период максимальный миграционный прирост своих представителей из различных регионов бывшего СССР. Это в значительной степени обеспечило современную устойчивость ее демографического статуса, но в то же время спровоцировало субдиаспорную фрагментацию, установление внутри диаспоры устойчивых социокультурных границ между историческим и миграционным компонентами группы. Анализ структуры армянской диаспоры в регионах Юга России позволяет сделать вывод, что собственно историческое ее часть в настоящий момент составляет в Ростовской области не более половины всех представителей армянского этноса, а в Краснодарском крае и Республике Адыгея – менее трети. Ситуация с Крымом и Севастополем отличается в силу того, что в период основных постсоветских волн армянского миграционного прироста (конец 1980-х – первая половина 1990-х гг.) данные территории находились в составе Украины – страны традиционного миграционного донора для России в данный исторический период.

Выделенную первую группу диаспорных сообществ в регионе Юга России можно определить термином «досоветские диаспоры», так как их возникновение приходится на исторический период еще Российской империи с последующей корректировкой их социокультурного и демографического статуса под влиянием миграционного фактора. Вторую группу составляют этнические сообщества, которые можно определить термином «советские диаспоры», так как их появление в регионе преимущественно приходится на период существования СССР. Эти группы сформированы из титульных этносов бывших советских республик. В региональном про-

странстве к ним относятся грузины, азербайджанцы, белорусы, молдаване и абхазы. Данные группы в постсоветское время испытали на себе как миграционный маятник и усиление ассимиляционного тренда (белорусы, молдаване), так и миграционный прирост с устойчивым уровнем этнической идентичности при многопоколенческой структуре диаспоры (азербайджанцы, в определенной степени грузины и абхазы). Особое положение в данной совокупности этнических групп занимает украинская диаспора. Ее специфика определяется, во-первых, статусом украинцев в Крыму и Севастополе – регионах, до 2014 г. входивших в состав Украины. И в настоящее время одним из государственных языков Крыма является украинский язык, что трансформирует традиционное представление о диаспоре как группе некоренного статуса. Во-вторых, диалектические особенности коренного русскоязычного населения Дона и Кубани характеризуются значительной близостью к украинцам, а их историческое присутствие на данных территориях имеет дореволюционный период. В то же время идентификационное позиционирование украинцев в качестве самостоятельного этноса Юга России и, как следствие, их трансформация в диаспорное сообщество региона приходится на период существования СССР (Суций, 2013, 55–57). До начала российско-украинского противостояния в 2022 г. большинство общественных объединений украинцев на Юге России рассматривало в качестве своей исторической родины (государства этнического ядра) Украину (Бедрик, 2016, 33–34). Данная идентификационная стратегия в значительной степени скорректирована современными условиями межгосударственного взаимодействия России и Украины.

Еще одним исключением в данном историческом типе южнороссийских диаспор являются корейцы. Несмотря на то, что корейская этническая общность не относится к числу титульных народов бывшего СССР, ее появление на Юге России обусловлено характером переселенческой политики советского периода – депортацией корейцев первоначально на территорию Центральной Азии, а в дальнейшем их релокацией в субъекты Юга России (Бугай, 2015, 312). В отличие от других диаспор советского периода корейцы характеризуются устойчивой этнокультурной дистанцией с основным населением в силу особенностей языка, расово-антропологического типа группы, ее культурной ментальности. В то же время в настоящем периоде именно корейская диаспора характеризуется наименьшим уровнем конфликтного взаимодействия с другими этническими группами в регионе среди всех диаспор нового и новейшего периодов.

Из перечня «советских диаспор» исключены народы Центральной Азии, так как, несмотря на их присутствие в региональном пространстве Юга России в течение всего советского периода, наибольший миграционный прирост данных этносов пришелся на период 2000-х гг. Соответственно, сами диаспоры могут быть классифицированы в качестве «постсоветских», или новейших диаспор региона. К этой категории относятся узбеки, кыргызы, таджики, а также туркмены и казахи. Для данных диаспорных групп характерна монопоколенческая структура (представители одного поколения миграции) и превалирование в гендерном портрете сообщества мужского населения, сформированного из числа временных трудовых мигрантов в регион. Эта особенность дополняется ростом учебной миграции, которая хотя и не в состоянии скорректировать половозрастной статус сообщества, но существенно изменяет его образовательный уровень, создает потенциал выделения класса этнической интеллигенции диаспоры, прежде отсутствовавшего в структуре данных групп. Одновременно данные сообщества характеризуются максимальным уровнем социальной и культурной дистанции с основным населением, обусловленной особенностями традиционных культуры и религии, низким уровнем владения русским языком, а так-

же отсутствием интеграционной стратегии в поведении представителей диаспоры, анклавной формой расселения, слабостью диаспорных институтов, представляющих интересы данных сообществ.

Как и в случае с группами досоветских и советских диаспор, в категории постсоветских диаспор есть специфическое сообщество, сформировавшееся в регионе в результате массовой стрессовой миграции на рубеже конца 1980-х – начала 1990-х гг. Это диаспора турок-месхетинцев, которая на сегодняшний день отличается максимальным естественным демографическим приростом наряду с многопоколенческой структурой сообщества, имеющей семейный тип проживания в регионе, а также актуальным уровнем этнической идентичности, успешным преодолением языковых барьеров с основным населением и решенными вопросами правовой натурализации (Гармонизация межэтнических отношений..., 2022, 11). Специфика данной группы определяется и тем фактом, что в среде турецкой молодежи в возрасте до 30 лет в качестве исторической родины рассматривается не Грузия (Месхетия) или страна миграционного исхода (Узбекистан), а Турецкая Республика как титульное государственное образование турок. Такое положение Турецкой Республики обусловлено ее заметным геополитическим статусом и реализуемой стратегией международного лидера для государств и народов тюркского мира, а также перспективами стационарной или маятниковой трудовой миграции в Турцию. Эта позиция трансформирует восприятие турецкой молодежью своего статуса в качестве кавказского этноса и одновременно усиливает диаспорную идентичность у этой возрастной категории этнического сообщества.

Заключение

Выделенные три типа диаспорах сообществ Юга России реализуют различные по своему содержанию идентификационные и интеграционные стратегии поведения, существенно дифференцированы по потенциалу субъектности в системе межэтнических взаимодействий, уровню социальной и культурной дистанции с основным населением, степени выраженности миграционных установок среди молодежи. Тип диаспорного сообщества определяет набор соответствующих инструментов управленческого воздействия со стороны органов государственной власти и местного самоуправления в рамках реализации мероприятий государственной национальной политики, а также конкретизирует меры профилактики деструктивных форм межэтнического взаимодействия в регионе, в том числе с участием официальных институтов диаспорных групп. В целом применение типологического метода в исследовании диаспор повышает прогностический потенциал в анализе развитии всей сферы межнациональных отношений в поликультурных региональных сообществах.

Литература

- Адаптация и интеграция мигрантов в России: вызовы, реалии, индикаторы / В.И. Мукомель, К.С. Григорьева, Г.А. Монусова [и др.]. – Москва: Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, 2022. – 400 с. – ISBN 978-5-89697-407-9. – DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. – EDN YKKOSI.
- Аствацатурова, М.А. Диаспоры в Российской Федерации: формирование и управление. Северо-Кавказский регион / М.А. Аствацатурова. – Ростов-на-Дону; Пятигорск: Северо-Кавказская академия государственной службы, 2002. – 628 с. – EDN TASWEB.
- Бедрик, А.В. Славянские народы Юга России: особенности воспроизводства и тенденции идентификации / А. В. Бедрик, А. Н. Дьяченко, А. В. Сериков // *Гуманитарий Юга России*. – 2016. – Т. 22, № 6. – С. 30–40. – EDN XBJKXX.
- Бугай, Н.Ф. Корейцы Юга России: межэтническое согласие, диалог, доверие / Н. Ф. Бугай. – Москва : Гриф, 2015. – 512 с. – ISBN 978-81-974200-5-2. – EDN VMPTYD.

Гармонизация межэтнических отношений населения регионов Юга России в зеркале социальной справедливости / Ю. Г. Волков, А. В. Бедрик, Н. К. Бинеева [и др.]. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «КноРус», 2022. – 250 с. – ISBN 978-5-406-11246-5. – EDN BUJRXK.

Диаспоры и землячества в современной России: Факторы воспроизводства традиционных ценностей в инокультурных средах, Москва, 24 мая 2017 года. – Москва: Ленанд, 2017. – 120 с. – ISBN 978-5-9710-5077-3. – EDN ZQVFQV.

Дятлов, В.И. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? (Китайцы и кавказцы в Иркутске) / В. И. Дятлов. – Москва : ЗАО «Издательство «Наталис», 2000. – 190 с. – ISBN 5-8062-0025-6. – EDN COQNJR.

Осипов, А.Г. Национально-культурная автономия. Идеи, решения, институты / А.Г. Осипов ; Центр независимых социологических исследований. – Санкт-Петербург: Центр независимых социологических исследований, 2004. – 508 с. – ISBN 5-98237-001-9. – EDN QWZKUV.

Попков, В. Д. Феномен этнических диаспор / В.Д. Попков. – Москва: Институт социологии Российской академии наук, 2003. – 340 с. – ISBN 5-93810-041-0. – EDN ZWRMUD.

Полоскова, Т.В. Современные диаспоры: (внутриполит. и междунар. аспекты) / Т.В. Полоскова. – Москва: Науч. кн., 1999. – 252 с. – ISBN 5-7671-0004-7.

Регионоведение. Юг России: краткий тематический словарь / А.В. Лубский, В.Д. Альперович, Л.Ю. Андреева [и др.]. – Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2004. – 696 с.

Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон; [пер. с англ. Е. Н. Егоровой и др.]. – Москва: АСТ : Хранитель, 2006. – 873 с. – ISBN 5-17-029089-6 (АСТ).

Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт. – Москва: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с. – ISBN 5-88581-006-0. – EDN YQDVYE.

Сургуладзе, В.Ш. Политика идентичности в реалиях обеспечения национальной безопасности: стратегия, теория, практика: Монография / В.Ш. Сургуладзе; Под науч. ред. проф. Н.А. Фроловой. – М.: Аналитическая группа «С.Т.К.», 2019. – 400 с.

Суций, С. Я. Украинцы Юга России – демографическая история одного регионального сообщества / С. Я. Суций; Российская академия наук, Южный научный центр, Институт социально-экономических и гуманитарных исследований. – Ростов-на-Дону: Копицентр, 2013. – 154 с. – ISBN 978-5-87870-054-2. – EDN WLMWHR.

Хабриева, Т.Я. Национально-культурная автономия в Российской Федерации / Т. Я. Хабриева. – Москва: Юридический дом «Юстицинформ», 2003. – 255 с. – ISBN 5-7205-0516-4. – EDN RASLLH.

References

Astvacaturova M.A. Diasporas in the Russian Federation: formation and management. The North Caucasus region. Rostov-na-Donu; Pyatigorsk: Severo-Kavkazskaya akademiya gosudarstvennoj sluzhby = Rostov-on-Don; Pyatigorsk: North Caucasian Academy of Public Administration; 2002. 628 p. (In Russ.)

Bedrik A.V., D'yachenko A.N., Serikov A.V. Slavic peoples of the South of Russia: peculiarities of reproduction and identification trends. *Gumanitarij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2016; 22 (6): 30–40. (In Russ.)

Bugaj N.F. Koreans of the South of Russia: interethnic harmony, dialogue, trust. Moscow: Grif = Moscow: Vulture; 2015. 512 p. ISBN 978-81-974200-5-2. (In Russ.)

Diasporas and communities in modern Russia: Factors of reproduction of traditional values in foreign cultural environments, Moscow, May 24, 2017. Moscow: Lenand = Moscow: Lenand; 2017. 120 p. ISBN 978-5-9710-5077-3. (In Russ.)

Dyatlov V.I. Modern trade minorities: a factor of stability or conflict? (Chinese and Caucasians in Irkutsk). Moscow: ЗАО « Izdatelstvo «Natalis» = Moscow: Natalis Publishing House; 2000. 190 p. ISBN 5-8062-0025-6. (In Russ.)

Habrieveva T.Ya. National cultural autonomy in the Russian Federation. Moscow : Yuridicheskij dom “YUsticinform” = Moscow: Law House “Justicinform”; 2003. 255 p. ISBN 5-7205-0516-4. (In Russ.)

Lubsky A.V., Alperovich V.D., Andreeva L.Yu. [et al.]. Regional studies. South of Russia: a short thematic dictionary. Rostov-na-Donu: SKNTs VSh = Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center for Higher Education, 2004. 696 p. (In Russ.)

Merton R. Social theory and social structure; [trans. from English by E.N. Egorova et al.]. Moscow: AST : Hranitel' = Moscow: AST: Keeper; 2006. 873 p. ISBN 5-17-029089-6 (AST). (In Russ.)

Mukomel' V.I., Grigor'eva K.S., Monusova G.A. [et al.]. Adaptation and integration of migrants in Russia: challenges, realities, indicators. Moscow: Federal'nyj nauchno-issledovatel'skij sociologicheskij centr Rossijskoj akademii nauk = Moscow: Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; 2022. 400 p. ISBN 978-5-89697-407-9. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-407-9.2022. (In Russ.)

Nort D. Institutes, institutional changes and the functioning of the economy. Moscow: Fond ekonomicheskij knigi “Nachala” = Moscow: Foundation of the Economic book “Beginnings”; 1997. 180 p. ISBN 5-88581-006-0. (In Russ.)

Osipov A.G. National cultural autonomy. Ideas, solutions, institutions; Centr nezavisimyh sociologicheskikh issledovanij. Saint Petersburg: = Center for Independent Sociological Research. Saint Petersburg; 2004. 508 p. ISBN 5-98237-001-9. (In Russ.)

Poloskova T.V. Modern diasporas: (intrapolitical. and international. aspects) Moscow: Nauch. kn = Moscow : Scientific Journal; 1999. 252 p. ISBN 5-7671-0004-7. (In Russ.)

Popkov V.D. The phenomenon of ethnic diasporas. Moscow: Institut sociologii Rossijskoj akademii nauk =Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; 2003. 340 p. ISBN 5-93810-041-0. (In Russ.)

Surguladze V.Sh. Identity politics in the realities of ensuring national security: strategy, theory, practice: Monografiya; Pod nauch. red. prof. N.A. Frolovoj. Moscow: Analiticheskaya gruppa «S.T.K.» = Monograph; Edited by prof. N.A. Frolova. Moscow: Analytical group "S.T.K."; 2019. 400 p. (In Russ.)

Sushchij S. Ya. Ukrainians of the South of Russia - the demographic history of a regional community; Rossijskaya akademiya nauk, Yuzhnyj nauchnyj centr, Institut social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnyh issledovanij. Rostov-on-Don: Kopicentr = Russian Academy of Sciences, Southern Scientific Center, Institute of Socio-Economic and Humanitarian Studies. Rostov-on-Don: Kopicentr; 2013. 154 p. ISBN 978-5-87870-054-2. (In Russ.)

Volkov Yu.G., Bedrik A.V., Bineeva N.K. [et al.]. Harmonization of interethnic relations of the population of the regions of Southern Russia in the mirror of social justice. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu "Izdatel'stvo "KnoRus" = Moscow: Limited Liability Company "KnoRus Publishing House"; 2022. 250 p. ISBN 978-5-406-11246-5. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 28.10.2023

Дата окончания рецензирования: 30.11.2023

Дата принятия к публикации: 08.12.2023

Информация об авторах

Бедрик Андрей Владимирович – кандидат социологических наук, директор Института социологии и регионоведения, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет», г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: abedrik@bk.ru

Войтенко Валерия Петровна – кандидат философских наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: leravvp@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Bedrik Andrei Vladimirovich – Candidate of Sciences in Sociology, Director of the Institute of Sociology and Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: abedrik@bk.ru.

Voytenko Valeria Petrovna – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: leravvp@mail.ru.

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.16.

EDN BIXBJI

**Оценка социальной дифференциации и неоднородности
социальных ресурсов территориальных общностей****Нина О. Соколова¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Аннотация

Введение. В статье рассматриваются особенности дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей (на примере г. Таганрога Ростовской области). Актуальность исследования обусловлена нестабильностью социально-экономической ситуации в стране, провоцирующей усиление социальной неоднородности населения и рост численности бедных слоев. Исследование ориентировано на поиск границ бедности, определение социальных установок населения, выявление факторов, способствующих развитию социальных ресурсов территориальной общности.

Цель данной работы – провести оценку социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей (на примере г. Таганрога Ростовской области). Объект исследования – население города. Предмет исследования – представления респондентов о своих стратификационных позициях и определяющих эту позицию факторах.

Методы. Теоретико-методологической основой исследования являются ресурсный и стратификационный подходы, позволяющие оценить как структуру социальной неоднородности, так и ее основные источники. Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные в ходе анкетного опроса, проведенного с ноября по декабрь 2022 г. в г. Таганроге Ростовской области.

Результаты и их обсуждение. Анализ показал, что неоднородность социальных ресурсов территории обусловлена неравномерностью распределения доходов. Это компенсируется сформировавшейся у населения социальной состоятельностью. Поэтому помощь со стороны государства требуется 10–15% населения. Около 20% успешно адаптируются к изменениям в социально-экономической среде. Остальное население готово самостоятельно приложить максимальные усилия для самообеспечения. Резюмируя, можно говорить о том, что у рассматриваемой территориальной общности зафиксирован достаточный потенциал для развития социальных ресурсов и сокращения социальной поляризации. Социальные установки населения демонстрируют высокий уровень субъектности. Для реализации данного потенциала органам власти необходимо обеспечить стабильное функционирование институциональной системы.

Ключевые слова: социальные ресурсы; социологические исследования; социальные установки; территориальные общности; социальная дифференциация; социальный успех

Для цитирования: Соколова Н.О. (2023). Оценка социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 168–176. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.16>.

**Assessment of social differentiation and heterogeneity of social resources
of territorial communities****Nina O. Sokolova¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru

Abstract

Introduction. In the article we observe the features of differentiation and heterogeneity of social resources of territorial communities (taking as an example Taganrog, Rostov region). The urgency of the study is explained the instability of the socio-economic situation in the country, which provokes an increase in the social heterogeneity of the population and raising number of the poor. The study is focused on finding the “boundaries” of poverty; determination of social attitudes of the population; identification of factors contributing to the improvement of social resources of the territorial community. The purpose of this work is

to assess social differentiation and heterogeneity of social resources of territorial communities (taking as an example Taganrog, Rostov region). The object of the investigation is the population of the city. The subjects of the study are the respondents' ideas about their stratification positions and the factors that determine this position.

Methods. The theoretical and methodological basis of the study is the resource and stratification approaches, which make it possible to assess both the structure of social heterogeneity and its main sources. The data obtained during a questionnaire survey conducted from November to December 2022 in the city of Taganrog, Rostov Region was the empirical basis of the study.

Results of the research and its discussion. The analysis showed that the heterogeneity of the social resources of the territory is due to the uneven distribution of income. This is compensated by the social solvency formed among the population. Therefore, assistance from the state requires 10-15% of the population. About 20% successfully adapt to changes in the socio-economic environment. The rest of the population is ready to independently make maximum efforts for self-sufficiency. Summarizing, we can say that the territorial community under consideration has a potential for the improvement of social resources and the decline of social polarization. The social attitudes of the population demonstrate a high level of subjectivity. To realize this potential, the authorities need to ensure the stable functioning of the institutional system.

Keywords: social resources; sociological research; social attitudes; territorial communities; social differentiation; social success

For citation: Sokolova N.O. (2023) Assessment of social differentiation and heterogeneity of social resources of territorial communities. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 168–176. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.16>.

Введение

Прошло более трех десятилетий после начала перестройки и развития в нашей стране экономики рыночных отношений. Идеологи произведенных в 1990-х гг. реформ утверждали, что процессы саморегуляции не только позволят сформировать конкурентных субъектов хозяйствования, но и создадут устойчивую стратификационную структуру, отражающую принципы равных возможностей. Однако прошедшее время показало, что социальная неоднородность населения по-прежнему характеризуется слишком многочисленной социальной группой, состоящей из низкодходных слоев населения. Как справедливо отмечает Дятлов (2013), реформирование не связывалось с повышением уровня жизни всего населения. Это актуализирует поиск границ бедности и определение социальных установок, свойственных данной группе и тормозящих развитие социальных ресурсов территориальной общности.

Новизна исследования заключается в исследовании неоднородности распределения социальных ресурсов г. Таганрога, являющихся основой для развития данной территориальной общности.

Цель данной работы – провести оценку социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей (на примере г. Таганрога Ростовской области).

Объект исследования – население города. Предмет исследования – представления респондентов о своих стратификационных позициях и факторах, способных повлиять на достижение социального успеха.

Эмпирической основой исследования послужили данные, полученные в ходе анкетного опроса, проведенного с ноября по декабрь 2022 г. в г. Таганроге Ростовской области.

Методы

Теоретико-методологической основой исследования являются ресурсный и стратификационные подходы. Ресурсный подход позволяет исследовать потенциал развития территориальной общности. Как отмечает Дроздова (2019), социальные ресурсы территориальных общностей являются основным условием их существования

и развития. Ввиду того что обладание ресурсами предопределяет позиции человека в социальной структуре общества, можно заключить, что ресурсный подход органично дополняет стратификационный подход. Это обосновывается в трудах Мозговой (2016), Тихоновой (2006), Ядова (2001), *Donnenfeld* (1940) и пр. Тихонова считает, что «переход к концепции ресурсов как основания социальной стратификации... сулит существенный методологический прорыв по отношению к тем противоречиям и сложностям, в которых буквально “застряли” сегодняшние исследования стратификации» (Тихонова, 2006, 40). С одной стороны, нельзя не согласиться с мнением Заславской о том, что «в идеале социально-групповая структура общества призвана обеспечивать... относительное равенство жизненных шансов или возможностей граждан реализовать свои способности и личные ресурсы» (Заславская, 2005, 9). Однако современные реалии пока далеки от идеала. Текущее положение дел хорошо отражает высказывание Дроздовой, которая считает, что «именно наличие/отсутствие социальных ресурсов может являться как консолидирующим, так и дезинтегрирующим основанием для территориальных общностей» (Дроздова, 2019, 97). Подобная ситуация приводит к размыванию границы страт.

Анализ процессов деления общества по стратификационным показателям позволяет оценить отличия между качеством жизни высших и низших стратификационных групп. Анализ статистической информации показывает, что современные экономические тенденции обуславливают «увеличение разрыва между богатыми и бедными слоями населения Ростовской области и ухудшение стратификационных характеристик» (Немчина, 2022, 157). Как справедливо указывает Дятлов, «различия в доходах, образе жизни, образовании, территориальном размещении, ценностях отражают становление совершенно противоположных групп, объединенных только территориальным пространством» (Дятлов, 2005, 162). Многие исследователи указывают на то, что социальная дифференциация существенно влияет на уровень удовлетворения потребностей (Дроздова, 2019; Яковлева, 2019; Янкина, 2000; Maslow, 1954). В условиях социально-экономической нестабильности остро встают такие проблемы, как бедность, обнищание населения (Социальная консолидация..., 2019, 227), поэтому важной основой иерархического выстраивания страт становится материальный фактор. При этом многие исследователи указывают на субъективное восприятие населением оценок в плоскости «богатый – бедный». Особенно ярко это проявляется при рефлексии населением своего уровня и качества жизни. В связи с этим исследователи отмечают, что сравнение своего качества жизни с качеством жизни других позволяет дать оценку реальному положению дел (Рачипа, 2011). Аналогичные тенденции зафиксированы в ходе реализации исследования социальной неоднородности населения России (Горшков, 2004).

Выяснив, что «для 90% опрошенных бедность – это уровень жизни немного ниже их собственного. Иначе говоря, *определение “черты бедности” так же сильно зависит от собственных доходов людей, как и их представления о “черте богатства”*», Тихонова отмечает, что для бедных и богатых слоев населения социальные ресурсы имеют различное значение. Так, для богатых – это «капитал, которым они могут свободно распоряжаться, обращаясь к нему по мере необходимости и используя в наиболее эффективной форме» (Тихонова, 2004, 24). Капитал для бедных представляется как «ресурс, используемый в форме, выбор которой часто зависит от предоставляющего помощь» (там же).

Необходимо отметить, что важную роль в стратификационном подходе отводят такому фактору, как семья (помощь со стороны близких и родственников), определяющая принадлежность человека к определенной страте (Ядов, 2001). Как пишут Аперян

и Ковалев, «каждый субъект социальных отношений размещался на той нише социального пространства, которую занимали его родители» (Аперян, 2019, 73). При этом отмечается, что семья выходит на первые места в числе факторов, влияющих на социальную мобильность. Яковлева считает, что отношения в семье представляют ресурсы сильных социальных связей (Яковлева, 2019, 90–91). Это же отмечает Давыдова, указывая, что «пребывание в мейнстриме для россиян означает нахождение в разветвленной системе надежных родственно-дружеских контактов, жизнь с ощущением удовлетворенности возможностями общения, уверенностью в потенциальной поддержке близких в случае необходимости (“когда есть, на кого положиться”) и в состоянии психологического комфорта без ощущения одиночества» (Давыдова, 2007, 172).

Все вышеперечисленное составило основу для применения стратификационного подхода к исследованию проблемы развития социальных ресурсов территориальных общностей. Предпринятая в данной работе попытка изучения социальной дифференциации и неоднородности социальных ресурсов территориальных общностей строится по результатам авторского исследования неоднородности социальной среды г. Таганрога, которое проводилось в ноябре и декабре 2022 г. Объем выборочной совокупности составил 200 человек. Выборка репрезентативна по половозрастным характеристикам населению Таганрога (на 2022 г.). В частности, по гендерному составу мужчины составили 45%, женщины – 55%; по возрастному признаку опрошенные в возрасте 18–29 лет составили 16%, 30–39 лет – 19%, 40–49 лет – 16%, 50 лет и старше – 49%. Анкета включала вопросы, позволяющие определить самооценку респондентов по поводу своего социального положения, доходов в семье, уровня адаптации в социально-экономической среде, а также выделить те факторы, которые респонденты считают решающими для достижения социального успеха.

Результаты исследования и их обсуждение

Социальные ресурсы территории всегда характеризуются той или иной степенью поляризации. Традиционным основанием для определения социальной неоднородности является деление на социальные классы. Результаты проведенного в Таганроге исследования демонстрируют традиционную ситуацию: чаще всего респондентами указывается принадлежность к среднему классу (рис. 1).

За прошедшие 15 лет самооценка социального положения изменилась в худшую сторону: в два раза уменьшилась доля тех, кто причисляет себя к высшему классу и выше среднего; на 17% выросла доля среднего класса. Такое понимание своей социальной позиции во многом связано с субъективным восприятием ситуации и желанием принадлежать к средним позициям. Границы бедности, согласно данным, пролегают на уровне 22–24%. Больше половины респондентов относят себя к среднему классу, при этом население указывает на невысокий уровень дохода (рис. 2).

Уровень среднедушевого дохода в Ростовской области в августе 2022 г. составил 37 361 рублей, а минимальный прожиточный уровень – 11 895 рублей. Таким образом, у более чем половины респондентов в семье доходы, приходящиеся на одного человека, меньше установленного среднедушевого дохода. При этом, согласно данным, население хорошо осознает эту ситуацию. В частности, среди самых серьезных проблем территории первой по важности указывается именно низкий уровень заработной платы. Этот вопрос беспокоит 63% опрошенных. Таким образом, если рассматривать в качестве основного стратификационного критерия материальный фактор, то саморефлексия своего дохода перепозиционирует (см. рис. 1) существенную часть респондентов на уровень ниже среднего.

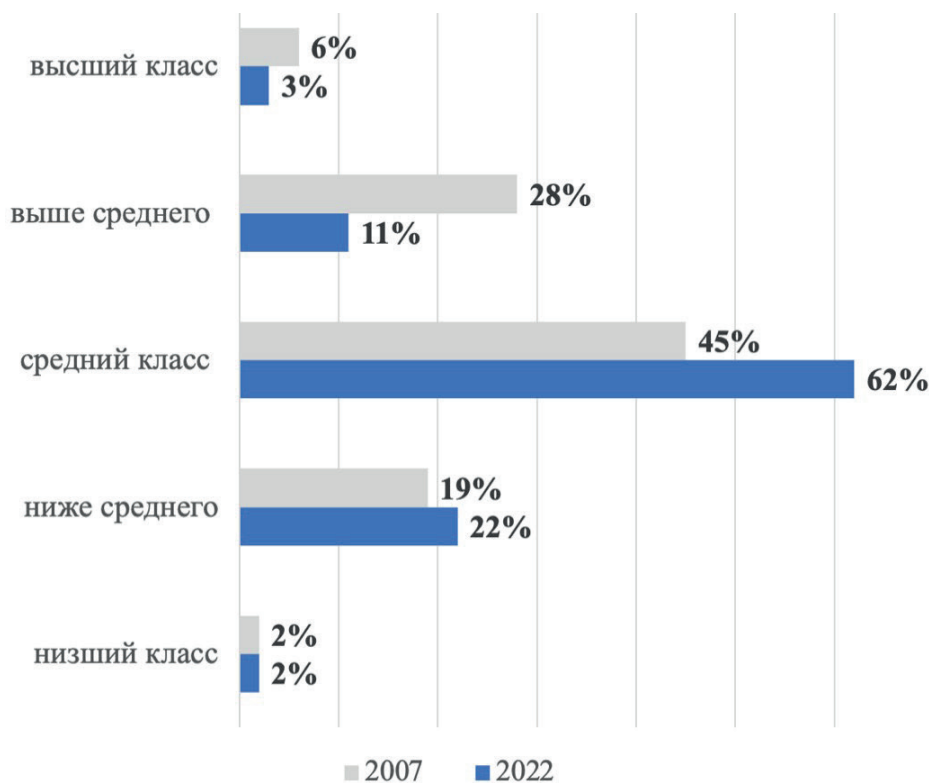

Рисунок 1. Самоопределение респондентами социального положения своей семьи
(данные по Таганрогу за 2022 г. – результаты авторского исследования;
за 2007 г. – приведены по источнику (Янкина, 2009б, 250))

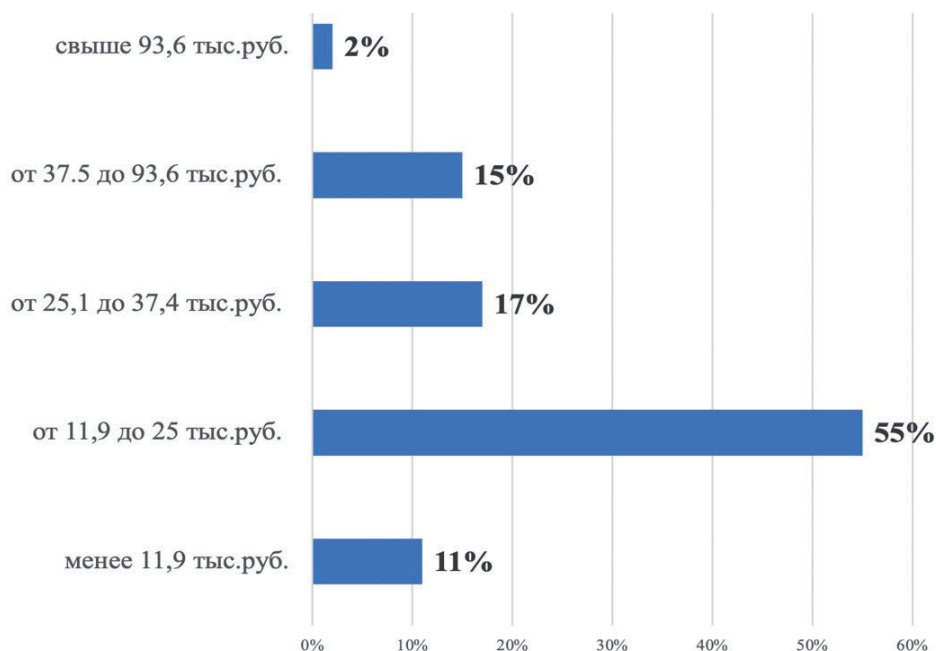

Рисунок 2. Средний уровень доходов в семье, приходящийся на одного человека

Оценка ресурсов чаще всего связывается с возможностью их использования. Как показывают результаты исследования, хорошие финансовые возможности имеют около пятой части населения. У остальных они достаточно ограничены (табл. 1).

Таблица 1

Оценка финансовых возможностей семьи

Варианты ответов	Количество выборов, %
Позволяем ни в чем себе не отказывать	6
Можем накопить на приличный автомобиль и квартиру	11
Есть возможность откладывать, дохода достаточно для нормальной жизни	48
Покупка обуви, одежды – проблема, но денег на каждодневные траты достаточно	23
Нехватка на самое необходимое. Жизнь от зарплаты до зарплаты	12

Важной составляющей социальной дифференциации является собственное понимание достигнутых жизненных результатов. Такая рефлексия отражает еще и те усилия, которые затрачивает человек, чтобы удержать/занимать имеющиеся социальные позиции. Исследование показало, что эффективные модели поведения в социальном пространстве использовали только 22%. Это те, кому удалось использовать новые возможности. Остальная часть опрошенных менее успешно адаптируется к изменениям во внешней среде: 45% указывают, что для того, чтобы создать достойный уровень жизни, им приходится всячески изворачиваться; 27% респондентов считают, что в их жизни ничего не изменилось; 3% смирились с отказом от прежнего образа жизни; 4% не смогли приспособиться к новым условиям. Несмотря на скромные адаптационные успехи большей части опрошенных, достаточно оптимистично выглядит вера существенного количества респондентов в собственные способности решать свои жизненные проблемы. В частности, 55% опрошенных указывают, что достичь успеха и решить свои проблемы могут самостоятельно; 35% – с помощью друзей и родных; 4% – только с помощью местных органов власти; 6% – с помощью государства. Таким образом, выявленная неравномерность распределения доходов, провоцирующая неоднородность социальных ресурсов территориальных общностей, компенсируется сформировавшейся у населения социальной состоятельностью. Около 85% готовы самостоятельно решать возникающие социальные затруднения (не апеллируя к помощи государственных и муниципальных органов управления).

Предпосылкой и основой данных утверждений является убеждение населения в том, что для достижения социального успеха необходимо приложить собственные усилия (табл. 2).

Таблица 2

Факторы, определяющие конкурентоспособность личности и социальный успех

Варианты ответов	Количество выборов, %
Целеустремленность и трудолюбие	77
Качественное образование, квалификация	71
Семья (дающая начальный капитал, происхождение и прочую помощь)	63
Планирование жизни, способность контролировать собственную жизненную среду	36
Обширные социальные и межличностные связи	35
Профессиональные амбиции и карьерные устремления	33
Проживание в регионе с развитой экономикой	23

Окончание табл. 2

Варианты ответов	Количество выборов, %
Высокая самооценка и саморазвитие	20
Состояние здоровья и развитая медицина	19
Готовность к риску	18
Предпринимательский (особый) тип сознания и мышления	11
Высокий уровень знания иностранных языков	9
Принадлежность к конкретной национальности	2
Принадлежность к конкретной религиозной конфессии	1

Сравнивая полученные результаты с результатами исследования, проведенными в Таганроге в 2007 г. (Янкина, 2009а), можно отметить, что для горожан снизилось значение готовности к риску (в 2007 г. на важность этого фактора указали 72% респондентов); принадлежности к конкретной этнической группе (в 2007 г. это было важно для 29%); нужных связей (в 2007 г. указали 90%). Ранжирование факторов, определяющих конкурентоспособность личности и успех в обществе, показывает, что основой развития социальной карьеры для населения являются трудолюбие, образование и помощь семьи (что полностью согласуется с основными результатами, полученными в ходе проведения теоретического обзора наработок в области ресурсного анализа и стратификационных исследований).

Заключение

Полученные данные демонстрируют высокий уровень субъектности, компенсирующий все еще существующую в социальном пространстве территории серьезную неравномерность распределения ресурсов. Все материалы исследования показывают, что реальная помощь со стороны органов государственного и муниципального управления требуется 10–15% населения. Около 20% населения выработали эффективные модели поведения в социальном пространстве и успешно адаптируются к изменениям в социально-экономической среде. Остальные (несмотря на невысокие доходы) готовы самостоятельно приложить максимальные усилия для самообеспечения.

Таким образом, в ходе исследования у рассматриваемой территориальной общности зафиксирована готовность к решению своих жизненных проблем и социальные установки, необходимые для успешного развития социальных ресурсов. Для реализации имеющегося социального потенциала данной территории органам власти достаточно только обеспечить стабильное функционирование институциональной системы, обеспечив гарантии ее упорядоченности и предсказуемости.

Литература

- Аперян, А.В. Влияние семьи на характеристики социального неравенства: анализ социологического дискурса / А.В. Аперян, В.В. Ковалев // *Социально-гуманитарные знания*. – 2019. – № 11. – С. 73–78. – EDN IPQYXW.
- Горшков, М.К. Богатство и бедность в представлениях россиян / М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова // *Социологические исследования*. – 2004. – № 3. – С. 16–22. – EDN OWVWKZ.
- Давыдова, Н.М. Социальный капитал как фактор формирования и воспроизводства социальных неравенств / Н.М. Давыдова // *Россия реформирующаяся*. – 2007. – № 6. – С. 169–182. – EDN NOPNSA.

- Дроздова, Ю.А. Ресурсный подход в исследовании территориальных общностей / Ю. А. Дроздова // *Вестник Института социологии*. – 2019. – Т. 10, № 1. – С. 82–103. – DOI 10.19181/vis.2019.28.1.557. – EDN ZCIXOX.
- Дятлов, А.В. Влияние состояния социальных ресурсов на экономическую безопасность России / А.В. Дятлов // *Социально-гуманитарные знания*. – 2013. – № 11. – С. 278–284. – EDN RZEENB.
- Дятлов, А.В. Социальные ресурсы развития российского общества: автореферат диссертации ... доктора социологических наук / А.В. Дятлов. – Ростов-на-Дону, 2005. – 50 с. – EDN NIBVWJ.
- Заславская, Т.Н. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т.Н. Заславская // *Общественные науки и современность*. – 2005. – № 4. – С. 13–25. – EDN OOUYRP.
- Мозговая, А.В. Неравенство в распределении рисков: ресурсы и стратегии адаптации / А.В. Мозговая, Е.В. Шлыкова // *Россия реформирующаяся*. – 2016. – № 14. – С. 358–378. – EDN WBLZOB.
- Немчина, В.И. Социально-экономические условия формирования социальных ресурсов Ростовской области / В.И. Немчина, Н.О. Соколова // *Гуманитарий Юга России*. – 2022. – Т. 11, № 6. – С. 145–160. – DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.8. – EDN DGEJGT.
- Рачина, А.В. Социологический подход к анализу качества жизни молодежи: теоретические и методологические аспекты / А.В. Рачина, И.А. Янкина // *Казанская наука*. – 2011. – № 6. – С. 76–78. – EDN NYJGSJ.
- Социальная консолидация в обществе потребления: социальные ресурсы и механизмы управления в условиях российских реалий / Е. М. Харитонов, В. С. Пусько, А. В. Верещагина [и др.] // *Гуманитарий Юга России*. – 2019. – Т. 8, № 4. – С. 221–233. – DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.23. – EDN GFMHGZ.
- Тихонова, Н.Е. Ресурсный подход как новая теоретическая парадигма в стратификационных исследованиях / Н.Е. Тихонова // *Экономическая социология*. – 2006. – Т. 7, № 3. – С. 11–26. – EDN OYOAUH.
- Тихонова, Н.Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Н.Е. Тихонова // *Общественные науки и современность*. – 2004. – № 4. – С. 24–35. – EDN NJYFLY.
- Ядов, В.А. Социальный ресурс индивидов и групп как их капитал: возможность применения универсальной методологии исследования реального расслоения в российском обществе / В.А. Ядов // *Кто и куда стремится вести Россию? Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса*. М.: Московская высшая школа социальных и экономических наук; 2001. – С. 310–318.
- Яковлева, Н.И. Социальные ресурсы и препятствия в достижении жизненного успеха / Н.И. Яковлева // *Вестник Государственного социально-гуманитарного университета*. – 2019. – № 2. – С. 89–95. – EDN VVERCP.
- Янкина, И.А. Истоки богатства и бедности в оценках жителей г. Таганрога / И.А. Янкина // *Известия ЮФУ. Технические науки*. – 2009а. – № 1. – С. 229–233. – EDN MBXFPX.
- Янкина, И.А. Качество жизни населения среднего города России: адаптационные стратегии и эффективность управления: диссертация ... доктора социологических наук / И.А. Янкина. – Ростов-на-Дону, 2009б. – 504 с.
- Donenfeld M.J. The meaning of social resources / J.M. Donenfeld // *The Journal of Educational Sociology*. – 1940. – May. – № 13(9). – P. 560–564.
- Maslow, A.H. Motivation and personality / A.H. Maslow. – New York: Harpaer & Row; 1954. – 164 p.

References

- Aperyan A.V., Kovalev V.V. The influence of the family on the characteristics of social inequality: an analysis of sociological discourse. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2019; 11: 73–78. (In Russ.)
- Davydova N.M. Social capital as a factor in the formation and reproduction of social inequalities. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is reforming*. 2007; 6: 169–182. (In Russ.)
- Donnenfeld M.J. The meaning of social resources. *The Journal of Educational Sociology*. 1940. 13(9): 560–564. URL: <https://www.jstor.org/stable/2261721> (date of application: 11.09.2023)
- Dyatlov A.V. Social resources for the development of Russian society: abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Sociological Sciences. Rostov-on-Don; 2005. 50 p. (In Russ.)
- Dyatlov A.V. The influence of the state of social resources on the economic security of Russia. *Social'no-gumanitarnye znaniya = Socio-humanitarian knowledge*. 2013; 11: 278–284. (In Russ.)
- Gorshkov M.K., Tihonova N.E. Wealth and poverty in the representations of Russians. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2004; 3: 16–22. (In Russ.)
- Haritonov E.M., Pus'ko V.S., Vereshchagina A.V. [et al.]. Social consolidation in the consumer society: social resources and management mechanisms in the conditions of Russian realities. *Gumanitarij YUga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2019; 8 (4): 221–233. DOI 10.23683/2227-8656.2019.4.23. (In Russ.)
- Maslow A. H. Motivation and personality. New York: Harper & Row; 1954. 164 p.
- Mozgovaya A.V., Shlykova E.V. Inequality in risk distribution: resources and adaptation strategies. *Rossiya reformiruyushchayasya = Russia is reforming*. 2016; 14: 358–378. (In Russ.)

- Nemchina V.I., Sokolova N.O. Socio-economic conditions for the formation of social resources in the Rostov region. *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*. 2022; 11(6): 145–160. DOI 10.18522/2227-8656.2022.6.8. (In Russ.)
- Rachipa A.V., Yankina I.A. A sociological approach to the analysis of the quality of life of youth: theoretical and methodological aspects. *Kazanskaya nauka = Kazan Science*. 2011; 6: 76–78. (In Russ.)
- Tihonova N. E. Social capital as a factor of inequality. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*. 2004; 4: 24–35. (In Russ.)
- Tihonova N.E. Resource approach as a new theoretical paradigm in stratification research. *Ekonomicheskaya sociologiya = Economic sociology*. 2006; 7 (3): 11–26. (In Russ.)
- Yadov V.A. The social resource of individuals and groups as their capital: the possibility of applying a universal methodology for the study of real stratification in Russian society. *Who is trying to lead Russia and where? Actors of macro, meso and micro levels of the modern transformation process*. M.: Moskovskaya vysshaya shkola social'nyh i ekonomicheskikh nauk = Moscow: Moscow Higher School of Social and Economic Sciences; 2001. Pp. 310–318. (In Russ.)
- Yakovleva N.I. Social resources and obstacles in achieving success in life. *Vestnik Gosudarstvennogo social'no-gumanitarnogo universiteta = Bulletin of the State University of Social Sciences and Humanities*. 2019; 2: 89–95. (In Russ.)
- Yankina I. A. The origins of wealth and poverty in the estimates of residents of Taganrog. *Izvestiya YuFU. Tekhnicheskie nauki = News of the Southern Federal University. Technical sciences*. 2009; 1: 229–233. (In Russ.)
- Yankina I.A. The quality of life of the population of an average Russian city: adaptation strategies and management effectiveness: dissertation ... Doctor of Sociological Sciences. *Rostov-na-Donu = Rostov-on-Don*; 2009. 504 p. (In Russ.)
- Zaslavskaya T.N. Human potential in the modern transformational process. *Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and modernity*. 2005; 4: 13–25. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 18.11.2023

Дата принятия к публикации: 25.11.2023

Информация об авторе

Соколова Нина Оганесовна – аспирант, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Sokolova Nina Oganesovna – postgraduate student, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nina.chizhickova@yandex.ru.

The author declares that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.43

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.17.

EDN MRZERM

Социологический эксперимент по моделированию общественного развития**Павел Н. Лукичев¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru

Аннотация

Введение. Целью работы выступает построение экспериментальной модели, объединяющей экономические и демографические процессы.

Методы. Методологической базой концепции выступают идеи экономистов-физиократов, элементы теории игр, связанные с редукцией сложного процесса к упрощенной абстрактной модели, а также методологический прием движения от абстрактного к конкретному. В предлагаемой модели потребности социальных индивидов рассматриваются как витальные потребности, удовлетворяемые в определенных культурных формах. Такой подход потребовал введения новых понятий и иной интерпретации устоявшегося понятийного аппарата.

Результаты и их обсуждение. Осуществлено построение абстрактных вариантов экспериментальной модели аграрно-пасторального общества и общества в фазе перехода к индустриальной стадии развития. Привлечение конкретного статистического материала дает возможность верификации экспериментальной модели, что приводит к ряду обоснованных выводов и прогнозированию экономико-демографических процессов в фазе перехода к информационной стадии социального развития.

Ключевые слова: витальные потребности; культурные формы удовлетворения потребностей; необходимый продукт; продукт оборота; продукт запаса; избыточный продукт; экспериментальная модель; естественное движение населения; естественный инфляционный процесс.

Для цитирования: Лукичев П.Н. (2023). Социологический эксперимент по моделированию общественного развития. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 177–190. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.16>

A sociological experiment on modeling social development**Pavel N. Lukichev¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru.

Abstract

Introduction. The aim of the work is to build an experimental model that combines economic and demographic processes.

Methods. The methodological basis of the concept is the ideas of physiocratic economists, as well as elements of game theory associated with the reduction of a complex process to a simplified abstract model, as well as the methodological technique of moving from the abstract to the concrete. In the proposed model, the needs of social individuals are considered as vital needs that are satisfied in certain cultural forms. This approach required the introduction of new concepts and a different interpretation of the established conceptual apparatus.

Results and discussion.

Abstract variants of an experimental model of an agrarian-pastoral society and a society in the phase of transition to the industrial stage of development are constructed. The involvement of a specific statistical material makes it possible to verify the experimental model, which leads to a number of reasonable conclusions and forecasting of economic and demographic processes in the phase of transition to the information stage of social development.

Keywords: vital needs; cultural forms of satisfaction of needs; necessary product; turnover product; stock product; excess product; experimental model; natural population movement; natural inflationary process.

For citation: Lukichev P.N. (2023). A sociological experiment on modeling social development. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 177–190. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.17>

Введение

Нижеследующий текст, конечно, можно посчитать просто игрой мысли, не имеющей какого-либо отношения к реальности, хотя на самом деле нацелен он на погружение в сущность процесса, очищенного от множества действующих факторов так, чтобы модель выглядела максимально упрощенной. Это связано с необходимостью пересмотра наличествующих экономических теорий, поскольку все они были в свое время рассчитаны на анализ индустриального общества и очень плохо работают в отношении присваивающего хозяйства и аграрно-пасторальной экономики, не говоря уже об информационном обществе.

Методы

Указанное обстоятельство заставляет обратиться к идеям, которые, казалось бы, уже стали историей экономической мысли, были подвергнуты заслуженной и незаслуженной критике и отвергнуты напрочь. Имеются в виду концепции физиократов – Ф. Кенэ, А.Р. Тюрго, Ж.А. Кондорсе, которые стали эвристической базой методологического конструкта предлагаемой модели. В особенности – так называемая «Экономическая таблица» Франсуа Кенэ. Другим методологическим основанием стали идеи российских социологов конца XIX – начала XX в. – Н.К. Михайловского (Михайловский, 1998) и М.М. Ковалевского (Ковалевский, 1905). Использованы и современные подходы «теории игр», в частности – упрощение модели до голой абстракции, освобожденной от всех нюансов и красочной уникальности реальных феноменов, а также методологический прием движения от абстрактному к конкретному.

Обсуждение

Однако прежде всего следует обратиться к философским основаниям. Поскольку вся хозяйственная деятельность человека так или иначе нацелена на удовлетворение его потребностей, то у истоков любой экономической теории находится философское понимание того, что собой эти потребности представляют. Собственно говоря, проблема-то не только философская, но и лингвистическая. Дело в том, что ни в одном из языков мира понятие «потребность» не разделяется на относимое к физическому, телесному, органическому воспроизводству человека и относимое к культурным формам, в которых эти потребности организма в химических веществах и энергии удовлетворяются.

«Мне нужен новый ноутбук» и «мне нужно поесть» грамматически совершенно одинаково выражают разные вещи. Между тем это разделение на уровне абстракции совершенно необходимо. Хотя абсолютно ясно, что в реальности оно не осуществимо, поскольку удовлетворение потребности организма в осуществлении метаболических процессов невозможно иначе чем в определенных культурных формах. Причем сами эти культурные формы материально выражены, энергетически насыщены и информационно значимы (Sociodemographic management indicators..., 2021). Тем не менее мысленно мы можем данные формы отделить от той части материи, которая участвует в органическом метаболизме только на биологическом уровне. В этом случае мы можем говорить, что потребности органического метаболизма на всем протяжении времени существования вида *Homo sapiens* остаются неизменными в отличие от культурных требований к формам их удовлетворения. Последние постоянно и во все большей степени насыщаются энергией.

Поэтому введем следующие понятия:

- необходимый продукт – продукт, необходимый для органического воспроизводства социальных индивидов;
- продукт оборота – продукт, необходимый для воспроизводства необходимого продукта;
- продукт запаса – продукт, необходимый для компенсации последствий природных катаклизмов, в силу которых может сократиться продукт оборота или необходимый продукт. Таким образом, продукт запаса может быть превращен в продукт оборота или необходимый продукт.

Сказанное приводит к выводу, что необходимый продукт (в узком смысле), продукт оборота и продукт запаса являются необходимым продуктом в широком смысле этого понятия.

И наконец: избыточный продукт – продукт, возникающий вследствие недоиспользования продукта запаса, а так как в натуральном виде он длительное время храниться не может, то его необходимо иноовеществовать и придать ему более долговечную вещную форму.

В условиях присваивающей стадии хозяйственного развития, когда необходимый (в узком смысле) продукт добывается охотой и собирательством, продукт оборота создается самой природой и представляет собой естественный процесс воспроизводства окружающей природной среды. Необходимости иметь продукт запаса также обучает человека природная среда. Многие виды животных, обитающих в климатических зонах с естественным сезонным изменением, делают запасы продуктов, их «прозорливость» как раз и служит примером для человека.

Избыточный продукт, в незначительном количестве возникающий уже на самых ранних этапах развития археологических культур (типа дошелевской), обеспечивает половозрастное разделение функций между членами первобытного коллектива и усиливает половой диморфизм.

С другой стороны, осуществление орудийной деятельности означает лишь то, что время, свободное от добычи пропитания и прочих процессов органического метаболизма, которое животные тратят (с этой точки зрения) «впустую», помимо игр и развлечений используется более целесообразно. Даже применение примитивных галечных орудий труда уже позволяет получить не только необходимый продукт, но и продукт запаса и избыточный продукт, поддерживающий, таким образом, достигнутый уровень культурных форм жизнедеятельности.

Здесь следует обратить внимание на важный момент, хотя он и относится, собственно говоря, к другой теме (Лукичев, 2022). А именно на то, что энергия не только поглощается биологическим организмом из природной среды и используется им, но и тратится. Причем используется и тратится в среднем в том же количестве, в котором приобретает. Но она может быть потрачена на «прыжки по деревьям», а может быть использована в процессе трудовой деятельности, деятельности, осуществляемой в определенных культурных формах, по производству культурных форм жизнедеятельности.

Не будем рассматривать проблемы неолитической революции и перехода к производящей экономике. Это, конечно, тоже тема особого разговора. Однако представляется очевидным, что такой революционный шаг стал результатом сокращения продукта оборота, что и вынудило перейти от его воспроизводства природой к сознательной человеческой деятельности по его получению. Подобное было и прежде известно, но не было доминантным способом жизнеобеспечения.

Дадим пояснение к используемым дальше обозначениям:

- н.п. – необходимый продукт;
- п.о. – продукт оборота;
- п.з. – продукт запаса;
- и.п. – избыточный продукт;
- у.е.п. – условная единица продукции;
- у.с.и. – условные социальные индивиды;
- у.д.е. – условная денежная единица.

Построим первый, наиболее простой вариант модели хозяйственной жизнедеятельности аграрно-пасторального общества.

Представим дело таким образом, что в сельскохозяйственном секторе экономики занято, скажем, 95% населения, проживающего, соответственно, в сельской местности. Тогда 5% – это городское население, занятое торговлей, административным управлением, производством ремесленной продукции, обеспечением безопасности этого абстрактного полиса, т.е. оно оторвано от непосредственного производства средств, удовлетворяющих витальные потребности, и сосредоточено на производстве культурных форм их удовлетворения. Пойдем дальше и представим данные проценты в виде условных социальных индивидов (у.с.и.). Очевидно, что они должны быть обеспечены определенным количеством жизненных средств – условных единиц продукции (у.е.п.), каждую из которых приравняем к витальным потребностям одного условного социального индивида. Допустим также, что производительность труда в сельском хозяйстве в среднем, независимо от вида произведенной продукции, составляет «сам-десять», а стоимость продукции сельского хозяйства, поставляемой на рынок, исчисляется в условных денежных единицах (у.д.е.), каждая из которых равна условной единице продукции.

Таким образом, данный вариант модели предусматривает необходимость получения более 100 условных единиц продукции, поскольку следует иметь продукт оборота для воспроизводства производства и продукт запаса для компенсации изменения природных условий. Само собой разумеется, продукт оборота должен превышать 10 условных единиц продукции, чтобы и в следующем цикле производства получить и продукт оборота, и продукт запаса. С другой стороны, продукт запаса не должен иметь значение, большее 1,56 в пропорции от продукта оборота (Лукичев, 2017, 200–208), чтобы не быть безнадежно и бессмысленно утраченным. Таким образом, будем считать, что общая сумма условных единиц продукции равна 120 и распределена так, как показано в табл. 1.

Таблица 1

Распределение условных единиц продукции (вариант 1)

Необходимый продукт	Продукт оборота	Продукт запаса	Избыточный продукт	Общая сумма
95 у.е.п.	12 у.е.п.	8 у.е.п.	5 у.е.п.	120 у.е.п.
95 у.с.и.			5 у.с.и.	100 у.с.и.
			5 у.д.е.	5 у.д.е.

Можно предположить удвоение численности населения через 50 лет. В этом случае общий для города и для села годовой коэффициент прироста населения будет равен

$$k = \frac{1}{50} \ln 2 = 0,01386...$$

Однако в городе и на селе демографические процессы происходят по-разному: в городе рождаемость существенно ниже, чем на селе, хотя смертность на стадии аграрно-пасторального экономического развития остается примерно равной. Поэтому будем считать, что на селе коэффициент прироста населения равен

$$k_c = \frac{1}{50} \ln \frac{192}{90} = 0,01407...,$$

а в городе

$$k_r = \frac{1}{50} \ln \frac{8}{5} = 0,0094...$$

Допустим, общий коэффициент смертности равен $k_m = 0,036$. Тогда коэффициент рождаемости на селе –

$$k_n(c) = k_m + k_c = 0,036 + 0,01407 = 0,05007;$$

в городе –

$$k_n(r) = k_m + k_r = 0,036 + 0,0094 = 0,0454.$$

Кстати, данные цифры даны не «с потолка», это вполне реальные цифры рождаемости и смертности в России XIX в. (Россия, 1991, 93). Однако они означают, что величина, обратная среднему логарифмическому рождаемости и смертности, которая является индексом культурного состояния, для села:

$$(\vartheta - \tau)_c = \frac{1}{k_c} \ln \frac{k_n(c)}{k_m} = 23,45;$$

для города:

$$(\vartheta - \tau)_r = \frac{1}{k_r} \ln \frac{k_n(r)}{k_m} = 24,68.$$

В свою очередь, это означает, что миграционные потоки направлены в общем случае из областей с меньшей величиной $(\vartheta - \tau)$ в регионы с большей величиной $(\vartheta - \tau)$ и меньшей рождаемостью, в нашем примере – из села в город. И если за 50 лет на селе население должно было достигнуть численности (в условных социальных единицах)

$$S_c = 95e^{0,01407 \times 50} = 192,$$

то в городе –

$$S_r = 5e^{0,0094 \times 50} \approx 8.$$

Чтобы пропорция $S_r/S_c = 5/95 = 0,0526...$ сохранилась (а она должна сохраниться, поскольку технология производства не меняется), два условных социальных индивида из села должны переместиться в город: $10/190 = 5/95$. Таким образом, общее удвоение численности – это 190 условных социальных индивидов на селе и 10 в городе. Схема увеличения количества условных единиц продукции будет такая, как показано в табл. 2.

Вот тут-то и начинается самое интересное. Во-первых, даже в варианте 1 условных денежных единиц на самом деле требуется больше, нежели 5 уд.е., поскольку их необхо-

Таблица 2

Распределение условных единиц продукции (вариант 2)

Необходимый продукт	Продукт оборота	Продукт запаса	Избыточный продукт	Общая сумма
190 у.е.п.	24 у.е.п.	16 у.е.п.	10 у.е.п.	240 у.е.п.
190 у.с.и.			10 у.с.и.	200 у.с.и.
			10 уд.е.	10 уд.е.

димый объем определяется не только простым обменом внутри города и между городом и селом, но и необходимостью организации производства, защиты социальной целостности от внешних сил, управления и обмена. И этот объем связан с пропорцией городского и сельского населения. Для варианта 1 это $5/95 = 0,05263$, т.е. 5,263 условной денежной единицы, или на $5 \times 0,0526 = 0,263$ уд.е. больше. Во-вторых, при удвоении численности жителей города соответственно вдвое возрастает потребность в объеме финансовых средств, находящихся в обращении. В нашем варианте 2 – до значения 10,52.

Из сказанного следует также важный вывод: при перманентном росте численности населения, даже при условии сохранения достигнутого технологического уровня производства или его крайне медленном изменении, возникает необходимость увеличения объема финансовых средств, находящихся в обращении. К тому же в аграрно-пасторальном обществе обмен происходит исключительно с использованием металлических денег. Тем самым требуется наличие соответствующего количества драгоценных металлов, что становится принципиальным социально-экономическим вопросом.

Недостаток металлических финансовых средств либо компенсируется посредством грабежа соседних народов, подвергающихся военной интервенции, либо, если это по каким-либо причинам невозможно, осуществляется порча монеты – уменьшение ее веса, увеличение содержания примесей и пр. При катастрофическом недостатке металлов происходит натурализация хозяйства. Подобное произошло в Римской империи эпохи домината, что с позиций европоцентризма получило наименование феодализации. Другой вариант демонстрирует Россия времен правления Алексея Михайловича, когда осуществляется попытка замены серебряных денег на медные.

Наоборот, избыточное количество золота, серебра и меди превращается в сокровища, ювелирные изделия, произведения искусства. Так, при папе Юлии II, правда и до него и немного после, происходит расцвет итальянского художественного искусства, обусловленный сосредоточением в папской казне монетизированного избыточного продукта в виде серебра, выкачиваемого в основном из германских княжеств. Накопление монетизированного избыточного продукта осуществляется также и в виде накоплений в сфере банковско-ростовщического сектора экономики, обеспечивая начальное накопление средств для последующего перехода к индустриальной стадии экономического развития. В противном случае происходят инфляционные процессы, как это имело место в Испании, а через нее и во всей Европе XVII в., когда туда хлынуло золото и серебро из Нового Света.

Коль скоро затронута тема перехода к индустриальному обществу, имеет смысл рассмотреть на нашей абстрактной модели результат увеличения производительности труда за счет совершенствования технологий производства. Хотя в качестве мыслимой модели все еще берем аграрно-пасторальное общество.

Для простоты будем считать, что имеем дело с теми же 100% населения, представленными 100 условными социальными индивидами. В то же время допустим, что

производительность сельскохозяйственного сектора экономики, опуская причины этого совершенствования, изменилась с величины «сам-десять» до значения «сам-двенадцать». Определить количество условных социальных индивидов на селе, обеспечивающих своим трудом витальные потребности всех 100% населения, можно посредством простой пропорции. Учитывая, что при производительности «сам-десять» в нашем абстрактном примере было необходимо 95 условных социальных индивидов, получаем:

$$\begin{aligned} 1/10 &\rightarrow 95 \\ 1/12 &\rightarrow ? \\ \frac{1}{12} \times 95 & \\ \frac{95}{12} &\approx 7,9 \\ 0,1 & \end{aligned}$$

Распределение условных единиц продукции показано в табл. 3.

Таблица 3

Распределение условных единиц продукции (вариант 3)

Необходимый продукт	Продукт оборота	Продукт запаса	Избыточный продукт	Общая сумма
79 у.е.п.	10 у.е.п.	7 у.е.п.	21 у.е.п.	117 у.е.п.
79 у.с.и.			21 у.с.и.	100 у.с.и.
			21 уд.е.	21 уд.е.

В этом, третьем варианте соотношение городского и сельского населения равно 21: 79 = 0,2658... По отношению к самому первому варианту, который был рассмотрен выше, пропорция городского и сельского населения изменилась в

$$(21: 79): (5: 95) = 0,26582: 0,05263 = 5,05063... \text{ раза.}$$

Минимально требуемое количество условных денежных единиц увеличивается чуть более чем в четыре раза (21: 5 = 4,2), но в действительности их требуется больше, поскольку средняя цена на каждую условную единицу продукции возрастает в пять раз, а это вынуждает вводить дополнительно в оборот 4,25 (5 × 5,05063 = 25,25...) условной денежной единицы для стабилизации процесса обмена. Отсюда – из нашей абстрактной экспериментальной модели – следует важный вывод: *развитие производства и повышение его производительности сопровождаются естественным инфляционным процессом*. При этом в 5,05 раза увеличивается не только количество условных денежных единиц, но и доход условных социальных индивидов и средняя цена условной единицы продукции.

Для вящей убедительности приведем еще один вариант нашей экспериментальной модели, принципиально важный для последующего движения к реальным примерам. Допустим, что соотношение численности городского и сельского населения изменяется с пропорции 5/95 (вариант 1) до значения 50/50. В этом случае продукт оборота может быть уменьшен вследствие повышения производительности с 12 условных единиц продукции до 6,32:

$$\begin{aligned} 95 &\rightarrow 12 \\ 50 &\rightarrow ? \\ 50 \times 12: 95 &= 6,32. \end{aligned}$$

Тогда продукт запаса может быть уменьшен до 4 условных единиц продукции, а избыточный продукт будет равен 50 единицам (табл. 4).

Таблица 4

Распределение условных единиц продукции (вариант 4)

Необходимый продукт	Продукт оборота	Продукт запаса	Избыточный продукт	Общая сумма
50 у.е.п.	6,32 у.е.п.	4 у.е.п.	50 у.е.п.	110,32 у.е.п.
50 у.с.и.			50 у.с.и.	100 у.с.и.
			50 у.д.е.	50 у.д.е.

Соответственно, естественный инфляционный процесс увеличивает количество условных денежных единиц, находящихся в обороте и необходимых для организации торгового обмена, сферы услуг и административных функций, в 19 раз:

$$(50/50): (5/95) = 19.$$

Иначе говоря, количество условных денежных единиц, находящихся в обороте, возрастает с 5,263 до 100 ($5,263 \times 19 = 99,997$). В этом случае и доходы условных социальных индивидов, и средняя цена на условную единицу продукции также возрастают в 19 раз.

Данный абстрактный расчет, проведенный даже без учета демографического роста, подтверждает наличие естественного инфляционного процесса.

Результаты исследования и их обсуждение

Перейдем, однако, от условных денежных единиц к реальным финансовым значениям, для чего воспользуемся имеющимися данными.

Накануне Великой реформы 1861 г. без учета Польши и Финляндии сельское население Российской империи составляло 94,6%, в городах проживало 5,4% (Брокгауз, 1991, 75–81). Тем самым отношение численности городского и сельского населения равнялось 5,4: $94,6 = 0,05708...$ В 1961 г. численность городского и сельского населения в СССР сравнивалась. Таким образом, отношение пропорций стало равным (50/50): $0,05708 = 17,52$. Иначе говоря, средняя цена на единицу продукции возросла в 17,52 раза. Правда, в конкретике опереться придется на те данные о ценах на продукты, номинация которых сопоставима с продукцией 1961 г. после проведенной денежной реформы. Кстати, сама реформа была проведена по соображениям «дальнейшего совершенствования советской денежной системы... повышения покупательной способности советского рубля... дальнейшего развития экономики...» (Постановление..., 1960), т.е. с целью согласования товарного оборота с оборотом денежных средств и с тем, чтобы уйти от действия всех иных факторов инфляции, кроме отмеченного выше фактора естественного инфляционного процесса. Вес этих факторов в 10 раз превосходил действие фактора естественного инфляционного процесса, что и объясняет увеличение стоимости рубля в десять раз.

Полученное среднее значение увеличения цены единицы продукции в 17,54 раза по сравнению с ценой в 1861 г. очень близко к расчетному (17,52). Но все же справедливости ради следует сказать, что с надежностью 68% истинное среднее значение лежит в интервале от 12,5 до 22,4 ($\pm \sigma / \sqrt{n} = 11,25 / \sqrt{5} = \pm 5,03$).

Таблица 5

Сравнение цен 1861 и 1961 гг.

Наименование продукции	Цены в 1861 г., руб.	Цены в 1961 г., руб.	Отношение цены 1961 г. к цене 1861 г.
Масло подсолнечное	1 пуд – 4,00 (1 литр – 0,25)	1 литр – 1,70	1,7: 0,25 = 6,8
Яйца	10 шт. – 0,06	10 шт. – 1,30	1,30: 0,06 = 21,7
Сахар	1 пуд – 7,50 (1 кг – 0,47)	1 кг – 0,94	0,94: 0,47 = 2
Водка	1 литр – 0,20 (0,5 литра – 0,10)	0,5 литра – 3,12	3,12: 0,10 = 31,2
Сельдь	1 пуд – 0,80 (1 кг – 0,05)	1 кг – 1,30	1,30: 0,05 = 26
Среднее значение	0,276	1,672	17,54

Примечание: сост. по (Цены на товары и услуги в 1860 году...; Цены на товары и услуги в 1961 году...).

Конечно, приведенные примеры из пяти номинаций не могут считаться статистически значимыми. Однако у нас есть и другие данные, которые укладываются в приведенную схему. Так, жалование учителя гимназии в 1861 г. составляло 80 рублей в год, или 6,67 рубля в месяц. Используя полученное различие в 17,54 раза, имеем на 1961 г. $6,67 \times 17,54 \approx 117$ рублей в месяц, что соответствует реальному значению. Племенной конь ахалтекинской породы в 1861 г. стоил 200 рублей и более (Сколько стоили лошади...). Зная, что сегодня цена легкового автомобиля представительского класса равна цене племенного жеребца, мы и на 1961 г. можем провести сравнение между ними. Так, автомобиль «Волга» (ГАЗ-21) стоил в 1961 г. 5100 рублей, а автомобиль «Москвич-407» – 2500 рублей. В среднем выходит 3800 рублей. Соответственно, $200 \times 17,54 = 3508$ рублей, что в принципе близко к значению 3800.

Более убедительный пример мы получаем при сравнении 1961 и 2023 гг.: на текущий момент процент сельского населения от общей численности – 25,1%, городского населения – 74,9%. Пропорция произошедшего изменения составляет

$$(74,9: 25,1\%): (50: 50) = 2,98...$$

В настоящее время вклад дополнительных факторов инфляции увеличивает действие фактора естественного инфляционного процесса. Частью это все еще является следствием тренда 1990-х гг. с его либеральной политикой невмешательства государства в рыночную экономику – политикой, исходившей из принципа «рынок сам все отрегулирует». Частью – результатом ежегодной утечки финансовых средств за рубеж, причем значительной доли валового внутреннего продукта в его финансовом выражении. Экономические санкции и политическое давление на Российскую Федерацию со стороны Запада оказывают воздействие на рост цен на товары, имеющие компоненты, производимые иностранными компаниями. Значительный вклад вносит политика Центробанка, регулирующего учетную ставку (в последнее время в сторону ее увеличения). Так, с июня по октябрь учетная ставка Центробанка была увеличена вдвое – с 7% в июне до 14–15% в октябре, что сразу же в два раза увеличило среднюю цену на единицу продукции, поступающей на рынок. Свой вклад вносит также и специальная военная операция. В совокупности это приводит к возрастанию

цен на товары в 50 раз по сравнению с естественным инфляционным процессом. То есть средний вес каждого из факторов составляет 2,187, иначе говоря, каждый из них увеличивает естественный инфляционный процесс в 2,187 раза. Таким образом, по сравнению с 1961 г. расчетная по предлагаемой методике средняя цена на единицу товара выросла в $50 \times 2,98 = 149$ раз (табл. 6).

Таблица 6

Сравнение цен 1961 и 2023 гг.

Наименование	Цены в 1961 г., руб.	Цены в 2023 г., руб.	Пропорция
Молоко	0,5 л – 0,30 (1 л – 0,60)	1 л – 73	122
Сгущенное молоко	0,55	77	140
Сыр «Российский»	1 кг – 1,90	0,1 кг – 82,20 1 кг – 822	432
Сметана	1 пачка – 1,50	0,3 кг – 73	49
Масло сливочное	1 кг – 3,50	0,2 кг – 140 (1 кг – 700)	200
Водка «Столичная»	0,5 л – 3,12	0,5 л – 401	129
Коньяк	0,5 л – 4,12	0,5 л – 615	149
Шампанское	0,75 л – 5,50	0,75 л – 169	31
Сырок плавленый «Дружба»	0,26	38	146
Пиво «Жигулевское»	0,5 л – 0,37	0,5 л – 42	114
Колбаса «Докторская»	1 кг – 3,20	1 кг – 518	162
Яйца	10 шт. – 0,90–1,30	10 шт. – 84–130	100
Творог	1 пачка – 0,12–0,22	0,2 кг – 65	295
Хлеб ржаной	0,16	25	156
Хлеб пшеничный	0,20	30	150
Сахар	1 кг – 0,94	83	88
Крупа гречневая	1 кг – 0,56	80	143
Мука пшеничная	1 кг – 0,46	54	117
Рис	1 кг – 0,88	1 кг – 140	159
Крупа манная	1 кг – 0,55	70	127
Масло растительное	1 л – 1,70	1 л – 120	71
Мясо (свинина)	1 кг – 2,10	319	152
Курица	1 кг – 2,00–3,60	1 кг – 200	100
Сельдь	1 кг – 1,30	112	86
Вино	0,7 л – 2,00–4,00	0,7 л – 300–600	150
Картофель	1 кг – 0,10	1 кг – 30–59	300
Шоколад «Золотой ярлык»	1 шт. – 1,60	1 шт. – 97	61
Среднее значение			145,52
σ			81,89
Истинное среднее			От 138,73 до 151,51

Примечания: цены для 1961 г. приведены по (Цены на товары и услуги в 1961 году...); цены для 2023 г. приведены в средних значениях по сравнению их в сетях магазинов «Пятерочка», «Магнит» и «Лента» по результатам включенного наблюдения за октябрь 2023 г.

Корреляция между ценами 1961 и 2023 гг. $r = 0,658$, т.е. является положительной и высокозначимой. Надежность полученного значения корреляции при 25 степенях свободы составляет 99,9%, поскольку при расчетном значении $t = 4,369$ и табличном значении $t = 3,725$ уровень значимости нулевой гипотезы $\alpha = 0,001$. Иначе говоря, по данным наименований товаров этот уровень корреляции будет сохраняться во времени.

Среднее значение цены на единицу товара из 27 наименований с 1961 по 2023 г. выросло в 145,52 раза при расчетном значении 149 раз. С надежностью 68% истинное среднее находится в интервале от 138,73 до 151,51 раза.

Заключение

Общий вывод: наличие естественного инфляционного процесса определено совершенствованием технологий производства, показателем которого является изменение соотношения численности городского и сельского населения. Однако внутренняя экономическая политика государства и внешние политические и экономические процессы могут оказывать влияние как в сторону увеличения количества финансовых средств, находящихся в обращении и, соответственно, роста цен на товары, так и в сторону их уменьшения, чаще всего директивного. Например, введение золотого стандарта рубля по реформе С.Ю. Витте в 1897 г. сделало один грамм золота равным 1 рублю 29 копейкам (Денежная реформа Витте). В это время городское население составляло 16%, а сельское – 84% (Население и демография...). Отношение к этой пропорции городского и сельского населения 1961 г. дает значение

$$(50/50): (16/84) = 5,25.$$

Тем самым стоимость одного грамма золота в 1961 г. по предложенной модели должна была быть равной $1,29 \times 5,25 = 6,77$. Между тем в силу привязки по международному соглашению стоимости золота к американскому доллару цена одного грамма была установлена в СССР на уровне 5 рублей 93 копейки, т. е. приблизительно 6 рублей. В то же время стоимость доллара была определена в размере 90 копеек (Курс доллара...). Именно этот результат мы и получаем: $6,77 \times 0,90 = 6,09 \approx 6$ рублей, разница в 16 копеек – это в общем-то «ни о чем».

На текущий момент ситуация значительно сложнее, поскольку в 1971 г. США отказались от привязки доллара к золоту, так как в качестве мировой валюты доллар оказался обеспеченным практически всем мировым производством, и не только тем, что произведено и производится, но и тем, что может быть произведено при сохранении долларом значения резервной валюты. С другой стороны, социально-экономические процессы 1990-х гг. внутри России привели к тому, что курс золота стал определяться Центробанком по результатам торгов. Однако в этом случае не спрос определяет предложение, а предложение определяет спрос: чем меньше выставляется на торги, тем выше цена на аукционе. В результате стоимость золота оказалась крайне завышенной, а значение рубля, наоборот, заниженным. Поэтому если в 1961 г. средняя заработная плата в СССР была равна 81,3 рубля (Средние зарплаты...), т.е. в пересчете на золото – $81,3: 5,93 = 13,7$ грамма, то в июле 2023 г. средняя заработная плата, по данным Росстата, составляла 71 419 рублей (Трухина, 2023), а грамм золота стоил 5791,28 рубля (Цена 1 грамма золота...), т.е. в пересчете на золото средняя заработная плата равнялась $71\,419: 5\,791,28 = 12,33$ грамма.

Частный вывод: эпохальные изменения, смена социально-политических систем, режимов и идеологий отражается на величине средней цены единицы продукции, но пропорция цен тем не менее практически сохраняется по усредненным, конечно, показателям на примерно том же уровне.

Интересно, что в 1897 г., т.е. в год введения золотого стандарта рубля, средняя заработная плата составляла 31 рубль 40 копеек (Средние зарплаты...). В пересчете на золото это равно 24,34 грамма. Однако следует учесть наличие гендерной асимметрии – обеспечением семьи был занят почти исключительно мужчина. Таким образом, на каждого из двух взрослых членов семьи приходилось все те же 12,17 грамма золота. Различие тем не менее окажется значительным, если мы введем такой демографический показатель, как количество детей в семье. Пять-семь детей в 1897 г. и один-два ребенка в 2023 г. – это совсем не одно и то же.

Напрашивается еще один вывод: не только средняя цена за единицу товара, но и средний уровень дохода физических лиц остается в более или менее одинаковой пропорции, но существенно изменяются требования к культурным формам удовлетворения витальных потребностей. Последние все более энергетически насыщаются, источники энергии совершенствуются, единица энергии, в чем бы она ни исчислялась, становится дешевле, но в целом ее объемы остаются на том же уровне стоимости. В результате именно уменьшение воспроизводства населения оказывается способом обеспечения повышенных требований к культурным формам удовлетворения витальных потребностей.

Те, кто пошел по пути феминизации, отказаться от нее уже не могут. Идея социального равенства полов, порожденная необходимостью количественного увеличения акторов производственного процесса, является в силу этого настолько увлекательной, что приводит к равному участию представителей разных полов, независимо от физиологических различий, в процессе трудовой деятельности. Ее высшим выражением становится равная оплата за равный труд, а это неизбежно ведет к снижению деторождения. Поэтому сегодня страны, находящиеся в фазе перехода от индустриальной стадии развития к информационной, оказались перед выбором: либо консюмеризм – гедонизм – феминизм, капитализм и депопуляция, либо совершенствование культурных форм жизнедеятельности в обществе социальной справедливости с высокой ролью государства в регулировании экономики, организации здравоохранения, образования и общественного воспитания.

Сказанное о сохранении пропорции в среднем цен на товары и среднего уровня дохода в масштабе исторических эпох (long ages) свидетельствует о том, что материальная сторона социального процесса выступает в роли его декораций, это только антураж. Истинная эволюция общества состоит в нравственном совершенствовании Человека, и тогда «Под небом места хватит всем...» (М.Ю. Лермонтов) и «Всем нам хватит воды, всем нам хватит земли, этой обетованной, желанной – и колумбовой, и магелланной...» (В.С. Высоцкий).

Литература

- Брокгауз, Ф.А. Россия: энциклопедический словарь / Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. – СПб.: Лениздат, 1991. – 922 с.
- Ковалевский, М. М. Современные социологи / М.М. Ковалевский. – СПб.: Тип. М. Меркушина; 1905. – 413 с.
- Лукичев, П. Н. Общая теория социальной динамики: Основания и начала анализа // П.Н. Лукичев. – Москва: РУСАЙНС, 2017. – 324 с.
- Лукичев, П.Н. Три ошибки теории К. Маркса / П.Н. Лукичев // *Caucasian Science Bridge*. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 21–36. – DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.2. – EDN MOZJEJ.
- Михайловский, Н.К. Герои и толпа: избр. тр. по социологии: в 2 т. / Н.К. Михайловский. – СПб.: Алетея, 1998.
- Россия: энциклопедический словарь. – Л.: Лениздат, 1991. – 922 с. – ISBN: 5-289-01412-8.
- Sociodemographic management indicators of the state of the economy (a case study of Russian statistics) / Yu.G. Volkov, P.N. Lukichev, E.V. Kartashevich [et al.] // *International Journal of Sociology and Social Policy*. – 2021. – Vol. 41, № 1–2. – P. 116–129. – DOI 10.1108/IJSSP-03-2020-0094. – EDN PAWLVG.

Денежная реформа Витте // Образовка. твой помощник в учебе. – URL: <https://obrazovaka.ru/istoriya/denezhnaya-reforma-vitte.html?ysclid=loujbvgk6g459510128> (дата обращения: 11.11.2023).

Курс доллара в советское время: сколько стоил доллар в СССР // VashBaks.ru. – URL: <https://vashbaks.ru/stoimost/skolko-stoil-dollar-sssr.html> (дата обращения: 11.11.2023).

Население и демография России за период 1897–2022 гг. // Население земли. РФ. – URL: <https://населениеземли.рф/naselenie-i-demografiya-rossii-za-period-1897-2022-gg/?ysclid=loujx1bvfa784450969> (дата обращения: 10.11.2023).

Постановление Совета Министров СССР от 04.05.1960 № 470 «Об изменении масштаба цен и замене ныне обращающихся денег новыми деньгами» // Гарант. – URL: <https://base.garant.ru/190318/> (дата обращения: 01.11.2023).

Сколько стоили лошади российской знати в 17–19 веках? // Большой вопрос.ru. – URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/4123413-skolko-stoili-loshadi-rossijskoj-znati-v-17-19-vekah.html> (дата обращения: 08.10.2023).

Средние зарплаты в России и СССР с 1853 по 2010 годы. // Мы из Советского Союза. – 2018. – 6 октября. – URL: <https://sovsojuz.mirtesen.ru/blog/43757025360/Srednie-zarplatyi-v-Rossii-i-SSSR-s-1853-po-2010-godyi.-Dengi-1?ysclid=lp08knjcqa852065044> (дата обращения: 14.11.2023).

Трухина В. Средняя заработная плата по России в 2023 году // Налог-налог.ru – 2023. – 18 октября. – URL: https://nalog-nalog.ru/zarplatyi_kadry/srednyaya-zarabotnaya-plata-po-rossii-v-2023-godu/?ysclid=lojq6tvupw53875392 (дата обращения: 14.11.2023).

Цена 1 грамма золота сегодня // Gold-metal.ru. – URL: <https://gold-metal.ru/zoloto/cena-1-gramma-zolota.html?ysclid=lojqwhvpcc120098843> (дата обращения: 14.11.2023).

Цены на товары и услуги в 1860 году в России // Деньги России. От истоков до современности. – URL: <https://www.russian-money.ru/prices/?year=1860> (дата обращения: 08.10.2023).

Цены на товары и услуги в 1961 году в СССР // Деньги России. От истоков до современности. – URL: <https://www.russian-money.ru/prices/?year=1961> (дата обращения: 08.10.2023).

References

- Brokgauz F.A., Efron I.A. Encyclopedic dictionary of Russia. SPb.: Lenizdat = St. Petersburg: Lenizdat; 1991. 922 p. (In Russ.)
- Kovalevskij M.M. Modern sociologists. SPb.: Tip. M. Merkushina = St. Petersburg: Printing house by M. Merkushin; 1905. 413 p. (In Russ.)
- Lukichev P.N. The general theory of social dynamics: The foundations and beginnings of analysis. – Moskva: RUSAYNS = Moscow: RUSAYNS; 2017. 324 p. (In Russ.)
- Lukichev P.N. Three errors of K. Marx's theory. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 5(3): 21–36. DOI 10.18522/2658-5820.2022.3.2. (In Russ.)
- Mikhailovsky N. K. Heroes and the Crowd: Selected works in sociology: in 2 volumes. SPb.: Aleteyya = St. Petersburg: Aleteyya, 1998. (In Russ.)
- Russia: Encyclopedic dictionary. L.: Lenizdat = Leningrad: Lenizdat; 1991. 922 p. ISBN: 5-289-01412-8. (In Russ.)
- Volkov Yu. G., Lukichev P.N., Kartashevich E.V. [et al.] Sociodemographic management indicators of the state of the economy (a case study of Russian statistics). *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2021; 41(1–2): 116–129. DOI 10.1108/IJSSP-03-2020-0094.
- Average salaries in Russia and the USSR from 1853 to 2010. My iz Sovetskogo Soyuz = We are from the Soviet Union. October 6, 2018. Available at: <https://sovsojuz.mirtesen.ru/blog/43757025360/Srednie-zarplatyi-v-Rossii-i-SSSR-s-1853-po-2010-godyi.-Dengi-1?ysclid=lp08knjcqa852065044> (date of application: 14.11.2023). (In Russ.)
- How much did the horses of the Russian nobility cost in the 17th and 19th centuries? Bol'shojvopros.ru = BigQuestion.ru. Available at: <http://www.bolshoyvopros.ru/questions/4123413-skolko-stoili-loshadi-rossijskoj-znati-v-17-19-vekah.html> (date of application: 08.10.2023). (In Russ.)
- Prices of goods and services in 1860 in Russia. Den'gi Rossii. Ot istokov do sovremennosti = Russia's money. From the origins to the present. Available at: <https://www.russian-money.ru/prices/?year=1860> (date of application: 08.10.2023). (In Russ.)
- Resolution of the Council of Ministers of the USSR dated 05/04/1960 No. 470 “On changing the scale of prices and replacing currently circulating money with new money”. Garant. Available at: <https://base.garant.ru/190318/> (date of application: 01.11.2023). (In Russ.)
- Population and demography of Russia for the period 1897–2022. Naselenie zemli. RF. = Population of the earth. RF. Available at: <https://населениеземли.Russian Federation/naselenie-i-demografiya-rossii-za-period-1897-2022-gg/?ysclid=loujx1bvfa784450969> (date of application: 10.11.2023). (In Russ.)

Prices of goods and services in 1961 in the USSR. Den'gi Rossii. Ot istokov do sovremennosti = Russia's money. From the origins to the present. Available at: <https://www.russian-money.ru/prices/?year=1961> (date of application: 08.10.2023). (In Russ.)

The dollar exchange rate in Soviet times: how much did the dollar cost in the USSR. VashBaks.ru. Available at: <https://vashbaks.ru/stoimost/skolko-stoil-dollar-sssr.html> (date of application: 11.11.2023). (In Russ.)

The price of 1 gram of gold today. Gold-metal.ru. Available at: <https://gold-metal.ru/zoloto/cena-1-gramma-zolota.html?ysclid=loyqwhvpcc120098843> (date of application: 14.11.2023). (In Russ.)

Truhina V. Average salary in Russia in 2023. Nalog-nalog.gi. October 18, 2023. Available at: https://nalog-nalog.ru/zarplaty_i_kadry/srednyaya-zarabotnaya-plata-po-rossii-v-2023-godu/?ysclid=loyq6tvupw53875392 (date of application: 14.11.2023). (In Russ.)

Witte's monetary reform. Obrazovaka. tvoj pomoshchnik v uchebe = Educated. your study assistant. Available at: <https://obrazovaka.ru/istoriya/denezhnaya-reforma-vitte.html?ysclid=loujbvgk6g459510128> (date of application: 11.11.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 20.10.2023

Дата окончания рецензирования: 27.11.2023

Дата принятия к публикации: 4.12.2023

Информация об авторе

Лукичев Павел Николаевич – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры конфликтологии и национальной безопасности, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about an author

Lukichev Pavel Nikolaevich – doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Conflictology and National Security, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: pnlukichyov@sfedu.ru

The author declares that there is no conflict of interest

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

Научная статья

УДК 821. 161. 111

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.18.

EDN MDWMMO

Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества**Инна В. Ковтуненко¹**

¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru

Игорь А. Кудряшов²

²Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: igalk@mail.ru

Аннотация

Введение. В рамках публикации роман Е.И. Замятина «Мы» определяется в качестве репрезентативной антиутопии, имплицитно авторские культурно-социологические представления о гендере и сексуальности. Данный текст освещает гендерные проблемы, являвшиеся актуальными для времени, в которое жил и творил Е.И. Замятин. В воображаемом универсуме романа воспроизводится тоталитарный режим, который навязывает гражданам гиперорганизованную систему интимных отношений. Посредством этой системы государство пытается подавлять гендерную идентичность граждан, исключать эмоциональные связи или отношения между ними, тем самым разрушая организацию традиционной семьи, чтобы перенаправить высвобожденную энергию на поддержание идеологии тоталитаризма.

Методы. Антиутопия Е.И. Замятина анализируется в терминах теории социологического воображения (Seeger, 2019), социологических форматов воспроизведения воображаемой реальности в художественном тексте (археологии, онтологии и архитектуры) (Levitas, 2011). Изучение культурно-социологической предопределенности гендера в антиутопическом универсуме базируется на постулатах герменевтической и философско-филологической компаративистики (сравнение воображаемого мира Е.И. Замятина с объективной повседневностью). Подчеркивается конструктивная важность центральной метафоры энтропии, сформулированной Е.И. Замятиным в эссе «О литературе, революции, энтропии и других вопросах» (1923), где она означает интеллектуальный застой догматизма. «Энергия» – это обновление мышления путем разрушения политических, идеологических и эпистемологических догм; «энтропия» – это консервативная сила, которая останавливает перемены и укрепляет догму (Замятин, 2023, 205–206).

Результаты и их обсуждение. В романе Е.И. Замятина «Мы» тоталитарный Благодетель является рупором государства, который разрабатывает гендерные проекты, основанные на унификации соответствующих различий, чтобы превратить граждан в эффективных работников, лояльных действующему идеологическому режиму. В основе этих проектов лежит государственный контроль над сексуальностью, упразднение семейных обязательств, что, в свою очередь, нейтрализует гендерные роли, специфические для биологического пола (например, «кормилец» и «домохозяйка»). Вне зависимости от биологического пола все граждане призваны выглядеть одинаково, как андрогинные объекты-механизмы-винтики в достижении первоочередных целей государственной политики.

Ключевые слова: антиутопия; культурно-социологический анализ; категория гендера; биологический пол; семья; научно-технические достижения цивилизации.

Для цитирования: Ковтуненко И.В., Кудряшов И.А. (2023). Гендер в фокусе социокультурных проблем антиутопического общества. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 192–200. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.17>.

Gender in the focus of socio-cultural problems of dystopian society**Inna V. Kovtunenکو¹**

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru

Igor A. Kudryashov²

² Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
e-mail: igalk@mail.ru

Abstract

Introduction. In the publication, E.I. Zamyatin's novel "We" is defined as a representative dystopia implying the author's cultural and sociological ideas about gender and sexuality. This text highlights gender issues that are relevant to the time in which E.I. Zamyatin lived and worked. In the imaginary universe of the novel, a totalitarian regime is reproduced, which imposes upon citizens a hyperorganized system of intimate relations. Through this system, the state tries to suppress the gender identity of citizens, exclude emotional ties or relationships between them, thereby destroying the organization of the traditional family in order to redirect the released energy to support the ideology of totalitarianism.

Methods. E.I. Zamyatin's dystopia is analyzed in terms of the theory of sociological imagination (Seeger, 2019), sociological formats of reproduction of imaginary reality in a literary text (archeology, ontology and architecture) (Levitas, 2011). The analysis of the gender cultural and sociological predestination in the imaginary dystopian universe is based on the hermeneutical and philosophical-philological postulates of comparative investigation (comparisons of E.I. Zamyatin's imaginary world with objective everyday life). The constructive importance of the central metaphor of entropy formulated by E.I. Zamyatin in the essay "On literature, revolution, entropy, and other matters" (1923) is emphasized, where it means the intellectual stagnation of dogmatism. "Energy" is the renewal of thinking by destroying political, ideological and epistemological dogmas; "entropy" is a conservative force that stops changes and strengthens dogma (Zamyatin, 2023, 205–206).

Results and discussion. In E.I. Zamyatin's novel "We", the totalitarian Benefactor is the mouthpiece of the state, which develops gender projects based on the unification of relevant differences in order to turn citizens into effective workers loyal to the current ideological regime. These projects are based on state control over sexuality, the abolition of family obligations, which, in turn, neutralizes gender roles specific to the biological sex (for example, "breadwinner" and "housewife"). Regardless of biological gender, all citizens are called upon to look the same, as androgynous objects-mechanisms-cogs in achieving the primary goals of public policy.

Keywords: dystopian narrative; cultural and sociological analysis; gender category; biological sex; family organization; scientific and technical achievements.

For citation: Kovtunenکو I.V., Kudryashov I.A. (2023). Gender in the focus of socio-cultural problems of dystopian society. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 192–200. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.18>.

Постановка проблемы

Тревожные исторические события первой половины XX столетия сыграли существенную роль в становлении антиутопии как литературного жанра. Широкое распространение антиутопических воображаемых миров в художественном отражении действительности объясняется разочарованием в реальных «утопических» схемах, кризисом цивилизации, вызванным глубокими потрясениями. В социологии культуры теория антиутопического воспроизведения текущей повседневности разрабатывается и детализуется на основе анализа сквозных мотивов и сюжетной архитектуры преимущественно таких прототипических текстов, как «Мы» Е.И. Замятина (1920), «О дивный новый мир» О. Хаксли (1931), «1984» Дж. Оруэлла (1948). Эти произведения описывают модель жизни, в которой превалируют такие навязываемые тоталитарным государством условия существования индивидов, как конформизм, цензура, страх и террор.

На материале указанных текстов изучаются прежде всего авторские импликации, предопределенные антиутопическим жанром и обусловившие широкий диапазон социальных реакций на переосмысление бытийных и гносеологических категорий в пессимистическом свете (Абраменко, 2022; Белоусова, 2016; Дыдров, 2022). Подобный ракурс анализа, в свою очередь, закладывает основу для исследовательских критических точек зрения на авторское гиперболизированное видение негативных тенденций в регулировании гендерного самовыражения в современном обществе.

Теоретические рамки и эмпирическая база исследования

Культурно-социологическое направление исследований трактует антиутопию как своего рода кристаллизацию идей, установок и мнений, которые базируются на опасениях по поводу радикальной способности современных технологий и естественных наук реализовать самые новаторские амбиции утопизма.

Формулируется пять проблемных узлов, которые определяют антиутопическую литературную традицию в целом (Ветров, 2022; Кафтан, 2014; Поломошнов, 2020):

- эффективное и тираническое функционирование государственных инстанций, доведенное до оптимального авторитарного предела;
- выведение повествования за пределы объективной реальности как попытка предупредить читателя о том, что в действительности может произойти в связи с научно-техническими достижениями цивилизации;
- драматизация извечного конфликта между такими членами бинарной оппозиции, как индивидуальный выбор и социальная необходимость, эмоции и разум, интуиция и знания, толерантность и осуждение;
- предварение прогрессивных, позитивных целеустремленных персонажей, которые способны вселить в читателя утешительную надежду, но, однако, часто оказываются крайне неэффективными в борьбе с безжалостными подавляющими силами;
- вовлечение читателей в теоретический дискурс о новых стилях мышления относительно устрашающих тенденций развития социума, которые неотвратимо трансформируют текущую действительность в «железную клетку», «царство изнанки утопии».

Утопические художественные программы, являющиеся рациональной, но вымышленной схематизацией текущих социальных и культурных процессов, казались недостижимыми для реализации, в большей степени служили формой авторской созерцательной критики ахиллесовых пят объективной действительности, чем радикальным проектом демократического реформирования социума. Под воздействием технологий современная реальность движется к фактическому воплощению утопии. Однако безобидные утопические постулаты трансформируются в алармистские футурологические декорации, которые отражают перспективы, угрожающие жизнедеятельности и культуре социума. А поэтому способы, с помощью которых технология и наука обеспечивают социальный контроль, требуемый для осуществления рациональных схематизаций, становятся наиболее актуальным аспектом, освещаемым в антиутопиях.

Антиутопия появляется как критика и саркастическое высмеивание утопического мировоззрения за его приверженность инструментальным ценностям, возвышение функциональных и коллективных целей над гуманистическими и индивидуальными потребностями (Ланин, 2014). На практике оказывается, что достижение утопии возможно лишь посредством механизма принуждения, насильственной нейтрализации альтернативных идеологических установок, злоупотребления властью. Антиутопия предостерегает от потенциальных негативных последствий «наивного» и «искреннего» утопизма, имплицитно осуждает недостатки и противоречия существующих социальных условий и политических систем, прослеживая нынешние тенденции, которые могут привести к тоталитарному будущему. Идеальный мир оказывается на практике иллюзией, от которой современный человек пытается пробудиться.

Как и утопии, антиутопии, по сути, выносят на повестку текущего дня тот же самый вопрос «Что, если?..», однако авторы дают негативные возможные ответы на этот вопрос. Данные негативные воображаемые альтернативы предоставляют не только горизонт для критики объективной реальности, но и надежду на возможность предотвратить неблагоприятные перспективы развития человеческой истории и культуры. Таким образом, антиутопическое видение действительности в определенной степени окрашивается и в утопические тона. Жанр антиутопии неизбежно

затрагивает проблемы гендерной идеологии, часто воспроизводит текущие социальные условия, чтобы показать сексизм, присущий социумам, которые следуют патриархальной модели.

Гендер – категория, активируемая в исследованиях для системного описания категоризации объективной/воображаемой действительности, основанной на закодированных культурно-социологических признаках. Данная категория трактуется в качестве одного из фундаментальных факторов, который организует повседневный опыта индивида, связанный с корреляцией «биологический пол – маскулинная/фемининная роль в социуме» (Ласкова, 2016, 27). В основе властных отношений, связанных с биологическим полом / гендерной системой, лежат различные институты и дискурсы, неотъемлемые от концепции идеологии, которые определяют воображаемые отношения индивидов к их реальным условиям существования (Laskova, 2014, 83).

Как система убеждений и допущений, идеология в рамках определенной культуры диктует и предопределяет действия, смыслы и идентичность субъектов. Идеология затушевывает реальные условия существования индивидов, вынуждает действовать способами, которые на самом деле могут противоречить их приоритетным интересам. Идеологии, которые формируют ту или иную культуру в определенную историческую эпоху, вписываются в повседневную жизнь, порождая гендерные стереотипы. Антиутопии воплощают концепции гендера, гиперболизирующие объективное положение дел в реальной повседневности. В связи с этим многомерный анализ антиутопии предполагает повышенный фокус внимания в том числе на политических и социальных условиях жизнедеятельности персонажей, которые имплицитно имеют большее смысловое содержание, чем в иных литературных жанрах.

Результаты исследования и их обсуждение

Единое Государство – это архетипическая футурологическая мизансцена, огромный застекленный город, наполненный роботоподобными «нумерами» (так называют его жителей), которые функционируют с плавной автоматической точностью машин. Многомерная однородность социума описывается Д-503, главным героем, как проявление величия Единого Государства: «...Музыкальный Завод всеми своими трубами пел Марш Единого Государства. Мерными рядами, по четыре, восторженно отбивая такт, шли нумера – сотни, тысячи нумеров, в голубоватых юнифах, с золотыми бляхами на груди...» (6–7)¹.

У «нумеров» отсутствуют внешние дифференцирующие признаки пола, что является облигаторным условием жизнедеятельности граждан, обслуживающих Государство, которое стремится к достижению единообразия во всех сферах социума. Утрата индивидуальности ассоциируется с нейтрализацией гендерно маркирующих характеристик личности.

Приступая к повествованию об «идеальной» городской повседневности, главный герой восторгается неповторимостью и картинностью уличного пространства, испытывает от этого чувство комфорта. Сам социум воспроизводится им в утопической тональности: «...я опять увидел, будто только вот сейчас первый раз в жизни, увидел все: непреложные прямые улицы, брызжащее лучами стекло мостовых, божественные параллелепипеды прозрачных жилищ, квадратную гармонию серо-голубых шеренг...» (7). В этом на первый взгляд «утопическом» социуме политическая и социальная организация доведена до совершенства. Д-503 восторженно изображает красоту и гармонию синхронизированных движений граждан. Однако читатель, воспри-

¹ Здесь и далее страницы приведены по изданию: Замятин Е.И. Мы. М.: АСТ, 2009. 224 с.

нимая образы механизированной реальности, не разделяет восторга главного героя, эксплицирует обыденность и бессмысленность существования граждан.

«Математически безошибочное счастье», которое, как предполагается, является результатом единства социума, отсутствия неповторимой индивидуальности у граждан, должно быть дополнено заранее запланированным временем для индивидуально выбранных и инициированных действий: *«Буду вполне откровенен: абсолютно точного решения задачи счастья нет еще и у нас: два раза в день – от 16 до 17 и от 21 до 22 единый мощный организм рассыпается на отдельные клетки: это установленные Скрижалю Личные Часы. В эти часы вы увидите: в комнате у одних целомудренно спущены шторы, другие мерно по медным ступеням Марша проходят проспектом, третьи – как я сейчас – за письменным столом»* (13). Реализация личностных предпочтений разнообразных форматов проведения досуга все еще дает возможность гражданам проявлять те или иные субъективные оттенки своей индивидуальности, к которым относятся увлечения спортом, чтение художественной литературы, как и заинтересованность в интимных взаимоотношениях «за жалюзи». Однако личный досуг представителей социума жестко регулируется законодательством Единого Государства.

Интимные отношения между «нумерами» – это единственное занятие, которое происходит, так сказать, за закрытыми дверями. Вся остальная деятельность контролируется соседями: все «нумера» обитают в проницаемых для солнечного света улиях-жилищах: *«Дома – скорей в контору, сунул дежурному свой розовый билет и получил удостоверение на право штор. Это право у нас только для сексуальных дней. А так среди своих прозрачных, как бы сотканных из сверкающего воздуха, стен – мы живем всегда на виду, вечно омываемые светом. Нам нечего скрывать друг от друга»* (20). Гражданам, похоже, действительно есть что скрывать, отсюда и наличие в квартире жалюзи. Санкционированная Государством неприкосновенность частной жизни граждан допускается лишь в этой единственной сфере повседневности. Вероятно, Государство признает подстрекательский потенциал выраженной сексуальности граждан и скрывает его, чтобы не допустить малейшего проявления бунта. Ближе к концу романа Д-503 отмечает, что во время восстания можно было днем видеть сквозь стеклянные стены, как мужчины и женщины, не испытывая стыда, вступали в интимную связь, не опуская жалюзи и не имея соответствующего билета. Право на неприкосновенность частной жизни дает участникам бунта возможность осуществлять антигосударственную деятельность на глазах общественности.

Сексуальная активность граждан является оптимально спланированной системой беспорядочных половых связей, запрограммированной государством. В границах Единого Государства интимные связи рассматриваются большинством граждан в качестве чистого развлечения, удовлетворения естественной потребности, не преследующей стремления к репродуктивному восполнению социума как прямой обязанности: *«...блаженство и зависть – это числитель и знаменатель дроби, именуемой счастьем»* (22). Государство радикальным образом искореняет чувство ревности: любому индивиду гарантируется право доступа к любому другому индивиду противоположного пола в качестве партнера для удовлетворения интимных потребностей. В Едином Государстве нет места для безответного сексуального желания.

Единое Государство искореняет ревность и любовь, сводит эти чувства к математическому двучленному уравнению: *«...дробь превращается в великоленную бесконечность»* (23). Государство исключает то, что считается основными причинами ревности и одностороннего неразделенного желания. Граждане не формируют прочных супружеских уз, поскольку они потенциально отвлекают от «священного» долга

перед Благодетелем. Вся палитра физических, физиологических и психологических параметров, специфичных для понятия биологического пола, не трактуется как надлежащие условия в процессе поиска партнера. Как следствие этого, антиутопический социум представлен сплошными андрогинами. Удовлетворение интимных потребностей приобретает исключительное функциональное измерение. Единое Государство испытывает острую потребность лишь в абсолютно «бесстрастных» работников.

Зачатие ребенка допускается только при соблюдении условий, санкционированных режимом. Д-503 выражает презрение к методам воспитания детей, которые использовались до установления власти Благодетеля: *«...разве не абсурд, что государство... могло оставить без всякого контроля сексуальную жизнь. Кто, когда и сколько хотел... Совершенно ненаучно, как звери. И как звери, вслепую, рожали детей. Не смешно ли... Не додуматься до наших Материнской и Отцовской Норм»* (15).

Рассказчик не сообщает читателю о том, в чем состоит суть указанных нормативных стандартов. Однако автор имплицитно мыслит о том, что нормы – это совокупность физических, психологических и интеллектуальных шаблонов личности. Приоритетная цель этих шаблонов заключается в поддержании всевозможного единообразия всех представителей антиутопического социума. Тем, кто соответствует материнским и отцовским нормам, могут разрешить зачать ребенка. После рождения ребенок передается на попечение Государству. Рассказчик не приводит подробностей о воспитании детей в Едином Государстве. Однако читатель получает определенные представления о детстве и школьном обучении Д-503 и R-13 в воспоминаниях об их электронном учителе, Пляпе. Отсутствие родительской ответственности позволяет Государству занимать центральное место в жизни каждого индивида. Государство также допускает платоническую функциональную андрогинность, поскольку воспитание детей не является прерогативой представителей какого-либо одного биологического пола.

Свобода трактуется в качестве источника социальных проблем, чем частично оправдывается рабство. Главный герой снова прибегает к математическим исчислениям, чтобы вывести уравнение, которое связывает понятия свободной жизнедеятельности и совершения преступных деяний против режима: *«...свобода человека = 0, и он не совершает преступлений... Единственное средство избавить человека от преступлений – это избавить его от свободы»* (35–36).

В антиутопическом правосудии нет милосердия, и «Благодетель» использует еще одну яркую метафору, наряду с некоторой нечеткой логикой, чтобы изобразить парадокс этой «жесткой любви»: *«...истинная, алгебраическая любовь к человечеству – неперемнный признак истины – ее жестокость...»* (205).

В антиутопическом воображаемом универсуме наказание даже за самое незначительное из преступлений несоизмеримо с правонарушением. В авторском мире, воспроизведенном в романе «Мы», всем преступлениям соответствует одно наказание: публичная казнь путем испарения в машине Благодетеля. Иногда правонарушителей сначала подвергают пыткам, чтобы получить компрометирующие показания против других, как в случае с I-330, которая упорно отказывается сдаваться следствию. Заурядным событием оказываются публичные казни, которые проходят с большой помпой и церемониями. Д-503 не только подчеркивает принятие казни аудиторией, но и упоминает о «древних» цепях для осужденных: главный герой ожидает принятия своей участи обвиняемыми.

Незаконные интимные отношения с I-330 приводят Д-503 к неортодоксальным размышлениям о крайнем индивидуализме и склонности к бунту. Он ставит свое психологическое «Я» и тайную связь с молодой женщиной выше обязанностей

перед Единым Государством. Д-503 утверждает свою индивидуальность в коллективистском обществе, защищая свободу индивидуальной воли. Ради этих идей он готов солгать и совершить саботаж против режима, позволив I-330 захватить «Интеграл». В свою очередь, читательский опыт взаимодействия с образом I-330 предопределяется субъективным восприятием Д-503 (знакомство с этим женским образом осуществляется через интерпретацию дневниковых записей главного героя). Читатель не может однозначно ответить на вопрос, приобретает ли интимная близость для I-330 такой же культурно-социологический смысл, как и для Д-503. Что мы действительно узнаем об I-330, так это то, что она специфически использует секс с Д-503 как средство подстрекательства к мятежу. Для нее интимные отношения не просто связаны с бунтом против режима, а являются радикальным средством сопротивления Единому Государству.

По сравнению с Д-503 I-330 характеризуется натурой более самоуверенного бунтаря. Для Д-503 сопротивление сопряжено с опасным и пугающим разоблачением иррациональных интимных отношений. I-330 прибегает к противодействию как радикальному оружию не только для личного и – шире – коллективного освобождения, но и в целях подрыва деспотического режима Единого Государства. В основе ее проныцательной способности использовать сексуальность лежит стремление разбудить в других персонажах естественные желания, которые Государство считает иррациональными, подавляет и контролирует всевозможными способами. Вместе с тем режим потенциально допускает реализацию подобной способности, что свидетельствует о несовершенстве его идеологического аппарата.

В антиутопическом социуме романа «Мы» также поднимается проблема преднамеренного оплодотворения вне контроля Единого Государства, как в случае с О-90, которая готова рискнуть быть подвергнутой экзекуции, чтобы иметь ребенка. Похоже, Д-503 оплодотворяет О-90 только для того, чтобы избавиться от нее и беспрепятственно возобновить свою интимную связь с I-330. Для О-90 акт зачатия ребенка и связанный с ним бунт приобретают сугубо личностный смысл. В отличие от I-330, она занимается преднамеренным и незаконным оплодотворением, чтобы укрепить отношения с Д-503. В отличие от I-330 она не желает свергать Единое Государство, однако стремится избежать ограничений, которые режим накладывает на ее жизненный опыт. В конце концов, она добивается успеха. Отметим, что аберрантное сексуальное поведение инициируется персонажами-женщинами, а не главным героем.

Заключение

Некоторые из самых публично обсуждаемых проблем в современном обществе связываются со способами выражения гендера, вступлением в интимные отношения, рождением детей и организацией прочной семьи. Вне всяких сомнений, решение этой актуальной проблематики предопределяется общественными нравами. В антиутопическом универсуме все эти сферы полностью оказываются общественным достоянием, внешние признаки гендера намеренно устраняются по мере того, как облик граждан нейтрализуется по признаку биологического пола. Интимные контакты граждан бюрократизируются с помощью системы «розовых» разовых билетов в установленные личные часы. Семейные узы между представителями социума не допускаются. Дети воспитываются и получают образование в государственных учреждениях.

Категория гендера является одной из приоритетных социально-культурологических и политических реалий воображаемого антиутопического мира: государство берет под контроль организацию семьи, сексуальную активность и гендерные роли граждан. В романе «Мы» Е.И. Замятин воспроизводит негативные последствия управ-

ления интимной сферой граждан в рамках коллективистской и консервативной системы. Фактически, автор противопоставляет понятия свободы и счастья. Граждане утратили свободу действий, им была предоставлена «свобода от», которая трактуется как неоспоримая защита от преступлений. Опасность связывается со стремлением граждан к такого рода защите. Другими словами, граждане, добровольно поддерживающие режим Благодетеля, укрепляют тоталитарную систему.

Режим Благодетеля использует экстремистский подход к правосудию, чтобы обеспечить подобную «защиту» граждан от разрушительных пороков. Однако на самом деле защищается от распада Единое Государство. Публичные пытки и казни используются как для сдерживания преступности, так и в целях снижения чувствительности населения к террору со стороны Единого Государства. Кроме того, рядовые граждане принимают активное участие в бесперебойном функционировании правосудия. Антиутопия раскрывает суть тех средств принуждения, которые могли бы быть использованы для реализации утопических идей в объективной реальности. Контроль над интимными отношениями граждан, их гендерной идентичностью в конечном счете приводит к отчаянному сопротивлению и бунту.

Литература

- Абраменко, Е.В. Категории метатекста и времени как прагматический способ смыслообразования в научно-фантастическом повествовании Курта Воннегута: диссертация ... кандидата филологических наук / Е.В. Абраменко. – Майкоп; 2022. – 191 с. – EDN DEJXZE.
- Белоусова, Н.О. Проблема порабощения человека «всеобщим» в жанре антиутопии / Н.О. Белоусова // *Философия и культура*. – 2016. – № 3. – С. 337–340. – DOI 10.7256/1999-2793.2016.3.17996. – EDN WAZCAZ.
- Ветров, Д.Н. Анализ экранной научно-фантастической антиутопии на предмет критики дегуманизации культуры / Д.Н. Ветров // *Культура и цивилизация*. – 2022. – Т. 12, № 5–1. – С. 13–31. – DOI 10.34670/AR.2022.79.24.001. – EDN DOIUGT.
- Дыдров, А.А. Дисперсия антиутопии: крушение монументов / А.А. Дыдров // *Цифровой ученый: лаборатория философа*. – 2022. – Т. 5, № 1. – С. 65–69. – DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-65-69. – EDN RFFHRE.
- Замятин, Е.И. Техника художественной прозы / Е.И. Замятин. – Москва: АСТ; 2023. – 416 с. – ISBN 978-5-386-10668-3.
- Кафтан, В.В. Антиутопия как технология социального управления / В.В. Кафтан // *Экономика и управление в XXI веке: наука и практика*. – 2014. – № 1. – С. 18–25. – EDN VWSFRB.
- Ланин, Б.А. Русская утопия, антиутопия и фантастика в новом социально-культурном контексте / Б.А. Ланин // *Проблемы современного образования*. – 2014. – № 1. – С. 161–169. – EDN RYLVBF.
- Ласкова, М.В. Гендерная асимметрия в языковом воплощении / М.В. Ласкова, В.А. Лазарев, М.В. Ивченко. – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. – 112 с. – ISBN 978-5-9275-2152-4. – EDN XHISRB.
- Поломошнов, А.Ф. Будущее человека в зеркале дистопии и антиутопии / А.Ф. Поломошнов // *Вестник Донского государственного аграрного университета*. – 2020. – № 1–2. – С. 22–31. – EDN OULPOF.
- Laskova, M.V. To the problem of contemporary gender interpretation / M.V. Laskova // *Гуманитарные и социальные науки*. – 2014. – № 1. – P. 80–84.
- Levitas, R. The concept of utopia / R. Levitas. – Oxford: Peter Lang; 2011. – 268 p.
- Seeger S. Dystopian literature and the sociological imagination / S. Seeger, D. Davison-Vecchione // *Thesis Eleven*. – 2019. – Vol. 150, № 1. – P. 45–63.

References

- Abramenko E.V. Categories of metatext and time as a pragmatic way of meaning formation in the science fiction narrative of Kurt Vonnegut: dissertation for the degree of Candidate of Philological Sciences. Maykop; 2022. 191 p. (In Russ.)
- Belousova N.O. The problem of human enslavement by the “universal” in the genre of dystopia. *Filosofiya i kul'tura = Philosophy and Culture*. 2016; 3: 337–340. DOI 10.7256/1999-2793.2016.3.17996. (In Russ.)
- Dydrov A.A. Dispersion of dystopia: the collapse of monuments. *Cifrovoy uchenyj: laboratoriya filosofa = Digital scientist: Laboratory of the philosopher*. 2022; 5(1): 65–69. DOI 10.32326/2618-9267-2022-5-1-65-69. (In Russ.)

- Kaftan V.V. Dystopia as a technology of social management. *Ekonomika i upravlenie v XXI veke: nauka i praktika = Economics and Management in the XXI century: science and practice*. 2014; 1: 18–25. (In Russ.)
- Lanin B.A. Russian utopia, dystopia and fiction in a new socio-cultural context. *Problemy sovremennogo obrazovaniya = Problems of modern education*. 2014; 1: 161–169. (In Russ.)
- Laskova M.V. To the problem of contemporary gender interpretation. *Gumanitarnye i social'nye nauki = Humanities and Social Sciences*. 2014; 1: 80–84.
- Laskova M.V., Lazarev V.A., Ivchenko M.V. Gender asymmetry in linguistic embodiment. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuFU = Rostov-on-Don: Publishing house of Southern Federal University; 2016. 112 p. ISBN 978-5-9275-2152-4. (In Russ.)
- Levitas R. The concept of utopia. Oxford: Peter Lang; 2011. 268 p.
- Polomoshnov A. F. The future of man in the mirror of dystopia and dystopia. *Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Bulletin of the Don State Agrarian University*. 2020; 1–2: 22–31. (In Russ.)
- Seeger S., Davison-Vecchione D. Dystopian literature and the sociological imagination. *Thesis Eleven*. 2019; 150(1): 45–63.
- Vetrov D.N. Analysis of the screen science fiction dystopia on the subject of criticism of the dehumanization of culture. *Kul'tura i civilizaciya = Culture and Civilization*. 2022; 12(5–1): 13–31. DOI 10.34670/AR.2022.79.24.001. (In Russ.)
- Zamyatin E.I. Technique of artistic prose. Moskva: ACT = Moscow: AST; 2023. 416 p. ISBN 978-5-386-10668-3. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 13.10.2023

Дата окончания рецензирования: 15.11.2023

Дата принятия к публикации: 22.11.2023

Информация об авторах

Ковтуненко Инна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры прикладной конфликтологии и медиации, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

Кудряшов Игорь Александрович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теории языка и русского языка, Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: igalk@mail.ru.

Авторы заявляют об отсутствии конфликтов интересов

Information about the authors

Kovtunenکو Inna Viktorovna – Doctor of Sciences in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Applied Conflictology and Mediation, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

Kudryashov Igor Aleksandrovich – Doctor of Sciences in Philology, Professor, Professor of the Department of Theory of Language and Russian Language, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: ivkovtunenکو@yandex.ru.

The authors declare that there is no conflict of interest

Научная статья

УДК 316.356.2(470.67) + 314.146(470.67)

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.20.

EDN MVCFME

Атрибутивные признаки и процессуальная природа профессиональной идентичности**Вера И. Немчина¹**¹Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия

e-mail: nemchina@sfnedu.ru

Владимир Н. Кандыба²²Южно-Российский государственный политехнический университет имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия

e-mail: vkrost76@gmail.com

Аннотация

Введение. Социальные проблемы, мультивариантность развития современного общества, трансформация социального порядка и альтернативность принципов социальной организации, возрастающие риски и угрозы создают условия, фундируют ценностные основания идентификационного процесса во всех многоуровневых проявлениях самотождественности современного человека.

Сущность идентичности определяется как способность индивида осознавать непрерывность своего бытия и тождественность его социальному бытию, представленному соответствующими социальными структурами, отношениями и ценностями. Профессиональная идентичность выражается в способности индивида осознавать свою целостность и соответствовать форматам социальности в определенных сферах трудовой деятельности в качестве функционально автономного субъекта.

Методы. На основе обобщения различных представлений о профессиональной идентичности авторы осуществили концептуализацию феноменологического подхода для экспликации персонального идентификационного опыта в профессиональной сфере, ситуативного подхода – для формулирования теоретической конструкции, описывающей современный формат профессиональной идентичности, структурно-функционального подхода – для характеристики совокупности атрибуций индивида и их функциональных признаков.

Результаты и их обсуждение. Профессиональная идентичность выступает в качестве важного элемента структуры социально активной личности, ведущего фактора социальной адаптации. Атрибутивными характеристиками профессиональной идентичности выступают самоуважение, самопрезентация и самореализация. Таким образом, идентичность предполагает не процесс, а некое состояние, обладание некими качествами, атрибутами. Атрибутивность идентичности не отрицает ее процессуальной природы, поскольку социальные и индивидуально-личностные атрибуты также являются выражением сложной социальной динамики.

Ключевые слова: профессиональная идентичность; самоуважение; самопрезентация и самореализация; индивидуально-личностные атрибуты; деформация профессиональных поведенческих моделей; профессионально-центрированная идентичность.

Для цитирования. Немчина В.И., Кандыба В.Н. (2023). Атрибутивные признаки и процессуальная природа профессиональной идентичности. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 201–206. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.20>.

Attributive features and procedural nature of professional identity**Vera I. Nemchina¹**¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

e-mail: nemchina@sfnedu.ru

Vladimir N. Kandyba²² South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russia

e-mail: vkrost76@gmail.com

Abstract

Introduction. Social problems, multivariate development of modern society, transformation of the social order and alternative principles of social organization, increasing risks and threats, create conditions that undergird the value foundations of the identification process in all multi-level manifestations of the self-identity of a modern person.

The essence of identity is defined as the ability of an individual to realize the continuity of his existence and identity with his social existence, represented by corresponding social structures, relationships and values. Professional identity is expressed in the individual's ability to realize his integrity and correspond to the formats of sociality in certain areas of work activity as a functionally autonomous subject.

Methods. Based on the generalization of various ideas about professional identity, we conceptualized a phenomenological approach to explicate personal identification experience in the professional sphere, a situational approach to formulate a theoretical construct that describes the modern format of professional identity, and a structural-functional approach to characterize the totality of an individual's attributions and their functional characteristics.

Results and discussion. Professional identity, thus, acts as an important element of the structure of a socially active personality, a leading factor in social adaptation. The attributive characteristics of professional identity are self-respect, self-presentation and self-realization. Therefore, identity does not presuppose a process, but a certain state, the possession of certain qualities, attributions. The attribution of identity does not deny its procedural nature, since social and individual-personal attributions are also an expression of complex social dynamics.

Keywords: professional identity; self-respect; self-presentation and self-realization; individual-personal attributions; deformation of professional behavioral models; professionally-centered identity.

For citation: Nemchina V.I., Kandyba V.N. (2023). Attributive features and procedural nature of professional identity. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 201–206. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.20>.

Введение

Вопросы идентичности в современном обществе обретают новые смыслы и новые форматы социального и личностного проявления. Профессиональное становление человека в социально одобряемой деятельности представляется как процесс обретения субъектности в профессиональном и социальном мире, т.е. обретения профессиональной идентичности.

Под профессиональной идентичностью мы понимаем отождествление индивида с конкретной профессией и профессиональным сообществом, в котором система ожиданий в достижении навыков и умений желаемого уровня обеспечивает самоуважение, самопрезентацию и самореализацию. Профессиональная идентичность, таким образом, выступает в качестве важного элемента структуры социально активной личности, ведущего фактора социальной адаптации.

«Сущность идентичности определяется как способность индивида осознавать непрерывность своего бытия и тождественность его социальному бытию, представленному соответствующими социальными структурами, отношениями и ценностями» (Немчина, 2018, 201). Профессиональная идентичность выражается в способности индивида осознавать свою целостность в определенных, выбранных индивидом сферах самореализации и соответствовать форматам социальности в этих сферах.

Теоретическое обоснование

Еще Э. Дюркгейм первым в социологии, не вводя в свою теорию термина «идентичность», концептуально начал использовать это понятие. В частности, он рассматривал различные социальные механизмы формирования социальных связей человека с различными общностями. Дюркгейм полагал, что при формировании данных связей конструируется некая «социальная сущность» личности. В процессе этого формирования осуществляется трансляция социальных идентичностей, которые имеют надындивидуальную природу. В «социальной сущности» личности выражается ее принадлежность к некоторой социальной группе или социальной общности в

соответствии личностных качеств некоторым групповым качествам, таким как религиозные убеждения, моральные нормы и принципы, цеховые и профессиональные качества, этнические признаки и т.д. (Дюркгейм, 1966).

Э. Эриксон отмечал, что идентичность – это сложное явление. Идентичность понимается как тождественность человека, личности самому себе, осознанное понимание своей персональной принадлежности к некоторой социальной общности. Это понимание тождественности развивается вместе со становлением и развитием самого человека, с его взрослением, с обретением профессии, присвоением определенных социальных статусов. Все это должно рассматриваться через призму накопленного социального опыта, индивидуального интеллекта, эмоционального потенциала и психической зрелости (Эриксон, 1996, 8).

Неоспоримый вклад в исследование профессиональной идентичности и ее конструирование внесли структурные функционалисты Т. Парсонс, А. Карр-Сондерс, Э. Фрейдсон (Freidson, 1975), которыми профессиональная идентичность представлена прежде всего как сопряженность индивида с профессией и набором соответствующих нормативных экспектаций.

По мнению Г. Тэджфела, актуализация личностной и социальной идентичности есть полюсы так называемого социально-поведенческого универсума. Он полагал, что для формирования идентичности необходима прежде всего позитивная самооценка, а формирование позитивной самооценки, в свою очередь, возможно через межгрупповые или через межличностные формы взаимодействия. По его мнению, доминировать будет та форма, которая является наиболее эффективной в данном случае. С точки зрения Г. Тэджфела, человек, полагая себя элементом какой-то группы в первую очередь стремится оценить группу и себя в этой группе с позиции статуса и самооценки. Далее он оценивает свою идентичность с помощью сравнения своей группы с другими группами по различным параметрам. Следующий этап идентификации связан с оценкой группового фаворитизма. И наконец, завершение данного процесса есть эмоциональное переживание пройденного процесса (Tajfel, 1979).

Профессиональная идентичность при таком подходе выступает как сложный феномен, который возникает из единства и взаимосвязи индивида и общества. С одной стороны, личностные маркеры обусловлены социальными процессами, определяются и поддерживаются социальными отношениями и социальными структурами, а с другой – идентичности, возникающие посредством индивидуального сознания и осознания действительности, в своем многообразии поддерживают и конституируют социальную структуру.

Результаты и их обсуждение

Таким образом, идентичность предполагает не процесс, а некое состояние, обладание некими качествами, атрибутами. Атрибутивность идентичности не отрицает ее процессуальной природы, поскольку социальные и индивидуально-личностные атрибуты также являются выражением сложной социальной динамики. «Идентификацию как процесс достаточно адекватно выражает такой термин, как “саморепрезентация”, которая предполагает некоторую дискурсивную характеристику, вербальную артикуляцию собственного “я”, его позиционирование в некотором социальном пространстве с помощью социальных индикаторов» (Немчина, 2014, 94).

Самопрезентация – это разновидность понимания своей роли в коллективном ролевом поведении. Самопрезентация связана с тем, что люди испытывают насущную потребность производить на других участников коллективного ролевого взаимодействия определенное впечатление, т.е. как бы «самопрезентовать», или, как пишет Дэвид Майерс, «заниматься управлением впечатлением» (Майерс, 2013).

Психологи, как отмечает Е.А. Соколова-Бауш, обычно рассматривают самопрезентацию как разновидность демонстративного поведения в межличностном общении (Соколова-Бауш, 1999). Это, видимо, не подлежит сомнению, но нужно учитывать и тот факт, что для человека свойственно подать себя в выгодном свете для достижения результата, личного и социального успеха, материальной выгоды, признания и престижа.

«При анализе самопрезентации как атрибуции профессиональной идентичности нужно понимать то, что в каких бы формах она ни производилась, она всегда реализуется в социальном контексте и должна как соответствовать социальным нормам, правилам и ценностям профессиональной группы, так и не конфликтовать с общепринятыми ценностями общества» (Немчина, 2014, 96).

Мы склонны согласиться с Е.А. Романовой, пишущей о том, что различные социальные трансформации чреваты тем, что возможно самоотожествление личности со случайными маркерами социальных групп, с такими социальными ценностями, которые могут выражать социально-деструктивные процессы. Это, в свою очередь, порождает расщепление целостности личности, выражается в разных формах социального недовольства, социальной агрессии (Романова, 2011).

Такие деформации стратегического личностного целеполагания выражаются и в деформациях профессиональных поведенческих моделей, которые становятся утилитарно-приспособительскими, прагматическими, конформистскими. Отсюда проистекает то, что маркируется обществом как потребительство, приспособленчество, социальный конформизм и социальная пассивность.

Данная деформация приводит к разрыву ожиданий в части самоуважения как сущностного атрибута профессиональной идентичности.

Снижение значимости самоуважения в структуре профессиональной идентичности способствует развитию дезадаптационных стратегий личности в системе социального повседневного бытия и системе реальных профессиональных взаимодействий. А если учесть то, что воспроизводимый в таких условиях профессиональный симулякр является элементом цепочки аддиктивной зависимости индивида от получаемых, чаще материальных, ресурсов, а не от позитивной, поддерживающей самооценки, то это, скорее, способствует деструктивным элементам в идентификационном процессе в профессиональной сфере.

Необходимо отметить, что самоуважение и самопрезентация являются самостоятельными атрибутами профессиональной идентичности.

Социально оформленная профессиональная идентичность выражается в феномене внутриличностной целостности на уровне ее самосознания и самооценки как составляющих самоуважения. Это служит основой рационализации поведенческой мотивации личности в идентификационном процессе и успешному ее продвижению посредством самопрезентации.

Эти параметры профессионально центрированной идентичности выражают потребности целостности личности, которая проявляется в потребности в личностной самореализации и саморазвитии.

Социальные практики профессиональной идентичности характеризуют сопричастность личности к системе социальных ценностей различных профессиональных образований, ориентированы на оптимизацию использования личностного ресурса саморазвития через совершенствование в профессии, формируют личностные поведенческие сценарии, которые в своей реализации приводят личность к социальному успеху, достижению социального статуса и обретению социального имиджа посредством развития профессионального мастерства.

В свою очередь, сами достигательные сценарии образуют массовые тренды современности, которые широко представлены в профессиональных группах, и, взаимодействуя с формальными нормами профессиональных институтов, формируют инструментальный ресурс позитивных социальных изменений и трансформаций посредством заражения установками на успех, карьерный рост, самореализацию, образованность, высокую квалификацию и т.п.

Мы можем утверждать, что идентификационные различия индивидов в профессиональной сфере сегодня большей степени зависят не от наличного ресурса (династийный статус, объем власти, денежное вознаграждение усилий), а от ресурсов саморазвития. В своей профессиональной идентичности индивиды различаться не тем, что они имеют, а тем, как они могут развиваться.

Литература

- Дятлов, А.В. Социальные ресурсы: условия самодостаточного развития / А.В. Дятлов // *Теория и практика общественного развития*. – 2008. – № 2. – С. 24–40.
- Дятлов, А.В. Тенденции и перспективы изменения организационной культуры российского малого бизнеса / А.В. Дятлов, П.В. Сажин // *Историческая и социально-образовательная мысль*. – 2014. – Т. 6, № 6–2. – С. 234–238.
- Дюркгейм, Э. Метод социологии / Э. Дюркгейм // *Западно-европейская социология XIX – начала XX века*. – Москва: Международный ун-т бизнеса и управления, 1996. – С. 256–309.
- Майерс, Д.Дж. Социальная психология / Д.Дж. Майерс. – Санкт-Петербург: Питер, 2013. – 800 с.
- Немчина, В.И. Многомерность концепта идентичности / В.И. Немчина // *Современные исследования государства и общества*. – 2014. – № 1–2. – С. 93–98. – EDN YTPRMF.
- Немчина, В.И. Трансформация идентичности в эпоху глобализма: релятивность культурно-географических оснований идентификационного процесса / В. И. Немчина // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*. – 2018. – № 3. – С. 200–204. – DOI 10.22394/2079-1690-2018-1-3-200-204. – EDN YKWZPF.
- Романова, Е.А. Целостность личности в современном обществе: социально-философский анализ: диссертация ... кандидата философских наук / Е.А. Романова. – Уфа, 2011. – 147 с.
- Соколова-Бауш, Е.А. Самопрезентация как фактор формирования впечатления о коммуникаторе и реципиенте / Е.А. Соколова-Бауш // *Мир психологии*. – 1999. – № 3. – С. 132–140.
- Эриксон, Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва: Прогресс, 1996. – 320 с.
- Freidson, E. Doctoring together: A study of professional social control / E. Freidson. – New York etc.: Elsevier, 1975. – 298 p.
- Tajfel H. An intergrative theory of intergroup conflict / H. Tajfel, J. Turner // *The social psychology of intergroup relations*. – Monterey: Books Publishing Company. 1979. – P. 33–49.

References

- Dyatlov A.V., Sazhin P.V. Trends and prospects for changing the organizational culture of Russian small business. *Historical and social-educational thought*. 2014; 6(6–2): 234–238. (In Russ.)
- Dyatlov A.V. Social resources: conditions for self-sufficient development. *Theory and practice of social development*. 2008; 2: 24–40. (In Russ.)
- Durkheim, E. Method of sociology. *Zapadno-evropejskaya sociologiya XIX – nachala XX vekov = Western European sociology of the XIX – early XX centuries*. Moskva: Mezhdunarodny un-t biznesa i upravleniya = Moscow: International University of Business and Management; 1996: 256–309. (In Russ.)
- Myers D.G. Social psychology. Sankt-Peterburg: Piter = St. Petersburg: Piter; 2013. 800 p. (In Russ.)
- Nemchina V.I. Multidimensionality of the concept of identity. *Sovremennye issledovaniya gosudarstva i obshchestva = Modern studies of the state and society*. 2014; 1–2: 93–98. (In Russ.)
- Nemchina V.I. Transformation of identity in the era of globalism: Relativity of cultural and geographical bases of the identification process. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*. 2018; 3: 200–204. DOI 10.22394/2079-1690-2018-1-3-200-204. (In Russ.)
- Romanova E.A. The integrity of personality in modern society: a socio-philosophical analysis: dissertation ... Candidate of Philosophical Sciences / E.A. Romanova. Ufa = Ufa; 2011. 147 p. (In Russ.)
- Sokolova-Baush E.A. Self-presentation as a factor in forming an impression of a communicator and a recipient. *Mir psihologii = The world of psychology*. 1999; 3: 132–140. (In Russ.)
- Erikson E. Identity: youth and crisis. Moskva: Progress = Moscow: Progress; 1996. 320 p. (In Russ.)

Freidson E. Doctoring together: A study of professional social control. New York etc.: Elsevier. 1975. 298 p.
Tajfel H., Turner J. An Intergrative Theory of Intergroup Conflict. *The social psychology of intergroup relations*. Monterey: Books Publishing Company; 1979: 33–49.

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 17.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.11.2023

Информация об авторах

Немчина Вера Ивановна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры регионалистики и евразийских исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: nemchina@sfedu.ru

Кандыба Владимир Николаевич – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: vkrost76@gmail.com

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Information about the authors

Nemchina Vera Ivanovna – Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Regional Studies and Eurasian Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: nemchina@sfedu.ru

Kandyba Vladimir Nikolaevich – postgraduate student of the South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russia, e-mail: vkrost76@gmail.com

The authors declare that there is no conflict of interest

МОЛОДЕЖНЫЙ ФОРМАТ

Научная статья

УДК 316.344.24

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.19

EDN LKIHAS

**Социальная адаптация в профессиональной деятельности
среднего начальствующего состава
сотрудников ОВД Российской Федерации****Мария А. Дятлова¹**

¹Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
e-mail: masha_361@mail.ru

Аннотация

Введение. В статье представлен авторский вариант обоснования перспективных направлений, актуальных подходов для социологического исследования социальной адаптации, мотивации профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД РФ. Научная новизна состоит в выдвигании актуальных авторских трактовок для современных проблем социологии управления в контексте социального самочувствия отдельной категории сотрудников ОВД, социальной адаптации к профессиональной деятельности. Цели исследования обращены к постановке и поиску вариантов результативного решения задач комплексного научного обоснования социальной и профессиональной адаптации сотрудников ОВД РФ.

Методы. Прикладное социологическое исследование было проведено в 2023 г. среди курсантов и слушателей Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, Краснодарского университета МВД России, Воронежского института МВД России. Методом онлайн-анкетирования было опрошено 3100 курсантов и слушателей. Динамика социального самочувствия и профессионального развития сотрудников органов внутренних дел изучалась на основе результатов аналогичного по содержанию опроса, проведенного в 2021 г. среди сотрудников органов внутренних дел Ростовской области, Ставропольского края, Адыгеи и Карачаево-Черкесии (всего опрошено 734 человека). Следуя методологии социологии, становится возможным предлагать и внедрять перспективную систему управленческих преобразований для профессиональных и общественных групп в системе органов правопорядка РФ.

Результаты и их обсуждение. Установлено, что в профессиональной адаптации средний начальствующий состав формирует в своем большинстве нормативно одобренный образ служебного социально ориентированного поведения. Как параметр результативности, делается вывод, что в социологии позитивная динамика социальной адаптации и самочувствия сотрудников ОВД предполагает формирование программы выявления и решения приоритетных проблем управления.

Ключевые слова: социология управления; социальная адаптация; коммуникация; профессиональная деятельность; средний начальствующий состав сотрудников полиции; социализация; социальное самочувствие; социальный статус; социальные изменения.

Для цитирования: Дятлова М.А. (2023). Социальная адаптация в профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД Российской Федерации. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 208–214. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.19>.

**Social adaptation in the professional activities
of the average commanding staff
of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation****Maria A. Dyatlova¹**

¹South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russia
e-mail: masha_361@mail.ru

Abstract

Introduction. The article presents the author's version of the substantiation of promising directions, relevant approaches for the sociological study of social adaptation, motivation of professional activity of the average

commanding staff of the Police Department of the Russian Federation. The scientific novelty consists in the promotion of relevant author's interpretations for modern problems of management sociology in the context of the social well-being of a separate category of police officers, social adaptation to professional activity. The objectives of the study are addressed to the formulation and search for options for the effective solution of the tasks of a comprehensive scientific justification of the social and professional adaptation of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Methods. Applied sociological research was conducted in 2023 among cadets and trainees of V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 3,100 cadets and trainees were interviewed by the online questionnaire method. The dynamics of social well-being and professional development of employees of the internal affairs bodies were studied on the basis of the results of a similar survey conducted in 2021 among employees of the internal affairs bodies of the Rostov Region, Stavropol Territory, Adygea and Karachay-Cherkessia (a total of 734 people were interviewed). Following the methodology of sociology, it becomes possible to propose and implement a promising system of managerial transformations for professional and public groups in the system of law enforcement agencies of the Russian Federation.

Results and discussions. It is established that in professional adaptation, the average commanding staff forms, for the most part, a normatively approved image of service socially oriented behavior. As a performance parameter, it is concluded that in sociology, the positive dynamics of social adaptation and well-being of ATS employees presupposes the formation of a program for identifying and solving priority management problems.

Keywords: sociology of management; social adaptation; communication; professional activity; average commanding staff of police officers; socialization; social well-being; social status; social changes.

For citation: Dyatlova M.A. (2023). Social adaptation in the professional activities of the average commanding staff of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation. *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 208–214. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.19>.

Введение

В социологии управления профессиональное становление сотрудников полиции РФ имеет устойчивый признанный концептуальный статус особого типа социального взаимодействия. В частности, как управленческий механизм, социальная регуляция профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников в органах внутренних дел характеризуется специфическими, устойчивыми и регулярными формами.

Отдельные направления и формы социальной адаптации для сотрудников органов внутренних дел достаточно содержательно исследованы в трудах таких отечественных социологов, как Д.Л. Агранат, А.Ф. Арсланов, В.В. Батаев, А.И. Бембена, И.Н. Васильева, С.Е. Денисенко, А.П. Кареева, А.С. Кезин, М.С. Лащенко, М.А. Лобанов, Д.Д. Невирко, Т.С. Новикова, А.Е. Огурцов, И.Н. Орлов, В.А. Радченко, А.П. Тюнь, О.В. Ушакова, Е.Н. Шлягина.

В междисциплинарном аспекте, наряду с предметным социологическим обоснованием рассматриваемой темы, отметим актуальность психологии, политологии, юриспруденции и педагогики, каждая из которых по векторам аргументирует некоторые аспекты освоения социальных норм и профессиональных ценностей сотрудниками ОВД. В частности, важность и особенности административных, социальных и психологических условий профессионального становления для категории молодых сотрудников органов внутренних дел рассматриваются в работах О.А. Аслановой, И.Г. Бавсун, Л.А. Бардымовой, И.В. Будило, И.М. Березянского, Г.Д. Бухаровой, А.Ф. Гара, Ж.Е. Гаррас, В.А. Гусева, А.В. Дюкова, О.Ю. Ефремова, С.А. Ильина, Н.А. Киселевой, А.А. Петрова, М.Ю. Попова, А.А. Прошина, Н.И. Разуваевой, О.В. Томиловой, Г.Ф. Хаметдинова, Д.В. Чалого, О.А. Чурсина, В.П. Щербаковой.

Результаты исследования и их обсуждение

В большинстве изученных нами работ в основном правильно формулируется проблемное поле социологических исследований социальной адаптации. Так, Г.Д. Гриценко установила, что в соответствующем контексте целесообразно говорить о взаимосвязи и взаимозависимости таких понятий, как «социальная адаптация» и «социальное самочувствие». Здесь «социальное самочувствие как модель различных эмпирических конструкторов позволяет судить о той или иной степени социальной адаптации в различных сферах общественной жизни» (Гриценко, 2014, 44).

Адаптационные формы поведения сотрудников ОВД в современной динамике социальных перемен чаще всего детализируются по признакам формального и неформального статусов их носителей. Наряду с этим следует отметить, что в трудах современных авторов до настоящего времени не получает комплексного научного обоснования и развития тема социальной, профессиональной адаптации сотрудников ОВД.

Актуальность темы в комплексе вероятностных установок для данной статьи изначально предполагает, что в социологии управления в целом рассматриваются отдельные положения современного запроса к исследованиям по тематике социальной и профессиональной адаптации сотрудников ОВД – прежде всего, в многофакторности внешних и внутренних условий современной российской действительности. Объективно актуальное социологическое исследование по нашей теме имеет предельно конкретные границы при определении предмета статистической выборки. Как установлено в ст. 26 Федерального закона «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ, сотрудникам полиции присваиваются следующие специальные звания:

- рядовой состав – рядовой полиции;
- младший начальствующий состав – младший сержант полиции, сержант полиции, старший сержант полиции, старшина полиции, прапорщик полиции, старший прапорщик полиции;
- средний начальствующий состав – младший лейтенант полиции, лейтенант полиции, старший лейтенант полиции, капитан полиции.

Социологические исследования по указанному в данной теме направлению, несомненно, имеют выход к старшему и высшему начальствующему составу сотрудников полиции. Как условие научной новизны, при выборе темы наш научный интерес обусловлен особым положением именно среднего начальствующего состава в служебной и должностной иерархии. С одной стороны, эта категория сотрудников в перспективе готовится к переходу в более высокие разряды. С другой – для курсантов, слушателей и адъюнктов, которые считаются проходящими службу в полиции, достаточно значимым приоритетом служебной лестницы становится перемещение в ранг среднего начальствующего состава. Аргументированная мотивация профессиональной адаптации и закрепления молодых сотрудников в органах внутренних дел является важной задачей их подготовки к исполнению служебных обязанностей. То есть объективно средний начальствующий состав формирует в своем большинстве нормативно одобренный образ служебного социально ориентированного поведения.

Однако, на наш взгляд, до настоящего времени в научной литературе существуют следующие недоработки в области конкретных задач социологического исследования по рассматриваемой теме:

- методические проблемы социологической оценки эффективности полиции формулируются и рассматриваются без конкретного анализа рисков и предметных угроз как внутри, так и вне реформируемого российского общества, его социальных институтов, подсистем и структурных элементов управления;
- социологические исследования не обращаются к статистике и критериям необходимого для среднего начальствующего состава сотрудников ОВД уровня правовых знаний;
- в социологии управления предметно не исследованы и не установлены критерии системы развития правовой грамотности и правосознания граждан как ценностной мотивации для профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД;
- не сформулированы и не находят научного методически выверенного социологического обоснования задачи, направленные к теории и эмпирии изучения правовой социализации сотрудников ОВД как важнейшего ценностного ресурса профессиональной деятельности в современных условиях;
- социология в целом, как и социология управления, по своему научному предмету не обращается к рекомендациям по эффективности и качеству управления, прежде всего – в комплексе государственно-патриотического, правового, нравственного, эстетического, физического воспитания профессионализма сотрудников ОВД;
- многие исследователи по тематике социального самочувствия сотрудников ОВД достаточно согласованно полагают, что такие критерии определяют показатели степени развития коллектива и зрелости начальников, однако не раскрывают формы стимулирования вне конфликтного поведения в служебных отношениях;
- в тематических исследованиях отмечается актуальность отдельных подходов, однако не предлагается доказательное обоснование эмпирической статистики для современного комплекса социальной адаптации в профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД.

Также в большинстве рассмотренных нами работ современных авторов предлагается считать девиационным фактором социальной адаптации сотрудников ОВД социальную нестабильность в условиях общественных трансформаций. Однако в этих работах детализация таких управленческих девиаций либо не приводится, либо раскрывается без должного научного анализа профессиональной мотивации личности и группы в ресурсах общественного развития. Тем не менее общие научные подходы к становлению профессионала группируются в процессе формирования начальных, предварительных, промежуточных и конечных оценок. Важно также учитывать потенциал субъективных ситуаций переоценки достигнутых результатов, позиций и рубежей. Соответственно, перспективы дальнейших исследований по данной теме могут быть обращены к выбору одной альтернативы из возможных вариантов, целей, критериев оценки, переоценки, способов и мотивов к действию.

Таким образом, в данном материале социологическое восприятие среднего начальствующего состава сотрудников ОВД предполагает исследование, во-первых, индивидуальных, личностных сторон, во-вторых, выявление актуального субъективного, обязывающего должностного в профессионализме. В социологии управления указанные параметры раскрываются в многообразных свойствах, связях и отношениях для личности и группы. Как пишет Н.Е. Шустова, «исследование социальной адаптации позволит выявить истинный смысл и содержание совершающихся перемен. В этой связи особую значимость приобретает разработанность теории социальной адаптации и адекватность инструментария, измеряющего адаптацию» (Шустова, 1999, 6). То есть мы полагаем, что новой перспективной целью исследования в социологии управления становится анализ как современного состояния, так и тенденций изменения социальных, профессиональных институтов адаптации и деятельности сотрудников органов внутренних дел.

На этом фоне отметим, что в своем диссертационном исследовании И.Н. Орлов установил следующее: «Изменения социальных и профессиональных характеристик сотрудников внутренних дел происходили не постепенно, а определенными импульсами, связанными с кумулятивным эффектом от процессов в экономике и социальных отношениях. Возникло рассогласование между требованиями к профессиональной подготовке сотрудников органов внутренних дел, материальными возможностями реализации профессиональных навыков, общественными условиями деятельности и социальным статусом сотрудников органов внутренних дел» (Орлов, 2006, 8).

По нашему мнению, в перспективах научных разработок по соответствующей тематике предметного внимания заслуживают различные по масштабам методологические задачи, обусловленные процедурами исследования социологической рефлексии аргументации рассматриваемой темы. Соответственно, наше исследование существенно дополняет уже известные результаты некоторых авторов, указывающих на возрастающее значение социальной адаптации как нормативного требования в ценностях профессиональной деятельности среднего начальствующего состава сотрудников ОВД. Так, М.С. Лашенов пишет: «Формирование и развитие социального партнерства в правоохранительной сфере – это важная социальная задача, и ее решение отвечает требованиям инновационного развития органов внутренних дел, выступает основой для реализации социально ориентированного управления органами внутренних дел» (Лашенов, 2018, 4).

Мы установили, что для оформления и оценки эффективной управленческой ситуации как процедуры мобилизации сотрудников и вышестоящего руководства предполагается обращение к помощи внешних консультантов. Профессиональные эксперты способны дать научный диагноз и прогноз ситуации социальной адаптации сотрудников ОВД к профессиональной деятельности в контексте социальных изменений, мобилизовать на планирование и поддержку рациональных изменений. Мы солидарны с В.А. Радченко в том, что «управление конфликтами должно быть в постоянном поле зрения руководителей органов внутренних дел. Особую роль здесь приобретает деятельность кадровых подразделений, отвечающих за формирование систем и организационных структур управления, разработку мотивационной политики, а также методов организации труда» (Радченко, 2006, 3). Динамика указанной мобилизации персонала для всех проходящих службу в полиции

предполагает обучение, формирование команды, информационную и техническую организацию. Отметим актуальную потребность в расширенном социологическом обосновании социальной адаптации не только как ответной реакции на изменяющиеся условия социальной среды, но и как внутренне мотивированного процесса в сознании личности.

Заключение

В качестве вывода по рассмотренному материалу отметим следующее. Позитивная динамика социального самочувствия сотрудников ОВД предполагает формирование программы выявления и решения приоритетных проблем управления. Здесь в составе подлежащих изучению и статистической обработке явлений общественной жизни группируются организационные, неорганизационные и личностные оценочные факторы. То есть, следуя методологии социологии, мы получаем возможность разработать перспективную систему приемов коммуникации, адаптации и управленческих преобразований для общественных и профессиональных групп в системе органов правопорядка Российской Федерации.

Литература

- Гриценко, Г.Д. Социальное самочувствие и социальная адаптация: соотношение понятий / Г. Д. Гриценко // *Universum: общественные науки*. – 2014. – № 6. – URL: [https://7universum.com/pdf/social/6\(7\)/Gritsenko.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(7)/Gritsenko.pdf). – EDN SFVQRH.
- Лащенов, М.С. Формирование социального партнерства в правоохранительной сфере: автореферат дис. ... кандидата социологических наук / М.С. Лащенов. – Москва, 2018. – 25 с.
- Орлов, И.Н. Социально-профессиональная группа сотрудников правоохранительных органов в процессе трансформации российского общества: На материалах УВД г. Перми: автореферат дис. ... кандидата социологических наук / И.Н. Орлов. – Пермь, 2006. – 22 с.
- Радченко, В.А. Социальное управление конфликтами в системе органов внутренних дел: на примере Республики Адыгея: автореферат дис. ... кандидата социологических наук / В.А. Радченко. – Майкоп, 2006. – 25 с.
- Шустова, Н.Е. Социальная адаптация личности: дис. ... кандидата социологических наук / Н.Е. Шустова. – Саратов, 1999. – 132 с. – EDN NLOQRX.

References

- Gricenko G.D. Social well-being and social adaptation: the correlation of concepts. *Universum: obshchestvennyye nauki = Universum: Social Sciences*. 2014; 6. Available at: [https://7universum.com/pdf/social/6\(7\)/Gritsenko.pdf](https://7universum.com/pdf/social/6(7)/Gritsenko.pdf). (In Russ.)
- Lashchyonov M.S. Formation of social partnership in the law enforcement sphere: abstract of the dissertation of the candidate of Sociological sciences. Moscow; 2018. 25 p. (In Russ.)
- Orlov I.N. Socio-professional group of law enforcement officers in the process of transformation of Russian society: Based on the materials of the Department of Internal Affairs of Perm: abstract of the dissertation of the Candidate of Sociological Sciences. Perm; 2006. 22 p. (In Russ.)
- Radchenko V.A. Social conflict management in the system of internal affairs bodies: on the example of the Republic of Adygea: abstract of the dissertation of the candidate of Sociological Sciences. Maykop; 2006. 25 p. (In Russ.)
- Shustova N. E. Social adaptation of personality: dissertation for the degree of Candidate of Sociological Sciences. Saratov; 1999. 132 p. (In Russ.)

Дата получения рукописи: 15.10.2023

Дата окончания рецензирования: 17.11.2023

Дата принятия к публикации: 24.11.2023

Информация об авторе

Дятлова Мария Анатольевна – аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, г. Новочеркасск, Россия, e-mail: masha_361@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Dyatlova Maria Anatolyevna – graduate student of the South Russian State Polytechnic University (NPI) named after M.I. Platov, Novocherkassk, Russia, e-mail: masha_361@mail.ru.

The author declares that there is no conflict of interest

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Научная статья

УДК 314.925

DOI: 10.18522/2658-5820.2023.4.21.

EDN UVUZXD

**Армяне Юга России в статусных профессиональных сообществах
(ситуация рубежа 2020-х годов)****Сергей Я. Суций¹**

¹Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация
e-mail: SS7707@mail.ru.

Аннотация

Введение. В статье изучаются социопрофессиональные ориентации армянского населения южнороссийских регионов, масштабы присутствия в ряде статусных профессиональных групп (в том числе в сфере здравоохранения, высшей школе, науке, в различных сегментах судебно-правоохранительной системы, региональных органах законодательной и исполнительной власти).

Результаты исследования и их обсуждение. Исследование подтвердило вывод о том, что традиционная профессиональная ориентация армян южного макрорегиона на различные сферы торгово-посреднической деятельности в постсоветский период дополняется все более активным включением в некоторые статусные сообщества. Но было установлено, что даже между сопредельными региональными общинами имеются достаточно значимые различия в социопрофессиональных ориентациях, обусловленные суммой исторических, демографо-расселенческих, социально-экономических факторов. Проведенный анализ позволяет сделать вывод о значительной профессиональной привлекательности для представителей всех южнороссийских общин сферы медицины (большинства специализаций, из которых самыми предпочтительными выступают стоматология, онкология, урология, дерматология). Высшая школа и наука как сферы профессиональной деятельности вызывали наибольший интерес у донских армян. В адвокатуре и органах полиции были широко представлены представители всех региональных общин, в судебном профессиональном сообществе значительным было присутствие только у армян Дона. Выделялись они среди всех общин и уровнем представительства в составе депутатов областной думы. Но в городских законодательных собраниях армяне были весомо представлены во всех южнороссийских центрах, располагавших крупными общинами. Весьма ограниченным остается присутствие армян в структурах исполнительной власти регионов Юга России.

Ключевые слова: армяне Юга России; региональные общины; статусные профессиональные группы; социопрофессиональные ориентации; уровень представленности.

Для цитирования: Суций С.Я. (2023). Армяне Юга России в статусных профессиональных сообществах (ситуация рубежа 2020-х гг.). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), с. 216–236. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.21>.

**Armenians of the South of Russia in a number of high-status professional
communities (the situation of the turn of the 2020s)****Sergey Ya. Sushchiy¹**

¹Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Rostov-on-Don, Russian Federation
e-mail: SS7707@mail.ru

Abstract

The article examines the socio-professional orientations of the Armenian population of the southern Russian regions, the extent of their presence in a number of status professional groups (including in the field of healthcare, higher education, science, in various segments of the judicial and law enforcement system, regional legislative and executive authorities). The study confirmed the conclusion that the traditional professional orientation of the Armenians of the southern macroregion to various spheres of trade and intermediary activity in the post-Soviet period is complemented by an increasingly active inclusion in some status communities. But it was found that even between neighboring regional communities there are quite significant differences in socio-professional orientations due to the sum of historical, demographic, settlement, socio-economic factors. The conducted analysis

allows us to conclude that there is a significant professional attractiveness for representatives of almost all Southern Russian communities in the field of medicine (most of the specializations, of which dentistry, oncology, urology, dermatology were the most preferred). Higher education and science, as spheres of professional activity, aroused the greatest interest among the Don Armenians. Representatives of all regional communities were widely represented in the legal profession and the police, and only Don Armenians had a significant presence in the judicial professional community. They stood out among all communities and the level of representation in the composition of deputies of the Regional Duma. But in the city legislative assemblies, Armenians were significantly represented in all the southern Russian centers that had large communities. The presence of Armenians in the executive power structures of the regions of Southern Russia remained very limited.

Keywords: Armenians of the South of Russia; regional communities; status professional groups; socio-professional orientations; level of representation.

For citation: Suschiy S.Ya. (2023). Armenians of Southern Russia in High-Status Professional Communities (the Situation at the Turn of the 2020s). *Caucasian Science Bridge*, 6 (4), p. 216–236. <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2023.4.21>.

Введение

Армяне входят в группу старожильческих народов большинства южных регионов Российской Федерации. В Крыму, на Северном Кавказе, в Нижнем Поволжье устойчивые группы армянского населения появляются задолго до включения данных территорий в состав Российского государства. В степном Предкавказье значительный количественный рост и расширение географии армян приходится уже на российский период развития региональных социумов Дона, Кубани, Ставрополья (вторая половина XVIII – середина XIX в.).

Южный макрорегион оставался основным ареалом расселения армянского населения в пределах России до второй половины XX в. Но и в настоящее время около половины российских армян сосредоточено в нескольких южных регионах РФ (прежде всего, в Краснодарском и Ставропольском краях и в Ростовской области). В связи с этим вполне закономерен интерес исследователей к различным сторонам жизнедеятельности современных южнороссийских общин (в том числе этноконфессиональным, геодемографическим, социокультурным, социально-экономическим аспектам) (Армяне Юга России, 2015; Батиев, 2020; Суций, 2015, 2018а, б; Тер-Саркисянц 1993). Объектом изучения в последние 10–15 лет неоднократно становились и социоментальные характеристики армян Юга России (далее – ЮР), доминирующие в различных региональных группах коллективные этнокультурные представления (Армянская община на Дону, 2022; Атлас..., 2018).

Однако целый ряд значимых социальных особенностей армянского населения ЮР постсоветского периода по-прежнему нуждается в более детальном изучении. Среди них и структура социофессиональных ориентаций представителей различных региональных общин. Принимая во внимание демографический потенциал южнороссийских армян, именно профессиональные предпочтения в значительной степени определяют состав и соотношение основных сфер трудовой занятости всей их российской диаспоры. Это еще более увеличивает актуальность такого исследования. Появление отдельных публикаций, посвященных данной теме, скорее, иллюстрирует необходимость ее более детального анализа (Суций, 2017).

В конце XX – начале XXI в. армяне были широко представлены в самых разных сферах социально-экономической жизни южнороссийских регионов, в том числе в строительстве, оптовой и розничной торговле, гостиничном и ресторанном бизнесе, банковском секторе, операциях с недвижимостью, автосервисе, ремонте бытовых изделий, мелком (кустарном) производстве. В значительном числе присутствовали армяне и во многих статусных профессиональных сообществах ЮР. Вместе с тем уровень привлекательности отдельных профессий и сфер трудовой деятельности для местного

армянского населения существенно различался. Однако комплексный анализ его профессиональных ориентаций максимально осложняется закрытым характером информации о национальном составе представителей практически всех профессиональных сообществ. Не говоря уже о том, что по некоторым профессиональным группам такие данные (по крайней мере, в централизованной форме) просто отсутствуют.

Методы

Для создания статистической базы исследования нами была разработана методика сопряженного анализа трех именных параметров (имени, отчества, фамилии) сотрудников, поскольку специфика именного и фамильного фонда армянского народа позволяет с достаточно большой надежностью выделять его представителей в кадровом составе анализируемых сообществ.

Заметим, что при работе с женской компонентой профессиональных групп упор делался на анализ имени-отчества, поскольку фамилия специалиста могла быть взята от мужа. В случае нехарактерных для армянского народа имени и отчества у носительницы «этнической» фамилии (например, Елена Васильевна Меликян, Ольга Владимировна Погосян) она не учитывалась в расчетах как армянка. Но если ее фамилия поддерживалась соответствующим армянскому именному фонду именем или отчеством, женщина считалась представительницей армянского народа.

У мужчин в качестве армян учитывались все носители «этнических» фамилий, даже если имя и отчество не являлись характерными для армянского народа, а также все имевшие характерное имя/отчество (Месроп, Тигранович и т.п.) и при этом фамилию с окончанием на ов(ев), распространенную среди армян Нагорного Карабаха и ряда других субрегионов Южного Кавказа.

Очевидно, что у данной методики, как и у любой другой, имеется определенная погрешность. Но в самом первом приближении эта погрешность может быть оценена как достаточно ограниченная, едва ли способная превысить 10–20%. Однако еще существеннее то, что эта методика, скорее, недоучитывает присутствие армян в анализируемых профессиональных сообществах. Практически невозможно представить, чтобы человек с именными данными Ашот Суренович Погосян не имел этнонационального отношения к армянскому народу. При этом известны примеры обратного рода (только один пример: известный донской писатель второй половины XX в. Николай Матвеевич Егоров был карабахским армянином). Таким образом, мы, скорее, фиксируем нижнюю количественную планку армянского присутствия в различных профессиональных группах южного макрорегиона.

Самостоятельный интерес представляет анализ не только абсолютных значений (численность армян в отдельных статусных профессиональных сообществах своих регионов/центров), но и удельных показателей – доли (процента) армян в каждой из этих групп, а также уровня представленности (УП) в них. УП может быть рассчитан следующим образом:

$$\text{УП} = \frac{\text{Доля армян в составе профессиональной группы своего региона (центра)}}{\text{Доля армян в населении региона (центра)}}$$

Если УП больше единицы, удельная концентрация представителей армянской общины в данной сфере деятельности выше, чем у остального населения региона. При значительных (тем более кратных) превышениях единицы УП указывает на явную привлекательность профессии для местного армянского населения в качестве направления трудовой самореализации (причем не только привлекательность, но и успешность закрепления в данном профессиональном сообществе, что не всегда со-

впадает). Низкий УП (заметно ниже единицы) указывает на отсутствие интереса к данной сфере профессиональной деятельности со стороны армянского населения либо связан с наличием каких-то препятствий, не позволяющих ему успешно самореализоваться в данной сфере¹.

Исследование проводилось на материалах шести южнороссийских регионов – Астраханской, Волгоградской, Ростовской областей, Краснодарского и Ставропольского краев и Республики Адыгея.

Результаты исследования и их обсуждение

В общей сложности при помощи данной методики было проанализировано около 100 тыс. представителей ряда статусных профессиональных сообществ шести южнороссийских регионов. Для выявления предпочтений южнороссийских армян уровень их представленности в каждом профессиональном сообществе сравнивался с данным показателем у остального населения анализируемых регионов и центров.

Сфера медицины. В настоящее время медицинские профессиональные сообщества в больших городах ЮР (прежде всего, в региональных столицах) включают тысячи квалифицированных специалистов, в средних центрах работают многие сотни врачей. Для анализа было выбрано 17 основных специализаций, на которые приходится порядка 75–80% кадрового состава медицинских профессиональных сообществ южнороссийских регионов. Были изучены врачебные сообщества всех городов с населением более 100 тыс. жителей (21 центр), в общей сложности проанализировано около 26 тыс. специалистов (табл. 1–4).

Таблица 1

**Численность и уровень представленности врачей-армян
в крупных центрах Ростовской области**

Специализация	Ростов		Батайск		Волгодонск		Новочеркасск		Таганрог		Шахты	
	Ч*	УП**	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП
Акушеры	19	1,77	–	–	1	4,39	1	2,53	–	–	1	2,40
Анестезиологи	7	1,62	–	–	1	6,67	–	–	1	7,58	–	–
Врачи УЗИ	21	2,29	–	–	1	7,5	–	–	–	–	1	3,07
Гастроэнтерологи	14	1,06	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Гинекологи	25	1,38	–	–	–	–	1	1,86	–	–	–	–
Дерматологи	61	3,80	2	1,55	–	–	–	–	1	13,89	–	–
Кардиологи	50	2,14	–	–	–	–	–	–	3	9,26	–	–
ЛОР	3	0,44	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Неврологи	23	2,18	2	8,20	–	–	1	3,72	2	6,17	–	–
Онкологи	8	1,31	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Педиатры	12	1,36	–	–	–	–	1	2,75	1	3,62	1	3,07
Стоматологи	15	2,82	2	1,71	1	3,26	–	–	–	6,29	1	1,38
Стоматологи-ортопеды	21	4,61	–	–	–	–	–	–	3	12,5	1	2,91
Терапевты	17	2,14	1	3,42	–	–	–	–	2	3,79	–	–
Эндокринологи	5	1,28	–	–	–	–	–	–	–	–	1	6,91
Хирурги	36	3,84	1	3,73	2	14,5	1	2,88	–	–	1	2,51
Урологи	16	2,53	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	353	2,06	8	1,41	6	2,4	5	1,37	17	2,80	7	1,23

Примечания: * – численность (чел.); ** – уровень представленности.

¹ Какой из двух обозначенных факторов является причиной УП (или каково их соотношение), в каждом конкретном случае требует самостоятельного анализа.

Таблица 2

**Численность и уровень представленности врачей-армян
в крупных центрах Краснодарского края**

Специализация	Краснодар		Анапа		Армавир		Новорос- сийск		Сочи		Майкоп	
	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП
Акушеры	24	2,83	1	0,78	4	1,89	3	4,01	5	0,92	1	0,67
Анестезиологи	6	0,76	1	0,74	1	0,41	2	1,43	5	0,62	–	–
Врачи УЗИ	28	2,07	1	0,45	1	0,44	2	1,43	15	1,23	1	0,60
Гастроэнтерологи	10	0,73	1	2,96	2	3,94	1	1,55	–	–	–	–
Гинекологи	6	0,57	6	1,37	7	1,27	5	1,44	18	0,95	1	1,50
Дерматологи	46	2,95	6	0,89	3	3,22	1	1,18	3	0,40	2	3,30
Кардиологи	40	1,95	–	–	1	0,84	2	1,47	3	0,55	1	0,72
ЛОР	5	0,79	–	–	2	0,59	–	–	4	0,77	2	3,30
Неврологи	4	0,80	1	0,44	8	2,78	4	1,96	5	0,46	–	–
Онкологи	13	1,61	–	–	2	2,15	–	–	4	1,01	1	1,65
Педиатры	11	3,02	4	1,14	6	1,31	–	–	12	0,63	1	0,52
Стоматологи	4	0,85	14	2,50	14	2,33	8	2,35	27	1,42	6	2,00
Стоматологи-ортопеды	50	5,13	7	3,14	2	1,69	–	–	6	1,03	5	5,00
Терапевты	3	1,01	1	0,37	5	0,68	5	0,82	18	0,74	3	0,88
Эндокринологи	1	0,36	1	0,67	1	1,31	–	–	2	0,59	–	–
Хирурги	15	2,17	3	1,31	14	5,33	6	2,56	20	1,63	1	0,89
Урологи	18	3,30	3	3,70	2	2,95	2	2,56	13	2,81	–	–
Всего	284	1,86	50	1,32	75	1,70	41	1,36	160	0,96	25	1,20

Таблица 3

**Численность и уровень представленности врачей-армян
в крупных центрах Ставропольского края**

Специализация	Ставрополь		Ессентуки		Кисловодск		Минводы		Невинно- мысск		Пятигорск	
	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП
Акушеры	9	2,29	2	2,79	1	0,55	7	2,01	1	1,87	6	0,76
Анестезиологи	–	–	2	2,32	2	1,09	2	1,44	–	–	2	0,65
Врачи УЗИ	11	2,10	1	1,33	2	0,68	2	1,28	–	–	6	0,76
Гастроэнтерологи	18	1,35	1	1,39	–	–	–	–	–	–	1	0,50
Гинекологи	4	0,50	2	1,86	2	0,68	8	2,19	2	3,29	10	0,93
Дерматологи	12	1,59	2	3,28	1	0,48	–	–	–	–	1	0,23
Кардиологи	21	1,79	–	–	4	1,51	2	2,88	–	–	4	1,11
ЛОР	3	0,78	–	–	1	0,78	1	2,30	–	–	1	0,68
Неврологи	8	1,30	1	0,96	1	0,55	–	–	–	–	2	0,37
Онкологи	4	1,54	–	–	–	–	–	–	–	–	3	1,40
Педиатры	3	1,08	1	0,75	3	1,64	2	0,58	1	1,29	1	0,37
Стоматологи	1	0,51	6	5,06	7	1,91	6	2,23	3	4,08	8	1,00
Стоматологи-ортопеды	6	3,36	–	–	5	3,22	1	2,88	–	–	4	1,66
Терапевты	8	3,09	5	1,68	5	0,91	2	0,74	1	1,36	11	0,70
Эндокринологи	–	–	–	–	1	0,91	–	0,00	–	–	1	0,34
Хирурги	5	1,38	2	2,42	3	1,49	3	1,28	–	–	5	1,13
Урологи	5	1,64	1	1,64	2	1,29	1	1,64	–	–	3	1,24
Всего	118	1,43	26	–	40	–	37	1,38	8	1,56	69	0,94

Таблица 4

**Численность и уровень представленности врачей-армян
в крупных центрах Нижнего Поволжья**

Специализация	Волгоград		Волжский		Астрахань	
	Ч	УП	Ч	УП	Ч	УП
Акушеры	6	1,82	–	–	6	6,25
Анестезиологи	2	0,4	–	–	3	3,15
Врачи УЗИ	5	1,53	–	–	5	4,46
Гастроэнтерологи	1	0,60	2	2,74	1	9,75
Гинекологи	10	1,42	1	1,44	2	2,53
Дерматологи	–	–	–	–	–	–
Кардиологи	–	–	–	–	–	–
ЛОР	–	–	–	–	1	1,81
Неврологи	–	–	1	2,20	1	2,15
Онкологи	–	–	2	8,82	–	–
Педиатры	2	0,24	2	2,84	2	1,14
Стоматологи	5	1,21	1	1,54	7	5,32
Стоматологи-ортопеды	8	2,66		–	3	5,21
Терапевты	1	0,09	1	2,06	3	1,39
Урологи	2	1,53	1	5,88	3	6,47
Хирурги	4	0,97	–	–	2	3,04
Эндокринологи	2	1,09	–	–	–	–
Всего	48	0,71	11	1,9	39	4,6

Врачи-армяне работали во всех проанализированных городских профессиональных сообществах. В большинстве случаев речь шла не об единичных специалистах, но о более или менее крупных группах, заключающих десятки человек. Крупнейшими средоточиями являлись столицы южнороссийских регионов. Более 350 армян-врачей было зафиксировано в Ростове, около 300 – в Краснодаре, 170 – в Сочи, около 120 – в Ставрополе.

В удельном разрезе (доля армян в городском медицинском сообществе) список ведущих центров был несколько иным. В ряде городов Кубани и Ставрополья врачи-армяне составляли более 10% всех специалистов, но и в большинстве других центров, в том числе не располагающих крупными армянскими общинами, доля армян-врачей составляла 3–4% (рис. 1). Причем в последних УП армян в городской медицине подчас оказывался заметно выше, чем в некоторых центрах с большим армянским населением (в Сочи или в Пятигорске данный показатель был меньше единицы, тогда как в Ейске составлял 3,5, в Таганроге – 2,8).

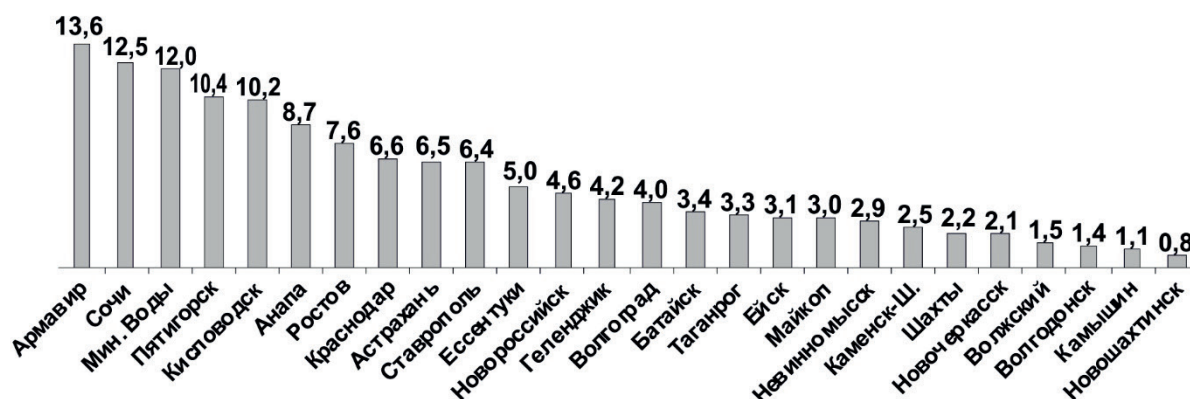

Рисунок 1. Доля армян-врачей в медицинских сообществах городов Юга России (%)¹

¹ Данные на рис. 1, 2 рассчитаны по материалам сайта «ПроДокторов» (<https://prodoctorov.ru>).

Еще существеннее то, что в 20 из 24 проанализированных центров (т.е. в подавляющем большинстве) УП армян в местных врачебных сообществах был больше единицы, а в семи центрах – больше двух (т.е. армяне в этих городах в два и более раз чаще остального населения становились врачами). Это очевидное свидетельство присутствия медицины в сфере профессиональных предпочтений армянского населения ЮР.

При этом привлекательность отдельных врачебных специализаций для южно-российских армян колебалась в широком диапазоне. А у представителей отдельных центров обнаруживались существенные различия в отраслевой структуре предпочтений. Тем не менее обобщение данных по всем 24 городам ЮР (при известной вариативности) выявило отчетливые профессиональные приоритеты (рис. 2).

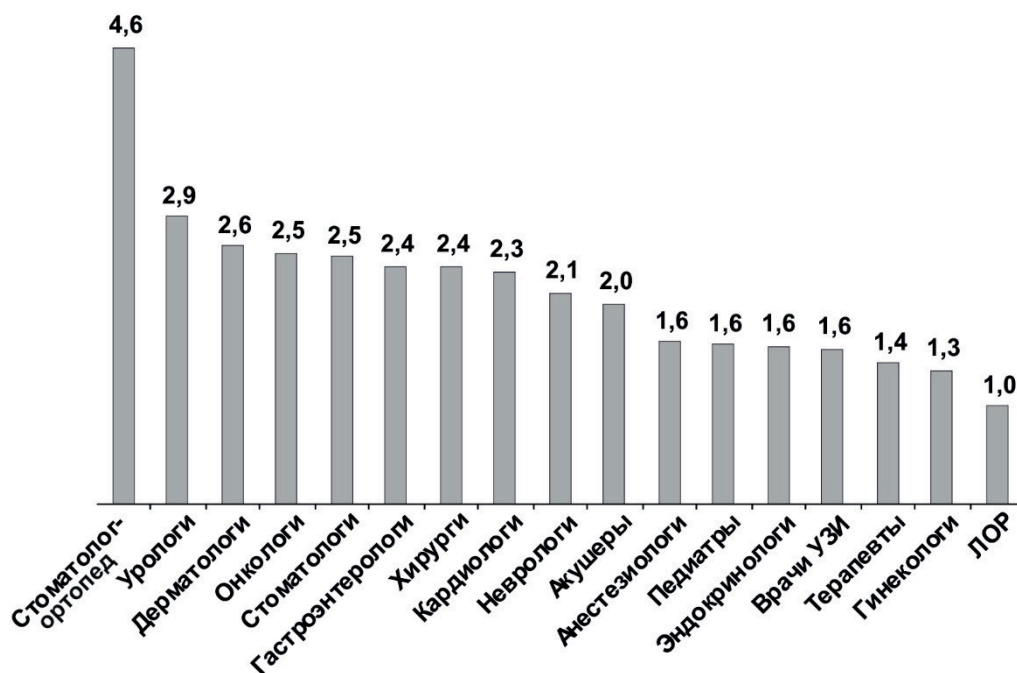

Рисунок 2. Уровень представленности армян в отдельных врачебных специализациях медицинского сообщества ЮР (усредненный показатель по 24 городам макрорегиона)

Наиболее привлекательными для представителей южных общин является профессия стоматолога, но можно сказать и еще точнее – стоматолога-ортопеда. Уровень представленности армян в данной профессии был в 4,5 раза выше, чем у остального населения макрорегиона. Почти в три раза он был выше в урологии; в 2,4–2,5 раза чаще «земляков» армяне ЮР становились хирургами, онкологами, дерматологами, простыми стоматологами. И в целом практически по всем проанализированным специализациям (кроме врачей ЛОР), они имели УП, заметно превышающий единицу.

Высшая школа, наука. В данных сферах деятельности были проанализированы коллективы сотрудников девяти крупнейших вузов ЮР (около 11,5 тыс. сотрудников): четырех классических университетов (в том числе двух федеральных – Южного и Северо-Кавказского) и пяти отраслевых – двух технологических, двух медицинских и экономического, расположенных в пяти региональных столицах.

Преподаватели и профессора-армяне работали во всех этих вузах. Крупнейшими оказались их группы в федеральных университетах (в Южном – более 100 человек, в Северо-Кавказском – около 70). Но и в менее крупных учебных заведениях их число, как правило, составляло десятки человек. При этом в вузовских коллективах Кубани, Ставрополя и Ростовской области доля сотрудников-армян составляла 2–4%, в учебных заведениях Нижнего Поволжья была заметно меньше (1–2%) (табл. 5).

Таблица 5

**Численность и уровень представленности армян среди сотрудников
ряда крупных региональных вузов Юга России (данные на 2018/2019 учебный год)**

Вуз	Общее число (чел.)		Доля армян, %		УП армян в вузе
	армяне	осталь- ные	в вузе	в населе- нии реги- она ¹	
Южный федеральный университет (Ростов)	108	3865	2,7	2,55	1,05
Донской государственный технологический университет (Ростов)	48	1178	3,9		1,52
Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)	17	482	3,5		1,37
Кубанский государственный университет (Краснодар)	25	1179	2,1	5,4	0,39
Кубанский государственный технологический университет (Краснодар)	32	789	3,9		0,72
Астраханский государственный медицинский университет	12	623	1,9	0,58	3,28
Волгоградский государственный университет	5	472	1,0	1,06	1,0
Волгоградский медицинский университет	10	1036	1,0		0,91
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)	69	1826	3,64	5,79	0,63

Примечание: данные табл. 5–7 рассчитаны по материалам официальных сайтов вузов Юга России и ЮНЦ РАН.

УП больше единицы среди изученных вузов имели учебные заведения Ростовской области, в которой армяне уже многие поколения были весомо представлены в центральных сферах социокультурной жизни (литература, искусство, музыка, театр, архитектура и т.д.). Высшая школа не была исключением, оставаясь притягательной сферой профессиональной самореализации для донских армян.

Иная ситуация зафиксирована в высшей школе Кубани и Ставрополя, где современное армянское население было менее ориентировано на карьеру вузовского преподавателя. И УП армян в ведущих вузах этих регионов оказался существенно ниже единицы. В учебных заведениях Нижнего Поволжья УП был значительно выше, несмотря на то, что группы преподавателей-армян в них были количественно совсем невелики. Тем не менее максимальный показатель представленности в группе изученных вузов оказался у Астраханского медицинского университета (3,28).

Как и в сфере медицины, степень привлекательности отдельных направлений и специализаций высшей школы варьировалась для армянского населения ЮР в широких пределах. В качестве базовой гипотезы было сделано предположение, что их в меньшей степени интересуют естественнонаучные и технические образовательные специализации и предпочтение в первую очередь отдается востребованным современным обществом и бизнесом вузовским сегментам общественно-гуманитарного

¹ На первый взгляд, логичней сравнивать удельный вес армян среди сотрудников вуза с долей армянской общины в населении данного центра. Однако профессорско-преподавательский коллектив вузов в настоящее время в определяющей степени формируется из числа собственных выпускников. А студенческий контингент включает весомую долю молодежи из других городов и сельских районов своего региона, т.е. формируется именно региональным социумом, а не только его административной столицей.

профиля (т.е. экономике, менеджменту, праву). Обобщенный анализ преподавательских коллективов трех крупнейших южнороссийских университетов (ЮФУ, СКФУ и Кубанского государственного) в целом данную гипотезу подтвердил (табл. 6)

Таблица 6

**Численность и уровень представленности армян среди сотрудников подразделений
разной специализации трех крупнейших университетов Юга России
(данные на 2018/2019 учебный год)**

Учебное подразделение	Южный федеральный университет		Северо-Кавказский федеральный университет		Кубанский государственный университет	
	чел.	УП	чел.	УП	чел.	УП
Естественнонаучные и точные	40	0,84	21	0,7	4	0,2
Экономика, менеджмент, право	14	1,25	25	0,93	8	0,4
Остальные общественные и гуманитарные	54	1,35	23	0,38	13	0,47

Однако детальное изучение структуры данных преподавательских коллективов обнаружило более сложную композицию. В ЮФУ наивысший УП преподавателей-армян действительно был зафиксирован на юридическом факультете (2,94). Но больше единицы этот показатель оказался и у целого ряда естественнонаучных учебных подразделений (в том числе у физического и химического факультетов – 1,17 и 1,12 соответственно), а также у Академии психологии и педагогики. При этом у преподавателей-армян на экономическом факультете и в высшей школе бизнеса УП был значительно ниже единицы (0,7 и 0,66 соответственно).

Столь же сложной была ситуация с анализируемым показателем в СКФУ. При общем невысоком уровне УП армян в данном вузе (0,63) среди подразделений-лидеров по уровню привлекательности наряду с факультетом экономики Пятигорского филиала (0,92) оказались инженерный факультет и институт математики и естественных наук (соответственно 1,22 и 0,85). При этом юридический институт и институт управления расположились среди середнячков (0,56 и 0,5). В Кубанском государственном университете на первой позиции по привлекательности вообще оказался педагогический факультет, а также факультет архитектуры и дизайна (соответственно 0,94 и 0,91 при общем показателе КГУ – 0,39), тогда как юридический факультет (0,29) находился среди явных аутсайдеров.

Таким образом, профессиональные ориентации южнороссийских армян в сфере высшей школы совсем не ограничивались кругом коммерчески востребованных специализаций и включали достаточно широкий спектр направлений как гуманитарного, так отчасти и естественнонаучного профиля (журналистика, история, математика и т.д.).

Анализ исследовательского персонала Южного научного центра РАН (ЮНЦ) в целом подтверждает вывод о достаточно высокой привлекательности для донских армян сфер профессиональной деятельности, связанных с творческой самореализацией¹. Область научных изысканий представляла для них повышенный интерес. При этом просматривалась очевидная ориентация на общественные и гуманитарные науки (табл. 7).

¹ Несмотря на то, что ЮНЦ по локализации своих подразделений является межрегиональной организацией, основная масса сотрудников сосредоточена в Ростове-на-Дону и представлена уроженцами Ростовской области.

Таблица 7

**Представленность армян в исследовательских подразделениях
Южного научного центра РАН**

Подразделение	Число (чел.)	Доля (%)	УП
Сектор общественных и гуманитарных наук	6	11,5	4,52
Остальные подразделения	3	1,49	0,58
Весь ЮНЦ	9	3,56	1,40

Самостоятельный интерес представляет анализ масштабов присутствия южно-российских армян среди «остепененного» населения своих регионов. Наличие ученой степени в настоящее время не является однозначной маркировкой профессиональной принадлежности ее носителя к науке или высшей школе. Однако большинство «остепененных» по-прежнему сосредоточено именно в данных сферах. Но для нашего исследования еще важнее то, что само наличие степени, как правило, является индикатором принадлежности человека к одному из статусных профессиональных сообществ.

В начале 2010-х гг. около 1600 армян в ЮР обладали ученой степенью. Из них 1,5 тыс. приходились на три региона – Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольский края (табл. 8). Отметим, что в этих трех регионах по числу «остепененных» армяне уступали только русским, т.е. превосходили по данному показателю даже многочисленную группу местных украинцев. Это может выступать свидетельством значительного социокультурного потенциала южнороссийских общин, не ограниченного представительством в науке или высшей школе.

Таблица 8

**Представительство армянских южнороссийских общин
в группе «остепененного» населения ряда регионов ЮР (2010 г.)**

Регион	Общее число (чел.)		Доля армян, %		УП
	армяне	остальные	в данной группе	в населении региона	
Доктора наук					
Ростовская область	78	2270	3,32	2,55	1,3
Краснодарский край	97	2410	3,87	5,40	0,72
Астраханская область	0	434	–	0,58	–
Волгоградская область	11	1174	0,94	1,06	0,88
Ставропольский край	61	1155	5,02	5,79	0,87
Кандидаты наук					
Ростовская область	427	14088	2,94	2,55	1,15
Краснодарский край	457	12010	3,67	5,4	0,68
Астраханская область	38	2144	1,75	0,58	3,01
Волгоградская область	65	6023	1,08	1,06	1,02
Ставропольский край	390	7680	5,08	5,79	0,88

Примечание: рассчитано по данным Росстата.

В удельном разрезе на армян приходится 3–5% докторов и кандидатов наук в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях. Показатели нижнеповолжских областей были значительно скромнее (0,6–1,8%). Анализ УП обнаруживает ту же ситуацию, что и в сфере высшей школы. Выше единицы данный показатель у армян Ростовской области, ориентированных на профессиональную реализацию в сферах деятельности, в которых получение ученой степени является значимым достижением или, по крайней мере, полезным приобретением. А для армянского населения Кубани и Ставрополя наличие степени очевидным образом не входит в число важных персональных приоритетов, и УП оказывается много ниже единицы.

Зато максимальный показатель (по кандидатам наук) демонстрирует количественно небольшая община Астраханской области, в значительной степени локализованная в региональной столице и потому сосредоточенная на реализации в социально-экономической среде большого города, в которой ученая степень зачастую выступает дополнительным ресурсом для успешной карьеры за пределами науки и сферы образования.

Судебно-правоохранительная система. Присутствие армян в различных сегментах данной обширной сферы было весьма представительным. Показательной в этом отношении является информация по участковым полицейским крупным городам ЮР (табл. 9). Из десяти проанализированных центров армяне в данной профессиональной группе отсутствовали только в двух – Таганроге и Волгодонске. А крупнейшими их средоточиями являлись Ростов и Сочи.

Таблица 9

Армяне в группе участковых полицейских ряда ведущих городов Юга России

Город	Численность, чел.		Доля армян, %		УП
	армяне	всего	в данной группе	в населении города	
Астрахань	2	77	2,6	0,8	3,25
Волгоград	6	243	2,5	1,8	1,39
Волгодонск	–	32	–	0,59	–
Краснодар	9	160	5,6	3,64	1,53
Майкоп	1	57	1,8	3,0	0,6
Новороссийск	5	69	7,2	3,4	2,11
Новочеркасск	1	56	1,8	1,58	1,14
Ростов-на-Дону	25	201	12,4	3,83	3,26
Сочи	26	153	17,0	13,6	1,25
Таганрог	–	61	–	1,09	–

Примечание: данные табл. 9–10 рассчитаны по материалам официальных сайтов ОВД городов Юга России.

В удельном разрезе очевидным лидером являлся Сочи, в котором армянином был каждый шестой участковый (в Ростове-на-Дону – каждый восьмой). Но и в большинстве других центров этот показатель был достаточно весом, что подтверждается и УП. Во всех центрах, в которых имелись участковые-армяне, данный показатель был выше единицы, за исключением Майкопа. Однако здесь

следует принять во внимание республиканскую специфику столицы Адыгеи, в которой профессия полицейского весьма привлекательна для представителей титульного народа¹.

В целом данный профессиональный сегмент правоохранительной системы представлял интерес для всех региональных общин ЮР. Заметим также, что анализ армян-участковых по званиям в двух ведущих городских группах ЮР (Ростов-на-Дону и Сочи) обнаруживает повышенный процент армян среди младших и средних офицеров (лейтенантов, старших лейтенантов и капитанов). Что может указывать на происходящее в последние годы активное пополнение данных профессиональных групп армянской молодежью (табл. 10).

Таблица 10

Представленность армян среди участковых полицейских разного звания

Город	Лейтенанты и старшие лейтенанты	Капитаны	Майоры	Подполковники
Число (чел.)				
Ростов-на-Дону	10	8	6	1
Сочи	15	9	2	–
Доля (%)				
Ростов-на-Дону	10,6	16,3	12,0	12,5
Сочи	18,1	23,7	7,1	–

В сфере судебной деятельности был проанализирован кадровый персонал региональных адвокатских сообществ ЮР (в общей сложности более 13 тыс. человек). Около 690 адвокатов были представителями армянского народа. Подавляющее большинство этого множества было сосредоточено в трех регионах (в Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях), в которых на армян приходилось 5,5–7% всего состава региональных профессиональных корпораций. В поволжских областях этот удельный показатель составлял только 1,5–2%. Но по уровню УП в адвокатских сообществах местные армяне заметно превосходили показатели Кубани и Ставрополя (табл. 11). Меньше единицы УП был только у армян Адыгеи. И по уже упоминавшейся причине. Адвокатура привлекала значительное число представителей титульного народа республики, составлявших более половины профессионального сообщества (177 человек из 344) и, соответственно, имевших показатель УП 2,03.

Заметно меньше представителей южнороссийских общин было среди работников прокуратуры и в региональных судебных профессиональных сообществах. Данный вывод, однако, делается по ограниченным данным, поскольку информация о кадровом составе этих профессиональных сообществ является более закрытой. По обеим корпорациям в региональном разрезе были собраны данные только о высшем кадровом звене.

¹ Как результат, адыгейцы/черкесы количественно доминировали в данной профессиональной группе. К титульному сообществу относилось 39 полицейских Майкопа из 59 (68,4%), притом что в населении города адыгейцы/черкесы составляли только 19,5%. Таким образом, их УП составлял 3,51. При этом показатель армян (0,58) был заметно выше, чем у остального нетитульного населения Майкопа, прежде всего, представленного русскими (0,38).

Таблица 11

Армяне в адвокатских сообществах южнороссийских регионов

Регион	Число адвокатов (чел.)		Доля армян, %		УП
	армяне	всего	в группе адвокатов	в населении региона	
Астраханская область	6	531	1,13	0,58	1,9
Волгоградская область	20	1294	1,55	1,06	1,42
Краснодарский край	271	5009	5,41	5,40	1,0
Ростовская область	177	2870	6,17	2,55	2,43
Ставропольский край	202	2983	6,77	5,79	1,17
Адыгея	7	344	2,03	3,54	0,57

Примечание: рассчитано по материалам официальных сайтов адвокатских палат регионов Юга России.

В судебных региональных сообществах ЮР было проанализировано 1780 человек, из которых армянами были только 28 (1,57%)¹. При этом 15 из них относились к Ростовской области, единственному южнороссийскому региону, в котором УП армян в судебной корпорации было больше единицы. Причем более детальный анализ обнаруживает их повышенную концентрацию в мировых судах области при минимальном присутствии в арбитражных судах и судах общей юрисдикции (табл. 12).

Таблица 12

Армяне в судебных корпорациях регионов ЮР

Показатель	Адыгея	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Арбитражные суды						
Армяне, чел.	1	–	–	1	2	–
Всего, чел.	12	25	12	63	78	40
Доля армян, %	8,33	–	–	1,58	2,56	–
УП армян	2,35	–	–	0,62	0,47	–
Суды общей юрисдикции						
Армяне, чел.	1	–	–	3	–	3
Всего, чел.	80	64	160	168	194	130
Доля армян, %	1,25	–	–	1,79	–	2,31
УП армян	0,35	–	–	0,70	–	0,40
Мировые судьи						
Армяне, чел.	–	–	1	11	2	3
Всего, чел.	20	55	136	219	178	145
Доля армян, %	–	–	0,74	5,02	1,12	2,07
УП армян	–	–	0,70	1,97	0,21	0,36
В целом						
Армяне, чел.	2	–	1	15	4	6
Всего, чел.	112	144	308	450	450	315
Доля армян, %	1,54	–	0,32	3,33	0,89	1,90
УП армян	0,44	–	0,30	1,31	0,16	0,33

Примечание: рассчитано по материалам официальных сайтов судебных организаций регионов Юга России.

¹ Для адвокатов данный показатель составлял 5,24%.

Во всех остальных регионах УП армян в данном профессиональном сообществе колебался в диапазоне 0,16–0,44. А в высшем звене судейского сообщества Астраханской области армяне отсутствовали, как и среди профессиональной элиты всех проанализированных шести региональных прокуратур ЮР, в общей сложности включившей более 230 человек (табл. 13).

Таблица 13

Армяне в прокурорских сообществах регионов ЮР (высшее кадровое звено)

Показатель	Адыгея	Астраханская область	Волгоградская область	Ростовская область	Краснодарский край	Ставропольский край
Армяне, чел.	–	–	–	–	–	–
Всего, чел.	9	19	44	65	56	39
Доля армян, %	–	–	–	–	–	–
УП армян	–	–	–	–	–	–

Примечание: составлено по материалам официальных сайтов прокуратур регионов Юга России.

Нельзя исключать, что количественное и удельное присутствие армян среди рядовых судей в регионах ЮР было более значительным, чем зафиксировало наше исследование. И безусловно, представители общин могли находиться на нижних и средних этажах региональных прокурорских сообществ. Но есть весомые основания полагать, что даже в общем штате данных профессиональных корпораций это присутствие (по крайней мере, в доленом отношении) было несопоставимо ниже показателя адвокатских сообществ.

Законодательная власть. Системная стабилизация России и комплексное укрепление российской административно-управленческой вертикали в начале XXI в. сопровождалось быстрым повышением статусных позиций, уровня материального обеспечения российских чиновников и депутатского корпуса. Более того, обладание административным ресурсом зачастую превращалось в центральный фактор успешности в любом из сегментов экономической деятельности, способствовало тесной смычке власти и капитала (Суций, 2017). В такой ситуации профессиональная карьера в системе управления становилась привлекательной для представителей всех социальных групп и национальностей российского общества. Армяне ЮР не являлись исключением, о чем свидетельствует присутствие представителей южнороссийских общин в законодательных собраниях своих регионов и крупных городских центров.

Но следует иметь в виду специфику формирования депутатского корпуса, происходящего через избирательные кампании. Известно и настороженное отношение определенной части электората русских регионов к «этническим» кандидатам. В такой ситуации даже консолидированной поддержки крупной общины далеко не всегда оказывалось достаточно для получения ее представителем депутатского места. И диаспоры научились обходить данное препятствие через ставку на этнически не маркированных кандидатов.

Таким образом, представительство армян в депутатских собраниях южнороссийских регионов и центров являлось свидетельством не столько привлекательности данных статусных сообществ (она в целом не подлежала сомнению), сколько уровня их комплексной укорененности, общего социокультурного потенциала и, условно говоря, системного авторитета в своих социумах. Данный потенциал/авторитет, как мы уже убеждались при изучении других статусных иерархий, в первую очередь отличал донскую общину. Нашел он отражение и в составе Ростовской областной думы, в ко-

торой армяне непременно присутствовали начиная со второго созыва (табл. 14). При этом их УП в данной статусной группе с конца 1990-х гг. оставался выше единицы.

Таблица 14

Представленность армян в законодательных собраниях регионов ЮР

Регион	Показатель	Созыв						
		1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
Адыгея	Армяне, чел.	2	1	2	1	1	1	–
	Доля армян, %	2,0	2,22	3,64	1,52	1,62	1,79	–
	УП армян	0,83	0,75	1,06	0,66	0,47	0,51	–
Астраханская	Армяне, чел.	–	–	–	–	1	–	1
	Доля армян, %	–	–	–	–	1,56	–	2,27
	УП армян	–	–	–	–	2,69	–	3,91
Волгоградская	Армяне, чел.	–	–	1	–	–	1	–
	Доля армян, %	–	–	2,33	–	–	2,70	–
	УП армян	–	–	2,20	–	–	2,55	–
Ростовская	Армяне, чел.	–	1	1	2	5	2	2
	Доля армян, %	–	2,2	2,2	4,0	8,33	3,17	3,39
	УП армян	–	1,1	1,1	1,6	3,27	1,24	1,33
Краснодарский	Армяне, чел.	–	–	1	3	2	1	–
	Доля армян, %	–	–	1,4	4,3	2,0	1,0	–
	УП армян	–	–	0,26	0,8	0,37	0,18	–
Ставропольский	Армяне, чел.	–	–	1	–	–	1	1
	Доля армян, %	–	–	2,33	–	–	2,0	2,0
	УП армян	–	–	0,40	–	–	0,35	0,35

Примечание: рассчитано по материалам официальных сайтов законодательных собраний регионов Юга России.

В этом отношении показательно куда более скромное присутствие в своих региональных законодательных собраниях представителей двух краевых общин ЮР, располагавших значительно большим демографическим и финансово-экономическим потенциалом, чем армяне Дона.

Армяне Кубани присутствовали в четырех из семи депутатских созывов краевой Думы. Но после максимального результата в 4-м созыве (три депутата, 2007–2012 гг.) их представленность в данном властном органе устойчиво шла на убыль. А в депутатском корпусе, избранном в сентябре 2023 г., армяне отсутствовали полностью. Причины этой линейной негативной динамики требуют самостоятельного изучения. Но в любом случае УП кубанских армян в Законодательном собрании края на всем протяжении постсоветского периода серьезно недотягивал до единицы.

Устойчивым (в шести из семи созывов) было присутствие армян в Законодательном совете – Хасэ Адыгеи. Но в отличие от Ростовской области их УП почти всегда был заметно ниже единицы. Спорадически появлялись армяне в Законодательном собрании Ставропольского края (по одному депутату в трех из семи созывов). Фиксируемая на протяжении 30 лет низкая представленность в депутатском корпусе общины, на которую приходится порядка 5,5–6% населения региона, как и в случае с Кубанью, требует дополнительного анализа.

Иной была ситуация в нижнеповолжских областях. Незначительный удельный вес общин в их населении определял низкую вероятность присутствия армян в ре-

гиональных законодательных собраниях. Но когда такое событие происходило (исследование зафиксировало по два случая для каждой из областных дум), УП общин оказывался очень высоким.

Информация, собранная по законодательным собраниям крупных и средних городов ЮР, позволяет утверждать, что между исторической укорененностью армян в том или ином центре, их общим демографическим, социально-экономическим, социокультурным потенциалом и масштабами присутствия в местном депутатском корпусе (в том числе и УП), как правило, существовала прямая корреляция (табл. 15). Устойчиво высоким было представительство армян в законодательных собраниях всех центров, в которых располагались крупные территориальные группы армянского населения (Сочи, Ростов-на-Дону, Армавир, Кисловодск и др.).

Таблица 15

Представленность армян в законодательных собраниях крупных южнороссийских центров

Город	Показатель	Созыв						
		1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
Анапа	Армяне, чел.						4	
	Доля армян, %						12,9	
	УП армян						1,94	
Армавир	Армяне, чел.						4	5
	Доля армян, %						16,0	19,2
	УП армян						1,89	2,27
Астрахань	Армяне, чел.	0	0	0	1	0	1	
	Доля армян, %				2,86		2,78	
	УП армян				3,58		3,48	
Волгоград	Армяне, чел.	0	0	0	0	0	1	1
	Доля армян, %						2,33	2,78
	УП армян						1,56	1,86
Волжский	Армяне, чел.					1	0	
	Доля армян, %					3,0		
	УП армян					3,74		
Краснодар	Армяне, чел.						2	3
	Доля армян, %						4,0	5,8
	УП армян						1,1	1,6
Кисловодск	Армяне, чел.	0	1	2	6	3	3	
	Доля армян, %		8,33	8,0	24,0	12,0	12,0	
	УП армян		0,91	0,88	2,6	1,3	1,3	
Майкоп	Армяне, чел.	0	1	1	1			
	Доля армян, %		3,3	3,3	3,3			
	УП армян		1,16	1,16	1,16			
Новороссийск	Армяне, чел.						2	1
	Доля армян, %						6,5	2,86
	УП армян						1,9	0,84
Новочеркасск	Армяне, чел.					0	0	0
	Доля армян, %							
	УП армян							

Окончание табл. 15

Город	Показатель	Созыв						
		1-й	2-й	3-й	4-й	5-й	6-й	7-й
Пятигорск	Армяне, чел.				1	1	2	4
	Доля армян, %				3,0	3,0	9,1	12,1
	УП армян				0,22	0,22	0,68	0,9
Ростов-на-Дону	Армяне, чел.	1	2	2	3	4	5	4
	Доля армян, %	5,0	13,6	9,1	8,6	11,4	10,9	10,0
	УП армян	1,5	3,3	2,2	2,26	3,0	2,87	2,63
Сочи	Армяне, чел.	9			9	9	6	
	Доля армян, %	19,1			18,0	19,6	15,8	
	УП армян	1,34			1,1	1,0	1,4	
Ставрополь	Армяне, чел.						0	0
	Доля армян, %							
	УП армян							
Таганрог	Армяне, чел.				0	0	0	0
	Доля армян, %							
	УП армян							

Примечание: рассчитано по материалам официальных сайтов законодательных собраний городов Юга России.

Отметим нарастающую в последние 10–15 лет частотность появления армян в депутатском корпусе крупнейших поволжских центров (Астрахань и Волгоград). Вместе с тем, учитывая, что число депутатов городских дум, как правило, было небольшим (25–35 человек), в городах, не располагавших крупными группами армянского населения, его представители никогда не появлялись в местном депутатском корпусе. Но в целом в качестве итога мы можем констатировать пускай неравномерное по территориям и городским центрам, однако достаточно весомое присутствие армян в законодательных структурах южного макрорегиона.

Органы исполнительной власти. Иной была ситуация в органах исполнительной власти регионов ЮР (по крайней мере, в высшем ее звене). Собранный в 2018 г. информация по кадровому составу региональных правительств, включавшему заместителей губернаторов, министров, заместителей министров, руководителей департаментов, комитетов, управлений, в выборке из 260 человек обнаружила только двух представителей армянских общин (табл. 16). Анализируя столь низкий уровень присутствия, мы указывали, что данное положение может быть временным явлением. И оно должно измениться (если не в ближайшие годы, то в среднесрочной перспективе), когда на высшие этажи региональных структур исполнительной власти начнут выходить достаточно многочисленные представители региональных общин, начавшие профессиональную карьеру в органах исполнительной власти в последние 10–15 лет и в настоящее время все еще занимающие в своих подразделениях нижние и средние должностные уровни (Суций, 2018).

Однако выборка 2022–2023 г. (около 850 человек) по-прежнему фиксирует минимальную представленность армян в высшем эшелоне исполнительной власти регионов ЮР. Не исключено, что между двумя выборками прошло слишком мало времени для того, чтобы положение в анализируемой сфере ощутимо изменилось.

Таблица 16

**Представленность армян в региональных правительствах
(заместители губернатора, министры, заместители министров, руководители департаментов)**

Регион	2018 г.				2022–2023 гг.			
	армяне, чел.	всего, чел.	доля армян, %	УП армян	армяне, чел.	всего, чел.	доля армян, %	УП армян
Ростовская область	1	57	1,75	0,68	5	340*	1,47	0,58
Краснодарский край	–	39	–	–	–	52	–	–
Волгоградская область	–	66	–	–	–	36	–	–
Астраханская область	1	43	2,32	4,0	–	22	–	–
Ставропольский край	–	56	–	–	1	129	0,78	0,14
Адыгея					5	272	1,87	0,52

Примечания: рассчитано по материалам официальных сайтов правительств регионов Юга России; *помимо высшего звена исполнительной власти выборка включает сотрудников различных структурных подразделений правительства области.

Можно только утверждать, что динамика присутствия армян в органах власти ЮР, скорее всего, даже демонстрируя поступательный рост, будет иметь серьезную региональную специфику. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить представленность армян в списках резерва управленческих кадров Ростовской области и Краснодарского края.

На Дону список потенциальных высокопоставленных региональных управленцев включал 294 человек, из которых 12 (4,1%) представляли армянскую общину. В Краснодарском крае общий список государственных гражданских служащих, включенных в кадровый управленческий резерв региона, был в несколько раз больше (почти 1,55 тыс. человек), но удельная представленность армян в немкратно уступала показателю донских армян (табл. 17).

Таблица 17

**Представленность армян в кадровом резерве властных органов
Ростовской области и Краснодарского края**

Регион	Армяне, чел.	Всего, чел.	Доля армян, %	УП армян
Ростовская область, всего	12	294	4,08	1,6
В том числе:				
высший уровень («Губернаторская сотня»)	5	100	5,0	1,96
базовый уровень	4	113	3,53	1,39
перспективный уровень	3	81	3,7	1,45
Краснодарский край	26	1547	1,68	0,49

Примечание: Рассчитано по: (Приказ о кадровом резерве...; Список лиц...).

Таким образом, в системе госуправления (как и в большинстве других статусных корпораций) донские армяне демонстрировали максимальный уровень ориентации на профессиональную карьеру, существенно превосходя в этом отношении показатели представителей двух других крупнейших общин ЮР – кубанской и ставропольской.

Причины данного явления требуют самостоятельного анализа. Но в качестве гипотезы, требующей дальнейшей аналитической проверки, можно предположить, что значимую роль играла не столько сама историческая длительность развития южнороссийских региональных и субрегиональных групп армянского населения (исто-

рия многих территориальных средоточий армян степного Предкавказья почти не уступала продолжительности функционирования донской колонии), сколько степень интеграции в социально-экономическую, но, что еще важнее, – в социокультурную жизнь своего регионального социума. А здесь серьезное значение мог играть расселенческий фактор.

Ведущее средоточие донских армян – Нахичевань – уже с конца XIX в. фактически являлась городом-спутником Ростова, а со второй четверти XX в. окончательно вошла в его административные границы. Таким образом, нахичеванцы уже в последние десятилетия имперского периода все более активно включались в экономическую и социокультурную жизнь ведущего донского центра. В советский период их разнообразное присутствие в сфере управления, образования, науки и культуры донской столицы (отчасти и всего региона) только укрепилось, к настоящему времени оформившись в самостоятельную традицию.

На Кубани и в Ставрополье субрегионы, концентрировавшие основную часть представителей армянских общин (соответственно Причерноморье и район Кавминвод), располагались на удалении от региональных столиц. При этом ярко выраженная туристическо-рекреационная (и шире – сервисная) специализация данных территорий открывала перед местным армянским населением широкие возможности трудовой деятельности в традиционных для них сферах занятости. Тем самым существенно ограничивалось число желающих самореализовываться в других сферах, включая статусные сообщества, вхождение в которые в любом случае требовало от кандидатов значительных целенаправленных усилий (получение хорошего образования, длительное карьерное продвижение, необходимость усвоения и последующего следования определенным корпоративным правилам и т.п.).

Присутствие армян в элитных иерархиях Адыгеи в значительной степени определялось республиканским статусом региона. Отчетливо с 1970–1980-х гг., но в максимальной степени уже в постсоветский период данный статус на Северном Кавказе (впрочем, как и в большинстве других национальных макрорегионов РФ) был связан с безусловным доминированием представителей титульных сообществ во всех значимых профессиональных сообществах. Адыгея не была исключением, что и подтвердило проведенное исследование. Уровень представленности в таких сообществах у нетитульного большинства республики, включая армян, в разы уступал показателю адыгейцев/черкесов.

В двух нижнеповолжских областях в силу незначительного абсолютного числа и удельного веса армян в населении их присутствие в большинстве статусных региональных профессиональных сообществ было весьма ограниченным. Но при этом оно часто оказывалось более весомым, чем их демографические показатели (т.е. УП общин в данных сферах был выше единицы). Это было связано с преимущественно столичной формой расселения местных общин. В начале 2010-х гг. более 70% армян Астраханской области и 54% Волгоградской проживало в административных центрах. Данное обстоятельство в сочетании с комплексной интеграцией общин в жизнедеятельность столичных социумов способствовало постепенному росту присутствия армян в статусных профессиональных группах своих регионов.

Выводы

Исследование обнаружило достаточно заметные различия в социофессиональных ориентациях представителей армянских общин ЮР. Что, однако, не противоречит общему выводу о постепенном расширении присутствия армян в большинстве статусных сообществ южнороссийских регионов (прежде всего, в сфере медици-

ны и высшей школе, в целом ряде сегментов правоохранительной и судебной систем, в структурах законодательной власти).

Результаты позволяют говорить об увеличении интегрального социокультурного потенциала армянского населения ЮР в первой четверти XXI в. и констатировать успешность процесса комплексной интеграции общин в основные сферы жизни своих регионов. Причем дальнейший рост УП общин во многих региональных статусных сообществах пролонгирован масштабом пополнения последних армянской молодежью на протяжении 2010-х – начала 2020-х гг.

Литература

Армянская община на Дону: интеграция и сохранение этнокультурной идентичности / Л.В. Батиев, А.В. Бедрик, Н.К. Бинева [и др.]. – Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2022. – 224 с. – ISBN 978-5-9275-4324-3. – EDN IZGVTH.

Армяне юга России: история, культура, общее будущее: материалы II Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 26–28 мая 2015 года. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2015. – 304 с. – ISBN 978-5-4358-0106-4. – EDN TUZRIP.

Атлас демографической динамики, гражданской идентичности и межэтнических отношений в Ростовской области / Г.С. Денисова, М.А. Герман, В.И. Денисов, С.Я. Суций. – Ростов-на-Дону: Фонд науки и образования, 2018. – 188 с. – ISBN 978-5-907125-07-0. – EDN YLIXNJ.

Батиев, Л.В. Армянская община Дона в конце XVIII – начале XXI в.: от самоуправляемой колонии к этнокультурному меньшинству / Л.В. Батиев, С.Я. Суций // *Этнографическое обозрение*. – 2020. – № 3. – С. 71–88. – DOI 10.31857/S086954150010049-3. – EDN JNAQHP.

Суций, С.Я. Армяне России – геодемографические тенденции прошлого, современные реалии и перспективы / С.Я. Суций // *Демографическое обозрение*. – 2018а. – Т. 5, № 3. – С. 127–152. – EDN SIICNB.

Суций, С.Я. Армяне Юга России и Крыма: Геодемографический очерк / С.Я. Суций. – Ростов-на-Дону: Копи-центр, 2015. – 287 с. – ISBN 978-5-86216-135-9. – EDN VWMOTV.

Суций, С.Я. Представители народов Кавказа в статусных социопрофессиональных сообществах Юга России: тенденции постсоветского периода / С.Я. Суций // *Социологические исследования*. – 2017. – № 5. – С. 3–16. – EDN YQRHCD.

Суций, С.Я. Социопрофессиональные ориентации армян Ростовской области: тенденции постсоветского периода (на материалах ряда статусных профессиональных сообществ) / С.Я. Суций // *Армяне Юга России: история, культура, общее будущее: материалы III Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 30–31 мая 2018 года*. – Ростов-на-Дону: Южный научный центр РАН, 2018б. – С. 186–189. – EDN XQDMEN.

Тер-Саркисянц, А.Е. Армянская диаспора Юга России: положение и перспективы / А.Е. Тер-Саркисянц, В.Ц. Худавердян. – Москва: ENGEL, 1993. – 55 с.

Приказ о кадровом резерве Краснодарского края от 15 февраля 2023 года № 1/кр // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/406619120> (дата обращения 15.09.2023).

Список лиц, включенных в резерв управленческих кадров Ростовской области («Высший уровень») // Официальный портал Правительства Ростовской области. – URL: <https://www.donland.ru/activity/718/> (дата обращения 15.09.2023).

References

Armenians of Southern Russia: History, Culture, Common Future: Proceedings of the II International Scientific Conference, Rostov-on-Don, May 26–28, 2015. Rostov-na-Donu: Yuzhnyj nauchnyj centr RAN = Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2015. 304 p. ISBN 978-5-4358-0106-4. (In Russ.)

Batiev L.V., Bedrik A.V., Buneeva N.K. [et al.]. The Armenian community on the Don: integration and preservation of ethnocultural identity. Rostov-na-Donu; Taganrog: Izd-vo YuFU = Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing house of SFedU; 2022. 224 p. ISBN b 978-5-9275-4324-3. (In Russ.)

Batiev L.V., Sushchiy S.Ya. The Armenian community of the Don at the end of the XVIII – beginning of the XXI century: from a self-governing colony to an ethnocultural minority. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic review*. 2020; 3: 71–88. DOI 10.31857/S086954150010049-3. (In Russ.)

Denisova G.S., German M.A., Denisov V.I., Sushchiy S.Ya. Atlas of demographic dynamics, civic identity and interethnic relations in the Rostov region. Rostov-na-Donu: Fond nauki i obrazovaniya = Rostov-on-Don: Science and Education Foundation; 2018. 188 p. ISBN 978-5-907125-07-0. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. Armenians of Russia – geodemographic trends of the past, modern realities and prospects. *Demograficheskoe obozrenie = Demographic Review*. 2018(a); 5(3): 127–152. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. Armenians of the South of Russia and Crimea: A geodemographic essay. Rostov-na-Donu: Kopicentr = Rostov-on-Don: Copy Center; 2015. 287 p. ISBN 978-5-86216-135-9. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. Representatives of the peoples of the Caucasus in the status socio-professional communities of the South of Russia: trends of the post-Soviet period. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological research*. 2017; 5: 3–16. (In Russ.)

Sushchiy S.Ya. Socio-professional orientations of Armenians of the Rostov region: trends of the post-Soviet period (based on materials from a number of status professional communities). *Armenyane Yuga Rossii: istoriya, kul'tura, obshchee budushchee: materialy III Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Rostov-na-Donu, 30–31 maya 2018 goda*. – Rostov-na-Donu: Yuzhnyj nauchnyj centr RAN = *Armenians of the South of Russia: history, culture, common future: materials of the III International Scientific Conference, Rostov-on-Don, May 30–31, 2018*. – Rostov-on-Don: Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2018(b): 186–189. (In Russ.)

Ter-Sarkisyants A.E., Khudaverdyan V.C. The Armenian diaspora in the South of Russia: positions and prospects. Moskva: ENGEL = Moscow: ENGEL; 1993. 55 p. (In Russ.)

The list of persons included in the reserve of managerial personnel of the Rostov region (“The highest level”). Oficial’nyj portal Pravitel’sstva Rostovskoj oblasti = The official portal of the Government of the Rostov region. Available at: <https://www.donland.ru/activity/718/> (date of application: 15.09.2023). (In Russ.)

The order on the personnel reserve of the Krasnodar Territory dated February 15, 2023 No. 1/kr. Elektronnyj fond pravovyh i normativno-tekhnicheskikh dokumentov = Electronic Fund of legal and regulatory documents. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/406619120> (date of application: 15.09.2023). (In Russ.)

Дата получения рукописи: 16.10.2023

Дата окончания рецензирования: 19.11.2023

Дата принятия к публикации: 29.11.2023

Информация об авторе

Суций Сергей Яковлевич – доктор философских наук, главный научный сотрудник, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, г. Ростов-на-Дону, Россия, e-mail: SS7707@mail.ru.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

Information about the author

Suschiy Sergey Yakovlevich – doctor of Philosophy, Chief Scientific Officer, Federal Research Center Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russia, e-mail: SS7707@mail.ru.

The author declares that there is no conflict of interest

Информация для авторов

В журнал принимаются для публикации статьи, посвященные актуальным проблемам социологической науки в области теории, методологии и истории социологии; результатам социологических исследований в экономической, политической и социокультурной сферах жизнедеятельности как российского общества, так и других государств современного мира.

Требования к оформлению соответствуют стандартам научных журналов международного уровня. Это будет способствовать ускорению включения журнала в Перечень ВАК, а в дальнейшем – в ERIH PLUS, SCOPUS и другие международные базы данных.

Основные разделы журнала: *методология и методы социологических исследований, этносоциология, социология культуры, социология семьи, социология образования, социология религии, социология управления, социология молодежи, экономическая социология, демография и миграции, социология здоровья и медицины, социология международных отношений, региональная социология (кавказоведение).*

В журнале «Caucasian Science Bridge» не взимается плата за публикацию статьи.

Перед подачей статьи в журнал, пожалуйста, прочитайте политики журнала, в частности:

- публикационная этика
- процесс рецензирования
- обязанности и ответственность авторов

Требования к публикациям для авторов журнала «Caucasian Science Bridge» (редакция от 25.11.2021)

В редакцию должны быть присланы следующие **авторские сведения** (отдельным файлом):

Информация об авторе на русском языке

Фамилия, имя, отчество автора (полностью),
 Научная степень, звание, должность,
 E-mail:
 Контактный мобильный телефон (для ответственного автора),
 Почтовый адрес с индексом (для получателя номера журнала – автора, заключающего договор на оплату публикации, с указанием ФИО получателя),
 Номер идентификатора ORCID,
 Идентификаторы (при наличии) Web of Science ResearcherID, Scopus Author ID, SPIN-код РИНЦ.

Если у Вас нет ORCID ID, *скачайте подробную инструкцию по регистрации в Реестре ORCID.*

Место работы (учебы) (полное официальное название университета на русском и английском языках, в соответствии с Уставом учебного заведения – обычно находится в разделе «Документы» Сведений об образовательной организации сайта учебного заведения);
 Адрес работы (учебы) (с почтовым индексом, указанием города, страны);
 Рабочий телефон (с кодом города);

Информация об авторе на английском языке

Полное имя, инициал отчества, фамилия на английском языке,
(Anna V. Ivanova) Рекомендуется воспользоваться системой транслитерации на сайте <http://translit.ru>, при этом необходимо выбрать вариант стандарта BGN.

Научная степень, звание, должность,

E-mail:

Тел.:

Аффилиация на английском языке

Не следует писать приставки, определяющие статус организации или аббревиатуру этой части названия (FGBNU, FGBOU VPO).

Языки публикаций: русский, английский.

Рекомендуемый **объем статьи** – от 10 до 20 страниц, включая список цитированной литературы. Максимальный объем статьи – 1 а.л. (40 тыс. знаков с пробелами).

Текст статьи должны быть набран в формате Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25, поля сверху, снизу, слева, справа – 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Знаки принудительного переноса, а также дополнительные пробелы в тексте статьи не допускаются.

Все статьи подвергаются проверке в системе Антиплагиат, на правильность оформления аннотации, ключевых слов, списка литературы и ссылок в тексте статьи. Рецензирование статей происходит по двойному «слепому» принципу.

Рекомендуемый уровень **оригинальности текста статьи** – 80 %.

Недопустимо:

- *Дословное копирование текста* другого автора без указания его авторства, без ссылки на источник и использования кавычек.
- *Некорректное перефразирование* произведения другого автора, при котором изменяется более одного предложения в рамках одного параграфа или раздела текста либо предложения располагаются в ином порядке без соответствующей ссылки на источник.
- *Использование графических элементов произведения другого автора* без указания авторства (рисунка, таблицы и т.п.) и ссылки на источник. Авторы должны получить разрешение владельца авторских прав на использование элементов его произведения.
- *Самоплагиат*. Если фрагменты рукописи ранее были опубликованы в другой статье, авторы обязаны сослаться на более раннюю работу, указать, в чем существенное отличие новой работы от предыдущей, и вместе с тем выявить ее связь с результатами исследований и выводами, представленными в предыдущей работе.
- *Самоцитирование*. В списке использованной литературы не должно быть более 20% работ авторов рукописи.

Перевод материалов статьи (для русскоязычных статей)

Перевод и редактирование английской части русскоязычной статьи (*название статьи, аннотация, ключевые слова, литература*) осуществляется самим автором (авторами).

В случае использования особой терминологии возможно предоставление ее авторского перевода в редакцию для учета переводчиком в работе над статьей (присылается отдельным файлом).

Обратите внимание: ФИО авторов транслитерируется редактором английской части в системе BSI (транслитерация осуществляется с помощью открытого ресурса <http://translit.net/>). Если данные автора уже учтены иначе в международных наукометрических базах данных, в редакцию присылается необходимый вариант написания (отмечается в файле авторских сведений).

Статье должен быть присвоен **номер УДК**. Для этого удобно воспользоваться следующим открытым ресурсом: <http://teacode.com/online/udc/>

Заглавие статьи должно отражать суть описываемого в ней исследования и включать в себя примерно от 5 до 10–12 слов. Использование аббревиатур нежелательно.

Аннотация

Объем аннотации должен составлять 200–250 слов.

Обращаем Ваше внимание: аннотация является источником информации о всем содержании статьи, последовательно и конкретно изложенных в ней результатах исследования.

Аннотация должна быть структурирована в соответствии с разделами статьи (см. пример оформления).

Аннотация не должна содержать скопированные фрагменты статьи, ссылки на источники, а также аббревиатуры и сокращения (если они не раскрываются в ней), должна быть информативной (не включать общие слова и фразы, не имеющие отношения к содержанию статьи).

В аннотации обязательно отражается новизна исследования, оригинальность авторского замысла.

Ключевые слова

Ключевых фраз в разделе «Ключевые слова» должно быть 5-10, внутри каждой фразы количество слов не должно превышать 2.

Использование кавычек, запятых внутри ключевых фраз, аббревиатур – не допускается.

Все ключевые слова должны обязательно присутствовать в тексте статьи в качестве обобщающих основное содержание материала.

Ключевые слова разделяются точкой с запятой.

Текст статьи

Статья должна быть структурирована разделами, соответствующими логике изложения текста, в соответствии с форматом IMRaD: например, для материала эмпирического характера целесообразным будет разделение на следующие части: «Введение», «Методы», «Результаты», «Обсуждение результатов». Заключение статьи не обязательно включать в раздел «Обсуждение результатов», его можно вынести в отдельный раздел.

В публикациях обзорного характера раздел «Методы» может быть заменен на «Методология исследования» или «Теоретическое обоснование». В основные разделы статьи возможно включение подразделов, в этом случае их наименование следует выделять полужирным курсивом.

Результаты описываемого в статье исследования **желательно представлять** в том числе с помощью **таблиц и рисунков (схем, диаграмм, фотографий и т.д.)**.

Таблицы оформляются по стилю APA (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA)

В основной «шапке» таблицы пишется ее номер «Таблица 1» и ниже – название курсивом. В зависимости от содержания, под «шапкой» может также располагаться строка заголовка. В основной части таблицы, как правило, границы отсутствуют. Подзаголовки, заглавия колонок выделяются подчеркиванием. Если к контенту таблицы необходимо добавить примечание, его располагают в нижней части, под основной.

Обратите внимание на отсутствие внутренних границ строк и колонок в образце построения таблиц. В ссылках на таблицы в тексте рукописи приводится сокращение.

Главное **требование к подписям рисунков** – как можно более подробное отражение сути приводимой в статье иллюстрации. Под изображением располагается строка с указанием номера рисунка курсивом – Рисунок 1. Далее следует название. Условные обозначения, поясняющие символы рисунка, помещают на строку ниже и выделяют курсивом. Если изображение воспроизводится из другого источника, в конце подписи к рисунку включается ссылка на этот источник.

Авторы несут ответственность за качество графических материалов в рукописи. Все диаграммы должны быть представлены в файле Word в редактируемом виде. Иные иллюстрации должны быть помещены в текст статьи, а также отправлены отдельными файлами в формате jpg. Текстовая составляющая рисунков обязательно присылается в отдельном файле Word. Иллюстрации должны быть высокого качества (без размытия, обрезанных деталей и иных искажений). В отдельных случаях технический редактор может запросить у авторов иллюстрацию, перерисованную в векторной графике, в программах CorelDRAW или Adobe Illustrator. Рисунки, не соответствующие высокому качеству, не могут быть опубликованы в журнале.

Цитирование

При цитировании использовать стандарт APA (APA Style): ссылки на источники ставятся в круглых скобках по методу «автор, дата» – например, (Иванов, 2015; Smith, 2019). (см. Методические рекомендации по подготовке рукописи в соответствии со стандартом APA).

Если в тексте используется цитата, она заключается в кавычки, и в ссылке на источник указываются цитируемые страницы, например (Иванов, 2015, с. 74–75) или (Smith, 2019, pp. 7–8).

1. Если имя автора используется в тексте, то в скобках можно поместить только год публикации

По мнению Иванова (2019), ... Как писал Иванов (2019), «...» (с. 7–8).

2. Если авторов два

Иванов и Петров (2019) или при цитировании иностранного источника – (Smith & Jones, 2019), т. е. добавляется амперсанд либо and. Если цитируются две работы и первые авторы обеих работ имеют одинаковые фамилии, то включаются инициалы первых авторов во все внутритекстовые цитаты. Например, (И. М. Михайлов, 2019; А. П. Михайлов, 2015).

3. Если авторов от трех до пяти

Перечисляются фамилии всех авторов при обращении к источнику впервые. В последующие разы упоминается фамилия только первого автора, затем ставится «et al.» и год публикации: Smith et al. (2017) or (Smith et al., 2017) Иванов и др., 2019 или (Иванов и др., 2019)

4. Авторы шесть и более

Упоминается только фамилия первого автора, затем ставится “et al.” (или «и др.») и год публикации, как в предыдущем примере.

5. Несколько работ одного автора с одним и тем же годом публикации

После года добавляются буквы а, б, в (a, b, c). Последовательность этих букв определяется порядком в библиографии, а список литературы располагается в алфавитном порядке: (Иванов и Петров, 2018б) (Smith & Jones, 2019b)

6. Неидентичные группы авторов с одним и тем же первым автором и одним и тем же годом публикации

Ссылка оформляется фамилией первого автора и столько последующих авторов, сколько нужно для установления разницы в ссылках: Иванов, Петров, Сидоров и др. (2010) и Иванов, Петров, Николаев и др. (2010) Smith, Jones, Watson, et al. (2001) and Smith, Jones, Stein, et al. (2001)

7. Если в качестве автора выступает организация (групповое авторство).

Название организации можно писать полностью каждый раз либо написать полностью один раз, а в дальнейшем использовать аббревиатуру. Общее правило следующее: во внутритекстовом цитировании должно быть достаточно информации, чтобы найти этот источник в библиографии. Аббревиатура (если это требуется) упоминается впервые с полным названием организации. После этого можно использовать аббревиатуру без полного названия организации. Российское психологическое общество (РПО, 2018) или (Российское психологическое общество [РПО], 2018) American Psychological Association (APA, 2010) or (American Psychological Association [APA], 2010)

8. Когда цитируется целый сайт, достаточно дать ссылку на сайт в тексте: Российское психологическое общество (<http://рпо.рф/>).

Размещение ссылок на несколько источников в одной ссылке

Если необходимо включить в одну ссылку несколько, их размещают в том же порядке, что и в списке литературы (а библиография выстраивается по алфавитному принципу). В качестве исключения можно отделить главную ссылку от других с помощью фразы «см. также», или «see also».

Дата источника неизвестна

Если дата неизвестна, вставляйте в скобки «н. д.» («n.d.»). Классические или религиозные источники цитируются только внутритекстово:

От Матфея 17:20 (Евангелие от Матфея)

1 Cor. 13:1 (King James Version)

Все используемые в тексте источники должны быть доступными для нахождения.

Нежелательно ссылаться на популярные, образовательные и локальные источники: газеты, неопубликованную литературу, учебные пособия, учебники, короткие тезисы докладов конференций. Не рекомендуются ссылки на авторефераты диссертаций (при необходимости лучше сослаться на саму диссертацию, и вернее – на источники, использованные в этой диссертации). Также не рекомендовано использование вторичных ссылок (например, при заимствовании для цитирования ссылок из других источников).

Список литературы

Цитированная в статье литература со всеми необходимыми элементами библиографического описания конкретного источника (автор, название, место, издательство, год издания,

интервал страниц журнальной статьи или книжной главы, том и номер (для журнального источника), URL электронного источника, дата обращения, doi) приводится в виде нумерованного списка в алфавитном порядке в конце статьи – в соответствии с стандартом APA.

В список литературы включаются только источники, использованные при подготовке статьи. **На все источники в тексте должны быть даны ссылки.**

Обратите внимание: при наличии у используемого источника идентификатора doi его указание в списке литературы является обязательным.

Авторам рекомендуется использовать минимум 20 источников литературы. При подготовке статьи желательно обращаться также к иностранной литературе. Хорошо, если ее доля в списке литературы составляет минимум 20%. Количество авторских источников (при самоцитировании) не должно превышать 20% от общего числа пунктов литературы.

Желательно использовать «новую» литературу (не старше 5 лет) – это позволит читателям оценить новизну описываемого в статье исследования. Исключение составляют статьи по истории науки, с применением в исследованиях архивных материалов, а также с использованием необходимых источников без переизданий. Произвольное сокращение названий в источниках не допускается.

В конце статьи приводятся два библиографических списка (ЛИТЕРАТУРА и REFERENCES):

ЛИТЕРАТУРА – с оригинальным написанием источников (например, на русском или английском языках).

В списке литературы источники располагаются по алфавиту, источники на иностранных языках располагаются после литературы на русском языке, далее – электронные ресурсы.

REFERENCES – список литературы на английском языке располагается по алфавиту, далее – электронные ресурсы.

ОБЩИЕ ПРАВИЛА ФОРМИРОВАНИЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Источники в списке литературы размещаются в алфавитном порядке. Источники с одинаковыми авторами располагаются по году публикации, начиная с самого раннего. Если один и тот же автор включен и как единственный, и вместе с соавторами, сначала следует разместить те работы, в которых он заявлен как единственный автор.

При совпадении первых авторов нескольких публикаций, их размещают в зависимости от фамилии второго автора; если совпадают и они, – то третьего и т. д. Публикации одних и тех же авторов в один и тот же год располагаются в зависимости от названия, при этом после года добавляется буква (а, б, в / а, b, c). Если в качестве автора выступает организация, ее название пишется полностью – сначала название более крупного подразделения (напр., University of Michigan, Department of Psychology). Если авторы в источнике отсутствуют, его название передвигается на то место, где должен был быть автор. Если работа подписана как анонимная, она размещается в списке с указанием слова Аноним или (Anonymous).

Запись имени автора

В начале библиографического описания источника идет фамилия автора, а потом его инициалы. Фамилии отделяются от имен запятой и пробелом, между инициалами также ставится пробел. Если имя автора разделено дефисом, дефис сохраняется, при этом после каждого инициала ставится точка:

Один автор

Author, A. A. (Year). Title of article: And subtitle. Journal Title, volume(issue), pages. doi:

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

Jackson, J. W. (2002). Intergroup attitudes as a function of different dimensions of group identification and perceived intergroup conflict. *Self and Identity*, 1(1), 11–33. doi: 10.1080/152988602317232777

Два автора и более

Немцева, О. В., Михайлов, И. В., Гузенина, С. В. (2020) Научное измерение культурной дистанции и культурных границ в практике международных отношений. *Caucasian Science Bridge*, 4 (10), 36–47.

Указание тома и номера

Если в течение года в журнале указывается сквозная нумерация страниц, то в таком случае номер выпуска в источнике можно не указывать, но также можно его и оставить. Информация о номере дается в скобках после тома, при этом том лучше выделить курсивом, например: 15(1). Несколько томов или номеров разделяются тире: 14(1–2).

Страницы статьи

Интервал страниц статьи указывается после тома и номера; отмечается также с помощью тире: 248–261.

Отсутствие тома и номера

При отсутствии тома и номера у источника следует указать в скобке вместе с годом публикации месяц(ы) публикации источника: Смирнов, А. Н. (2010, Январь–Февраль). Психология как наука. *Журнал по психологии*, 10–20.

Отсутствие конкретного автора

Если у цитируемой статьи отсутствует конкретный автор, источник будет оформляться следующим образом:

Editorial: “What is a disaster” and why does this question matter? [Editorial]. (2006). *Journal of Contingencies and Crisis Management*, 14, 1–2.

Редакция: Особенность научной психологической статьи [Редакция]. (2019). *Журнал по психологии*, 24(3), 15–25.

Организация в качестве автора

Если вместо конкретного автора в источнике указана организация, она без сокращений ставится на первое место в описании (подразделения описываются начиная с самого крупного):

American College of Surgeons, Committee on Trauma, Ad Hoc Subcommittee on Outcomes, Working Group. (2001). Practice management guidelines for emergency department thoracotomy. *Journal of the American College of Surgeons*, 193(3), 303–309.

Статья в электронном издании

Фамилия, И. О. (год). Название статьи. Название журнала, том(номер). Источник URL
Author, A. (Year). Title of article. Journal Title, volume(issue). Retrieved from URL

Clay, R. (2008, June). Science vs. ideology: Psychologists fight back about the misuse of research. *Monitor on Psychology*, 39(6). <http://www.apa.org/monitor/>

Пример оформления списка – ЛИТЕРАТУРА**КНИГИ**

Фамилия, И. О. (год). Название. Место: Издательство.

Author, A. A. (Year). Title. Place: Publisher.

Маршак, А.Л. (2007). Социология культурно-духовной сферы. М.: Издательство гуманитарной литературы, 424.

СТАТЬИ

Герасимов, Г.И. (2005). Образование – потенциал социокультурной трансформации российского общества. *Социально-гуманитарные знания*, 4, 84–96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

APA Style (2011). Режим доступа: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ И АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Doctoral dissertation). Retrieved from/Available from Name of database. (Accession or Order number).

Author, A. A. (Year). Title of doctoral dissertation (Unpublished doctoral dissertation). Name of Institution, Location.

Фамилия, И. О. (год). Название кандидатской диссертации (кандидатская диссертация). Университет/Институт, Место.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (автореферат докторской диссертации). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

Лубский, Р. А. (2015). Российская государственность как социальная реальность: методология многомерного исследования, типы, специфика развития: (докторская диссертация). Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону.

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Беляева, Л. А. (2005). Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс. В М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова (ред.) *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. М.: Наука.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Скорынин, С.Л. (2008). К проблеме маргинальности и культуры в современной России. *Социологический диагноз культуры российского общества второй половины XIX – начала XXI в.: материалы всероссийской научной конференции*. СПб.: Интерсоцис.

ПЕРЕВОДНОЙ ИСТОЧНИК

В случае цитирования переводного источника после его названия в скобках записывается имя переводчика и указание на перевод:

Миллер, А. (2010). *Воспитание, насилие и покаяние* (К. Кузьмина, пер. с нем.). М.: Независимая фирма «Класс».

Luzikov, V. N. (1985). *Mitochondrial biogenesis and breakdown* (A. V. Galkin, Trans.). New York, NY: Consultants Bureau.

ИСТОЧНИКИ ИЗ АРХИВОВ И РЕПОЗИТОРИЕВ

Архивные источники включают в себя письма, материалы интервью, неопубликованные рукописи, внутренние организационные и корпоративные документы, также фотографии, которые находятся в личном владении, являются частью коллекции или хранятся в архиве или репозитории. Личные материалы (например, переписка) указываются только с разрешения владельца. В квадратные скобки включается информация, не указанная в документе, сокращения «ок.» или, в источниках на латинице, «са.» (от *circa* – около, приблизительно) используются для обозначения предполагаемых дат.

Общий образец оформления архивных источников

Фамилия, И. О. (год, число месяц). Название материала [Описание материала]. Наименование коллекции (номер телефона, почта и т. д.). Название и место расположения репозитория.

Author, A. A. (Year, Month Day). Title of material [Description of material]. Name of collection (Call number, Box number, File name/number, etc.). Name and location of repository.

ОФОРМЛЕНИЕ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В REFERENCES

Оформление списка литературы на иностранном языке существенно отличается от принятых требований ГОСТ к оформлению русскоязычных источников, поэтому авторам рекомендовано самым внимательным образом ознакомиться с данным разделом, чтобы свести к минимуму возможные неточности и тем самым повысить шансы на успешную публикацию своей работы и ее дальнейшее международное признание. Следует понимать, что работа с оформлением списка литературы является отдельным важным элементом подготовки материалов к публикации.

Все References (список литературы на иностранном языке) оформляются в алфавитном порядке. Требования к оформлению References основаны на **APA Style** – широко распространенной в мировых общественных науках форме оформления академических работ, разработанной Американской ассоциацией психологов. Подробную информацию по составлению библиографических ссылок и цитированию на английском языке в APA formatting and style guide можно найти по адресу: <https://owl.english.purdue.edu/owl/resource/560/01/>

Ниже приведены примеры оформления иноязычных источников, перевода русскоязычных источников на английский язык в соответствии с требованиями международных баз цитирования и рекомендациями авторам для составления References.

Список литературы в романском алфавите (латинице) должен публиковаться в таком качестве, чтобы эти ссылки могли быть учтены международными базами научной индексации.

Правильное описание используемых источников в списках литературы является залогом того, что цитируемая публикация будет использована при оценке научной деятельности ее авторов. При переводе русскоязычных ссылок в APA-формат автор должен учитывать, что ссылки на латинице предназначены для иноязычного читателя и должны быть ему максимально **понятны**.

Пример оформления списка – REFERENCES:

КНИГИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. Место издания: Издательство.

Marshak, A.L. (2007). *Sociology of cultural and spiritual sphere*. Moscow: Gumanitarnaya literatura Publ.

СТАТЬИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. *Перевод названия журнала*, номер выпуска, страницы.

Gerasimov, G.I. (2005) Education – the potential of sociocultural transformation of Russian society. *Social and humanitarian knowledge*, 4, 84-96.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Заглавие. (Год издания, если есть). Available at: URL.

APA Style (2011). Available at: <http://www.apastyle.org/apa-style-help.aspx>

ДИССЕРТАЦИЯ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. (Doctoral Dissertation, университет, город)

Lubsky, R. A. (2015). *Russian statehood as a social reality: the methodology of multivariate research, types, the specifics of development*. (Doctoral Dissertation, Southern Federal University, Rostov-on-Don).

ИЗДАНИЕ ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In редакторы (Eds.). Место издания: Издательство транслитерация.

Belyaeva, L.A. (2005). *Russia – New Social Reality. Rich. Poor. Middle class*. In M.K. Gorshkov & N.E. Tikhonova (Eds.). Moscow: Nauka.

СТАТЬЯ В СБОРНИКЕ ТРУДОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Автор (Год издания). *Перевод заглавия*. In Название конференции перевод: *Proceedings of the Scientific Conference*. Место издания: Издательство.

Skorynin, S.L. (2008). *To the problem of marginality and culture in modern Russia*. In *Sociological diagnosis of the culture of Russian society in the second half of the XIX – beginning of the XXI century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. SPb.: Intersotsis.

Пример оформления элементов статьи

УДК

Название статьи

Иван И. Иванов^{1*}, Петр П. Петров²

1 Университет, город, страна

2 Институт, город, страна

* E-mail:

Введение. Авторами доказывается актуальность... Новизна исследования заключается в...

Методы. Используются такие методы, как...

Результаты исследования и их обсуждение. Были получены следующие результаты:... Авторы рассматривают... В заключение делается вывод...

Ключевые слова

Введение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Методы

ТЕКСТ СТАТЬИ

Результаты исследования и их обсуждение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Заключение

ТЕКСТ СТАТЬИ

Литература

Конфликт интересов

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о наличии или отсутствии конфликта интересов.

Авторский вклад

Вместе со статьей в редакцию необходимо отправить заполненный бланк о вкладе авторов в создание рукописи.

Все статьи рецензируются. Главный редактор или заместитель главного редактора журнала совместно с ответственным секретарём определяют соответствие статьи профилю журнала, и направляет ее на рецензирование специалисту, имеющему соответствующую, по отношению к теме статьи, научную специализацию. Рецензирование статей осуществляется по двойному слепому принципу: «автору не известен рецензент, рецензенту не известен автор».

Рецензирование осуществляется учеными из состава редакционного совета и редакционной коллегии журнала, а также независимыми рецензентами.

В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

1. Соответствие содержания статьи названию журнала.
2. Соответствие содержания статьи сформулированной теме, поставленной цели, задачам.
3. Научная актуальность статьи.
4. Научный уровень публикации: корректность использованных методик, понятийный аппарат.
5. Аргументированность статьи.

6. Использование фактических данных (в контексте российских и зарубежных исследований).
7. Оригинальность решения проблемы, научная новизна.
8. Практическая значимость: возможность использования данных статьи в административных структурах, в реальном секторе экономики, в образовательной деятельности и т. д.
9. Язык изложения (научность, доступность, логичность).
10. Использованные источники, их качественная и количественная характеристики. Наличие зарубежных источников.
11. Соответствие статьи требованиям, предъявляемым редакцией журнала к рукописям статей, направляемым для публикации.
12. Вывод о возможности опубликования данной статьи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

Автор должен быть уведомлен о получении статьи редакцией журнала в срок не позднее семи дней. Рецензирование статей осуществляется за период от 14 дней.

В случае отклонения статьи редакция направляет автору мотивированный отказ. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается.

Текст рецензии с мотивированным отказом направляется автору по его письменному запросу, с подтверждением, с его стороны, принятия почтовых и организационных расходов на свой счет, по электронной почте, факсом или обычной почтой.

Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом журнала.

После принятия редсоветом решения о допуске статьи к публикации, администратор или ответственный сотрудник издательства информирует об этом автора и указывает предполагаемые сроки публикаций.

Оригиналы рецензий хранятся в архиве издательства в течение 5 (пяти) лет.